БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВО

Жанъ Гравъ

БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВО.

(La Société Future)

Переводъ съ 8-го французскаго изданія.

Изданіе
Союза Русскихъ Рабочихъ города Нуарка, Н. Дж.

Newark, N J., 1919

Посвящается всѣмъ неимущимъ современнаго общества, чтобы они могли сравнивать и размышлять.

Ж. Г

ГЛАВА I.

На слѣдующій день послѣ революціи.

Настоящій трудъ былъ уже раньше изданъ под названіемъ: **Общество на слѣдующій день послѣ революціи;** названіе это не отвѣчало въ точности проводимой мною мысли и поэтому, расширивъ объемъ моего труда, я измѣнилъ его названіе на болѣе соотвѣтствующее, излагаемымъ въ немъ воззрѣніямъ.

Дѣйствительно, когда идетъ рѣчь о революціи, такой, какъ мы ее понимаемъ, нельзя говорить о завтрашнемъ днѣ. «Завтра» существуетъ для политическихъ революцій, заканчивающихся в 3 дня, недѣлю, мѣсяцъ или год, но соціальная революція окончится только въ тотъ день, когда власть безслѣдно исчезнетъ съ земли, и тогда не понадобится больше вмѣшательство революціи для обезпеченія эволюціи, и послѣдняя будетъ совершаться свободно и безпрепятственно.

Пока настанетъ этотъ день, революція происходитъ ежеминутно, ежечасно, повсемѣстно...

Это безпрерывная борьба будущаго съ прошлымъ, движенія съ застоемъ, справедливости с неправдой.

Началомъ ея былъ первый независимый актъ личной инiціативы, и неизвѣстно, когда наступитъ ея конецъ...

Въ настоящій моментъ для нея «завтра» не существуетъ.

Съ другой стороны, заглавіе: **Общество на слѣдующій день послѣ революціи** какъ бы указывало на то, что въ ближайшемъ будущемъ долженъ наступить совершенный переворотъ въ современномъ строѣ, что на смѣну нынѣ существующаго внезапно появится новое, вполнѣ организованное общество.

Эволюціонисты упрекаютъ насъ, будто мы не считаемся съ естественными законами, согласно которымъ все на свѣтѣ прогрессируетъ постепенно и медленно. Поэтому, мы должны избѣгать всего, что могло бы дать поводъ къ недоразумѣ-

ніямъ, ибо отлично знаемъ, что общественный строй, къ которому стремимся, не появится вдругъ, как по мановенію магической палочки, а сформируется постепенно, отъ соединенныхъ усилій многихъ поколѣній, путемъ ли уступокъ, насильно исторгнутыхъ, господствующихъ классовъ, или одержанныхъ надъ ними побѣдъ, которыя дадутъ возможность устраиваться помимо ихъ согласія.

Политическія революціи довольствуются тѣмъ, что низвергаютъ людей, стоящихъ у власти; ограничиваются перемѣной названія правительственнаго механизма, оставляя его функціи, и поэтому такія революціи совершаются болѣе или менѣе быстро; исполнивъ свое назначеніе, достигнувъ цѣли, онѣ останавливаются въ своемъ движеніи.

Политическая революція оканчивается, въ моментъ, когда люди, которые ее совершили, или — что бываетъ чаще всего — побудили другихъ совершить, устранятъ представителей прежней власти, и вмѣстѣ со своими сторонниками займутъ ихъ мѣста: «Завтрашній день» такой революціи тотъ, въ которомъ эти люди празднуютъ побѣду, чувствуя, что власть въ ихъ рукахъ.

Соціальная революція не можетъ совершиться такъ быстро: политическія революціи суть только отдѣльные эпизоды ея, и ихъ удача, или неудача нисколько не вліяютъ на конечный результатъ.

Иногда пораженіе влечетъ за собою столь грандіозный и плодотворный подъемъ духа, какой врядъ ли могъ бы быть вызванъ побѣдой; примѣромъ можетъ служить вооруженное возстаніе коммунаровъ 71 года. Казалось, репрессіи, послѣ его подавленія, окончательно возстановятъ старый порядокъ вещей. Реакція ликовала, полагая, что пролетаріатъ обузданъ разъ на всегда и не сумѣетъ сбросить ярмо своихъ политическихъ и экономическихъ хозяевъ.

Между тѣмъ именно съ этого времени требованія рабочихъ приняли опредѣленную экономическую окраску; рабочіе поняли, что политическіе перевороты нисколько не вліяютъ на ихъ экономическое положеніе, что власть — только орудіе, а настоящій хозяинъ — капиталъ.

Соціальная революція есть плодъ эволюціи: послѣдняя при столкновеніи съ соціальными учрежденіями, задерживающими ея теченіе, превращается въ революцію.

Она подобна рѣкѣ, разлившейся во всю ширь по равнинѣ; незамѣтно движется она въ своем руслѣ, какъ бы засыпая и нѣжась подъ горячими лучами солнца; они освѣщаютъ ее и согрѣваютъ и отражаются въ ея гладкой поверхности, какъ въ огромномъ зеркалѣ.

Эволюція также медленно перерождаетъ умы, и медленно, постепенно, отъ поколѣнія къ поколѣнію, незамѣтно для отдѣльныхъ индивидуумовъ, переработываетъ и измѣняетъ нравы, стремленія и идеалы; но если при этомъ старыя учрежденія остались неподвижны, то конфликтъ неизбѣженъ.

Такъ и рѣка: по выходѣ изъ равнины, ея берега становятся высокими, крутыми, сдавливаютъ ее и принуждаютъ ея воды течь по узкому каналу; рѣка, походившая на гладкое, спокойное, почти неподвижное озеро, сразу перерождается: волны катятся быстро, съ шумомъ ударяясь о скалы, преграждающія русло, и подмывая сжимающіе ихъ берега; и рѣка, прежде спокойная и безобидная, превращается въ бурный потокъ, уничтожающій все на своемъ пути.

Этого-то не могли понять правительства, и вотъ почему, исполняя, впрочемъ, только свое назначеніе — всегда пытались поработить потокъ новыхъ идей и заставить его течь узкимъ каналомъ, промежъ плотинъ, безразсудно воздвигаемыхъ ими; и когда разъяренный потокъ, ставъ сильнѣе этихъ преградъ, размываетъ ихъ, разрушаетъ окопы, казавшіеся правительствамъ столь прочными, то до того велико ослѣпленіе этихъ безумцевъ, что они винятъ потокъ, не понимая, что катастрофа — неизбѣжный, роковой результатъ плотинъ, воздвигнутыхъ ими; что несчастьемъ они обязаны собственной неумѣлости; что въ немъ не виноватъ потокъ, который, если бы не они, несъ бы на своихъ волнахъ плодородіе, вмѣсто разрушенія.

Говоря о революціи, я подразумѣваю не только борьбу съ оружіемъ въ рукахъ; всякая борьба противъ существующей власти, противъ современной общественной организаціи, будь это борьба активная, или пассивная, прибѣгаетъ ли она къ физической силѣ, или моральной; стремится ли къ цѣли, вопреки существующимъ законамъ, но не навлекая на себя ихъ кары, или же путемъ открытаго нарушенія ихъ; разъ только эта борьба ведется во имя устраненія какой-либо несправедливости, какого-либо предразсудка, она уже этимъ самымъ содѣйствуетъ соціальной революціи, и каждый ея шагъ впередъ является успѣхомъ въ общемъ ходѣ революціи.

Когда добросовѣстно изучивъ нашъ соціальный строй, ученый критикъ провозглашаетъ, что неимущіе классы смогутъ выйти изъ своего положенія только посредствомъ насилія, что только насиліе освободитъ ихъ отъ экономическаго гнета, тяготѣющаго надъ ними, то выводъ такой нельзя назвать субъективнымъ и заподозрить ученаго, что онъ болѣе сторонникъ насильственныхъ мѣръ, чѣмъ мирныхъ. Ему хоро-

но извѣстно, что революцiи нельзя декретировать, ни импровизировать. Изъ своихъ наблюденiй онъ вывелъ истину, помимо своихъ личныхъ симпатiй, безразлично на чьей бы онѣ ни были сторонѣ: эксплуатирующихъ или эксплуатируемыхъ; онъ констатируетъ то, что ему кажется правдой и будущее покажетъ, ошибся ли онъ.

Въ наши дни немыслимо организовать революцiю; прошли тѣ времена, когда народъ воспламенялся рѣчами трибуновъ и по ихъ волѣ шелъ приступомъ противъ правительства; если такая сила слова и существовала когда-либо, то въ настоящее время она ничтожна.

Конечно, ораторы и писатели влiяютъ на умы; влiянiе это бываетъ большее или меньшее, непосредственное, продолжительное или скоро проходящее, въ зависимости отъ дара слова, силы убѣжденiя, образности рѣчи и интенсивности логики; но въ наше время критицизма оно всегда очень ограничено и имѣетъ только частичное значенiе; значенiе большое, сравнительно съ другими факторами, но въ общей совокупности дѣсйтвующихъ силъ и условiй времени и среды — довольно, въ сущности, ничтожное.

Въ наше время народнымъ вождемъ можно сдѣлаться лишь подъ условiемъ: не выдвигаться впередъ толпы; толпа слѣдуетъ только за тѣмъ, кто умѣетъ итти шагъ-въ-шагъ съ нею, и если въ исторiи иногда встрѣчаются народные вожди, увлекавшiе за собою толпу въ бой, можно съ увѣренностью сказать, что толпа раньше ихъ проникнулась сознанiемъ необходимости борьбы, и сама выдвинула ихъ изъ своихъ рядовъ.

Кто ищетъ истину, не заботится о томъ, слѣдуетъ ли за нимъ толпа. Если онъ одновременно съ этимъ пропагандируетъ, — а это дѣлаетъ всякiй, кто искренно увлеченъ идеей, — то онъ стремится сдѣлать эту истину доступной для толпы, и для того, чтобы толпа могла усвоить ее, облекаетъ ее въ возможно болѣе понятную и доступную форму; если ему удастся убѣдить ничтожное меньшинство, оторванное отъ толпы, — онъ можетъ поздравить себя съ успѣхомъ, но на этомъ и кончается непосредственное влiянiе пропагандиста; остальное довершаютъ время и событiя.

Мыслитель, убѣдившiйся въ необходимости революцiи, можетъ, конечно, многое сдѣлать въ смыслѣ распространенiя своихъ убѣжденiй въ народѣ; тѣмъ не менѣе, его труды не ускорятъ революцiю ни на одну секунду, и если бы — что совершенно немыслимо допустить — онъ достигъ того, что весь народъ созналъ бы необходимость ея, все-таки она про-

изойдетъ не раньше, чѣмъ когда обстоятельства сдѣлаютъ ее неизбѣжной.

Въ дѣлѣ революціи недостаточно быть готовымъ къ ней; необходимъ случай, и очень многіе, не думающіе когда-либо принимать участіе въ революціи, въ моментъ, когда она загорится, могутъ сдѣлаться ея самыми горячими защитниками.

Поэтому, когда правительство издаетъ репрессивные законы противъ соціологовъ, проповѣдующихъ на основаніи научныхъ данныхъ неизбѣжность революціи, оно походитъ на страуса, о которомъ разсказываютъ — навѣрно ошибочно, — что онъ въ опасности прячетъ голову подъ крыло, думая этимъ спастись. Можно запретить открыто констатировать фактъ, но это не помѣшаетъ всѣмъ, умѣющимъ думать, признавать его наличность, и никакіе запретительные законы не въ состояніи остановить хода событій.

Итакъ, между тѣми, которые жаждутъ освобожденія, и тѣми, кто стремится удержать власть навсегда въ своихъ рукахъ, война неизбѣжна. Она замедлится, или будет ускорена, въ зависимости от того, какія мѣры примутъ правительства, а также отъ степени энергіи и сознательности борцовъ за освобожденіе; но, такъ или иначе, борьба неизбѣжна.

Какъ я сказалъ уже выше, соціальная революція не можетъ совершиться въ нѣсколько дней; возможно, что она продлится всего нѣсколько лѣтъ, но возможно также, что будетъ дѣломъ нѣсколькихъ поколѣній; кто может знать это?

Революція есть рядъ мелкихъ стычекъ и большихъ сраженій съ правительствомъ и капиталомъ; въ этой войнѣ побѣды безпрерывно чередуются съ пораженіями; за наступленіем слдѣуетъ отступленіе, иногда столь поспѣшное, что можетъ казаться, что мы возвратились къ временамъ первобытнаго варварства.

Тѣмъ не менѣе, побѣжденный и задержанный въ одномъ мѣстѣ, прогрессъ въ другомъ продолжаетъ борьбу, и сторонники его, въ данный моментъ разбитые, сумѣютъ извлечь пользу изъ своего пораженія и лучше скомбинировать силы для цѣлаго ряда новыхъ сраженій.

За побѣдой слѣдуетъ пораженіе; сегодня разрушенъ одинъ изъ господствующихъ предразсудковъ, завтра реакція уничтожаетъ цѣлый отрядъ піонеровъ прогресса; вотъ падаетъ одно из учрежденій стараго режима, а вотъ репрессивные законы декретируютъ жестокія кары за преступленія противъ существующаго строя. Все это проявленія борьбы, это революція дѣлаетъ свое дѣло. И въ результатѣ власть предразсудковъ постепенно ослабнетъ, исчезнетъ довѣріе къ тяготящимъ надъ нами учрежденіямъ, и настанетъ день, ко-

гда они рухнутъ столько же подъ тяжестью собственныхъ прегрѣшеній, сколько отъ ударовъ наносимыхъ им противниками.

Во всякомъ случаѣ, борьба началась и окончится только тогда, когда человѣчество, стряхнувъ оковы, получит возможность эволюціонировать на свободѣ, безъ какихъ бы то ни было препятствій.

Длинный періодъ борьбы нуженъ, чтобы идея воплотилась въ фактъ, и отдѣльными моментами этого періода будутъ и вооруженныя возстанія и мирный прогрессъ; намъ и нашимъ потомкамъ придется переживать всѣ его фазисы, и сама революція замѣнитъ человѣчеству тотъ эволюціонный фазисъ, котораго требуютъ сторонники постепеннаго развитія.

Высказанные мною взгляды во многомъ не сходятся со взглядами тхѣъ, кто воображаетъ, что революцію можно сдѣлать, и что для реорганизаціи общества достаточно силы. Тѣ, кто такъ думаетъ, въ сущности только политиканы, и къ сказанному прежде можно прибавить только слѣдующее: даже если бы мы были абсолютными сторонниками самой полной свободы, сила можетъ намъ только помочь уничтожить то, что насъ связываетъ, но создать новый соціальный строй можетъ только свободная индивидуальная инициатива.

На это мнѣ возразятъ, что насиліе не можетъ и никогда не могло ничего создать, и все будетъ достигнуто только эволюціей и мирной борьбою.

Изъ тѣхъ, кто говоритъ это, многіе отлично знают, что борьба ради мирныхъ реформъ есть вздоръ, который на руку правительствамъ и капиталистамъ, и что послѣдніе перестанутъ быть эксплуататорами лишь тогда, когда у нихъ будутъ отняты средства быть ими; но и многіе искренни, ибо видятъ только одну сторону дѣла и не могутъ понять, что иногда бываетъ полезно, необходимо, даже неизбѣжно, чтобы эволюція временно перешла въ революцію съ тѣмъ, чтобы потомъ опять принять свое мирное теченіе.

Ясно, что сила одна не можетъ ничего создать; то, что держится силой, силой же можетъ быть свержено, и сама сила имѣетъ значеніе и можетъ держаться лишь постольку, поскольку рядомъ съ нею, поддерживая ее, имѣется нѣкоторое стремленіе, нѣкоторое настроеніе умовъ, благодаря которому навязанный намъ силою порядокъ считается нами неизбѣжной необходимостью.

Конечно, я говорю о такихъ политическихъ и экономическихъ явленіяхъ, когда меньшинство поработило массу, а не о завоеваніяхъ, гдѣ численность завоевателей, а слѣдовательно одна грубая сила явилась залогомъ побѣды и един-

ственной причиной господства; хотя и въ этихъ случаяхъ часто силѣ помогала низшая степень развитія покоренныхъ народовъ.

Даже во времена, когда абсолютно царствовала одна грубая сила, она не могла бы держаться, если бы предразсудки, суевѣріе, вѣра въ провидѣніе, не оказывали ей моральной поддержки, болѣе существенной, чѣмъ мечи и копья феодальныхъ бароновъ. Но поскольку власть нуждается въ силѣ, и ею поддерживается, постольку же сторонники свободы не должны, рискуя быть непослѣдовательными, мечтать объ осуществленіи своихъ идеаловъ при посредствѣ силы.

Если съ одной стороны нельзя силой создать порядокъ вещей, единственнымъ основаніемъ котораго должна быть свобода, то съ другой стороны невозможно долготерпѣніемъ и смиренностью заставить правящіе классы отказаться отъ своихъ привиллегій.

Не всякій способенъ подставить правую щеку, получивъ ударъ по лѣвой: это — дѣло характера и темперамента. Можетъ быть, въ одномъ отдѣльномъ случаѣ обидчика обезоружитъ покорность, зато въ массѣ другихъ случаевъ онъ воспользуется смиреніемъ жертвы, чтобы повторить ударъ.

Я не говорю уже о томъ, что такой актъ смиренія мыслимъ развѣ только, когда дѣло происходитъ между двумя индивидуумами, но становится совершенно невозможнымъ, когда тотъ, кто наноситъ ударъ, находится за сотни верстъ отъ того, кого онъ бьетъ, какъ это происходитъ при современной организаціи общества, гдѣ всякое насиліе отражается рикошетомъ.

Изъ дикихъ народовъ миролюбивые, принявшіе европейцевъ съ раскрытыми объятіями, въ очень скоромъ времени были ими обращены въ рабство, и исчезали съ лица земли; тѣ же, которые сопротивлялись, хотя и были порабощены, но не такъ скоро, и отъ того, что они сопротивлялись, судьба ихъ не стала хуже.

Сила управляетъ міромъ, и если разумъ насъ учитъ, что мы не должны злоупотреблять ею ради притѣсненія другихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учитъ, что ее мы можемъ противопоставить попыткамъ поработить насъ и ею же можемъ разрушить рабство, навязанное намъ въ періодъ нашего физическаго или интеллектуальнаго безсилія.

Съ самыхъ древнихъ временъ до Американской Междоусобной войны включительно невольники выбивались изъ своего рабскаго положенія только путемъ многократныхъ возстаній.

Христіанство, пройдя черезъ гоненія, утвердилось только

тогда, когда противопоставило силѣ силу, и въ свою очередь стало притѣснителемъ. Точно также реформація только съ оружіемъ въ рукахъ добилась признанія своей равноправности. А сколько войнъ пришлось вести крестьянству, прежде чѣмъ оно добилось своего современнаго положенія! Идея монархическаго единства восторжествовала только тогда, когда были разрушены рыцарскіе замки, а феодальные бароны были казнены. Въ свою очередь, буржуазія освободилась отъ опеки, разгромивъ Бастилію и дворцы, казнивъ священниковъ, дворянъ и короля, и конфисковавъ ихъ земли и помѣстья; теперь она злоупотребляетъ пріобрѣтенной силой, эксплуатируя низшіе классы и этимъ заставляетъ ихъ прибѣгать къ силѣ же, ради защиты отъ ея притязаній.

Насиліе порождаетъ насиліе, — таковъ міровой законъ! Кто виноватъ въ этомъ?

Соціальная организація съ ея антагонизмомъ классовыхъ интересовъ ведетъ насъ къ революціи; сила событій толкаетъ къ ней рабочій классъ больше, чѣмъ убѣжденіе, что эмансипація мирнымъ путемъ невозможна. Это фактъ общепризнанный, и отрицать его могутъ только тѣ, кто хочетъ увѣрить насъ, будто революція 89 года, отдавъ власть въ руки буржуазіи, самымъ этимъ фактомъ навсегда покончила съ требованіями, предъявленными старому режиму. Конечно, рабочій классъ, принуждаемый насиліемъ нести на себѣ тяжесть власти и ужасы безпощадной эксплуатаціи въ свое время роковымъ образомъ будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ тому же насилію, чтобы освободиться отъ своихъ притѣснителей; тѣмъ не менѣе утверждать, что будущее общество будетъ создано насиліемъ, могутъ только тѣ, кто хочетъ сдѣлать людей счастливыми помимо ихъ воли, или же самоувѣренные честолюбцы, мнящіе, что они обладаютъ всей суммой человѣческихъ знаній.

Мы, сторонники освобожденія, столь великихъ надеждъ на силу не возлагаемъ и расчитываемъ при помощи ея лишь устранить препятствія: уничтожить власть и капиталъ, и освободиться отъ ихъ учрежденій; отъ того мы и противники централизаціи и не признаемъ представительства власти, ни мандатовъ, вручаемыхъ отдѣльнымъ индивидуумамъ, имѣющимъ дѣйствовать и голосовать вмѣсто насъ и отъ нашего имени. Пусть всякая попытка приведенія всѣхъ индивидуальностей подъ одинъ уровень вызоветъ протестъ каждаго отдѣльнаго «я» и встрѣтитъ отпоръ со стороны индивидуальной инниціативы, долженствующей быть свободной отъ какихъ бы то ни было стѣсненій.

Людямъ должна быть предоставлена свобода группиро-

ваться. Если такія группы затѣмъ найдут нужнымъ вступать между собою в федераціи, пусть дѣлаютъ это въ той мѣрѣ, въ какой сочтутъ полезнымъ для себя. Желающія остаться внѣ федераціи — пусть остаются; пусть каждый умѣет уважать свободу сосѣда, если хочет, чтобы уважали его свободу.

Одна лишь индивидуальная иниціатива можетъ обезпечить успѣх революціи. Централизація всегда является тормазомъ въ распространеніи новыхъ идей, между тѣмъ какъ нужно не затруднять ихъ развитія, а напротивъ способствовать ихъ свободному расцвѣту.

Каждый отдѣльный человѣкъ долженъ быть пріученъ мыслить и дѣйствовать за собственный рискъ и страхъ, не ожидая импульсивнаго толчка со стороны. Если мы достигнемъ того, что въ своихъ дѣлахъ будемъ расчитывать только на самихъ себя и сумѣемъ заставить уважать нашу личную свободу, одновременно уважая чужую, то въ этомъ будетъ заключаться одинъ изъ элементовъ успѣха въ осуществленіи нашего будущаго благополучія.

Не декреты центральной власти, а наша собственная энергія уничтожитъ всѣ механизмы современнаго соціальнаго строя.

Лишь только начнется борьба, мы должны будемъ прежде всего стараться распространить вокругъ себя начавшееся движеніе, не путемъ разсылки въ деревни огромныхъ количествъ прокламацій, какъ это дѣлали во время прежнихъ революцій, а доставленіемъ туда предметовъ первой необходимости, земледѣльческихъ орудій, какія найдутся въ городахъ, а также людей, которые научатъ крестьянъ пользоваться ими.

Факты краснорѣчивѣе словъ, и указанный способъ — единственный, какимъ можно убѣдить крестьянина, что его интересы тѣсно связаны съ интересами фабричнаго рабочаго, и что, такъ какъ интересы ихъ общи, то общими должны быть и стремленія.

По всей вѣроятности движеніе приметъ самыя разнообразныя формы: то оно будетъ мѣстное, ограничится одной деревней и будетъ немедленно подавлено; то распространится въ цѣломъ округѣ и на нѣкоторое время удержится, причемъ будутъ дѣлаться попытки провести въ жизни тѣ или иныя формы соціальныхъ концепцій.

Точно также разнообразны будутъ и причины: онѣ могутъ быть экономическія или политическія, но какова бы ни была исходная точка движенія, оно, если борьба продлится, неизбѣжно приметъ экономическій характеръ.

Кто можетъ предсказать, гдѣ и когда начнется эта вой-

на? Величайшія соціальныя несправедливости творятся, видимо не вызывая протеста толпы, и рядомъ съ этимъ какой-нибудь пустякъ способенъ зажечь всеобщій пожаръ.

Конечно, можетъ случиться, и навѣрно даже случится, что движеніе будетъ подавляться прежде, чѣмъ рабочіе окрестныхъ мѣстностей присоединятся къ возставшимъ; но въ области идей, какъ въ физикѣ, сила не теряется; сострясеніе передается всѣмъ тѣмъ, кто страдаетъ отъ тѣхъ же причинъ, что и возставшіе, и стремится къ одной съ ними цѣли.

Примѣръ заразителенъ, и идеи, какъ бы носясь въ воздухѣ, передаются быстро. Бываютъ моменты, когда напряженность положенія событій увлекаетъ отдѣльныхъ личностей, помимо ихъ воли, въ общемъ ураганѣ. Одни и тѣ же причины порождаютъ одни и тѣ же факты: вездѣ рабочіе истомлены игомъ эксплуатаціи; вездѣ они хотятъ, чтобы ихъ считали равными, а не низшими; вездѣ въ нихъ проснулись чувство личнаго достоинства и сознаніе своей силы, и вездѣ у нихъ одно и то же горе и одни и тѣ же упованія.

Въ настоящій моментъ міръ можно сравнить съ площадью уставленной фейерверкомъ, гдѣ смотря по направленію, которое приметъ первая ракета, или по очереди загорится каждая слѣдующая, или всѣ вмѣстѣ вспыхнутъ одновременно; легко можетъ статься, что отъ перваго же толчка нарушится въ обществѣ равновѣсіе, поддерживаемое насильемъ.

ГЛАВА II.

Революція и Дарвинизмъ.

Когда Дарвинъ обнародовалъ свою теорію «Эволюціи», всѣ оффиціальные ученые, видя въ ней только ниспроверженіе догмата о сотвореніи міра Богомъ, ополчились противъ него. Ранѣе они точно также расправились съ Ламаркомъ, но съ того времени мысль прогрессировала, умы были подготовлены, и идея «эволюціи» устояла противъ ихъ нападокъ и получило право гражданства въ ученомъ мірѣ.

Въ противовѣсъ къ сказанному, въ нѣкоторыхъ сферахъ усмотрѣно было въ этой теоріи оправданіе современнаго политическаго режима и осужденіе революціонныхъ стремленій пролетаріата, оправданіе эксплуатаціи, тяготящей надъ нимъ; и «борьба за существованіе», «половойподборъ», «эволюція» появились подъ столь разнообразными приправами, что англійскій ученый, навѣрно, не могъ признать за воплощеніе своей идеи ту окрошку, которую ему преподнесли.

Ухватившись за теоріи продолжателя Ламарка, Гете и Дидро толпа жалкихъ коментаторовъ вздумала примѣнить теорію «борьбы за существованіе» къ человѣческому обществу, расширивъ ее до предѣловъ, о какихъ, несомнѣнно, никогда не мечталъ самъ авторъ.

«Въ виду тяжелыхъ условій существованія — говорятъ они — общество естественно раздѣлилось на два класса; на обезпеченныхъ и работниковъ *) Земля не производитъ достаточно, чтобы обезпечить каждому удовлетвореніе его потребностей, отсюда проистекаетъ борьба, а слѣдовательно имѣются побѣдители и побѣжденные. Правда, побѣжденные обращаются побѣдителями въ рабовъ, но вѣдь это естественное послѣдствіе боьрбы; зато борьба двигаетъ прогрессъ человѣческаго рода, побуждая отдѣльныхъ индивидуумовъ развивать свои умственныя способности, чтобы не исчезнуть съ лица земли».

«Въ доисторическія времена—продолжаютъ они — побѣдитель поѣдалъ побѣжденнаго; въ настоящее время онъ заставляетъ его трудиться на пользу общества и пріумножать

*)Иные утверждаютъ, что такого раз [illegible] соціалисты и революціонеры (Прим автора)

богатства на пользу ему, слѣдовательно, прогрессъ—несомнѣненъ; къ сожалѣнію, условія жизни такъ тяжелы, средства существованія такъ ограничены, что нѣтъ возможности удовлетворить потребности всѣхъ; необходимо, чтобы они согласились отказывать себѣ въ удовлетвореніи; таковъ естественный законъ. Удовлетвореніе потребностей въ полномъ объемѣ приходится на долю небольшого числа избранниковъ, которые являются наиболѣе одаренными, наиболѣе способными уже потому, что они — побѣдители».

«Конечно, очень жаль, что борьба уноситъ столько жертвъ, и общество должно быть реформировано, но это дѣло времени и будетъ результатомъ эволюціи человѣчества. Пусть тѣ, кто сильнѣе и одареннѣе, прокладываютъ себѣ дорогу въ толпѣ и становятся во главѣ общества! Такъ было всегда, и соперничество — одна изъ причинъ прогресса!»

Жестокій эгоизмъ буржуазіи особенно откровенно обрисовывается въ нижеслѣдующихъ строкахъ, такъ часто цитируемыхъ ея представителями: «Земля уже распредѣлена, и человѣкъ, рождающійся на свѣтъ, если у его родителей нѣтъ средствъ прокормить его, или обществу не нуженъ его трудъ, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать своей доли пропитанія; такой человѣкъ дѣйствительно лишній на землѣ. На великомъ пиру природы не приготовлено для него прибора. Природа велитъ ему уходить прочь, и немедленно сама приводитъ свой приговоръ въ исполненіе. Тамъ, гдѣ природа приняла на себя обязанности приказывать и карать, было бы безуміемъ итти ей наперекоръ, а потому, пусть этотъ человѣкъ подвергнется карѣ, къ которой онъ приговоренъ природою за то, что онъ неимущій!!! Пусть он пойметъ, что онъ и его семья осуждены природою, и что если онъ и его семья не умираютъ отъ голода, то этимъ они единственно обязаны какому нибудь милосердному благодѣтелю, который, помогая имъ, совершаетъ преступленіе противъ законовъ природы» (Мальтусъ «О народонаселеніи»).

Какъ видите, признаніе откровенно и угроза очень категорична: «Бѣднякъ не имѣетъ права жить! Если ему удастся кормиться крохами отъ щедротъ общественной или частной благотворительности, то и за это пусть благодаритъ господъ!»

Рабочіе! когда вынужденные безработицей, вы прибѣгаете къ закладамъ и мелкимъ займамъ, не забывайте, что вы не имѣете права жить, если у вас нѣтъ сбереженій! Не надоѣдайте же своимъ «правомъ на существованіе», и не кричите объ немъ громко; берегитесь! Вамъ сумѣютъ напомнить, что родиться неимущимъ — преступленіе, и что если вы существ-

вуете, то единственно благодаря снисходительности имущихъ классовъ!

Не забывайте, рабочіе, вы, которые въ старости умираете отъ голода, истративъ силы на производство богатствъ, долженствующихъ увеличить сумму наслажденій вашихъ эксплуататоровъ, что преступно родиться отъ неимущихъ родителей и не сумѣть въ теченіе жизни скопить денегъ на старость. Будьте довольны ужъ тѣмъ, что сострадательнымъ благодѣтелямъ угодно было, пока у васъ были силы, пользоваться вашими услугами для того, чтобы пустить въ обращеніе свои капиталы, которые, безъ васъ, не приносили бы имъ дохода; теперь, когда вы калѣки и ни на что не годитесь, уходите прочь; вы мѣшаете движенію; ничего для васъ больше сдѣлать нельзя.

Вышеуказанное признаніе не единично. Послушаемъ еще: «Дарвинизмъ ничего общаго не имѣетъ съ соціализмомъ. Если можно ему приписать какую-либо политическую тенденцію, то развѣ только аристократическую, ибо теорія «подбора» учитъ, что въ человѣчествѣ точно также, какъ въ мірѣ растеній и животныхъ, вездѣ и всегда только очень ничтожное меньшинство привиллегированныхъ развивается и живетъ полной жизнью, огромное же большинство чахнетъ и раньше или позже погибаетъ. Жестокая борьба за существованіе царствуетъ повсюду, и только избранное небольшое число сильнѣйшихъ и способнѣйшихъ въ состояніи побѣдоносно выдержать конкурренцію; большинство же въ силу необходимости должно погибнуть». (Цитата изъ Геккеля въ "Darwinisme Social", Готье).

На этотъ разъ, нищіе и голодные, съ вами не церемонятся; развитіе буржуазіи роковымъ образомъ влечетъ за собою гибель пролетаріевъ, если не всего пролетаріата; каждое новое наслажденіе, приносимое наукою въ даръ буржуазіи, соотвѣтствуетъ новому страданію для рабочаго класса. Чтобы существованіе буржуазіи было обезпечено, необходимо приковать пролетаріатъ на вѣки къ ярму, подъ которымъ она его держитъ. Такъ говоритъ ученый буржуа Геккель, вѣроятно, понимающій то, что говоритъ, ибо на то онъ ученый.

Развѣ не возмутительны претензіи буржуазіи на превосходство! Вѣдь единственное ихъ превосходство состоитъ въ томъ, что они появились на свѣтъ послѣ своихъ отцовъ, среди роскоши, съ капиталами, обладая всѣми сердствами, необходимыми для развитія, съ одной только заботой: жить и наслаждаться!

Прежде высшимъ классомъ считало себя дворянство; имѣя возможность упомянуть кого-либо изъ болѣе или ме-

нѣе отдаленныхъ предковъ, какое-нибудь дѣяніе его, часто достойное бандита или сутенера высокой марки, дворянинъ считалъ себя неизмѣримо выше всякаго не-дворянина, не записаннаго въ родословныя книги. Нынѣ дворянское происхожденіе уступило первенство капиталу. Достоинство человѣка измѣряется не предками его, а деньгами. Дворянинъ опредѣлялъ цѣну себѣ количествомъ чужихъ жизней, насильственно прекращенныхъ его предками; капиталистъ — количествомъ совершенныхъ имъ грабежей.

Убійцъ и грабителей, вотъ кого хотятъ представить «цвѣтомъ» человѣчества!

Они то цвѣтъ! Вѣдь прошло едва столѣтіе, какъ ихъ сословіе получило власть, и оно уже разлагается, и неизвѣстно, что оно представляло бы изъ себя теперь, если бы не постоянный живительный притокъ перебѣжчиковъ изъ рабочаго класса, которыми жажда наслажденій и власти пополняетъ ихъ ряды.

На какомъ поприщѣ доказали они свое превосходство? Не въ области ли науки? Но, вѣдь, извѣстно, что ихъ оффиціальная наука всегда тормозила истинную науку; всякое научное открытіе прежде всего подвергается ими гоненію, и признается только тогда, когда его значеніе слишкомъ для всѣхъ очевидно. Усилія оффиціальныхъ ученыхъ авторитетовъ направлено, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы изъ всякаго научнаго явленія выжать и выудить оправданіе для господствующаго эксплуататорскаго строя.

Или въ области искусствъ и литературы? Нѣт ни одного истинно талантливаго произведенія человѣческаго творчества, которое не осмѣивало бы современныхъ предразсудковъ и учрежденій, и не отказывалось бы отъ солидарности съ ними.

Они всегда преслѣдовали всякаго, вливающаго свѣжую струю въ искусство, и расточали милости и награды мелкимъ посредственностямъ и бездарнымъ ничтожествамъ.

Но можетъ быть они обнаружили свое превосходство въ сферѣ политики? Въ политикѣ они представляются сбродомъ проходимцевъ и насильниковъ, не имѣющихъ за душою ни одного положительнаго устоя, ни одной идеи, на которой могли бы обосновать свои претензіи на превосходство; это—люди сомнительной репутаціи, торгующіе своей вліятельностью и пользующіеся властью для скорѣйшаго обогащенія.

Всѣ они хорошо сознаютъ свою гнусность; такъ хорошо, что въ борьбѣ, которую они ведутъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ, не осмѣливаются выступать съ той дикой энергіей, съ какой дѣйствовали въ 89 году члены конвента;

послѣдніе, какъ истинные сектанты- фанатики своихъ сословныхъ интересовъ, выказали себя безпощадными къ тѣмъ, у кого отняли власть, несправедливыми и жестокими по отношенію къ рабочему классу, при содѣйствіи котораго одержали побѣду, но за то они не боялись своихъ поступковъ, заплатили своими головами и имѣютъ, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что не были вульгарными. Преемники ихъ, вѣроятно, болѣе жестоки, чѣмъ были они, но трусливы и не способны пожертвовать жизнью.

Потомки этихъ сильныхъ людей, ведшихъ свое происхожденіе отъ мощныхъ средневѣковыхъ общинниковъ, исчезли съ исторической сцены, преданы забвенію, и мѣста ихъ заняли политическіе фокусники, держащіеся на подмосткахъ парламентаризма только за полнымъ отсутствіемъ стыда, благодаря которому они проглатываютъ самыя обидныя оскорбленія съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ прячутъ взятки въ свои карманы. Они сильны и управляютъ другими развѣ только потому, что наглы, и это замѣняетъ умъ, котораго у нихъ нѣтъ.

Буржуазія сдѣлалась паразитствующимъ сословіемъ, живущимъ на счетъ тѣхъ, кто работаетъ, и потеряла способность производить что-либо, и когда люди съ высшимъ образованіемъ, въ родѣ цитированныхъ мною раньше, обладавшіе всѣми средствами, необходимыми для пріобрѣтенія научныхъ познаній, изъ всѣхъ научныхъ данныхъ, которыя они имѣли возможность проанализировать, извлекли только выводы, какіе я привелъ выше, то спрашивается, какова же была бы степень ихъ знанія, если бы они не располагали средствами учиться?

Они называютъ себя лучшими! Но, вѣдь, исключивъ нѣсколькихъ человѣкъ, дѣйствительно сумѣвшихъ использовать всѣ средства, доставляемыя богатствомъ и общественнымъ положеніемъ, мы увидимъ цѣлую массу такихъ, которые въ отношеніи умственнаго развитія остались далеко позади рабочихъ, и которые не сумѣли бы жить, если бы были вынуждены сами вырабатывать средства для существованія.

За то, сколько среди рабочихъ гибнетъ отъ непосильнаго безпросвѣтнаго труда такихъ, которые имѣютъ право повторить, указывая на свою голову, слова, сказанныя якобы Андрэ Шенье, когда онъ шелъ на эшафотъ: «А, вѣдь, у меня было кое-что здѣсь».

Да, интересно было бы собрать статистическія данныя о знаменитостяхъ, которыми гордится современная цивилизація, и на основаніи таковыхъ выяснить, сколько такихъ знаменитостей выдвинулось при ея содѣйствіи, и сколько поми-

мо нея и наперекоръ ей, и затѣмъ сравнить ихъ относительную цѣнность.

Сами принадлежа къ классу, эмансипація которагo сдѣлалась возможною только путемъ насилія, мы намѣрены для доказательства правоты нашихъ претензій, воспользоваться аргументами оффиціальныхъ ученыхъ; обращая противъ нихъ ихъ же діалектику, мы докажемъ, что право рабочаго класса прибѣгнуть къ насилію явствуетъ изъ ихъ собственной аргументаціи. Затѣмъ, когда будетъ доказано, что подобно копью Ахиллеса ихъ аргументація залѣчиваетъ раны, ею нанесенныя, мы докажемъ всю несостоятельность этой аругментаціи; докажемъ, что борьбой за существованіе объясняется только одна ничтожная часть всѣхъ явленій, относящихся къ эволюціи, что будучи примѣнимой въ міровой жизни вообще, она — абсурдъ, когда рѣчь идетъ объ общественномъ строѣ, ибо таковой держится на законахъ солидарности и взаимопомощи, которыя суть противоположности борьбы за существованіе.

Докажемъ, наконецъ, что въ современномъ обществѣ благоденствуютъ не самые способные и даровитые, а напротивъ разслабленные и истощенные; что пресловутый недостатокъ средствъ пропитанія есть плодъ ихъ фантазіи, что онъ создается ими самими ради того, чтобы держать въ своей власти рабочаго, который — они это знаютъ — не замедлитъ освободиться изъ-подъ гнета въ тотъ моментъ, какъ надъ нимъ перестанетъ тяготѣть страхъ за свое существованіе и за жизнь его семьи.

Даже если «борьба за существованіе» и участвуетъ до нѣкоторой степени въ совокупности факторовъ, движущихъ прогрессъ въ эволюціи человѣчества, то во всякомъ случаѣ невѣрно, что ею одной объясняется этотъ прогрессъ.

Только путемъ подтасовки фактовъ можно доказать справедливость требованій, проистекающихъ исключительно изъ алчности и честолюбія; общественныя науки и исторія отрицаютъ превосходство, приписываемое себѣ извѣстными расами, классами и индивидуумами, хотя бы ихъ притязанія на таковое опирались на силѣ и численномъ превосходствѣ.

Когда начался упадокъ религіозныхъ вѣрованій среди народныхъ массъ, буржуазіи необходимо было искать, на чемъ обосновать свое господство; выходъ, казалось, былъ бы найденъ, если бы существующій режимъ былъ санкціонированъ наукой, которая убѣдила бы рабочій классъ въ томъ, что его положеніе является роковымъ послѣдствіемъ естественнаго хода вещей, столь же логичнаго, какъ математическое уравненіе или законъ тяготенія; и вотъ они набросились «на борь-

бу за существованіе», въ которой, какъ имъ казалось, и заключаются искомыя доказательства.

«Борьба, — говорятъ они, — принуждая человѣка изыскивать средства къ пропитанію, развила его природныя способности; конкуренція поддерживаетъ эти способности въ постоянномъ напряженіи, и благодаря этому уже пріобрѣтенныя способности сохраняются и продолжаютъ развиваться, и пріобрѣтаются еще новыя. Такимъ образомъ «борьба за существованіе» — мать прогресса, ибо заставляетъ отдѣльныхъ людей и цѣлыя расы безпрерывно прогрессировать изъ опасенія быть уничтоженными. Кромѣ того, уничтожая самыхъ слабыхъ, менѣе способныхъ и хуже одаренныхъ, она очищаетъ мѣсто для даровитѣйшихъ и сильнѣйшихъ».

«И такъ и должно быть всегда, — продолжаютъ они — ибо если бы установился такой общественный строй, при которомъ всѣ имѣли бы возможность свободно удовлетворять свои потребности, всѣ были бы равны, никто бы не повелѣвалъ, и никто не повиновался, а всякій производилъ бы сообразно своей волѣ; тогда не было бы соревнованія ни инициативы, и общество распалось бы и возвратилось бы въ первобытное состояніе варварства, неустройства и господства грубой силы».

Чтобы доказать несостоятельность этого аргумента, достаточно цитировать самихъ же представителей буржуазіи:

«Соціальная война по сравненію съ естественной «борьбою за существованіе» представляетъ то великое неудобство, что такъ какъ силы естественнаго закона болѣе или менѣе стѣснены человѣческой волей и человѣческими учрежденіями, то шансы на побѣду не всегда на сторонѣ лучшаго, сильнѣйшаго и даровитѣйшаго; напротивъ чаще всего индивидуальное величіе ума приносится въ жертву какой-нибудь личной симпатіи, внушенной соціальнымъ положеніемъ, происхожденіемъ, богатствомъ». (Бюхнер, L'homme selon la science, стр. 207 208).

Точно также борьба является не послѣдствіемъ естественнаго неравенства, а причиной его, и защитники «борьбы за существованіе» напрасно ссылаются на нее, для оправданія буржуазнаго строя.

«Всѣ эти неравенства, всѣ эти уродливыя явленія должны быть приписаны соціальной борьбѣ за существованіе, еще не регулированной разумомъ и справедливостью; борьба эта поддерживается, главнымъ образомъ, безчисленными про явленіями политическаго гнета, насилія, грабежа, захвата, которыми переполнена исторія прошлаго, и которыя мало про-

свѣщеннымъ современникамъ кажутся слѣдствіями соціальнаго движенія». (Бюхнеръ, L'homme selon la science, стр. 222).

Возможно, что въ тѣ отдаленныя времена, когда человѣкъ еще не выдѣлился изъ среды остального животнаго міра, когда единственнымъ оружіемъ его были инстинкты питанія и размноженія и рудиментарный мозгъ въ которомъ каждый пріобрѣтенный опытъ и новое приспособленіе запечатлѣвались чрезвычайно медленно, возможно, говорю, что тогда борьба за существованіе являлась для него вопросомъ жизни или смерти, и онъ вынужденъ былъ вести ее: убивать, что бы не быть убитымъ, поѣдать другого, чтобы не быть съѣденнымъ самому. Если таково было начало исторіи человѣчества, то тѣ отдаленныя времена по справедливости могутъ быть названы золотымъ вѣкомъ политической экономіи, ибо — какъ увѣряютъ натуралисты — конкурренція была тогда единственнымъ закономъ, управляющимъ міромъ.

Относительно размѣровъ, въ какихъ велась эта конкурренція, существуетъ много гипотезъ но, въ сущности, неизвѣстно ничего. Правда, въ землѣ находятъ человѣческія кости со слѣдами пораненій, причиненныхъ первобытнымъ оружіемъ; за то откапываются и такія кости, на которыхъ сохранились слѣды ранъ, залѣченныхъ, что доказываетъ, что раненный пользовался уходомъ близкаго ему человѣка, уходомъ продолжительнымъ, ибо по рубцамъ видно, что человѣкъ пережилъ рану; что зарубцеваніе шло медленно, и что мѣстонахожденіе раны не позволяло раненному обходиться безъ посторонней помощи.

Итакъ, если у колыбели человѣчества мы находимъ слѣды насилія, то находимъ также слѣды солидарности и взаимопомощи; такимъ образомъ открытъ новый «естественный законъ», о которомъ политики-комментаторы Дарвина благоразумно умалчиваютъ.

Выводъ изъ предыдущаго тотъ, что если борьба — первый двигатель человѣческихъ поступковъ, то этимъ только объясняется, почему первобытныя человѣческія общества съ самаго момента ихъ возникновенія оказались запятнанными первороднымъ грѣхомъ и послужили болѣе сильнымъ и ловкимъ рычагомъ для эксплуатированія слабыхъ и неразумныхъ, но нисколько не доказываетъ, что именно борьба была причиной прогресса. Интересно выяснить вопросъ, совершался ли прогрессъ вслѣдствіе борьбы, на которое обречено было человѣчество, или помимо нея; но врядъ ли когда либо онъ выяснится.

Какъ бы тамъ ни было, если даже борьба и была одной изъ причинъ прогресса, то все-таки ясно, что ею объясняется

далеко не все, и что причинами эволюціи являются еще и другіе естественные законы, между которыми «взаимопомощь» занимает не послѣднее мѣсто; ибо наличность ея объясняетъ намъ, почему люди продолжали организоваться въ общества, несмотря на то, что для многихъ такая организація оказалась весьма неудобной.

Когда послѣ цѣлаго ряда перерожденій и постепенныхъ приспособленій появились на землѣ организованныя существа, естественно, что среди всѣх этихъ организмовъ, лишенныхъ разума и высшихъ инстинктовъ и живущихъ только потребностью питаться и плодиться, должна была вестись безпрерывная война, не знавшая пощады для побѣжденныхъ.

Но это не было «борьба за существованіе», о которой говорятъ экономисты. Правда, виды воюютъ между собою, но не особи одной разновидности; растеніе питается минераломъ плотоядное животное поѣдаетъ травоядное и другихъ болѣе слабыхъ своихъ сродственниковъ, но, конечно, принадлежащихъ къ другой разновидности.

Только какая-нибудь непредвидѣнная катастрофа, какіянибудь исключительныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ животное поставлено въ невозможность добыть себѣ обычный кормъ, можетъ заставить его поѣдать особей одной съ нимъ разновидности. Уоллесъ въ своем сочиненіи "Darwinisme" говоритъ, стр. 146 и 148, что близкія между собою разновидности обитаютъ въ территоріяхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, что доказываетъ, что послѣ распаденія на двѣ разновидности они предпочли разъединиться и жить въ дали, чѣмъ вести между собою войну за существованіе.

Достаточно прочесть хоть одно сочиненіе по естественной исторіи, чтобы убѣдиться въ томъ, что война между особями одной и той же разновидности — явленіе исключительное, между тѣмъ, какъ ассоціація для совмѣстной борьбы — нападенія или защиты, взаимная помощь, однимъ словомъ, солидарность, являются общимъ правиломъ. Солидарность эта существуетъ не только между особями одного рода, но даже, когда дѣло идетъ о добываніи корма или защитѣ, — между различными видами. Даже растенія нѣкоторыхъ видовъ безсознательно группируются и такимъ образомъ оказываютъ сопротивленіе разрушительнымъ силамъ, отъ которыхъ гибнутъ одинокія особи.

Экономисты и прочіе такъ называемые эволюціонисты отлично понимаютъ, гдѣ слабый пунктъ ихъ аргументаціи, и поэтому пытаются объяснить борьбу нѣсколько иначе.

«Борьба — говорятъ они — не всегда ведется при помощи физической силы, между особами одного вида можетъ

вестись борьба, без того, чтобы соперники шли грудь грудью другъ противъ друга». Между прочимъ, для примѣра они ука зываютъ на дикихъ лошадей въ Тибетѣ, голодающихъ въ зимнее время, когда снѣга покрываютъ их пастбища. Изъ нихъ тѣ, которые послабѣе, будучи не въ силахъ пробивать ледяную кору, препятствующую доступу къ корму, погибаютъ отъ голода, болѣе же сильные выживаютъ и плодятся.

Остановимся на одномъ этомъ примѣрѣ, ибо остальные однородны съ нимъ. Гг-мъ экономистамъ мы возразимъ слѣдующее: Вашъ примѣръ доказываетъ только то, что одни особи гибнутъ при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ другія выживаютъ; но это не есть доказательство, что оставшіяся въ живыхъ выиграли оттого, что тѣ погибли: кромѣ того гибель въ данномъ случаѣ произошла отъ естественныхъ атмосферическихъ явленій, а не какъ слѣдствіе борьбы за существованіе и еслибы въ этомъ случаѣ была больше развита взаимопомощь, то по всей вѣроятности въ живыхъ осталось бы гораздо болѣе значительное количество.

Точно также экономисты говорятъ, что еслибы всѣ зародыши рождались на свѣтъ, развивались и достигали зрѣлаго возраста, то, принимая во вниманіе плодовитость нѣкоторыхъ видовъ, виды эти въ очень непродолжительномъ времени покрыли бы собою всю земную поверхность, въ ущербъ остальнымъ видамъ, и особи одного вида были бы вынуждены поѣдать другъ друга. «Такимъ образомъ жизнь однихъ особей обусловливается гибелью другихъ. И здѣсь побѣждаютъ тѣ, кто сильнѣе и даровитѣе.»

Мы согласны съ тѣмъ, что дѣйствительно одни виды живутъ за счетъ другихъ видовъ, и что множество особей гибнетъ еще въ зародышахъ, это факты, которыхъ никогда никто не оспаривалъ; мы желали бы только выяснить слѣдующее: 1) имѣетъ ли одинъ человѣкъ, разъ он родился на свѣтъ, право жить и развиваться въ тѣхъ же условіяхъ, какъ другой? 2) полезно ли для людей воевать между собою ради взаимнаго порабощенія и экстлуатаціи? и 3) возможно ли полное счастье одного человѣка, пока рядомъ съ нимъ другіе люди страдаютъ и терпятъ лишенія?

Полагаемъ, что отвѣтъ готовъ у всякаго, кто только не преклоняется передъ властью и богатствомъ: поэтому не будемъ здѣсь останавливаться на этихъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ вернемся въ дальнѣйшихъ главахъ этой книги.

Точно также неоспоримымъ фактомъ является и то, что человѣческія общества эволюціонировали въ смыслѣ развитія до крайнихъ предѣловъ индивидуальной конкуренціи, и что соединяясь въ общества, люди продолжали враждовать меж-

ду собою; но если изучить причины этого явленія, то увидимъ, вопреки увѣреніямъ пристрастныхъ ученыхъ, что эволюція, въ вышеуказанномъ направленіи вовсе не—неизбѣжный законъ, и что она могла бы совершиться иначе; что во всякомъ случаѣ, какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для всего человѣческаго рода желательно, чтобы въ настоящее время она происходила иначе.

Если бы та тѣсная солидарность, какая наблюдается у нѣкоторыхъ видовъ растеній, у нѣкоторыхъ животныхъ и насѣкомыхъ, какъ то: муравьевъ, пчелъ осъ и т. д., а также у нѣкоторыхъ некультурныхъ народовъ, въ свое время одержала верхъ въ борьбѣ инстинктовъ въ человѣкѣ, то эволюція приняла бы совершенно иное направленіе и человѣческія общества были бы совершенно иными. Слѣдовательно говорить, что «борьба за существованіе» есть неизбѣжный законъ — является абсурдомъ.

Человѣкъ, выйдя изъ состоянія животнаго нагимъ и безоружнымъ, окруженный со всѣхъ сторонъ сильно вооруженными врагами, долженъ былъ нести огромные труды ради того, чтобы отстоять свое существованіе; он долженъ былъ напрягать свой мозгъ на придумываніе всевозможныхъ ухищреній и изворотовъ, пока, наконецъ, его интеллектъ не развился настолько, что замѣнилъ собою мускульную силу, въ которой ему отказала природа: человѣкъ началъ выдѣлывать наступательное и оборонительное оружіе.

Жизнь первобытнаго человѣка, полная лишеній и трудовъ, безпрерывная борьба его съ природой и другими видами, лучше, чѣмъ онъ, вооруженными, у которыхъ онъ вынужденъ былъ оспаривать кормъ и права на существованіе, способствовали тому, что въ немъ накопилась нѣкоторая доза наслѣдственныхъ инстинктовъ воинственности и властолюбія. Этимъ объясняется, почему при первыхъ же опытахъ солидаризаціи силъ и интересовъ, несмотря на то, что люди понимали полезность ассоціацій, тѣмъ не менѣе тѣ изъ нихъ, которые были сильнѣе и хитрѣе, воспользовались ассоціаціями, чтобы господствовать надъ другими и пристроиться паразитами на новообразовавшемся организмѣ: обществѣ.

Но неужели такъ должно продолжаться и въ настоящее время, когда человѣкъ сознаетъ, сравниваетъ и мыслитъ; когда онъ обладаетъ превосходно развитой рѣчью и письменностью, посредствомъ которыхъ передаетъ потомству свои знанія и открытія; когда его мозгъ приспособленъ къ абстрактнѣйшему мышленію; увы! часто черезчуръ абстрактному!

Очевидно, нѣтъ. Человѣкъ долженъ уразумѣть, что его предки, избивая, грабя, эксплуатируя другъ друга, шли невѣр-

нымъ путемъ, и долженъ возвратиться къ той солидарности, задатки которой уцѣлѣли въ немъ, несмотря на тысячелѣтія безпрерывной войны.

Враждебныхъ элементовъ достаточно находится въ самой природѣ, и на борьбу съ ними еле хватитъ соединенныхъ силъ всего человѣчества. Такимъ образомъ, когда буржуа заговорятъ о прогрессѣ, о правахъ общества и проч. и проч., мы можемъ на основаніи аргументовъ самихъ же буржуазныхъ ученыхъ, — посмѣяться надъ ними и въ отвѣтъ указать имъ на права личности, которой нѣтъ дѣла до прогресса, разъ она должна будетъ продолжать быть жертвой его.

Дальше мы увидимъ, что общество, въ котором человѣкъ имѣлъ бы возможность удовлетворять полностью всѣ свои потребности, такое общество отнюдь не задерживаетъ прогресса, а наоборотъ поможетъ ему, ибо человѣку свойственно создавать себѣ все новыя потребности, по мѣрѣ того, какъ ему облегчается возможность удовлетворенія его прихотей. Пока докажемъ только, что въ современномъ обществѣ богатства и наслажденія достаются вовсе не тѣмъ, кто интеллигентнѣе, сильнѣе и способнѣе и можетъ способствовать улучшенію человѣческаго рода, а напротивъ выпадаютъ на долю людей, процвѣтаніе которыхъ влечетъ за собою вырожденіе не только общественнаго класса, къ которому они принадлежатъ, но и всего человѣчества.

Въ теченіи своей борьбы съ дворянствомъ за равноправность буржуазія развила въ себѣ нѣкоторыя положительныя качества, благодаря которымъ она достигла цѣли и добилась столь желанной власти; но затѣмъ с нею произошло то, что происходитъ въ мірѣ животныхъ со всѣми чужеядными организмами, а въ частности съ однимъ видомъ ракообразныхъ, о которыхъ Геккель упоминаетъ в своей «Исторіи мірозданія»: ракообразныя эти въ первоначальной стадіи развитія обладаютъ болѣе сложной организаціей, чѣмъ взрослыя особи; взрослый экземпляръ, помѣстившись на спинѣ молюска, теряетъ способность передвиженія, и въ немъ продолжаютъ развиваться только одни щупальцы, которыми онъ обхватываетъ и присасывается къ эксплуатируемому имъ организму; бывъ раньше животнымъ, дѣятельнымъ, подвижымъ, воинственнымъ, онъ теперь превращается въ простой пищеварительный аппаратъ. Таково современое состояніе буржуазіи, по крайней мѣрѣ, разсматриваемой какъ общественный классъ

Въ современномъ обществѣ силу представляютъ не физическія, не нравственныя и умственныя качества человѣка, а только деньги. Можно быть золотушнымъ рахитикомъ, слабоумнымъ, уродомъ въ физическомъ и нравственномъ отно-

шеніяхъ, но если есть деньги и связи въ высшихъ сферахъ, то можно добиться всего; при такихъ условіяхъ человѣкъ можетъ быть увѣренъ, что найдетъ жену, отъ которой продолжится его родъ.

Что касается пролетарія, то еслибы онъ родился съ очень выдающимися способностями, онѣ ему безполезны, потому что у его родителей нѣтъ средствъ дать ему образованіе, необходимое для развитія его интеллекта; даже если ему удастся получить образованіе, то и тогда природныя дарованія не принесутъ ему пользы, ибо у него нѣтъ рессурсовъ примѣнить ихъ къ жизни. Онъ осужденъ довольствоваться зависимымъ положеніемъ у какого-нибудь эксплуататора, который ниже его во всѣхъ отношеніяхъ, но обладаетъ именно тѣмъ, чего недостаетъ у пролетарія: капиталомъ.

Будь онъ богатырь въ физическомъ отношеніи, непомѣрный трудъ, лишенія и нужда состарѣютъ его прежде времени, и если случайно найдется несчастная женщина, которая согласиться связать свою судьбу съ его, то потомство получится малокровное и чахлое, ибо непосильный трудъ и физическая истощенность жены и мужа не могутъ не повлечь за собою вырожденіе дѣтей. Вынуждаемая заботами о семействѣ, женщина три четверти своего времени отдаетъ труду и, еле держась на ногахъ, работаетъ на фабрикѣ, или въ мастерской до послѣдняго момента, пока предродовыя боли не свалятъ ее на постель; если къ этому прибавить отвратительныя гигіеническія условія, при какихъ въ большинствѣ случаевъ ведется трудъ, то получится больше, чѣмъ нужно, чтобы атрофировать семью на продолжительное время.

Конечно, я взялъ крайность, не всѣ рабочіе до такой степени удручены нуждой, и между человѣкомъ, въ буквальномъ смыслѣ умирающимъ отъ голода, и милліардеромъ, тратящимъ нѣсколько тысяч франковъ ради потѣхи, на погребеніе своей собаки, есть цѣлая промежуточная градація съ безконечнымъ числомъ оттѣнковъ.

Отрицательнымъ подборомъ является еще военная служба, благодаря которой самые здоровые и сильные субъекты обрекаются на холостую жизнь, въ гнилой атмосферѣ городской проституціи, на нравственную и интеллектуальную атрофію казарменнаго общежитія и военной дисциплины.

«Совершенно отрицательнымъ, въ сравненіи съ ускусственнымъ подборомъ индѣйцевъ и древнихъ спартанцевъ является въ современныхъ государствахъ подборъ людей, которыми пополняются постоянныя арміи. Этотъ способъ подбора мы выдѣлимъ въ особый видъ и назовемъ его «военнымъ подборомъ». Къ сожалѣнію, въ настоящее время, больше,

чѣмъ когда либо, милитаризмъ играетъ главную роль, въ томъ, что наывается цивилизацiей. Цвѣтъ и богатства силъ цивилизованныхъ государствъ расточаются на то, чтобы довести милитаризмъ до высшей степени совершенства. Напротивъ, воспитанiе молодежи и народное просвѣщенiе, т. е. самые прочные устои истиннаго процвѣтанiя государствъ, находятся въ достойномъ сожалѣнiя пренебреженiи. И это дѣлается у народовъ, претендующихъ быть лучшими представителями самой высокой культуры и считающими, что они стоятъ во главѣ цивилизацiи!»

«Извѣстно, что для увеличенiя наличнаго состава постоян ныхъ армiй рекрутскимъ наборомъ выбираются самые здоровые и сильные молодые люди. Чѣмъ сильнѣе и нормальнѣе молодой человѣкъ, тѣмъ больше шансовъ, что он погибнетъ отъ пули скорострѣльнаго ружья, снаряда нарѣзной пушки, либо какого нибудь цивилизаторскаго оружiя въ томъ же родѣ. Наоборотъ, малосильные, страдающiе какими-либо тѣлесными недостатками молодые люди забраковываются рекрутскимъ наборомъ, остаются во время войны дома, женятся и производятъ потомство. Чѣм слабѣе, малокровнѣе и болѣзненнѣе молодой человѣкъ, тѣмъ больше у него шансовъ избѣжать военной службы и обзавестись семьею. Въ то время, какъ цвѣтъ молодежи проливаетъ кровь на полѣ битвы, забракованные заморыши женятся, размножаются и передаютъ свои болѣзни и тѣлесные недостатки дѣтямъ.»

«Въ силу законовъ наслѣдственности, послѣдствiемъ такого рода подбора является то, что физическiе, а вмѣстѣ с ними и умственные недостатки не только распространяются, но и принимаютъ все болѣе острыя формы; этимъ же искусственнымъ подборомъ, въ соединенiи со многими другими причина ми объясняется и тотъ прискорбный фактъ, что в современныхъ цивилизованныхъ обществахъ тѣлесная и умственная разслабленность прогрессируютъ и все рѣже встрѣчается сильный и независимый умъ въ здоровомъ и сильномъ тѣлѣ».

«Еслибы кто-либо отважился выступить съ предложенiемъ, чтобы по примѣру индѣйцевъ и древнихъ спартанцевъ, всѣ дѣти, слабыя и болѣзненныя, умерщвлялись тотчасъ послѣ рожденiя, наше якобы гуманное общество подняло бы общiй крикъ негодованiя; между тѣмъ это же самое гуманное общество находитъ въ порядкѣ вещей и молчитъ, когда сотни и тысячи молодыхъ жизнерадостных людей, лучшихъ представителей поколѣнiя, гибнетъ на войнѣ. И спрашивается, ради чего приносится въ жертву этотъ цвѣтъ народонаселенiя?»

«Ради чьихъ-то выгодъ, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами цивилизацiи? Ради династическихъ интересовъ,

чуждыхъ для тѣхъ народовъ, которыхъ заставляютъ безпощадно истреблять другъ друга!»

Такъ какъ цивилизація прогрессируетъ въ смыслѣ непрерывнаго увеличенія состава постоянныхъ армій, то конца войнамъ не предвидится; напротивъ, онѣ должны стать все болѣе и болѣе часты».

«Отмѣну смертной казни «гуманное цивилизованное общество» называетъ «либеральной мѣрой»! (Геккель, Исторія естественнаго мірозданія).

«Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ постоянныя арміи, рекрутскій наборъ отнимаетъ у общества самыхъ красивыхъ молодыхъ людей; они или преждевременно умираютъ во время войны или, что часто бываетъ, пріучатся къ порочной жизни, и во всякомъ случаѣ лишены возможности рано жениться; молодые же люди слабые, малорослые, плохо развитые физически остаются дома и имѣютъ возможность жениться и оставить послѣ себя потомство». (Дарвин, Потомство человѣка).

Пролетаріатъ, устоявшій въ теченіи сотни вѣковъ противъ всѣхъ вышеупомянутыхъ факторовъ, ведущихъ къ вырожденію, и продолжающій выдвигать изъ своихъ рядовъ людей сильныхъ тѣломъ и душою, доказалъ свою ни съ чѣмъ несравнимую жизненность, и буржуазія, успѣвшая въ столь короткій промежутокъ времени совершенно выродиться, не имѣетъ права заявлять, что лучшіе и даровитѣйшіе индивидуумы происходятъ отъ нея. Факты доказываютъ что это не вѣрно, и что она ниже того, чѣмъ могла бы быть, благодаря занимаемому ею положенію въ человѣческомъ обществѣ.

Изъ сказаннаго выше мы видимъ, что свободная «борьба за существованіе», на которую ссылается буржуазія — только фиктивно свободна и смѣло можетъ быть сравнена съ примѣрными сраженіями, какіе когда-то устраивались во время кровавыхъ оргій римскими аристократами, гдѣ противъ вооруженныхъ съ ногъ до головы рыцарей выгонялись несчастные рабы, совершенно нагіе, съ жестяными мечами въ рукахъ. И когда представители буржуазіи намъ говорятъ, что жизнь — безпрерывная борьба, что слабые обречены на гибель и должны очистить мѣсто сильнымъ, мы вправѣ имъ отвѣтить: мы согласны съ вами; вы говорите, что побѣждаютъ сильные и лучше организованные? Хорошо, пусть будетъ по вашему! На основаніи вашихъ теорій, побѣда принадлежитъ намъ, рабочимъ!

Ибо вашу силу составляетъ тотъ почтительный трепетъ передъ вашими привиллегіями, который вы сумѣли намъ внушить; ваше могущество покоится на учрежденіяхъ, воздвигнутыхъ вами, какъ средостѣніе, между вами и народомъ, ко-

тораго вы собственными силами не могли бы защитить; ваше превосходство основано на томъ непониманіи нашихъ интересовъ, въ которомъ вы держали насъ до сихъ поръ; наконецъ ваша даровитость заключается въ той ловкости, съ которой вы умѣли заставить насъ быть защитниками вашихъ привиллегій, назвавъ их: отечествомъ! нравственностью! собственностью! обществомъ! и т. д.

Теперь мы прозрѣли и поняли, наконецъ, что ваши интересы прямо противоположны нашимъ; что ваши учрежденія вмѣсто того, чтобы защищать насъ, все глубже и глубже низвергаютъ насъ въ нищету, и поэѳому мы вамъ говоримъ:

Долой предразсудки! Прочь безсмысленное преклоненіе передъ устарѣвшими учрежденіями! Долой фальшивая нравственность! Мы сильнѣе и способнѣе васъ, потому что столько вѣковъ боремся съ голодомъ и нуждой, работая до изнеможенія, при невозможныхъ гигіенических условіяхъ и въ явно болѣзнотворной обстановкѣ, и несмотря на все это, мы живы еще и работоспособны! Мы даровитѣе васъ, ибо нашимъ трудомъ держится вашъ общественный строй.

Побѣдить должны мы, потому что лучше приспособлены чѣмъ вы: вы могли бы въ любой моментъ исчезнуть съ лица земли, и это не помѣшаетъ намъ производить и послужить только на пользу намъ; но если бы мы отказались работать для васъ, вы не сумѣли бы сами приняться ни за какой производительный трудъ!

Побѣда должна быть наша уже потому, что насъ больше, а этого, какъ вы сами говорите, достаточно, чтобы узаконить всѣ смѣлые замыслы, оправдать всѣ честолюбивыя стремленія, и заставить простить всѣ содѣянныя несправедливости! Въ день роковой битвы мы будемъ въ правѣ примѣнить къ вамъ смертный приговоръ, произнесенный вами же самими, и устранить васъ изъ общества, на организмѣ котораго вы лишь паразиты и тлетворные микробы!

Вы сами сказали: Побѣда принадлежитъ сильнѣйшимъ.

III.

Борьба съ природой и взаимопомощь.

Какъ мы видѣли выше, не нужно далеко искать аргументовъ въ пользу права на возстаніе, а достаточно воспользоваться тѣми, которыми оффиціальные буржуазные ученые защищаютъ привиллегіи эксплуататоровъ. Нѣтъ ничего легче, какъ подкопать устои современнаго соціальнаго строя при помощи теорій, которыми буржуазія пытается ихъ укрѣпить.

Но наши взгляды шире и пониманіе соціальныхъ отношеній — яснѣе. Мы знаемъ, что даже среди роскоши человѣкъ не можетъ быть счастливымъ, если вынужденъ защищать занятую имъ позицію отъ требованій голодающихъ массъ; что какъ-бы несознателенъ ни былъ кто-либо изъ привиллегированныхъ, онъ чувствуетъ иногда угрызенія совѣсти при мысли, что его богатство — продуктъ нищеты сотенъ несчастныхъ людей; знаемъ, что насиліе не рѣшаетъ вопроса, и намѣрены доказать справедливость нашихъ теорій посредствомъ положительныхъ и раціональныхъ аргументовъ, а не путемъ невѣрнаго толкованія естественныхъ законовъ.

Поэтому мы не смотримъ на человѣческое общество, какъ на поле битвы, гдѣ побѣда достается тѣмъ, у кого большіе аппетиты, а полагаемъ, что всѣ усилія человѣка должны быть направлены единственно против природы, въ которой онъ встрѣтитъ не мало трудностей, препятствій, упрямаго нежеланія производить то, что ему нужно для жизни; не мало тайнъ еще не раскрытыхъ; и въ борьбѣ съ нею найдутъ себѣ достаточно примѣненія его воинственные инстинкты. Борьба эта будетъ такъ продолжительна и упорна, что для успѣшнаго веденія ея понадобятся соединенныя усилія всего человѣчества и все количество труда, накопленное рядомъ поколѣній; зато она будетъ для человѣчества несравненно плодотворнѣе, чѣмъ всѣ кровавыя междуусобныя войны.

Такъ много силъ истрачено; столько жизней загублено въ борьбѣ за существованіе и той безсмысленной борьбой, которая ведется въ обществахъ и называется національнымъ антагонизмомъ! Сколько интеллектуальныхъ дарованій погибло,

которыя при другихъ условіяхъ работали бы производительно на ползу эволюціи человѣчества!

Экономисты говорятъ, что каждый человѣкъ представляетъ изъ себя капиталъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ищутъ оправданія для порядка вещей, вслѣдствіе котораго, — они вынуждены сознаться въ этомъ — тысячи несчастныхъ гибнутъ, прежде чѣмъ отдадутъ обществу половину, четверть и части даже меньше того, что могли бы дать. Какая нелогичность!

А что сказать о тѣхъ, которые тупѣютъ умственно и нравственно въ военныхъ лагеряхъ и казармахъ? Развѣ не выгоднѣе было бы для человѣчества использовать ихъ силы на работы по оздоровленію мѣстностей или разработкѣ земель подъ пашни, или какія-либо другія общеполезныя работы, какъ то: проведеніе дорогъ, каналовъ и туннелей, устройство плотинъ, дренажныя и ирригаціонныя работы, лѣсонасажденіе и т. д., вмѣсто того, чтобы заставлять их дѣлать: «ружье вольно!» и «на караулъ!», или стоять на часахъ у стѣны, мимо которой никто не пройдетъ, или у воротъ, чтобы не пускать на дворъ собакъ? Когда, наконецъ, поймутъ люди, что для чечеловѣчества полезнѣе, чтобы силы расходовались на какую-либо производительную работу, чѣмъ на выдѣлку смертоносныхъ орудій, и что всякій организмъ, терпящій на себѣ паразитовъ, гибнетъ самъ и влечетъ съ собою въ погибель и самыхъ паразитовъ, такъ какъ они совершенно лишены способности приспособлятсья къ условіямъ новой жизни?

Если бы всѣ силы, расходуемыя на производство оружія, разрывныхъ снарядовъ, всего этого военнаго матеріала, предназначеннаго единственно для разрушенія, были употреблены на производство машинъ и усовершенствованныхъ орудій производства, то доля усилій, вносимыхъ каждымъ индивидуумомъ въ общую кооперацію производства, уменьшилась бы до крайняго предѣла, и каждому потребовалось бы минимальное время, чтобы произвести все необходимое къ удовлетворенію его потребностей, и тогда не нужно было бы прибѣгать къ общественному принужденію, которое экономисты считаютъ полезнымъ, чтобы обезпечить существованіе всѣхъ.

Если бы всѣ способности изобрѣтателей, направленныя къ изобрѣтенію броней и блиндажей, отъ тяжести которыхъ корабли не могутъ двигаться на морѣ, и которыя завтра же сдѣлаются ненужными, вслѣдствіе новоизборѣтенной пушки или торпеды; если бы всѣ ихъ вычисленія и формулы, примѣнялись къ изысканію средствъ увеличить производительныя силы человѣка и къ изобрѣтенію новыхъ орудій производства, развѣ это не было бы лучше, чѣмъ расходовать всѣ эти данныя на поистинѣ трудъ Пенелопы, въ которомъ то, что

сдѣлано сегодня, должно будетъ завтра быть передѣланнымъ заново? Сколько проектовъ, кажущихся намъ теперь фантастичными, могли бы тогда быть осуществлены?

Такъ какъ всякій изобрѣтатель обладаетъ неистощимой энергіей въ области экспериментовъ и вычисленій, то въ будущемъ обществѣ, въ которомъ надобность держать постоянныя арміи исчезнетъ, энергія эта будетъ по необходимости обращена на открытіе новыхъ полезныхъ силъ, сами же открытія сдѣлаются общественнымъ достояніемъ и за отсутствіемъ спекуляторовъ, некому будетъ пріобрѣтать ихъ въ собственность и превращать въ орудія эксплуатаціи въ пользу меньшинства и во вредъ большинству, какъ это происходитъ въ современномъ обществѣ, въ которомъ самыя полезныя открытія рабочему классу приносятъ только лишній трудъ и увеличиваютъ его нищету, удесятеряя въ то же время капиталы эксплуататоровъ.

И, наконецъ, какая польза въ томъ, что цѣлая нація, цѣлыя расы и отдѣльные люди взаимно истребляютъ друг друга? Земля наша достаточно обширна и можетъ прокормить всѣхъ и удовлетворить потребности всѣхъ. Буржуа отрицаютъ это, но ихъ отрицанію нельзя придавать никакого значенія.

«Жизненныхъ припасовъ нѣтъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы каждому хватило на его потребности», — говорятъ буржуазные экономисты, и въ доказательство эти близорукіе ученые приводятъ въ своихъ книгахъ неизвѣстно на чемъ основанныя вычисленія, изъ которыхъ, якобы, слѣдуетъ, что предметы потребленія количественно возрастаютъ въ ариѳметической прогрессіи—2, 4, 6, 8 и т. д., тогда какъ народонаселеніе увеличивается въ геометрической прогрессіи—2, 4, 8, 16 и т. д.

Никакими цифрами нельзя доказать этого. Самыя добросовѣстныя статистическія данныя оставляютъ такъ много сторонъ невыясненными, что совершенно невозможно строить на нихъ что-либо положительное, въ особенности, когда дѣло идетъ о производствѣ, и при использованіи этихъ данныхъ повторяется обыкновенное явленіе, а именно: всякій видитъ въ нихъ то, что ему хочется видѣть. И, несмотря на все это, не только ничто не доказываетъ вѣрность выводовъ экономистовъ, но и сами цифры не подкрѣпляются никакими документальными данными.

Но когда съ особеннымъ удареніемъ произносятъ: «прогрессія ариѳметическая», «прогрессія геометрическая» и прибавляютъ къ этому двѣ-три алгебраическія формулы, которыя не всякому извѣстны, — то выводы эти получаютъ чопорный псевдоученый видъ, достаточно убѣдительный, чтобы зажать

ротъ профану и заставить его повѣрить, что доказательство заключается именно въ той формулѣ, которую онъ не понимаетъ.

И экономисты торжествуютъ и доказываютъ, что если бы дѣла на землѣ продолжались въ томъ же порядкѣ, то пищевые продукты въ концѣ-концовъ совершенно истощились бы, и люди были бы вынуждены возвратиться къ первобытной антропофагіи.

Къ счастью, — говорятъ они — этому препятствуетъ соціальная организація съ ея спутниками: войнами и болѣзнями, проистекающими отъ излишествъ или лишеній всякаго рода; она распредѣляетъ пищевые продукты между людьми, уничтожаетъ лишеніе рты, и такимъ образомъ не допускаетъ, чтобы люди поѣдали другъ друга.. заставляя ихъ умирать отъ нищеты и голода!

Всѣ ихъ вычисленія и доводы лживы, ибо — оставляя въ сторонѣ необработанныя пространства на земномъ шарѣ, которыя могутъ быть превращены въ плодородныя нивы — доказано, что несмотря на крайнюю парцелляцію земельной собственности, не допускающую раціональнаго примѣненія интенсивной культуры, вслѣдствіе чего земля родитъ меньше, чѣмъ она могла бы, вздорожаніе хлѣбовъ вызывается въ гораздо большей степени спекуляцій и ажіотажемъ, чѣмъ недородомъ.

Не только у дикихъ народовъ, но и въ цивилизованныхъ странахъ много земли пропадаетъ за отсутствіемъ культуры; такъ, напр., Шотландія въ скоромъ времени вся заростетъ лѣсами и превратится в охотничій участокъ. Вся Ирландія превратилась въ пастбище для овецъ, тогда какъ въ Австраліи избытокъ ихъ, и отъ нихъ пользуются только шерстью. Въ Южной Америкѣ пасутся безчисленныя стада дикаго рогатаго скота, который истребляется только изъ-за шкуръ; мясо же пропадаетъ, не за неимѣніемъ рынка, — ибо въ Европѣ ощущается недостатокъ мяса, а потому, что импортъ его понизилъ бы цѣны на мѣстное мясо, чѣмъ причинилъ бы ущербъ группѣ скотопромышленниковъ и ажіотаторовъ, и тѣ, отстаивая свои интересы во вредъ общественнымъ, и, пользуясь своимъ богатствомъ, умѣютъ черезъ своихъ креатуръ въ законодательныхъ сферахъ добиться такъ называемыхъ «покровительственныхъ» законовъ.

Точно также высокія цѣны на хлѣбъ объясняются не недостаткомъ его. Южная Россія и Америка съ ея необъятными равнинами, гдѣ громадныя пространства земли распаханы вдоль и поперекъ посредствомъ паровыхъ плуговъ, гдѣ все земледѣльческое хозяйство съ начала до конца производит-

ся при помощи усовершенствованныхъ орудій, давно бы разорили французское земледѣліе, если бы и здѣсь не помогли «покровительственные законы», благодаря которымъ мы платимъ за хлѣбъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Будучи лишеннымъ возможности производить хлѣбъ такъ дешево, какъ въ Россіи и Америкѣ, французскій земледѣлецъ долженъ былъ бы приняться за усовершенствованіе своихъ орудій и способовъ производства или обратиться къ производству какихъ-либо другихъ продуктовъ. Это было бы ужъ слишкомъ просто... Кромѣ того, и здѣсь понадобилось «покровительство» нѣкіимъ крупнымъ интересамъ! А расплачивается за все бѣднякъ.

Далѣе, естественная исторія учитъ, что плодовитость видовъ обратно пропорціональна степени ихъ развитія; т. е. чѣбъ ниже какой-либо видъ ститъ на соціальной лѣстницѣ, тѣмъ больше онъ плодится, ради заполненія пустыхъ пространствъ, причиняемыхъ войною съ видами, выше его стоящими.

Чѣмъ многочисленнѣе причины уничтоженія вида, тѣмъ интенсивнѣе плодовитость его. Такъ напр., въ нѣкоторыхъ видахъ растеній, одинъ стебель приноситъ въ годъ тысячи и сотни тысячъ зеренъ; изъ рыбъ такой же плодовитостью отличаются сельди, треска и др.; плодовитость кроликовъ и голубей вошла въ пословицу.

Среди млекопитающихъ высшаго разряда, къ которымъ принадлежатъ и человѣкъ, плодовитость уже значительно меньше, но человѣкъ, сумѣвшій приручить самые полезные виды изъ нихъ, нашелъ также средство управлять ихъ плодовитостью на пользу себѣ, равно какъ и плодовитостью тѣхъ растеній, которыя служатъ ему и имъ въ пищу.

Что касается дикихъ животныхъ, которыхъ нельзя было приручить, то, еслибы люди солидаризировали свои силы, вмѣсто того, чтобы тратить ихъ на взаимное истребленіе, они сумѣли бы и этимъ животнымъ создать условія существованія, которыя бы способствовали раціональному ихъ развитію и согласовались бы съ интересами всего человѣчества.

Можетъ быть, земля дѣйствительно производитъ недостаточно, чтобы обезпечить пропитаніе всего человѣчества, -- противъ такого вывода можно спорить, но я допускаю вѣрность его, ибо это нисколько не вредитъ дальнѣйшей аргументаціи, — во всякомъ случаѣ она въ состояніи производить гораздо больше, чѣмъ мы можемъ потребить; для этого нужно только съорганизовать общество такъ, чтобы благосостояніе однихъ не порождало нищеты другихъ; нужно создать такой общественный строй, въ которомъ отдѣльные

индивидуумы были бы заинтересованы помогать взаимно другъ другу.

Мы видѣли выше, что взаимопомощь является однимъ изъ естественныхъ законовъ, управляющихъ эволюціей видовъ; такъ какъ книга эта не касается области естествознанія ни антропологіи, то я не стану цитировать факты въ доказательство этого положенія, а отсылаю читателя къ статьямъ моего друга Кропоткина, напечатаннымъ въ "Societe Nouvelle" и перепечатаннымъ въ "Supplements de la Revolte" и къ брошюрѣ Ланессанна "L'Association dans la lutte". Мы будемъ считать законъ солидарности неоспоримымъ и ограничимся тѣмъ, что укажемъ, какія были-бы достигнуты результаты, еслибы этотъ законъ примѣнялся во всемъ его объемѣ въ области соціальныхъ и индивидуальныхъ отношеній.

Есть еще одна книга, которую слѣдовало бы прочитать, чтобы лучше уразумѣть непроизводительныя траты, проистекающія отъ плохой соціальной организаціи. Эта книга г. Новикова: "Les gaspillages dans les societes modernes". Авторъ становится въ ней на точку зрѣнія экономистовъ и капиталистовъ; приводимыя имъ цифры болѣе или менѣе фантастичны, но какъ бы тамъ ни было, книга заслуживаетъ вниманія, равно какъ и выводы, къ которымъ пришелъ авторъ.

Индивидуальный антагонизмъ, законъ «всякій для себя», господствующій въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, совершенно извратили понятіе объ истинномъ богатствѣ. Богатство, въ настоящемъ значеніи этого слова, если вѣрить нѣкоторымъ экономистамъ, состоитвъ въ приспособленіи земного шара къ потребностямъ людей. Между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы стремиться къ приспособленію земного шара, каждый человѣкъ всегда старался присвоить чужой трудъ и получить себѣ временную выгоду, не обращая вниманія на вредъ, наносимый этимъ общественному богатству.

Примѣромъ такого индивидуальнаго присвоенія и его послѣдствій можетъ служить слѣдующее: отдѣльные люди нашли для себя выгоднымъ вырубать лѣса на вершинахъ горъ и получили такимъ образомъ временно вѣрную прибыль, но такъ какъ никто не былъ непосредственно заинтересованъ въ сохраненіи этихъ лѣсовъ и не позаботился о посадкѣ новыхъ на мѣсто вырубленныхъ, то горныя вершины обезлѣсились, и почва, не будучи укрѣплена корнями деревьевъ отъ вліянія дождей и другихъ причинъ, сползла внизъ къ подножію горъ, и горы стали разрушаться безъ какой-либо пользы для долины.

Затѣмъ, такъ какъ дождевая вода не всасывается болѣе корнями лѣсовъ, то вмѣсто того, чтобы какъ прежде посте-

пенно стекать въ долины, и регулировать количество воды въ рѣкахъ, она стала извергаться внизъ потоками, производящими иногда въ долинахъ разрушительныя наводненія; между тѣмъ какъ въ сухое время рѣки стали сильно мелѣть.

Отсюда въ странѣ произошла и перемѣна климата. Вѣтры не задерживаются болѣе лѣсами, и несомыя вѣтрами дождевыя тучи не изливаются надъ ними. Въ такой-то мѣстности, климатъ, прежде умѣренный, сталъ холоднымъ или жаркимъ, въ зависимости отъ географической широты, или вслѣдствіе засухъ, или отъ недостатка прохлады, навѣвавшейся прежде горными лѣсами.

Нѣкоторыя мѣстности въ Испаніи, въ настоящее время представляютъ изъ себя пустыни, тогда какъ во времена мавровъ онѣ были превосходно воздѣланы; ибо изгнаніе мавровъ повлекло за собою гибель превосходной системы орошенія, которую они ввели и поддерживали. То же замѣчается и въ Египетѣ; съ исчезновеніемъ цивилизаціи временъ пирамидъ, песчаная пустыня захватываетъ тамъ все больше и больше обработанной земли. Точно такъ нѣкоторыя части древней Халдеи, Ассиріи и Месопотаміи, когда то плодородныя и цвѣтущія, нынѣ превратились въ песчаныя пустыни.

Таковы результаты войнъ между отдѣльными индивидуумами и цѣлыми обществами. Здѣсь-то открывается обширное поприще для солидарности, во имя пріобрѣтенія для культуры этихъ потерянныхъ, ею пространствъ, и если правда, что борьба полезна человѣку, то на такую только борьбу должны быть расходуемы его силы.

И это еще не все; есть громадныя пространства, покрытыя болотами и дюнами, гдѣ летучіе пески засыпаютъ города и почвы, расположенныя у морского берега; есть берега, которыя нужно защитить отъ вторженія моря.

Нѣкоторыя работы, обѣщающія дать врѣную прибыль, въ настоящее время уже производятся; за то много есть такихъ, которыя никогда не будутъ предприниматься капиталистическимъ обществомъ, потому что не сулятъ немедленныхъ барышей.

Такъ, напр., говорятъ объ осушкѣ Зундерзея съ цѣлью отвоевать обратно у моря землю, захваченную имъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ; но когда примутся серьезно за работы неизвѣстно. И сколько предстоитъ еще иныхъ, подобныхъ этой, работъ, которыя дали бы многочисленнымъ поколѣніямъ людей возможность примѣнить свои воинственныя наклонности на пользу и благо всего человѣчества.

В дальнѣйшемъ я докажу, что въ будущемъ обществѣ трата силъ будетъ представляться человѣку не мученіемъ,

какъ теперь, а гимнастикой, необходимой для его жизнеспособности. Время и усилія не будутъ приниматься въ разсчетъ ибо мотивы человѣческой дѣятельности переродятся подъ вліяніемъ среды.

Въ Европѣ имѣются огромныя пространства непроизводительной земли вслѣдствіе сухости почвы, и рядомъ съ ними рѣки вливаютъ въ море милліоны кубическихъ метровъ воды и вмѣстѣ съ нею уносится весь алловіальный черноземъ, который смывается ею на всемъ протяженіи рѣкъ и загромождаетъ устья, затрудняя навигацію. Достаточно было бы хорошо скомбинированной системы каналовъ, чтобы перехватывать на пути этотъ плодородный черноземъ, пропадающій безъ всякой пользы и посредствомъ него обратить въ пашни безплодныя равнины.

Итакъ стоитъ только упомянуть работы, предстоящія будущимъ поколѣніямъ ради превращенія земного шара въ пригодный для обитанія на всей его поверхности мѣсто, чтобы понять, что недостатокъ жизненныхъ припасовъ, о которомъ намъ прожужжали уши экономисты, вмѣсто того, чтобы оправдать существованіе капиталистическаго строя, является формальнымъ доказательствомъ его непригодности, ибо плохая его организація принуждаетъ милліоны людей работать въ отрицательномъ направленіи, въ то время, какъ человѣческая дѣятельность требуетъ такъ много дѣлъ положительныхъ.

Нужно только, чтобы люди согласились между собою и договорились, и тогда они въ самомъ трудѣ найдутъ вознагражденіе за истраченныя силы; нужно, чтобы «борьбу» замѣнилъ «договоръ», и человѣчество избѣжитъ нищеты, которую считаетъ неизбѣжной, и которая есть не что иное, какъ плодъ хищности однихъ, и глупости тѣхъ, кто терпѣливо ее переноситъ.

Чтобы покончить съ вышеизложеннымъ, послушаемъ одного писателя, котораго нельзя заподозрить въ революціонности и пристрастныхъ тенденціяхъ. Искренно увлеченный истиной, онъ провозглашаетъ ее вдохновенными словами, можетъ быть слишкомъ проникнутыми сентиментализмомъ, но сентиментализмъ въ сущности хорошъ, если не удаляется отъ правды и логики:

Въ настоящее время человѣкъ сильный, богатый, ученый властвуетъ почти неограниченно надъ слабымъ, неученымъ и вообще человѣкомъ низшаго класса и находитъ совершенно естественной возможность эксплуатировать чужія силы на свою личную пользу. Все общество неизбѣжно страдаетъ отъ

такого порядка вещей; людямъ слѣдуетъ уразумѣть, что имъ необходимо всѣмъ соединить свои усилія, въ видахъ взаимной поддержки, и направить ихъ къ одной цѣли, а именно стремиться освободить себя отъ **ига силъ природы,** вмѣсто того, чтобы расходовать жизненную энергію на взаимное уничтоженіе и эксплуатацію. Соперничество само по себѣ полезно и должно существовать, но оно должно сбросить съ себя отжившій и грубый обликъ всеуничтожающей борьбы за право на существованіе и принять облагороженную форму конкурренціи, имѣющей въ виду благо человѣчества; другими словами, на мѣсто **борьбы за личную жизнь** должна стать — **борьба за жизнь вообще;** на мѣсто всемірной ненависти — всемірная любовь. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ прогрессируетъ на этомъ пути, онъ удаляетъ отъ первобытнаго звѣреподобнаго состоянія, освобождается отъ подчиненности силамъ природы и ея неумолимымъ законамъ и приближается къ идеалу человѣка! На этомъ же пути онъ обрѣтетъ тотъ рай, фантастическій образъ котораго рисовался воображенію всѣхъ, даже самыхъ древнихъ народовъ; рай, котораго человѣкъ лишился вслѣдствіе грѣхопаденія, какъ говоритъ легенда, съ той разницей, что будущій рай не плодъ фантазіи а раельность; что онъ обрѣтается не въ началѣ, а въ исходѣ эволюціи человѣчества и что онъ не награда, даруемая Богомъ, а результатъ труда, побѣдная добыча человѣка и человѣчества». (Брюхнеръ, L'homme selon la science стр. 210 и 211).

Отъ себя прибавимъ:

Рай, въ который рабочему классу не суждено войти, пока онъ не сознаетъ, что его хозяева не отворятъ ему его вратъ, и въ которомъ рабочимъ позволено будетъ жить только тогда, когда у нихъ найдется энергія захотѣть завоевать его себѣ, отстранивъ прочь тѣхъ, кто загораживаетъ входъ.

ГЛАВА IV.

Революція и интернаціональность.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ этого труда я постараюсь развить намѣченную мною выше аргументацію, но чтобы не отвлечься въ сторону я долженъ теперь вернуться къ своему изслѣдованію о революціи, и здѣсь-то прежде всего приходится имѣть дѣло съ самымъ солиднымъ возраженіемъ сторонниковъ власти: соціалистовъ и буржуазіи; а именно, что для общества нецентрализованнаго, нерасполагающаго постоянной арміей, не имѣющаго во главѣ провиденціальныхъ людей, которые бы думали и дѣйствовали за всѣхъ, для такого общества не возможно будетъ удержаться среди окружающихъ его народовъ, въ случаѣ, если таковые останутся при капиталистическомъ строѣ. При этомъ теоретики буржуазіи совѣтуютъ продолжать давать себя эксплуатировать въ ожиданіи, что капиталисты станутъ менѣе алчными. Соціалисты совѣтуютъ намъ избавиться отъ современныхъ хозяевъ и вручить власть имъ, соціалистамъ, и обѣщаютъ сфабриковать для насъ, за свой страхъ и рискъ, весьма дешево стоющее благополучіе, которое наши неуживчивые сосѣди не преминутъ уважать.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что буде революція локализируется въ одной народности, то окружающія ее полутократическія государства не замедлятъ объявить ей войну, быть можетъ, даже не соблюдая формальностей объявленія войны, какія приняты между бонтонными противниками, которые обмѣниваются комплиментами въ то время, какъ другіе сражаются за нихъ, и иногда доводятъ любезность до того, что продаютъ другъ другу смертоносныя орудія, сработанныя тѣми, кто долженъ испытать на себѣ же ихъ дѣйствіе.

Революція 89-го года, бывшая дѣломъ эмансипаціи одного только сословія, доказала, что дворянство, духовенство и монархія, господствовавшія во всей остальной Европѣ, обнаружили свою солидарность съ дворянствомъ, духовенствомъ и монархіей Франціей, и мы знаемъ, какую сильную коалицію они создали противъ нарождающейся республики, и

что не ихъ была вина, если послѣдняя не была уничтожена въ самомъ началѣ своей жизни.

Плутократія столь же хищная, если не больше, поступила бы одинаково, если бы почувствовала, что ей грозитъ опасность. Не можетъ быть сомнѣнія, что смежныя буржуазныя государства не потерпятъ у себя подъ бокомъ центра новыхъ идей, которыми могли бы заразиться и ихъ поданные. Мы знаемъ, на что способна буржуазія, когда грозитъ опасность ея матеріальнымъ интересамъ. Она не замедлитъ огнемъ и мечемъ покарать дерзновенный народъ, осмѣлившійся не хотѣть дольше кормить на свой счетъ своихъ эксплуататоровъ.

Зато революція 89-го года показала намъ также, на что способенъ народъ, защищающій свою свободу; люди становятся непобѣдимыми, когда они сражаются за свою независимость и имѣютъ противниками лишь безидейныхъ автоматовъ, а сознаніе, что борьба идетъ за свой семейный очагъ, за свою свободу, стоитъ больше, чѣмъ многочисленные баталіоны солдатъ.

Сторонники власти могутъ возразить намъ, что въ республикѣ 89-го года мы видимъ сильно централизованную націю, сумѣвшую отстоять свое единство даже отъ внутреннихъ враговъ, и что именно потому то они и требуютъ централистической организаціи, которая дала бы возможность защищаться противъ попытокъ переворота, какъ исходящихъ изъ внутри страны, такъ и угрожающихъ изъ-внѣ.

Прежде чѣмъ согласиться съ этимъ, слѣдовало бы внимательно изучить философію исторіи той эпохи, и затѣмъ задаться вопросомъ: не подчинялись ли иногда, противъ воли, давленію безымянной толпы. нѣкоторые тогдашніе люди, кажущіеся намъ теперь самыми ярыми сторонниками централистической власти? Не началось ли паденіе республики, окончившееся гибелью ея отъ руки грубаго насильника, въ тотъ именно моментъ, когда личная иниціатива оказалась совершенно подавленной, и толпа окончательно обезсиленной?

Въ сущности тотъ или другой отвѣтъ на эти вопросы нисколько не повліяетъ на нашу аргументацію. Какъ бы велика ни была энергія людей, стоявшихъ тогда у власти, какъ бы велика ни была ихъ умѣлость въ веденіи дѣлъ, онѣ бы мало значили, еслибы эти люди не имѣли себѣ поддержки въ тѣхъ, кто остался безымяннымъ; кто неоднократно умѣлъ принудить ихъ принимать тѣ или другія мѣры къ общественной безопасности, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ приводить эти мѣры въ исполненіе, собственной иниціативою, не ожидая согласія главарей.

Государственныя тюрьмы были разрушены; произволъ,

цѣпи связывавшія индивидуальность во всѣхъ ея проявленіяхъ—уничтожены; имѣнія дворянства и клира конфискованы, ибо должны были быть возвращены націи; всего этого, въ соединеніи съ убѣжденіемъ, что наконецъ засвѣтитъ для всѣхъ самая неограниченная свобода, было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы воспламенить и сдѣлать непобѣдимыми людей, которые еще наканунѣ даже своего тѣла не могли считать полной собственностью.

А между тѣмъ всего этого не было бы достаточно, если бы этимъ людямъ не пришлось имѣть дѣло съ арміями наемниковъ, сражавшихся безъ ихъ энтузіазма, и способныхъ противопоставить пламенному натиску противниковъ лишь слѣпое повиновеніе военой дисциплинѣ.

Но и этого, вѣроятно, не было бы достаточно, если бы люди, боровшіеся за свободу, не нашли себѣ симпатій у націй, правительства которыхъ вели съ ними войну; симпатіи эти были на ихъ сторонѣ и парализировали враждебныя имъ силы. Врагами новыхъ идей были привиллегированные всѣхъ странъ; за то симпатизировали имъ всѣ обездоленные, ожидавшіе овсобожденія и требовавшіе его отъ новыхъ людей, которые явились какъ бы для ихъ спасенія. Въ этомъ-то и заключается секретъ успѣха великой революціи, и всѣ наши надежды и усилія должны быть направлены въ эту сторону.

Революція не можетъ быть дѣломъ одной націи, и не должна локализироваться въ одномъ мѣстѣ. Чтобы побѣдить, она должна быть интернаціоньалной. Рабочіе одной страны могутъ освободиться отъ своихъ эксплуататоровъ только при томъ условіи, что ихъ братья изъ смежныхъ странъ произведутъ у себя такую же оздоровительную операцію; они должны наконецъ забыть безсмысленную рознь, въ который ихъ воспитали, и вычеркнуть фиктивныя, существующія фактически лишь на бумагѣ, демаркаціонныя черты, которыми постарались изолировать ихъ другъ отъ друга.

Революція должна быть интернаціональной; пусть это помнятъ тѣ, кто мечтаетъ о переформированіи собственности. Каково ни будетъ будущее общество: мирное или воинствующее; будетъ ли оно организовано въ духѣ власти, или въ духѣ свободы, оно немедленно подвергнется нападеніямъ со стороны окружающихъ плутократій, если только новый порядокъ вещей дѣйствительно нарушитъ интересы буржуазіи.

Въ настоящее время вошло въ моду называть себя интернаціоналистомъ. Такъ называютъ себя соціалисты; экономисты тоже, а также и многіе буржуа... «Да здравствуетъ интернаціоналъ, сударь!»

«Всѣ народы намъ
Братья, братья, братья».

говорится въ одной пѣсенкѣ. Да, народы намъ братья, но если поскребать всѣхъ этихъ интернаціоналистовъ, въ томъ числѣ и многихъ соціалистовъ, то скоро въ каждомъ найдешь шовиниста, интернаціонализмъ котораго весьма охотно примирится съ какимъ-нибудь завоеваніемъ! О, конечно, что бы сдѣлать покоренныхъ счастливыми! Они вѣдь намъ братья!

Такой интернаціонализмъ — только пародія. Другіе народы стоятъ столько, сколько мы стоимъ, и мы также не способны дать имъ счастье, какъ они не способны дать его намъ, ибо, вообще, ни одинъ человѣкъ не можетъ сдѣлать счастливымъ другого, помимо его воли. Мы можемъ подать другъ другу руки, чтобы сообща освободиться отъ тѣхъ, кто намъ дѣлаетъ зло; мы должны себя считать равными и обязанными, когда представится случай оказать взаимную услугу. Въ этомъ и состоитъ интернаціонализмъ, и не нужно довѣрять тому показному интернаціонализму, который правымъ глазомъ посылаетъ любовные взгляды нашимъ братьямъ по ту сторону границы, а лѣвымъ хитро подмигиваетъ «нашей бравой національной арміи».

Французы, нѣмцы, итальянцы, англичане или русскіе, всѣ мы безразлично страдаемъ отъ эксплуатаціи на одинъ и тотъ же ладъ. На насъ кишитъ паразитное меньшинство и ведетъ насъ, куда хочетъ. Какъ оселъ въ баснѣ Лафонтена, мы должны уразумѣть, что «нашъ врагъ это нашъ хозяинъ», и тогда не будетъ больше національной розни. Во Франціи, какъ въ Германіи, въ Англіи, или Италіи, эксплуататору нѣтъ дѣла до національности того, кого онъ стрижетъ, и если онъ отдаетъ кому-либо предпочтеніе, то тому, кто покорнѣе другихъ позволяетъ себя стричь. Такимъ образомъ человѣчество дѣлится только на два класса: эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Это должны помнить обиженные всѣхъ странъ.

Впрочемъ, и здѣсь ходъ событій является лучшимъ воспитателемъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, ибо пріучаетъ ихъ приспособляться къ обстоятельствамъ, изъ него вытекающимъ, и время въ концѣ концовъ заставитъ отдѣльныхъ личностей считать своимъ единственнымъ отечествомъ вселенную.

Если интернаціонализмъ еще не привился людямъ въ интеллектуальномъ отношеніи, то фактически онъ господствуетъ повсюду; въ наше время все—международно, и нѣтъ такой націи, которая могла бы изолироваться и замкнуться въ себѣ самой. Какъ ни велика энергія нашихъ «покровителей», они не въ состояніи довести свое «покровительство» до жела-

тельнаго для нихъ предѣла, ибо вынуждены считаться съ взаимнымъ обмѣномъ нѣкоторыми международными услугами.

Телеграфъ, почты, желѣзныя дороги — международны; торговыя сношенія до того связали другъ съ другомъ разные народы, что нѣкоторыя торговыя фирмы какъ-бы стоятъ внѣ всякой національности; то же можно сказать о нѣкоторыхъ банкирскихъ домахъ и металлургическихъ заводахъ.

Производство оружія, долженствовавшее бы, съ точки зрѣнія патріотизма, быть отраслью промышленности исключительно націоналистической,—космополитичнѣе всѣхъ другихъ: французскія фирмы снабжаютъ пушками и снарядами такія націи, которыя въ любой моментъ могутъ быть призваны употребить ихъ противъ Франціи; также дѣлаютъ англійскія, германскія и итальянскія фирмы. Нѣкоторые изъ нашихъ депутатовъ стоятъ во главѣ такихъ фирмъ, и это кажется до того естественнымъ, что не вызываетъ удивленія ни въ комъ.

Международные конгрессы организуются ежедневно, по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, такъ какъ ни одна изъ нихъ не въ состояніи функціонировать изолированно, у себя дома; этимъ великимъ движеніемъ захватываются и личныя сношенія между индивидуумами и не могутъ не выходить за предѣлы границъ отдѣльныхъ народностей.

Самъ прогрессъ—интернаціоналенъ и можетъ совершаться одновременно по сю и по ту сторону границы любого даннаго государства. Идея, блеснувъ въ одномъ пунктѣ земли, въ тотъ же моментъ вызываетъ отблескъ въ другомъ пунктѣ, за тысячи верстъ, и можетъ въ нѣсколько часовъ освѣтить собою весь земной шаръ. Высказанная кѣмъ-либо истина всегда тотчасъ же находитъ нѣсколькихъ человѣкъ, претендующихъ на ея открытіе, и доставляющихъ даже доказательства своихъ правъ не нее, что, говоря между прочимъ, доказываетъ, что всякое открытіе — дѣло не одного человѣка, а цѣлаго людского поколѣнія. Такимъ образомъ и революція, если она будетъ истинно соціальной, вспыхнувъ въ одномъ мѣстѣ, найдетъ себѣ отзвукъ въ сердцахъ всѣхъ націй, и это обезпечитъ ея успѣхъ.

Если бы намъ не была столь хорошо знакома, самоувѣреность сторонниковъ власти, мы удивлялись бы ихъ претензіи обезпечить успѣхъ революціи путемъ установленія «твердой власти».

Пусть бы «твердая власть» попробовала затронуть буржуазныя привилегіи, и немедленно, какъ бы ни велики были ея средства и силы, противъ нея поднимется могущественная коалиція и окружитъ ее лѣсомъ штыковъ; коалиція, во сто-

кратъ болѣе свирѣпая, чѣмъ монархическая коалиція 89-го года.

Только наивные мечтатели могутъ вѣрить, что достаточно съорганизоваться точно такъ, какъ съорганизованъ противникъ, чтобы быть въ силахъ побѣдить его. Въ этомъ состояла ошибка коммуны, врѣившей, что она можетъ завести себѣ солдатъ такихъ же, какими располагало Версальское Правительство, и давать правильныя сраженія, и это ее погубило.

Если рабочіе вздумаютъ играть въ эту игру, они въ этомъ раскаяться очень скоро. Новымъ идеямъ нужны новые пути; различнымъ элементамъ нужна тактика, приспособленная къ ихъ способу мышленія. Предоставимъ блестящія каски и стратегію тѣмъ, кто хочетъ играть роли Бонапартовъ и Веллингтоновъ, но воздержимся благоразумно слѣдовать за ними. Какую бы революціонеры на этихъ роляхъ ни развили энергію и дѣятельность, какъ бы великолѣпны ни были организованность и дисциплина ихъ отрядовъ, они потерпятъ пораженіе, ибо будутъ сломлены численностью враговъ, которыхъ имъ создаютъ ненависть всѣхъ тѣхъ, чьимъ аппетитамъ будетъ угрожать опасность.

Сторонники власти возлагаютъ надежды на то, что сумѣютъ заставить признать себя законной властью правительствами другихъ странъ. Будучи въ сущности политиканами, и только политиканами, они разсчитываютъ быть признанными за равныхъ, путемъ дипломатическихъ сношеній съ другими правительствами.

Новое революціонное правительство только тогда будетъ признано, когда откажется отъ всякой попытки соціальныхъ реформъ. Чтобы быть хорошо принятымъ «любезными кузенами» по власти, оно должно будетъ сдерживать нетерпѣливые порывы народныхъ массъ, выведшихъ его на высоту власти, при помощи ими же данныхъ ему силъ и, въ **случаѣ попытокъ возстанія у новыхъ союзниковъ,** не допускать эти народныя силы итти на помощь возставшимъ.

Слѣдовательно, только путемъ отреченія отъ своихъ принциповъ народное правительство будетъ въ состояніи пріобрѣсти авторитетъ у окружающихъ державъ.

Развитіе международныхъ сношеній способствуетъ повсемѣстному развитію одинаковыхъ потребностей и распространенію одинаковыхъ тенденцій. Причины страданій рабочихъ вездѣ одинаковы, и вездѣ одинаковы ихъ идеалы. Этого достаточно, чтобы революція, вспыхнувъ въ одномъ мѣстѣ вызвала одинаковыя вспышки въ ста другихъ разныхъ мѣстахъ.

Если рабочіе пріучатся предварительно солидаризиро-

вать свои интересы и группировать свои силы наперекоръ своимъ хозяевамъ, то они сумѣютъ поддерживать другъ друга гораздо существеннѣе, чѣмъ это сумѣло бы сдѣлать любое правительство.

Возстанія или попытки къ возстанію заставятъ каждое буржуазное правительство сосредоточить свои силы у себя, и отвлекутъ его вниманіе отъ того, что дѣлается у сосѣдей. Вынужденное защищаться у себя дома отъ прежнихъ своихъ невольниковъ, нынѣ возставшихъ противъ него, оно будетъ лишено возможности итти на помощь сосѣду, гибнущему рядомъ съ нимъ отъ тѣхъ же причинъ. Диверсія — умная тактика, которой не перенебрегали лучшіе стратеги, и чтобы произвести ее не требуется имѣть готовую армію.

Рабочіе одной какой-либо мѣстности побѣдятъ и освободятся отъ своихъ господъ только при томъ условіи, что возстанутъ рабочіе окрестныхъ мѣстностей. Это вѣрно по отношенію къ рабочимъ одной и той же національности въ видахъ раздѣленія силъ господъ; вѣрно и по отношенію къ рабочимъ разныхъ національностей, ради воспрепятствованія господамъ помогать другъ другу. На мѣстѣ одно связано съ другимъ. Международная солидарность рабочаго класса не должна оставаться пустой формулой, и осуществленіе ея не должно быть отстрочиваемо до отдаленнаго будущаго; она является условіемъ since qua non успѣха революціи.

Такова логика вещей. Братское объединеніе рабочихъ всѣхъ странъ должно выйти изъ области мечтаній о будущемъ; оно средство борьбы съ нашими хозяевами, и дастъ намъ побѣду, если сумѣемъ побѣдить.

Буржуазія не безъ страха слѣдитъ за стремленіемъ рабочихъ объединиться въ международный союзъ, ибо знаетъ, что въ день, когда народы перестанутъ быть врагами, ей нечѣмъ будетъ оправдывать постоянное держаніе милліоновъ людей готовыми къ ея защитѣ, и тѣ громадныя вооруженія, за которыми она считаетъ себя неприступной. Въ противовѣсъ къ вышеуказанному стремленію рабочихъ она возвела въ культъ догматъ объ отечествѣ, и ея восхвалители спѣшатъ бить въ набатъ всякій разъ, лишь раздается чей-либо независимый голосъ, чтобы заклеймить звѣрства, прикрываемыя знаменемъ патріотизма, или провозгласить, что единственное отечество человѣка — вселенная.

«Агенты заграницы», «низкіе негодяи», вотъ тѣ эпитеты, какими они награждаютъ этихъ независимыхъ людей. Впрочемъ, брань ихъ понятна, ибо эти господа судятъ о другихъ по себѣ, и думаютъ, что писать можно только то, за что по-

лучена плата. Они привыкли торговать перомъ и словомъ, и поэтому не вѣрятъ, что есть люди, пишущіе и говорящіе только то, что они думаютъ.

«Вы не хотите унижать чужое отечество, значитъ, вы негодяи; не хотите кричать вмѣстѣ съ нами, что ваша родина царица между націями, что всѣ другіе народы жалкій сбродъ, значитъ вы агентъ заграницы»! Такова логика этихъ господъ, и исходя изъ нея они убѣждаютъ слабоумныхъ людей, что тотъ, кто не хочетъ закрывать глаза на всѣ вопіющія безобразія, прикрываемыя знаменемъ патріотизма становится врагомъ своего отечества.

Вотъ почему, когда интернаціоналисты называютъ антипатріотами всю эту компанію глашатаевъ милитаризма и шовинизма, направленныхъ къ взаимному избіенію, тѣ клевещутъ, называя антипатріотами и врагами Франціи французовъ, врагами Германіи нѣмцевъ, Италіи итальянцевъ и т. д., хотя антипатріотизмъ ихъ состоитъ лишь въ томъ, что они любятъ все человѣчество и ненавидятъ войну.

Антипатріотами не могутъ быть названы люди, стремящіеся распространить любовь съ отдѣльнаго индивидуума на все человѣчество. Когда они возстаютъ противъ власти и капитала, какъ таковыхъ, они являются противниками ихъ не только у себя дома, но и во всѣхъ другихъ странахъ. Они не требуютъ перемѣщенія власти отъ одной группы къ другой, но полнаго уничтоженія ея.

За то, что мы противники власти, насъ обвиняютъ въ стремленіи къ хаосу; за то что мы противники законныхъ формъ семьи и того принужденія и запрещенія, которыя законъ противопоставляетъ естественной эволюціи ея, насъ обвиняютъ въ томъ, что мы хотимъ уничтожить семью; за то, что мы противники узкаго патріотизма, требующаго, чтобы на другіе народы смотрѣли какъ на враговъ, что мы сторонники всемірнаго братства, насъ обвиняютъ въ томъ, что мы проповѣдуемъ униженіе нашей родины и подчиненія ея сосѣдямъ!

Не лучше ли объясниться. Извѣстно, что у всякаго человѣка есть свои привязанности. Онъ всегда съ любовью вспоминаетъ мѣсто, гдѣ ему хорошо жилось, гдѣ развились его симпатіи, его влечетъ съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ въ страну, гдѣ онъ увѣренъ, что найдетъ друзей. Когда мы говоримъ, что любимъ такую то страну, то это значитъ, что любимъ воспоминанія, связанныя съ нею, пережитыя въ ней ощущенія, и друзей, тамъ оставленныхъ, и совокупность всего этого и составляетъ предметъ нашей привязанности, а не почва, страна, сама по себѣ.

Когда людямъ кажется, что они должны больше всего любить мѣстность, гдѣ они родились, потому только, что съ нею связаны воспоминанія о рожденіи, то никто не подумаетъ возражать противъ этого, ибо не всегда для насъ ясны источники того или другого нашего чувства; но изъ того, что мы больше любимъ такую-то данную мѣстность, еще не слѣдуетъ, что жители другихъ мѣстностей — наши враги; еслибы патріотизмъ былъ исключительно привязанъ къ почвѣ, къ мѣсту рожденія, онъ не распространялся бы на цѣлую страну напримѣръ, Францію, Германію, Россію и т. д. Тогда стала бы понятнѣе любовь къ одной провинціи; еще болѣе понятнѣй любовь къ мѣсту жительства или рожденія. Почему въ такомъ случаѣ не признать наличность причинъ вражды между обитателями одной улицы? И если человѣкъ способенъ любить даже тѣхъ, кто связанъ съ нимъ случайно, то почему его любовь должна сосредотачиваться на какой-либо данной группѣ, а не на любой иной? Почему не распространить ее на все человѣчество?

ГЛАВА V.

Революція — дѣтище эволюціи.

Изъ предыдущаго мы знаемъ, что революція сопутствуетъ эволюціи. Въ дѣйствительности нѣтъ перерыва между вчерашнимъ днемъ и сегодняшнимъ, и завтрашній день есть продолженіе кануна. Поэтому будущее общество не явится сразу совершенно готовымъ, а будетъ только тѣмъ, къ чему подготовили предшествующія событія. Въ виду этого мы не должны выжидать революціи, чтобы жить согласно нашимъ идеаламъ, а должны стараться, по мѣрѣ нашихъ силъ, согласовать свои дѣйствія съ нашими воззрѣніями.

Мы считаемъ доказаннымъ, что отъ реформъ, даруемыхъ сверху, буржуазіей, нельзя ожидать освобожденія рабочаго класс. До тѣхъ поръ, пока не будутъ безслѣдно уничтожены учрежденія, задерживающія свободное развитіе человѣчества, всякія реформы будутъ не что иное, какъ грубая приманка, разсчитанная на легковѣрность рабочихъ, или же какое-нибудь новое усовершенствованіе въ пользу капитала, которое ему облегчитъ эксплуатацію рабочаго класса.

Ниспроверженіе властей, уничтоженіе личной собственности и отмѣна денежныхъ знаковъ одни только могутъ обезпечить освобожденіе рабочаго класса, и было бы абсурдомъ ждать таковаго не только отъ буржуазнаго, но даже и отъ рабочаго правительства.

Между тѣмъ, какъ ни обманчивы и призрачны реформы, есть люди, искренно вѣрующіе, что посредствомъ нихъ можно произвести улучшенія въ положеніи рабочихъ. Они увѣрены, что отъ парламента можно добиться такихъ реформъ въ соціальномъ строѣ, которыя дадутъ рабочимъ, если не богатство, то хотя матеріальную обезпеченность. Игнорируя совершенно опытъ поршлаго и настоящаго, они трудятся надъ тѣмъ, чтобы убѣдить выборщиковъ въ цѣлесообразности своихъ панацей и заставить ихъ подавать голоса за тѣхъ кандидатовъ, которые обѣщаютъ работать въ духѣ проведенія вышеупомянутыхъ реформъ.

Само собою разумѣется, я говорю здѣсь только о людяхъ

убѣжденныхъ, не дѣлающихъ себѣ изъ политики профессію, и порповѣдующихъ только то, что они считаютъ истиной.

Восхваляя реформы, убѣжденные эволюціонисты безсознательно играютъ въ руку политиканамъ и сбиваютъ рабочихъ съ правильной дороги надеждами на улучшенія; они помогаютъ, такимъ образомъ, держать рабочихъ въ заколдованномъ кругѣ парламентаризма, въ которомъ горечь каждаго обманутаго ожиданія сглаживается надеждою на успѣхъ въ будущемъ.

Но во всякомй медали есть оборотная сторона. Если проповѣдники реформъ, съ одной стороны, безсознательно удаляютъ рабочихъ отъ вѣрнаго пути, то съ другой стороны, они также безсознательно, въ отрицательной формѣ, работаютъ надъ уничтоженіемъ довѣрія къ парламентаризму; ибо хотя вся масса избирателей не разочаровывается отъ обманутыхъ ожиданій и послѣ каждаго такого обмана, продолжаетъ нести бюллетени къ урнамъ, но отдѣльныя личности серди нихъ, умѣющія думать, убѣждаются въ безсиліи парламентарнаго режима и ищутъ путь къ освобожденію въ другомъ направленіи.

Отъ времени до времени случается съ искателями легальныхъ лѣкарствъ отъ нищеты и эксплуатаціи, что имъ попадается въ руки реформы, подкапывающія фундаменты буржуазнаго строя, и тогда буржуазія смотритъ на нихъ, какъ на простыхъ революціонеровъ. Вызываемыя ими политическія движенія подготовляютъ рабочихъ къ воспріятію послѣдствій соціальной революціи, и въ зависимости отъ хода событій могутъ перេродиться въ движенія опредѣленно выраженнаго экономическаго характера.

Тѣмъ, кто понялъ, что освобожденіе возможно только посредствомъ силы, нѣтъ, конечно, никакого дѣла до реформъ; съ ихъ точки зрѣнія, — будутъ ли реформы искренни, или вытекутъ изъ мотивовъ личнаго честолюбія,—работа сторонниковъ парламентарнаго режима направлена къ отвлеченію рабочаго класса въ сторону отъ настоящаго пути, и поэтому необходимо бороться съ этимъ движеніемъ.

Всякій разъ, когда въ спорѣ мы имѣемъ дѣло съ оппонентомъ, предполагается, что онъ искрененъ, и что оспаривается не его убѣжденіе, но выводы, дѣлаемые имъ изъ идей, выразителемъ которыхъ онъ является, и результаты этихъ выводовъ; можно очень неискренно высказывать очень хорошія мысли и наоборотъ очень искренно высказывать абсурдъ, поэтому мы должны обсуждать идеи оппонента, а не его искренонсть.

Такъ какъ мы убѣдились, что легальная агитація не мо-

жетъ привести къ желанному результату и старались доказать рабочимъ, что имъ не стоитъ терять время на эту игру, то насъ обвинили, якобы мы противники временнаго улучшенія положенія рабочихъ и задались цѣлью помѣшать таковому.

Это тоже не вѣрно. Когда мы доказываемъ рабочимъ, что имъ нечего ждать отъ сословій, которое ихъ эксплуатируетъ и что половинчатая реформа — вздоръ, мы не говоримъ, что рабочіе должны отказываться от полуреформы, разъ она имъ предлагается; мы только оспариваемъ логику, направленную къ тому, чтобы увѣрить рабочихъ, что эта полуреформа и есть цѣль, къ которой имъ должно стремиться, и что она-то, по существу своему, можетъ создать имъ освобожденіе.

Мы хотимъ уберечь ихъ отъ разочарованія и разорвать тотъ заколдованный кругъ, по которому они безпрестанно гонятся за какой-то новой реформой.

Если бы было возможно вести кампанію на два фронта, т. е. добиваться реформъ и въ то же время пропагандировать ихъ нецѣлесообразность, мы не преминули бы это дѣлать, ибо примѣненіе реформъ къ жизни доставила бы лучшія доказательства непригодности ихъ; но такъ какъ одностороннее мышленіе толпы не могло бы приспособиться къ такому образу дѣйствій, то мы вынуждены ограничиться только тѣмъ, что проповѣдуемъ безцѣльность реформъ, споримъ противъ тѣхъ, кто желалъ бы вовлечь насъ въ кампанію въ пользу таковыхъ, и ждемъ, пока сами событія не принесутъ съ собой доказательствъ нашей правоты; а это они дѣлаютъ, между прочимъ, каждый день.

Въ смыслѣ ускоренія распространенія истины, было бы вѣроятно лучше, если бы дѣленіе общества было строго опредѣленное, т. е. общество дѣлилось бы на два класса: эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ; тогда между рабочими и эксплуататорами не стояли бы тѣ промежуточные элементы, которые только мѣшаютъ имъ видѣть правду и вносятъ въ ихъ ряды замѣшательство своими безчисленными аргументаціями, и такимъ образомъ для человѣчества сберeглось бы не мало лишне затраченнаго труда; къ сожалѣнію этого нѣтъ и въ борьбѣ, которую мы ведемъ, мы должны считаться лишь съ дѣйствительностью.

Въ обществѣ, какъ и въ природѣ нѣтъ цѣльнаго типа: самый сильный ядъ, принимаемый въ малыхъ дозахъ, служитъ противоядіемъ; точно также сторонники реформъ, хотя и сѣютъ заблужденіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и содѣйствуютъ дискредитированію существующаго соціальнаго строя.

Для того, чтобы убѣдить общество въ необходимости новыхъ реформъ, нужно констатировать въ общественной организаціи извѣстныя ненормальности, которыя желательно исправить; восхваляя реформы, нужно критиковать эти ненормальности и указывать на цѣлесообразность реформъ въ смыслѣ устраненія таковыхъ. Такимъ именно путемъ въ общую массу фактовъ и аргументовъ противъ существующаго соціальнаго строя внесли свою долю наука и литература.

Отъ столкновенія идей возникаетъ эволюціоннымъ образомъ новое теченіе, еще не совсѣмъ, быть можетъ, революціонное, но и не носящее уже слѣдовъ выжидательныхъ тенденцій. Въ области идей большая масса всегда склонна выбрать середину; поэтому партизаны прогресса не должны останавливаться передъ опасеніемъ, что зайдутъ слишкомъ далеко, а должны всегда требовать возможно большаго, имѣя въ виду, что большинство, само по себѣ, расположено довольствоваться малымъ.

Зная свойство толпы низводить идеи до своего уровня, можно было бы даже усумниться въ успѣхѣ прогресса, если бы прошлое не показало, что насколько толпа инертна въ спокойное время, настолько же она нетерпѣлива во время революціи, и что тогда весьма легко незначительному меньшинству личностей, сознательныхъ и рѣшительныхъ, заставить толпу проникнуться самыми широкими идеями, если только она къ этому была подготовлена умѣлой пропагандой.

Послѣдствіемъ непрекращающейся пропаганды явилось еще то, что увлекшіеся идеей индивидуумы пытаются проводить ее въ жизнь, въ предѣлахъ, допускаемыхъ существующими законами. Такимъ образомъ нѣкоторыя идеи проникаютъ въ жизнь, реформируютъ нравы и подготовляютъ почву для новыхъ идей. Такъ, напримѣръ, не смотря на все презрѣніе къ такъ называемой «свободной любви», общество признало и уважаетъ нѣкоторые свободные браки, не санкціонированные церковью и властями. Въ данномъ случаѣ воля лицъ, соединяющихся брачными узами, сумѣла импонировать окружающей средѣ и заставить ее признать бракъ дѣйствительнымъ, какъ будто таковой былъ зарегистрованъ властями.

Съ каждымъ днемъ подрывается авторитетъ власти; ежечасно умаляется довѣріе къ современнымъ учрежденіямъ и увеличивается число индивидумовъ, стремящихся удалиться изъ сферы ихъ дѣйствій. Каждый день видимъ новыя организаціи, образующіяся въ дополненіе къ функціямъ Государства, въ то время какъ еще недавно поддержка его счита-

лось существенно важной, что безъ нея не предпринималось ни одно общественное дѣло.

Но мало-по-малу идеи перерождаются и въ свою очередь перерождаютъ нравы, а интенсивность убѣжденія индивидуумовъ подчиняетъ имъ окружающую среду, заставляя ее приспособляться къ ихъ способу мышленія. Попытки дѣлаемыя въ этомъ направленіи вѣнчаются успѣхомъ, или терпятъ неудачу, но во всякомъ случаѣ не проходятъ безслѣдно.

Къ такимъ попыткамъ можно отнести эмиграцію въ дѣвственныя страны ради проведенія въ жизнь нѣкоторыхъ соціалистическихъ концепцій. Въ большинствѣ случаевъ онѣ кончались неудачей, ибо участники ассоціацій, за недостаткомъ времени, или средствъ, или знанія, не всегда соблюдаютъ условія, необходимыя для успѣха такого рода опытовъ. Кромѣ того, привычки старой цивилизаціи повсюду слѣдуютъ за людьми, и достаточно малѣйшаго послабленія къ себѣ со стороны человѣка, чтобы онъ снова подпалъ подъ ихъ развращающее вліяніе.

Эмигранты должны были поддерживать нѣкоторыя сношенія со старымъ міромъ, съ которымъ ихъ связывала зависимость отъ него, ввиду недостатка разнообразнѣйшихъ предметовъ первой необходимости и неимѣнія средствъ производить таковыя; отсюда абсолютная невозможность согласовать новую жизнь съ идеалами.

Неудачи такихъ попытокъ нисколько, однако, не порочатъ логики новыхъ идей, а только доказываютъ несовмѣстимость ихъ съ современнымъ строемъ и необходимость устранить его ради свободной эволюціи новыхъ идей.

Всякій разъ, когда новаторы со своими новыми идеями начинаютъ становиться опасными для буржуазіи и ея привиллегій, находятся неразумные люди, совѣтующіе схватить всѣхъ недовольныхъ и отправить ихъ на какой-либо островъ, снабдивъ всѣми орудіями производства, и тамъ предоставить имъ осуществлять на практикѣ проекты новаго общества.

Такое рѣшеніе вопроса весьма любезно, но предложеніе этихъ господъ можетъ быть принято развѣ только за шутку, да будетъ позволено сказать имъ это здѣсь, если они сами не сознаютъ этого.

Вообразимъ себѣ, что нѣсколькимъ лицамъ достается наслѣдство, состоящее ибъ обширныхъ участковъ отлично воздѣланной земли, изъ жилого дома, снабженнаго всѣми новѣйшими удобствами, обставленнаго всѣми изобрѣтеніями человѣческаго генія, съ библіотекой, состоящей изъ лучшихъ произведеній литературы, и предположимъ, что когда дѣло

дойдетъ до общаго пользованія наслѣдствомъ, нѣкоторые изъ наслѣдниковъ обратятся къ остальнымъ съ такою рѣчью:

«Да, мы всѣ наслѣдники; это правда; но мы воспитывались въ этомъ домѣ и привыкли наслаждаться роскошью собранной въ немъ, и мы никогда ничего не дѣлали; вы же работали: наблюдали за машинами, воздѣлывали землю, строили домъ, который теперь мы наслѣдовали, поэтому вы не можете хотѣть жить на-равнѣ съ нами. Для обработки земли, дозора за машинами и ухода за домомъ нужны люди; если вы будете жить съ нами въ этомъ домѣ, вы не захотите, пожалуй, работать, чего и мы твердо рѣшили не дѣлать. Конечно, васъ больше, чѣмъ насъ, и если бы дѣло дошло до рукопашной схватки, возможно, что мы не оказались бы сильнѣйшими; но мы добры, и вотъ что можно сдѣлать для васъ, мы заплатимъ за вашъ проѣздъ; на Огненной Землѣ есть земли, никому не принадлежащія; мы вамъ дадимъ орудія производства и коекакія мелкія вещи, которыми можете вести мѣновую торговлю съ Песереками; зато тамъ у васъ будетъ свобода дѣлать все, что вамъ угодно, не стѣсняя людей. Мы же возьмемъ себѣ наслѣдство, такимъ образомъ всѣ будемъ довольны»!

Такова логика буржуазіи, когда она рабочимъ, недовольнымъ своимъ положеніемъ, предлагаетъ эмигрировать.

Въ ихъ рукахъ богатство, средства производства, вся сумма человѣческихъ знаній, однимъ словомъ всѣ плоды цивилизаціи, всѣ факторы равитія, какія достались человѣчеству отъ прошлыхъ поколѣній, а когда мы требуемъ отъ нихъ свою долю наслѣдства, они отсылаютъ насъ къ гренландцамъ или ботокудамъ, которые намъ ничего не должны. Намъ нечего итти такъ далеко искать чего-то, что не существуетъ, когда то, что намъ нужно, находится здѣсь подъ рукою.

Трудомъ своимъ мы завоевали себѣ право на то, что существуетъ, и мы сумѣемъ отстоять наши права.

Рядомъ съ опытами осуществленія идеальнаго общества, вдали отъ цивилизаціи, опытами, интересными для изученія, въ смыслѣ уроковъ для будущаго, даже когда они терпятъ неудачу, производятся такіе же опыты, по мѣрѣ возможности, и среди современнаго общества.

Одними такіе опыты дѣлаются въ ихъ частной жизни, въ сношеніяхъ съ окружающими; другіе группируются вмѣстѣ, чтобы обезпечить за своими планами широкое развитіе и придать осуществленію ихъ болѣе реальное значеніе.

Такъ, напримѣръ, за нѣсколько времени до реакціи 93 года, съорганизовалась группа лицъ съ цѣлью устройства мастерской, куда бы всякій, въ свободное время, могъ приходить работать и производить предметы, предназначавшіеся не толь-

ко въ распоряженіе участниковъ мастерской, но и ихъ сосѣдей, друзей и т. д., которые вмѣсто платы обязывались бы только изучать внимательно идеи, положенныя въ основу ассоціаціи.

Предполагалось, заготовивъ предметы, справляться, кому они больше всего нужны, или же, не приступая къ производству, предварительно опредѣлить, сколько именно предметовъ могло быть изготовлено, и затѣмъ наводить справки о нуждахъ потребителей и изготовлять нужные предметы.

Группа должна была отказаться отъ всякой коммерческой операціи и даже отъ всего, что могло походить на таковую. Не смотря на то, что сношенія должны были охватывать широкіе круги и распространяться до сферъ самыхъ отдаленныхъ, при отсутствіи какого-либо контроля, чтобы сохранить за группой характеръ взаимопомощи, выражающейся обмѣномъ услугъ, а не продуктовъ, отъ участниковъ требовалось бы только одно - добросовѣстность. Каждый могъ бы брать изъ общей массы продуктовъ то, что ему понравится, будучи удерживаемъ отъ злоупотребленія только своей совѣстью; каждый долженъ былъ бы вносить въ общую массу то, что подскажетъ ему его добрая воля.

Изъ членскихъ взносовъ деньгами, соразмѣрно со средствами каждаго, должна была образоваться касса для покупки первыхъ необходимыхъ матеріаловъ.

Группа уже было наняла помѣщеніе подъ мастерскую, въ которой изготовлялась и починялась мебель; арендовано было поле, на которомъ участники собирались воздѣлывать овощи для нуждъ своихъ семействъ; предполагалось даже имѣть лишнія для раздачи тѣмъ, кто оказался бы способнымъ понять идею, руководившую группой.

Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ благопріятномъ развитіи группы, предполагалось основать библіотеку въ которой были бы собраны всѣ лучшія книги, научныя, а также по литературѣ и исторіи, для того чтобы просвѣщать тѣхъ, кто обращался бы за свѣдѣніями; при дальнѣйшемъ прогрессѣ, при библіотекѣ открылась бы школа для дѣтей.

Буржуа намъ скажутъ, что такъ какъ всякій могъ брать изъ общаго склада, не будучи принужденъ въ свою очередь вкладывать въ него, то ассоціація не могла бы долго просуществовать, ибо брали бы всѣ, а не отдавал бы никто. Группа не достаточно долго просуществовала, чтобы можно было узнать результаты. Буржуазія, во всякомъ случаѣ, не стала ихъ ждать, и поторопилась обвинить нѣкоторыхъ членовъ группы въ преступныхъ замыслахъ, и такимъ образомъ положила конецъ опыту.

Вездѣ есть чужеядные организмы, и очень возможно, что они проникли бы и въ группу; фактъ этотъ не служилъ бы доказательствомъ противъ нея; еслибы опытъ продолжался, индивидуумы пріучались бы руководиться въ сношеніяхъ между собою солидарностью, и обходиться безъ денежныхъ знаковъ, такъ какъ взаимныя услуги не оцѣнивались бы деньгами: одинъ вносилъ бы свою рабочую силу, другой — смышленность или знаніе, третій матеріалы. Врядъ ли можно произвести въ современномъ обществѣ лучшій опытъ.

Врядъ ли можно изобрѣсти лучшій способъ доказательства, что можно организовать общество, въ которомъ не будетъ ни денежныхъ знаковъ, ни власти, ни оцѣнки затраченныхъ силъ, какъ дать людямъ возможность убѣдиться въ этомъ путемъ нагляднаго примѣра.

Методъ предоставленія индивидуумамъ, способнымъ понять идеалъ, права пользоваться трудами группы, безъ сомнѣнія, привлекъ бы участниковъ. Изъ нихъ нѣкоторые злоупотребляли бы довѣріемъ, но неразвращенное еще буржуазнымъ обществомъ большинство не захотѣло бы брать изъ общаго склада, безъ отдачи, и не понимая идеи, все-таки старалось бы быть полезнымъ внесеніемъ своей доброй воли въ общее дѣло производства; такимъ образомъ оно путемъ практики достигало бы уразумѣнія теоріи.

Кооперативныя общества производителей и потребителей, конечно улучшаютъ до нѣкоторой степени положеніе тѣхъ, кто въ нихъ участвуетъ, но въ смыслѣ рѣшенія вопроса скорѣе имѣютъ обратное дѣйствіе, ибо дѣлаютъ участниковъ капиталистами и эксплуататорами, столь же реакціонными какъ и буржуа, если не болѣе того.

Становясь участниками въ акціонерныхъ прибыляхъ, рабочіе начинаютъ мечтать о скопленіи капиталовъ, долженствующихъ ихъ всѣхъ сдѣлать рантьерами; получивъ возможность эксплуатировать другихъ, они мечтаютъ о личномъ освобожденіи и стремятся всѣми силами къ нему, въ ущербъ своимъ товарищамъ по зависимому положенію. Всѣ нынѣшнія общества взаимопомощи и страхованія жизни разсчитаны на самый грубый эгоизмъ, потому что тотъ, кто часто хвораетъ, устраняется изъ общества, которое можетъ существовать только при томъ условіи, что больныхъ будетъ немного.

Я не говорю уже о современныхъ обществахъ страхованія доходовъ, въ которыхъ каждый участникъ ждетъ, чтобы соучастники умерли раньше достиженія возраста, дающаго право на полученіе дохода, такъ какъ доходы могутъ быть

выплачиваемы лишь при условіи сокращенія числа участниковъ, имѣющихъ на нихъ право.

Упомянутая мною выше предполагавшаяся ассоціація представляла бы осуществленіе на практикѣ солидарности и взаимопомощи, какъ мы ихъ понимаемъ; въ ней индивидуумы нашли бы улучшеніе своей участи, безъ того стремленія къ роскоши, которое развивается въ капиталистическихъ организаціяхъ. Они научились бы считать другъ друга братьями, и ожидать удовлетворенія своихъ потребностей отъ всеобщаго благосостоянія, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на каждаго члена ассоціаціи, какъ на врага, доля котораго въ общемъ производствѣ уменьшаетъ его личную долю, равно какъ и долю всѣхъ прочихъ участниковъ.

Если бы нѣсколько группъ успѣли съорганизоваться въ разныхъ мѣстахъ и завязать сношенія между собою, въ нихъ олицетворялись бы различные виды индивидуальнаго производства, и это дало бы имъ возможность расширить поприще своей дѣятельности. Въ массѣ участниковъ нашлись бы такіе, которые вносили бы матеріалы первой необходимости, и ихъ не пришлось бы покупать; другіе вносили бы хлѣбъ въ зернѣ и прочіе предметы потребленія. Извѣстное число индивидуумовъ нашло бы въ нихъ для себя занятіе и избѣгло бы необходимости продавать свой трудъ эксплуататорамъ, и такимъ образомъ индивидуумы въ группѣ нашли бы возможность во многихъ случаяхъ избѣжать кавдинскихъ ущелій капитала.

Совершенно освободиться отъ него нельзя бы было; ибо до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать современный строй, индивидуумъ будетъ въ зависимости отъ капитала, завладѣвшаго почвой, рудниками, средствами передвиженія, безъ которыхъ нельзя обойтись, ни замѣнить другимъ; тѣмъ не менѣе, въ ограниченной сравнительно сферѣ дѣятельности, какую удалось бы завоевать, было бы сдѣлано многое, и еслибы съ теченіемъ времени рабочіе могли хоть отчасти избавиться отъ гнета капиталистической промышленности, то и это равнялось бы цѣлому перевороту.

Описанная выше организація, сумѣвъ развиться въ средѣ современнаго общества, подготовила бы его распаденіе; раньше или позже буржуазія приняла бы мѣры, чтобы пріостановить развитіе ея. Въ данномъ случаѣ, **какъ мы знаемъ**, она не ждала долго; но за первымъ неудачнымъ опытомъ послѣдуетъ десять новыхъ, ибо эволюція продолжаетъ совершаться, несмотря на мѣропріятія реакціи.

Реакціонныя мѣры могутъ только затормозить развитіе идеи, но не остановить ее; часто онѣ только ускоряютъ ея рас-

пространеніе; поэтому не будемъ терять надежды на то, что опыты, подобные вышеописанному, повторятся, быть можетъ въ иной формѣ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ возникнутъ, но въ томъ же духѣ и направленіи. Какая-то внутренняя сила побуждаетъ индивидуумовъ приспособлять поступки къ своему образу мышленія. Когда убѣжденіе пріобрѣтетъ извѣстную степень интенсивности, то волей неволей происходитъ такое приспособленіе, при чемъ задерживающіе факторы остаются обойденными или устраняются насильно.

Наконецъ, настанетъ моментъ, когда вслѣдствіе многочисленности такихъ организованныхъ группъ, существующія правительства окажутся не въ силахъ противиться имъ. Тогда начнется паденіе царства буржуазіи, которое послужитъ началомъ будущаго общества, свободнаго развитія, и это потребуетъ проложившій себѣ дорогу духъ свободы и солидарности, передъ лицомъ котораго должны будутъ исчезнуть эксплуатаціи и привилегіи стараго строя.

Тогда именно настанетъ неизбѣжность революціи, потому что привилегированныя сословія никогда не откажутся добровольно отъ своихъ привилегій; имѣя въ рукахъ власть, они будутъ стремиться удержать за собой господство; новыя идеи созрѣютъ, но старый порядокъ вещей будетъ еще на лицо и, опираясь на соціальныя силы, захочетъ сопротивляться врагу, и война сдѣлается неизбѣжной. Эволюція совершилась, но она еще окутана цѣлой сѣтью законовъ и ограниченій, направленныхъ къ уничтоженію ея, и чтобы не погибнуть она должна будетъ устранить ихъ во что бы то ни стало; и тогда эволюція превратится въ революцію.

Послѣдняя необходима, чтобы очистить почву отъ привилегій и насилій, задерживающихъ эволюцію человѣчества, но будущее общество можетъ начать жить раньше революціи: мы можемъ произвести опытъ осуществленія его въ любое время, лишь только изъ насъ составится группа, убѣжденная въ правдѣ нашихъ идеаловъ.

ГЛАВА VI.

Механическія орудія производства

Какъ уже было сказано, революція неизбѣжна, и для того, кто изучаетъ соціальныя явленія, это не пустая фраза, а истина, которая была бы для всѣх очевидна, еслибы сложность соціальныхъ явленій не скрывала отъ насъ ихъ дѣйствительнаго хода, до того запутывая вытекающія изъ этихъ явленій слѣдствія, что часто мы принимаемъ слѣдствія за причины и причины за слѣдствія.

Такъ, напримъ., во Франціи очень многіе рабочіе обратили вниманіе на фактъ вытѣсненія ихъ труда машинами, возненавидѣли таковыя и требуютъ ихъ упраздненія, вовсе не замѣчая, что они сами отъ этого не перестанутъ оставаться въ положеніи простыхъ машинъ, что упраздненіе машинъ даетъ имъ только относительное улучшеніе, чисто временное, ибо безмѣрно алчные эксплуататоры не замедлятъ его у нихъ отнять.

Въ совершенномъ обществѣ машины наносятъ значительный ущербъ рабочему классу, это очевидно, вопреки увѣреніямъ экономистовъ, указывающихъ на то, что машина сберегаетъ силы рабочаго, и сокращая расходы производства, вызываетъ удешевленіе продуктовъ на рынкѣ, что выгодно, какъ для потребителей, такъ и для рабочихъ. Это было бы вѣрно при иной организаціи общество, но при современномъ строѣ ввиду эксплуатаціи капитала, увѣренія экономистовъ совершенно не вѣрны.

Правда, машина ускоряетъ производство, и этимъ увеличиваетъ потребленіе, понижая цѣны продуктовъ, но таковое пониженіе цѣнъ, если и приноситъ какую-либо выгоду рабочимъ, то развѣ только самую незначительную, ибо размѣръ заработка позволяетъ рабочему удовлетворять далеко не всѣ свои потребности. Такимъ образомъ способность потребленія является сразу ограниченной, между тѣмъ какъ производительная сила машины не ограничена ничѣмъ.

А если даже и ограничена, а именно: спросомъ со стороны потребленія, то и это ограниченіе обращается противъ ра-

бочаго, ибо слѣдствіемъ безпрерывной работы машины, при отсутствіи спроса, является пріостановка производства на фабрикахъ и заводахъ и отсюда безработица и нищета для тѣхъ, кто живетъ только своимъ трудомъ.

Кромѣ того, машина, съ ея сложными заранѣе урегулированными автоматическими движеніями понизила профессіональное образованіе. Услѣдить за машиной легче, чѣмъ сработать предметъ цѣликомъ во всѣхъ его частяхъ. Въ большинствѣ профессій, послѣ недѣльной практики, рабочій научается управлять машиной, между тѣмъ какъ въ прежнія времена ему пришлось бы нѣсколько лѣтъ учиться, чтобы умѣть сработать предметъ, который нынѣ сотнями выходитъ готовымъ изъ подъ зубчатыхъ колесъ машины.

Такое облегченіе въ смыслѣ скораго приспособленія къ любой спеціальности могло бы, конечно, принести пользу рабочему, ибо дало бы ему возможность искать работы по другой профессіи, разъ не нашлось по своей; но капиталистическій строй сумѣлъ и это использовать для себя.

Въ прежнее время, когда машины еще не завладѣли промышленностью, капиталисты какъ ни были жадны, должны были считаться съ нѣкоторыми соображеніями, и когда у нихъ имѣлся составъ рабочихъ умѣлыхъ, опытныхъ, смышленныхъ, они были вынуждены кое-чѣмъ жертвовать, что бы удержать ихъ при себѣ.

Намъ этого не нужно; достаточно, чтобы имѣлись одинъ, два человѣка, ознакомленныхъ съ порядками завода и настолько опытныхъ, что могутъ подучить новичковъ; остальные — стадо, которое сгоняется, когда нужно, и выбрасывается на мостовую, когда нѣтъ больше дѣла для нахъ.

Имѣя возможность легко замѣнить составъ рабочихъ, капиталистъ сдѣлался требовательнѣе и заносчивѣе. Прежде, рабочій, знавшій себѣ цѣну, могъ позволить себѣ отвѣтить рѣзко на докучливыя нападки своего хозяина; намъ мало быть трудолюбивымъ, знающимъ дѣло работникомъ, нужно еще быть покорнымъ и униженнымъ передъ его превосходительствомъ господиномъ капиталистомъ. На рынкѣ новый составъ всегда найдется; предложеній силы, энергіи тамъ въ избыткѣ; требуются сверхъ этого низкопоклонство и приниженность.

Но на этомъ еще не кончается вредъ для рабочаго отъ машины. Если человѣкъ въ теченіи цѣлаго дня обязанъ только слѣдить за тѣмъ, какъ въ результатѣ несчетныхъ оборотовъ машины получаются отдѣльные куски желѣза, очевидно, отъ такой работы мозг его не можетъ развиваться; и если эта работа повторяется изо дня въ день, безпрерывно, цѣлыми года-

ми, то, понятно, человѣкъ этотъ, когда привычной работы почему-либо не станетъ, окажется неспособнымъ ни къ чему иному, и вслѣдствіе таковой неспособности очутится во власти эксплуататора.

Если ко всему этому прибавить замѣну, при машинѣ, мужчинъ женщинами и дѣтьми, то не покажется страннымъ, что рабочій, видя только послѣдствія, вытекающія, по его мнѣнію, из введенія машины въ промышленонсть, ненавидитъ машину за зло, которое она ему причиняетъ.

Достаточно посмотрѣть вокругъ себя, чтобы убѣдиться что все описанное мною происходитъ имено такъ. Во всякой отрасли промышленности рабочій уступаетъ мѣсто спеціалисту: что касается послѣдняго, онъ находится въ рабскомъ подчиненіи машинѣ; отъ ея правильныхъ, автоматическихъ, съ каждымъ днемъ ускоряемыхъ движеній, вниманіе его, поглощаемое работой изо дня въ день, напрягается до такой степени, что трудъ становится для него гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ когда онъ его дѣлалъ безъ помощи машины.

Замѣна мужскаго контингента женскимъ и дѣтскимъ, и непродолжительность ученичества суть только малосущественныя причины безработицы.

Благодаря машинѣ 10, 20, 30 рабочихъ дѣлаютъ работу, для которой въ прежнее время требовалось 30, 50, 100 человѣкъ, а иногда, при помощи нѣкоторыхъ упрощеній, 1, 2 рабочихъ могутъ выполнить работу нѣсколькихъ сотенъ людей. Заказъ, для выполненія котораго въ прежнее время промышленнику понадобилось бы мѣсяцевъ 6, нынѣ выполнеятся имъ въ 2 недѣли, съ половиннымъ числомъ рабочихъ рукъ.

Въ прежнее время промышленникъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворить всѣ предстоящіе заказы, вынужденъ былъ производить авансомъ, и поэтому, если хотѣлъ имѣть всегда подъ рукою готовый составъ опытныхъ рабочихъ, долженъ былъ беречь имѣвшійся у него персоналъ и стараться удержать таковой при себѣ даже если заказы не приходили въ достаточномъ числѣ.

Нынѣ дѣло обстоитъ иначе. Ввиду наличности машинъ, замѣняющихъ сотни рабочихъ рукъ, ввиду безчисленной арміи безработныхъ, осаждающихъ по утрамъ ворота заводовъ, капиталисту нечего заботиться о тѣхъ, которые выбрасываются имъ на мостовую, когда заводъ не работаетъ. Если есть заказъ, онъ нанимаетъ на скоро, смотря по надобности, 10, 20, 100 человѣкъ; а затѣмъ, когда заказъ выполненъ, они выгоняются имъ на мостовую, и обречены опять ходить толпами по улицамъ и выстаивать долгіе часы у воротъ заводовъ,

въ томительномъ ожиданіи, съ его надеждами, разочарованіями и мукой.

Такъ совершенствуется съ каждымъ днемъ эксплуатація; съ каждымъ днемъ капиталистъ становится опытнѣе, и умѣло комбинируя свои дѣйствія, достигаетъ сбереженія времени; усовершенствованіе это происходитъ, конечно, за счетъ рабочихъ, которые съ каждымъ днемъ чувствуютъ себя болѣе закабаленными, болѣе несчастными.

Но экономисты, люди очень разсудительные и очень ученые, — какъ они сами утверждаютъ — не задумываются долго надъ этимъ. «Конечно, нужда существуетъ — говорятъ они — но она происходитъ отъ того, что земной шаръ не приспособленъ къ нашимъ потребностямъ. Конечно, современный строй виноватъ во многомъ затрачивая непроизводительно много силъ, но дѣлать нечего: эволюція совершается естественнымъ путемъ, и намъ остается только покоряться совершающимся фактамъ».

«Соціалисты — продолжаютъ они — хотятъ подѣлить богатства капиталистовъ; но вопросъ, сколько отъ дележа придется на человѣка? Ничтожная сумма. Поэтому, развѣ не лучше, если одни будутъ владѣть всѣмъ, а другіе умирать отъ голода? Эти послѣдніе, по крайней мѣрѣ, могутъ утѣшать себя тѣмъ, что отнятая у нихъ доля увеличиваетъ благосостояніе сословія, весьма замѣчательнаго, — къ нему принадлежимъ и мы — предствляющаго изъ себя лучшую часть человѣчества.»

И они даже разсчитали, сколько получитъ каждый челоловѣкъ при общемъ раздѣлѣ. Г. Новиковъ опредѣляетъ всѣ богатства Франціи въ 200 милліардовъ. Если раздѣлить эти деньги поровну между всѣми жителями, то на долю одного семейства изъ 4-хъ человѣкъ приходится 21000 франковъ. Для цѣлаго семейства это ничтожная сумма, и г. Новиковъ выводитъ изъ этого заключеніе, что не стоитъ дѣлить; что нужда не зависитъ отъ капитала, и что все на свѣтѣ идетъ къ лучшему, или по крайней мѣрѣ идетъ такъ, какъ оно можетъ итти.

Прошу извиненія у г. Новикова, который, оказывается очень богатый банкиръ, но не всякій относится такъ аристократически презрительно, какъ онъ, къ незначительнымъ суммамъ. 21000 франк., отданные за 3% даютъ въ годъ 630 фр. Конечно на 630 фр. семейство не можетъ просуществовать годъ, не работая, но если предположить, что заработокъ каждаго рабочаго увеличится на 630 фр. въ годъ, то получается результатъ, о какомъ навѣрно многіе не смѣютъ даже мечтать.

Когда богатства будутъ такимъ образомъ нивелированы, не будетъ, конечно, роскоши, но не будетъ и людей, умираю-

щихъ съ голоду, и уже это одно заслуживаетъ быть принятымъ во вниманіе.

Но въ настоящій моментъ никто и не думаетъ о дѣлежѣ богатствъ; напротивъ, ихъ стремятся слить вмѣстѣ и при ихъ помощи производить на пользу всѣхъ, чтобы такимъ образомъ капиталы не были дальше исключительнымъ достояніемъ немногихъ.

Нужда происходитъ, какъ мы докажемъ впослѣдствіи, не отъ скопленія капиталовъ въ рукахъ немногихъ, а оттого, что эти немногіе пользуются своими капиталами во вредъ производству. Когда у фабриканта нѣтъ заказовъ, онъ замедляетъ производство, и рабочіе, оставшись безъ занятій, сокращаютъ потребленіе, что также является одной изъ причинъ застоя въ производствѣ. Если коммерсантъ, магазины котораго переполнены, не дѣлаетъ заказовъ, то это потому, что у него не покупаютъ, а не потому, что недостаетъ продуктовъ. Лишь только возобновятся заказы, тотчасъ же возобновляется и вся дѣятельность производства. Чтобы имѣть работу, рабочіе должны ждать, пока опустѣютъ магазины коммерсантовъ.

Пусть господа экономисты объяснятъ намъ, почему производство всегда так замедляется? почему никогда ни одинъ заводъ не закрывается вслѣдствіе недостатка продуктовъ, нужныхъ для его работы? Почему нужда является результатомъ накопленія богатствъ?

Одинъ изъ экономистовъ почти далъ объясненіе поставленныхъ выше вопросовъ, но не вывелъ всѣхъ заключеній, какія могутъ быть выведены изъ этого объясненія. Въ одномъ изъ своихъ трудовъ онъ объясняетъ, что великое заблужденіе людей состоитъ въ томъ, что они видятъ воплощеніе богатства въ золотѣ, въ денежныхъ знакахъ. Таковые суть только изображеніе богатства, само же богатство заключается въ предметахъ потребленія.

Дѣйствительно, денежные знаки — только средства обмѣна и существуютъ въ ограниченномъ количествѣ; фабрикація ихъ управляется извѣстными законами. Какъ изображенія богатства, они правда имѣют обращеніе во всемъ обществѣ, но небольшая группа людей захватила ихъ въ свои руки и при ихъ помощи господствуетъ надъ человѣчествомъ.

Земля, рудники, моря, — все предлагаетъ намъ свои продукты въ изобиліи; машины даютъ намъ возможность переработать эти продукты такъ, какъ намъ нужно для потребленія; рабочихъ рукъ имѣется избытокъ; но всего этого, увы, недостаточно, ибо тѣ, кто завладѣлъ средствами производства для того, чтобы не понизить цѣны на предметы, имѣющіеся въ ихъ магазинахъ, желаютъ ихъ сбыть, прежде чѣмъ приступить къ

изготовленію новыхъ, и поэтому пріостанавливаютъ производство. Вотъ почему слишкомъ большое богатство въ рукахъ немногихъ порождаетъ нищету рабочаго класса, и проповѣдники новаго общества требуютъ не дѣлежа современныхъ богатствъ, а такой соціальной организаціи, при которой эгоизмъ однихъ не наносилъ бы ущерба остальнымъ.

Но объ этомъ мы будемъ имѣть еще случай говорить впослѣдствіи, а пока возвратимся къ машинамъ.

Экономисты превозносятъ огромные труды, затраченные на фабрикацію современныхъ машинъ и вызванное ими улучшеніе матеріальнаго быта рабочихъ; правда, въ началѣ періода развитія индустріализма производство машинъ, создавая постоянно новыя занятія для рабочихъ, поддержало на нѣкоторое время равновѣсіе и даже перевѣсило его въ сторону рабочаго класса; но это было временное явленіе, продолжавшееся очень недолго, едва лишь періодъ жизни одного поколѣнія; нынѣ равновѣсіе нарушено въ пользу капитала.

Машины постепенно совершенствовались, и въ настоящее время имѣется громадный арсеналъ машинъ, которымъ могутъ быть удовлетворены рѣшительно всѣ потребности, и который нужно только содержать въ порядкѣ, что требуетъ количества рабочихъ рукъ, значительно меньшаго, чѣмъ когда онъ строился.

Несмотря на временное матеріальное улучшеніе, средства потребленія рабочихъ всегда были очень ограничены и многія ихъ потребности остались безъ удовлетворенія. Наступило переполненіе магазиновъ продуктами: явились предпріимчивые спекуляторы и воспользовались имъ для повышенія и пониженія цѣнъ, ради собственной выгоды и разоренія конкуррентовъ; торговля гибнетъ отъ перепроизводства, а рабочіе отъ голода, возлѣ ими же выработанныхъ продуктовъ.

Долгое время думали, что колоніальныя завоеванія откроютъ рынки для сбыта излишка, отъ котораго мы страдаемъ; но завоеванія становятся все болѣе трудными, ибо «великія» державы пріобрѣли уже почти все, что можно было пріобрѣсти, и не довольствуясь торговой эксплуатаціей «покровительствуемыхъ» народовъ, захотѣли эксплуатировать ихъ въ индустріальномъ отношеніи. Народамъ этим навязывали режимъ, котораго они не могутъ вынести, и въ результатѣ самые живучіе изъ нихъ черезъ два, три поколѣнія оказываются до такой степени облагодѣтельствованными цивилизаціей, что почти цѣликомъ исчезаютъ съ лица земли; немногіе же, избѣжавшіе систематическихъ избіеній, медленно истребляются чахоткой, алкоголизмомъ и сифилисомъ.

Тамъ, гдѣ народъ, вслѣдствіе своей численности могъ

оказывать сопротивленіе цивилизаторамъ, и благодаря плодовитости имѣлъ возможность заполнять бреши, дѣлаемыя цивилизаціей въ его рядахъ, тамъ, онъ выживалъ; за то былъ вынужденъ покориться общимъ законамъ промышленности. Напримѣръ, въ Индіи народы начинают наводнять рынки своими продуктами и конкурировать с производителями «матери-родины», этого вампира, пожирающаго собственность дѣтей.

Послѣдствіемъ такого режима явились безпрерывно повторяющіеся финансовые крахи, отъ которыхъ общее тяжелое настроеніе дѣлается еще болѣе тяжелымъ. Имъ пользуются аферисты и организуютъ грандіозныя хищенія капиталовъ, заманивая обѣщаніями большихъ дивидендовъ, ибо всякій хочетъ скорѣе разбогатѣть, не работая, такъ какъ не только работа не даетъ богатство, но даже не для всѣхъ ея хватаетъ.

Всякій продаетъ, что можетъ, иногда даже то, чего у него нѣтъ, — вѣдь говорятъ же о нѣкоторыхъ политическихъ дѣятеляхъ, что они продали свою совѣсть? — и наконецъ капиталы сосредоточились въ рукахъ незначительнаго меньшинства, которое съ каждымъ днемъ уменьшается, ибо каждый день отъ него отпадаютъ и пополняютъ собою ряды пролетаріата разные маленькіе рантье, мелкіе землевладѣльцы, промышленники и коммерсанты, легкомысленно попавшіеся шестерню спекуляціи.

Чтобы этихъ послѣднихъ привлечь на свою сторону соціалисты расточаютъ имъ выраженія сочувствія ихъ судьбѣ; мы не будемъ лицемѣрить, ибо судьба этихъ людей насъ нисколько не трогаетъ, и мы полагаемъ, что человѣкъ, не знавшій никогда ничего, кромѣ нужды, заслуживаетъ сочувствія гораздо больше, чѣмъ тотъ, кто добивался богатства путемъ эксплуатаціи другихъ.

Самыхъ ярыхъ реакціонеровъ и самыхъ безпощадныхъ экстплуататоровъ находимъ именно въ средѣ мелкихъ капиталистовъ, ибо ихъ скупость и жажда роскоши прямо пропорціональны богатствамъ, которыя они видятъ надъ собою и надѣются достать, становясь все болѣе и болѣе хищными.

Когда крупный капиталистъ, посредствомъ лживыхъ обѣщаній, отниметъ у мелкаго его скромное достояніе и повергнетъ въ пропасть, из которой тотъ хотѣлъ выкарабкаться по спинамъ другихъ, послѣдній получаетъ только то, что заслужилъ; онъ пожинаетъ плоды своего ослѣпленія: въ его интересахъ было присоединиться къ рабочимъ, соединить свои силы съ ихъ силами, и совмѣстно пытаться освободить ихъ; эгоизмъ, алчность, честолюбіе побудили его пойти въ ряды крупныхъ эксплуататоровъ, и если тѣ его уничтожили — тѣмъ хуже для него. «Кто роетъ яму другому, тотъ самъ въ нее по-

падет», говоритъ старая пословица, и на этотъ разъ народная мудрость права, что далеко не часто бываетъ.

Рабочіе не умѣютъ сговориться, и это ихъ слабая сторона. За то буржуа, если и умѣетъ соединиться, чтобы эксплуатировать рабочихъ, то совершенно не умѣютъ общими силами защищать свою систему.

Необузданная конкурренція, конкурренція не на жизнь, а на смерть, на которой держится ихъ общественный строй царитъ между ними въ той же степени, какъ и въ средѣ ихъ жертвъ. Ихъ общество — это охота, въ которой каждый спѣшитъ, очертя голову, къ добычѣ, отстраняя и сшибая съ ногъ другихъ, чтобы первымъ добѣжать и защитить отъ нихъ свою долю. Лишь только протрубили сигналъ, начался дѣлежъ и длится безъ конца, ибо добыча оживаетъ подъ ударами ножей охотниковъ, трезающихъ ее на куски; она не хочетъ умирать и готова ежеминутно подняться на ноги. И она поднимется, благодаря разъединенію буржуа, которые будучи солидарными въ теоріи эксплуатаціи рабочихъ, не умѣютъ ими быть на практикѣ.

Если бы буржуа могли пожертвовать личными интересами ради общихъ классовыхъ, положеніе рабочихъ было бы невыносимо. Отъ объединенія буржуазіи получился бы рядъ мѣръ, которыя окончательно приковали бы рабочихъ къ ярму. Къ счастью объединеніе невозможно, потому что жажда индивидуальнаго богатства до такой степени овладѣла каждымъ изъ нихъ, что отнимаетъ у нихъ смыслъ классовыхъ интересовъ и заставляетъ воевать между собою из- за честолюбивыхъ политическихъ проектовъ.

Война ведетъ за собою пораженіе; къ таковымъ нужно отнести ихъ систему эксплуатаціи, благодаря которой постепенно приподнимается завѣса и обнаруживается какое-либо позорное дѣяніе, заставлющее рабочихъ задуматься надъ порядкомъ вещей, который ихъ пріучили уважать и считать не подлежащимъ никакимъ измѣненіямъ.

Ошибки буржуазіи не менѣе пропаганды соціалистовъ разрушаютъ буржуазный строй. Сама система порождаетъ тѣ разрушительные элементы, которые ее подтачиваютъ. По законамъ логики всякое ненормальное соединеніе носитъ въ себѣ зачатки распаденія. Намъ это на руку, и буржуа сами исполняютъ часть нашей работы.

Недалеко то время, когда тѣ, кто боится революціи, начнутъ относиться къ ней болѣе равнодушно, ибо самъ общественный строй заставитъ ихъ желать переворота, долженствующаго освободить насъ отъ гнусныхъ беззаконій, переживаемыхъ нами ежедневно.

Идея революціи охватываетъ все болѣе широкіе круги; она пронизываетъ насквозь умы и образуетъ какъ бы вторую атмосферу, которой люди дышутъ, которой проникается все ихъ существо; еще немного, и настанетъ день, когда достаточно будетъ слабаго толчка, чтобы произошелъ взрывъ, и тогда тѣ, кто теперь со страхомъ и недовѣріемъ смотрятъ на революцію, будутъ увлечены въ общемъ вихрѣ и бросятся на приступъ противъ власти и классовыхъ привилегій.

Итакъ, рабочіе, вѣрно то, что въ современномъ обществѣ машины причиняютъ вамъ зло, и отнимаютъ у васъ работу; онѣ причины безработицы и уменьшенія вашихъ заработковъ; выбрасывая на улицы въ любой моментъ слишкомъ значительную массу вашихъ товарищей, онѣ порождаютъ между вами вражду из-за насущнаго пропитанія, которое ваши хозяева сокращаютъ ежедневно, пока крайняя нужда не вынудитъ васъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Но развѣ имъ только однимъ нужно приписать все это зло? Онѣ ли однѣ виноваты въ томъ, что заняли ваши мѣста. Развѣ вы не были бы рады смотрѣть, со сложенными руками какъ онѣ работаютъ за васъ? Развѣ не было бы лучшимъ идеаломъ человѣчества: покорить силы природы и заставить ихъ двигать всѣ эти машины и производить всеобщее богатство при минимальной затратѣ силъ отдѣльныхъ индивидуумовъ.

Все это достижимо, товарищи! все это будетъ, если вы захотите. Сумѣйте только освободиться отъ паразитовъ, которые не только поглощаютъ продукты вашего труда, но сверхъ того еще препятствуютъ вамъ производить по вашимъ потребностямъ.

Машина въ современномъ обществѣ есть только зло потому, что над вами есть хозяева, умѣвшіе присвоить въ свое исключительное пользованіе все, что придумано человѣческимъ геніемъ для улучшенія средствъ производства.

Еслибы машины были общественнымъ достояніемъ, а не принадлежали небольшой группѣ, вы заставили бы ихъ производить без перерывовъ, и чѣмъ больше онѣ бы вырабатывали, тѣмъ счастливѣе были бы вы, ибо онѣ удовлетворяли бы всѣ ваши потребности; предѣлом производства было бы только потребленіе. Когда ваши магазины переполнились бы вы конечно не стали бы продолжать производить ненужные предметы, а наслаждались бы отдыхомъ, покоемъ, не ожидая съ ужасомъ нужды, что бываетъ теперь, когда у васъ нѣтъ работы. При современномъ строѣ, когда вы не работаете, вамъ не платятъ, но при новой организаціи общества не будетъ заработной платы, и вы будете имѣть право распоряжаться

тѣмъ, что вы произвели, и такимъ образомъ перепроизводство будетъ для васъ источникомъ богатства, а не нищеты.

При такихъ условіяхъ машины превратятся въ вашихъ благодѣтелей, и слѣдовательно не онѣ причины вашего горя, а виноваты тѣ, кто превратилъ ихъ въ средство эксплуатированія васъ.

Товарищи по несчастью! Когда изнуренные долгой безработицей, повергнутые въ отчаяніе отъ всевозможныхъ лишеній, вы начнете проклинать ваше положеніе и искать выхода изъ него, тогда возстаньте противъ истиннаго виновника вашего несчастія, противъ капиталистическаго строя, превратившаго васъ въ **машины машин**, но не проклинайте сами машины, ибо онѣ освободятъ васъ отъ власти силъ природы, если вы сумѣете освободиться отъ власти вашихъ эксплуататоровъ. Онѣ дадутъ вамъ богатство.... если вы сможете стать господами надъ ними.

ГЛАВА VII.

Роковая неизбѣжность революціи.

Что болѣе всего пугаетъ многихъ рабочихъ въ идеѣ новой соціальной организаціи и побуждаетъ ихъ искать исхода въ парламентатризмѣ и мирной борьбѣ за реформы, такъ это слово революція, подъ которымъ ими подразумѣваются рядъ вооруженныхъ возстаній, сраженій и масса пролитой крови. Какъ бы ни было тяжело ихъ современное положеніе, страхъ передъ будущимъ заставляетъ колебаться даже самыхъ обездоленныхъ изъ нихъ. Какъ бы ни была печальна и безпросвѣтна жизнь, человѣкъ страшится мысли, что настанетъ день, когда онъ долженъ будетъ итти жертвовать ею ради идеала, осуществленіе котораго люди могутъ и не увидѣть.

Кромѣ того, эта власть, которую предстоитъ нисповергнуть, кажется безмѣрно сильной; рабочимъ рѣдко случается видѣть ее на близкомъ разстояніи, а издали она имъ кажется колоссомъ, бравирующимъ всѣ ихъ усилія, съ которымъ безполезно бороться, ибо однимъ мановеніемъ руки онъ приведетъ въ движеніе цѣлый арсеналъ репрессивныхъ мѣръ, долженствующихъ истереть въ порошокъ безумцевъ, осмѣлившихся возстать противъ него.

Революціи прежнихъ лѣтъ, всѣ окончившіяся неудачей для рабочихъ, и не измѣнившія ихъ положенія, не мало способствовали развитію въ рабочемъ скептическаго отношенія къ новой революціи. «Зачѣмъ итти драться и подставлять голову подъ удары — говоритъ онъ — ради того, чтобы новые интриганы эксплуатировали меня, вмѣсто тѣхъ, кто нынѣ у власти? Очень мнѣ нужно!»

И не переставая жаловаться на свое безвыходное положеніе и проклинать крикуновъ, обманувшихъ его своими обѣщаніями, исполненіе которыхъ постоянно отсрочивается, онъ затыкаетъ уши, чтобы не слышать, когда окружающая жизнь кричитъ ему, что нужны его мужество и сила; закрываетъ глаза, чтобы не видѣть возможности двоякаго исхода готовящейся борьбы, которая—онъ знаетъ это—неизбѣжна, и къ которой самъ онъ взываетъ въ эти дни печали и гнѣва.

Онъ съ головою уходитъ въ боязнь передъ неизвѣстностью и не хочетъ сознать, что распространяющаяся кругомъ

нищета можетъ завтра же захватить и его и вмѣстѣ съ семьею выбросить въ общую кучу голодныхъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности.

Тѣмъ не менѣе перемѣна кажется ему неизбѣжной; онъ не хочетъ вѣрить, что вѣчно будетъ жить въ нуждѣ и что не будетъ положенъ конецъ несправедливости. Онъ надѣется, что настанетъ день, когда всякій будетъ въ состояніи ѣсть до сыта и ходить смѣло съ поднятой головой, не боясь никого, но вмѣстѣ съ тѣмъ надѣется, что все это будетъ достигнуто въ результатѣ какого-то провиденціальнаго переворота, который его избавитъ отъ необходимости итти сражаться на улицахъ, что развязка придетъ сама собою, и какіе то невѣдомые благодѣтели принесутъ ему счастье въ изобиліи. И потому онъ изо всѣхъ силъ цѣпляется за тѣхъ, которые обѣщаютъ ему такой счастливый исходъ, такую перемѣну безъ затраты силъ и безъ борьбы: спѣшитъ за тѣми, кто громко порицаетъ представителей власти, воображая, что этимъ наносятся удары самой власти, и превозноситъ тѣхъ, кто сулитъ ему наилучшія реформы, цѣлое законодательство въ защиту его, кто увѣряетъ, что сочувствуетъ его горю и обѣщает облегчить его!

Вѣритъ ли онъ въ нихъ больше, чѣмъ въ тѣхъ, кто указываетъ ему на революцію, какъ на единственное рѣшеніе вопроса? Вѣроятно нѣтъ. Но они сулятъ ему перемѣну безъ его участія въ общей борьбѣ, и этого ему въ данный моментъ достаточно. Онъ спокойно засыпаетъ въ ожиданіи, что ими будетъ сдѣлано все; затѣмъ, когда увидитъ, что обѣщанія ихъ не исполняются, что осуществленіе отложено опять, онъ примется за старыя нарѣканія на свою судьбу, до тѣхъ поръ, пока не выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія голодомъ и избыткомъ чувствъ горечи и негодованія, онъ стряхнетъ съ себя долговременное оцѣпененіе и потребуетъ однодневной разплаты за столѣтія нищеты и униженія.

Еслибы буржуазія ясно понимала ситуацію, она могла бы отсрочить разплату еще на продолжительное время, и заставить много столѣтій ждать пришестія мессіи, долженствующаго водворить всеобщее счастье на землѣ. Но, какъ мы видѣли, ихъ хищность и царящая въ ихъ рядахъ конкурренція дѣлаетъ то, что революція совершается не въ ихъ пользу, и они сами работаютъ надъ ниспроверженіемъ своихъ собственныхъ соціальныхъ учрежденій.

Правда, предлагаемыя ими реформы малозначущи, ничѣмъ не нарушаютъ ихъ привиллегій и совершенно не касаются ихъ имущественныхъ интересовъ; но даже и такія реформы, которыхъ они сами требовали прежде, когда ополчились противъ доходныхъ правительственныхъ должностей, нынѣ, когда должности эти заняты ими, кажутся имъ опасными; то,

что когда-то служило имъ средствомъ къ захвату власти, пугаетъ ихъ теперь когда власть въ ихъ рукахъ.

Достигнувъ цѣли, они на себя лучше всего доказываютъ, насколько обманчивы обѣщанія, которыми они заманиваютъ рабочихъ, ибо тѣ самыя реформы, которыя они прежде выхваляли, теперь отвергаются ими такъ-же запальчиво, какъ прежде требовались и такъ-же энергично, какъ это дѣлали ихъ предшественники у власти по отношенію къ ихъ тогдашнимъ требованіямъ.

Ихъ точка зрѣнія измѣняется сообразно съ положеніемъ. То, что казалось логичнымъ и нормальнымъ прежде, когда они были въ толпѣ искателей карьеры, стало нормальнымъ и безнравственнымъ теперь, когда они очутились въ роли блюстителей установленнаго порядка вещей. Ихъ пугаетъ ненасытность управляемаго ими стада; они боятся, что уступки вызовутъ новыя требованія, и вотъ почему такъ часто приходится видѣть «сдѣлавшихъ карьеру» политическихъ дѣятелей, как они разстрѣливаютъ толпу, когда она, по наивности своей, вздумаетъ требовать отъ нихъ исполненія когда-то данныхъ обѣщаній.

Между тѣмъ, если бы у нихъ былъ умъ и ясное пониманіе своихъ сословныхъ интересовъ, какъ легко было бы водить за носъ простодушныхъ избирателей, отпуская одну за другой реформы, одинаково безвредныя, не сокращающія ничьихъ доходовъ, не ограничивающія ни одной изъ привиллегій и нисколько не грозящія безопасности общественнаго зданія.

Къ счастью, страхъ не разсуждаетъ, а буржуазія требованіями рабочихъ напугана до потери сознанія. Необходимость укрѣплять и защищать существующій строй въ настоящій моментъ мѣшаетъ ей видѣть, что надобно сдѣлать для укрѣпленія его въ будущемъ. Ради поддержанія одного угла зданія разбирается другой угол, имѣющимся подъ рукой матеріаломъ пользуются не задаваясь вопросомъ, не болѣе ли онъ нуженъ въ другомъ мѣстѣ; такимъ образомъ зданіе на время отштукатурено заново, но трещины образуются и увеличиваются, и наконецъ, настанетъ день, когда всякія подправки окажутся невозможными, и понадобится разрушить все старое зданіе, чтобы воздвигнуть на его мѣстѣ новое.

Не будемъ же упрекать толпу въ позитивизмѣ, хотя, конечно, печально видѣть ее иной разъ невозмутимой передъ самымъ вопіющимъ беззаконіемъ и равнодушной къ потокамъ грязи, въ которой какъ бы сама увязаетъ; зато позитивизмъ ограждаетъ ее отъ крайняго увлеченія лживыми говорунами; если иногда и кажется, что она увлечена ими, то, въ сущности, и тогда она смотритъ на нихъ только съ точки зрѣнія ихъ полезности для нея, въ лицѣ ихъ она увлекается собою

Не вѣря словамъ правды, когда они льстятъ ей, толпа вмѣстѣ съ тѣмъ только на половину вѣритъ тѣмъ, кто говоритъ въ унисонъ съ нею, изъ желанія польстить; увлеченія фетишами также скоро проходятъ, какъ появились; рабочій, въ сущности, желаетъ только одного: освобожденія, и когда кажется, что онъ воспринимаетъ чужую мысль, не задумываясь, онъ на самомъ дѣлѣ анализируетъ ее, взвѣшиваетъ и обсуждаетъ.

Часто онъ ошибается, сбивается часто съ вѣрной дороги, спѣша за политическими шарлатанами, но не будемъ упрекать его въ этомъ; воспитаніе его совершенствуется, и съ каждымъ днем больше разивается въ немъ скептическое отношеніе къ политиканамъ съ ихъ обѣщаніями и кунстштюками. Еще немного — и онъ будетъ черпать мысли въ самомъ себѣ.

Ради того, чтобы онъ совершенно убѣдился въ той истинѣ, что онъ долженъ разсчитыватть только на самаго себя, мы не перестаемъ повторять ему наше Delenda Cartago: «Только революція освободитъ тебя!»

Мы уже говорили, знаемъ это и повторяемъ снова, что революція не дѣлается и не импровизируется, и вовсе не льстимъ себя надеждой, что на нашъ призывъ вдругъ поднимутся народные отряды и пойдутъ въ аттаку противъ власти. Мы желали бы только, чтобы рабочіе твердо знали, что современное положеніе неизбѣжно ведетъ къ революціи, и что имъ необходимо, въ виду предстоящей борьбы, выяснить причины своего горестнаго положенія и вспомнить, которое изъ современныхъ соціальныхъ учрежденій болѣе всего вредитъ имъ; они должны также помнить, что всякія временныя почин ки ничего не стоятъ. Мы желали бы, чтобы въ день, когда начнется борьба, они были готовы принять въ ней участіе и умѣли бы тѣсно сплотиться и вести свое дѣло сами, и не дали бы отнять у себя плоды побѣды интриганамъ, которые сначала будутъ льстить имъ и сулить небылицы, а затѣмъ займутъ мѣсто только-что ниспровергнутой власти и постараются возвратить старые порядки, измѣнивъ только ихъ названіе.

Впрочемъ, пора уже наступить спасительной катастрофѣ; въ интересахъ самой эволюціи желательно, чтобы произошла революція. Отростки и побѣги государственности все глубже врастаются въ соціальныя отношенія и развиваются тамъ въ ущербъ индивидуальной инициативы. Въ то время, какъ на фабрикахъ мастерскія пустѣютъ, кулуары государства наполняются индивидуумами, которые промѣнявъ молотъ и напильникъ на перо и метлу, воображаютъ себя приналлежащими къ правящему классу и призванными защищать его.

Рабочій классъ количественно уменьшается, между тѣмъ какъ ростетъ сословіе паразитствующее. Каждый фабрикантъ дѣйствуетъ въ общемъ направленіи: т. е. удаляя съ фабрики

десятокъ человѣкъ рабочихъ, нанимаетъ двухъ, трехъ служащихъ, паразитовъ: ни рабочихъ, ни буржуа, но несомнѣнно приверженцевъ существующаго строя, ибо они прекрасно сознаютъ свою безполезность и боятся, какъ бы не пришлось вернуться на старыя мѣста въ мастерской.

Если только такое положенiе продлится, то рабочiй классъ неминуемо уменьшится количественно; напротивъ, нерабочiй — увеличится, такъ какъ будетъ пополнять свои ряды перебѣжчиками, которымъ раздастъ всѣ низшiя служебныя должности, приберегая высшiя, доходныя, для ничтожествъ своего сословiя; и такимъ образомъ можетъ настать моментъ, когда рабочiе не будутъ достаточно численны, чтобы могли освободиться отъ ига буржуазiи.

Конечно, прежде чѣмъ это наступитъ, пройдутъ многiя столѣтiя; прежде, чѣмъ дать себя вытѣснить, рабочiй классъ выдержитъ не одну войну съ капиталистическимъ строемъ и, слабѣя въ количественномъ отношенiи, будетъ продолжать развиваться интеллектуально, что и послужитъ вознагражденiемъ отпадающихъ количественныхъ силъ.

Къ счастью, пока дѣло не обстоитъ такъ плохо, но разъ мы обвиняемся въ томъ, что стремимся задержать прогрессъ человѣчества, то пусть будетъ намъ позволено, путемъ изученiя хода развитiя современныхъ обществъ, постараться распознать, въ какомъ направленiи совершается этотъ прогрессъ.

Оказывается, что прогрессъ ведетъ къ безсилiю трудящагося класса и къ укрѣпленiю паразитствующихъ индивидуумовъ. Привыкнувъ жить чужимъ трудомъ, буржуазiя потеряетъ способность работать и будетъ умѣть только потреблять.

Мы знаемъ что сдѣлало раздѣленiе труда среди пчелъ и муравьевъ, и какое направленiе приняла среди нихъ эволюцiя. У пчелъ мы видимъ: самокъ — терпимыхъ въ ульѣ только въ единственномъ числѣ; мужской полъ: трутней; затѣмъ безполыхъ; это — пролетарiатъ, работающiй на все населенiе улья; они чистятъ улей, охраняют его, строятъ ячейки и выращиваютъ личинокъ.

У муравьевъ, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ видовъ, образовалось еще 4-е подраздѣленiе: воины, на обязанности которыхъ лежитъ защита муравейника. Другiе виды пошли еще дальше; такъ, напримѣръ, муравьи-амазонки.Poeyergus Rufescens энтомологовъ, которыя воюютъ съ другими видами и обращаютъ ихъ въ рабство, сдѣлались неспособны ни къ чему другому, кромѣ войны, и даже не могутъ сами ѣсть, и умираютъ, если нѣтъ при нихъ рабовъ, чтобы вложить им пищу въ челюсти.

Если суждено буржуазному обществу мирно эволюцiонировать въ его духѣ, то результаты будутъ вѣроятно слѣдую-

щіе: рабочіе превратятся въ безполыхъ, а буржуазія въ пищеварительный аппаратъ, дополненный другимъ органомъ, который мы здѣсь не назовемъ, изображенія котораго римскія дамы когда-то носили въ видѣ амулетовъ.

Чтобы не превратиться въ пищеварительные пузыри и въ безполыя существа, пора положить конецъ этому, и пусть революція вмѣшается въ дѣло и выведетъ насъ на болѣе раціональный путь; пусть дастъ намъ общественный строй, при которомъ всѣмъ способностямъ человѣка будетъ предоставленъ полный просторъ, такъ что одни изъ нихъ не будутъ развиваться до гипертрофіи, въ ущербъ другимъ.

Все сказанное выше, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, нисколько не преувеличено. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно видѣть фабричные города сѣверной Франціи и департамента нижней Сены. Народонаселеніе тамъ вырождается. Большинство малокровно; женщины и дѣти оторваны совершенно отъ семьи, и поэтому дѣти золотушны, апатичны и рахитники; люди въ 20 лѣтъ тамъ становятся стариками.

Что касается женщинъ, то эксплуатируется не только ихъ трудоспособность, но и сами онѣ превращаются въ рабынь наслажденій; если только женщина не дурна собою, она обязана быть любезной съ господиномъ старшимъ мастеромъ, и съ господиномъ директоромъ, и съ господами служащими, которые, конечно, на высшихъ должностяхъ; тогда ей дѣлаются послабленія, до тѣхъ поръ, пока угодно пользоваться ея ласками, а затѣмъ переводятъ ее на общее положеніе съ прочими. На фабрикахъ трудъ — адскій, и цѣлыя поколѣнія женщинъ умираютъ, не достигнувъ зрѣлаго возраста; мужчинъ больше доживаетъ до старости, но нельзя сказать, чтобы ихъ силы изнашивались меньше.

Не переставая надѣяться на уступки со стороны имущихъ классовъ, несмотря на то, что эти надежды никогда не сбываются, рабочіе продолжаютъ пугаться мысли, что нужно начать борьбу, хотя имъ нечего страшиться результатовъ революціи, которая не можетъ сдѣлать ихъ еще болѣе несчастными, чѣмъ они теперь.

Когда имъ показываютъ идеалъ общественнаго строя, при которомъ они смогутъ свободно эволюціонировать, они, подобно буржуазіи, печально киваютъ головами и отвѣчаютъ, что эти идеалы слишкомъ прекрасны, чтобы могли быть существлены.

Они не хотятъ видѣть, что сила событій толкаетъ ихъ къ борьбѣ помимо ихъ воли; что нужда, отупѣніе и непосильный трудъ дѣйствуютъ также смертоносно, какъ ружейныя пули; что чѣмъ терпѣливѣе они будутъ, тѣмъ тяжелѣе будетъ давить ихъ эксплуатація, и что эксплуататоры никогда добро-

вольно не снимутъ съ нихъ цѣпей, если они сами не найдут въ себѣ достаточно энергіи, чтобы захотѣть быть свободными.

«Ваши идеи неосуществимы», говорятъ они намъ; они неосуществимы, конечно до тѣхъ поръ, пока люди, заинтересованные въ осуществленіи, будутъ оставаться достаточно глупыми, чтобы терпѣть строй, отъ котораго гибнутъ, и достаточно малодушны, чтобы бояться прибѣгнуть къ силѣ ради осуществленія идеала, кажущагося имъ «слишкомъ прекраснымъ».

Увы, этотъ идеалъ всеобщей любви и міровой гармоніи, по всей вѣроятности для очень многихъ изъ насъ останется навсегда въ области прекрасныхъ сновидѣній.

Сколькимъ изъ насъ не суждено войти въ землю обѣтованную! сколько изъ насъ погибнутъ въ борьбѣ, грезя объ этомъ раѣ, въ который входъ намъ запрещенъ навсегда!

Но что же дѣлать? Долгъ піонеровъ приготовить путь тѣмъ, кто пойдетъ за ними, и быть первыми жертвами стараго режима, защищающаго свой порядокъ вещей.. Иного хода въ развитіи идей не бываетъ! Но даже если нашему идеалу не суждено когда-либо осуществиться, тѣмъ не менѣе онъ полезенъ эволюціи общества. Он — путеводная звѣзда для прогресса, указывающая ему цѣль, и освѣщающая пропасти, куда его хотятъ заманить; онъ указываетъ индивидуальной личности, что ей нужно дѣлать, чтобы освободиться, если она найдетъ — въ себѣ энергіи захотѣть свободы и счастья!

Итакъ, революція — дѣтище эволюціи, роковой фазисъ ея; отъ себя прибавимъ, что она кромѣ того необходима для спасенія человѣчества отъ регресса, к которому его ведетъ буржуазная эволюція.

ГЛАВА VIII.

О переходномъ періодѣ.

Соціалисты, равно какъ и нѣкоторые буржуа, сознающіе, что современный строй имѣетъ свои недостатки, и что соціальная реформа необходима, часто приводятъ намъ слѣдующій аргументъ: «Конечно, вы правы, и то, что вы требуете, весьма раціонально. Дѣйствительно необходимо, чтобы рабочимъ былъ предоставленъ весь продуктъ ихъ производства. Но, знаете ли... есть извѣстныя установившіяся положенія которыя нельзя упразднить, въ любой моментъ, не совершая явной несправедливости! Надо считаться съ малоразвитостью массы, которая не можетъ отъ полнѣйшей зависимости сразу притти къ абсолютной свободѣ! Вы понимаете, что нужно дѣйствовать осмотрительно. Такъ быстро нельзя передѣлать общество; осуществленіемъ требуемыхъ вами реформъ безъ всякой подготовки, легко возстановить противъ себя большинство народа».

«Когда продуктовъ будетъ имѣться въ достаточномъ количествѣ, и всякій сможетъ брать изъ общаго склада, безъ опасенія, что не хватитъ для другихъ, когда человѣкъ поумнѣетъ и начнетъ понимать, что чужая свобода должна быть уважаема, тогда можно будетъ превозгласить свободу индивидуальной личности, упразднить всякое правительство, и отмѣнить денежную систему. Но до этого можно дойти лишь постепенно: сначала необходимо дать народу образованіе, и когда онъ будетъ просвѣщенъ и немного ознакомится съ новымъ порядкомъ вещей, тогда можно будетъ, пожалуй, ослабить возжи. Но, прежде всего, не надо забывать главное, а именно: что все въ природѣ измѣняется лишь постепенно, а слѣдовательно, соціальный строй — тоже, и что нуженъ длинный, очень длинный, періодъ... переходной!»

И высказавъ все это, буржуазный «философъ» воображаетъ, что онъ научнымъ путемъ опровергъ революціонныя идеи. Но лучше всего то, что нѣкоторые яко-бы соціалисты и яко-бы революціонеры подхватываютъ этотъ аргументъ и пускают его въ ходъ противъ идеала анархистовъ.

Вотъ поистинѣ убогая логика!

Такими рѣчами встрѣчаютъ они всякую новую идею, и такими доводами, хотятъ, не отрицая законности нашихъ тре-

бованій, отсрочить исполненіе ихъ на неопредѣленное время.

Но, господа! Мы отлично знаемъ, что масса насъ не понимаетъ; еслибы она понимала, намъ не надо было бы хлопотать, чтобы подготовить ее къ воспріятію нашего идеала. Еслибы народъ понималъ нас, онъ не нуждался бы въ насъ, указывающихъ ему на значеніе новыхъ идеи для будущихъ временъ.

Революціи происходятъ именно тогда, когда массы въ достаточной степени проникаются новыми идеями, и потому то каждый изъ насъ всѣми силами и всѣми средствами старается развить нашъ идеалъ всеобщаго счастья, для того чтобы индивидуумы усвоили его и проникнулись бы имъ настолько, что захотѣли бы попытаться осуществить его въ жизни.

Но возвратимся къ аргументамъ нашихъ противниковъ.

Соціалисты считаютъ революцію неизбѣжной, но только въ духѣ ихъ идей. Подобно тому какъ буржуазія полагаетъ, что покончила разъ навсегда съ революціями въ 93-мъ г., такъ и эти современные Робеспьеры думаютъ, что умы уже заполнены ихъ идеями, и нѣтъ въ нихъ мѣста новымъ.

«Ваши идеи неосуществимы», говорятъ они намъ —«ввиду темперамента французовъ» — если рѣчь идетъ о Франціи, или «англичан», — если объ Англіи. — «Конечно, вашъ идеалъ прекрасенъ въ теоріи, но на практикѣ не примѣнимъ. Вы, милые друзья, не знаете, что такое человѣкъ. Еслибы вы его знали такъ же хорошо, какъ мы, вы говорили бы иначе (повѣрьте: онъ странное животное, настолько глупое, что самъ не знаетъ, чего ему нужно; къ счастью, мы знаемъ, за него). Когда переходный період усовершенствуетъ человѣчество и притупитъ дурные инстинкты человѣка, тогда можетъ быть — но не навѣрно — ваши идеи окажутся осуществимыми; но необходимо, чтобы люди прошли черезъ подготовительный періодъ, долженствующій дать имъ постепенно свободу (подготовку же мы одни способны провести цѣлесообразно)»

«Въ началѣ революціи въ особенности нужна будетъ сильная власть, ибо придется регулировать потребленіе, сообразно съ производительностью каждаго индивидуума, чтобы избѣжать дефицита; нужно будетъ опредѣлить границы личной свободы каждаго для того, чтобы болѣе сильные не обижали слабѣйшихъ (вы не можете себѣ представить, какъ трудно руководить народомъ.)»

Затѣмъ полезность переходнаго періода и временнаго правительства — считается ими доказанной. Не особенно остроумно!

Что касается реформъ, рекомендуемыхъ буржуазіей, даже тогда, когда она искренна, то мы знаемъ, что онѣ безсильны, что ждать ихъ осуществленія равносильно народному выраженію: «жди послѣ дождика въ четвергъ», слѣдовательно

не стоитъ и останавливаться надъ аргументами въ пользу этихъ реформъ.

Но другое дѣло аргументы такъ называемыхъ революціонеровъ, которые становятся консерваторами еще прежде, чѣмъ достигли власти и желаютъ ограничить эволюцію ради «своей революціи». Мы вынуждены замѣтить имъ, что вѣроятно они имѣютъ очень неопредѣленное представленіе объ экономической революціи, проповѣдуемой ими... въ теоріи. Они политики, но не соціалисты, и это отражается и на ихъ способѣ веденія пропаганды.

Организацію ихъ составляютъ группы, комитеты и союзы: мѣстные, областные, федеральные, національные; такимъ образомъ они участвуютъ во всякой партійной борьбѣ, гдѣ только предвидится возможность выиграть депутатское мѣсто; пропагандируется ими соціализмъ, если аудиторія достаточно подготовлена, или же дебатируется чисто мѣстные интересы, если уровень развитія слушателей не поднялся выше таковыхъ. Этимъ путемъ они надѣются пустить корни въ политическихъ сферахъ и во время революціи — если дѣло дойдетъ до нея — замѣнить прежнее правительство своей организаціей, и такимъ образомъ получить право управлять всѣми. И это они называютъ соціальной революціей.

Мы знаемъ уже, что завладѣть почвой, орудіями, общественными богатствами нельзя будетъ путемъ декретовъ; мы говорили уже почему и не будемъ повторяться; полагаемъ, что замѣна однихъ господъ другими не составляетъ большого удовольствія и что для этого не стоитъ дѣлать революціи.

Тѣ, кто будетъ дѣлать революцію, не должны разсчитывать ни на какое правительство, и освобожденіе должно быть только дѣломъ ихъ рукъ, а разъ оно будетъ достигнуто, для него не понадобится санкціи никакого правительства. Поэтому мы и не ждемъ переходнаго періода; для насъ онъ — наша пропаганда, и будетъ уже пройденъ, когда настанетъ революція.

На предстоящую революцію должно смотрѣть съ болѣе широкой точки зрѣнія. Какъ мы уже говорили, возможно, что она будетъ длиться долго, очень долго, ибо продолжительность ея будетъ зависѣть от интенсивности пропаганды, количества времени, которое пройдетъ до ея начала, и отъ подготовленности массъ къ ея воспріятію.

Было бы большой ошибкой предположить, что буржуазія, лишь только удастся захватить власть, позволитъ отнять у себя все. Соціальная сила буржуазіи заключается не въ одномъ только представительствѣ власти; ее составитъ: торговля, банки, всѣ административныя учрежденія, канцеляріи, цѣлая бюрократическая армія, созданная ея организаціей, и все это не можетъ быть отмѣнено сразу. Всякое, какое бы то ни

было, даже самое революціонное правительство, производя кое-какую очистку, вынуждено будетъ сохранить большинство остальныхъ учрежденій, и они то раньше или позже уничтожатъ его.

Мы знаемъ, съ какимъ звѣрствомъ буржуазія подавляла всякое движеніе, имъвшее соціальную тенденцію, и это можетъ служить показателемъ силы сопротивленія, какое она обнаружитъ, когда почувствуетъ, что ей грозитъ серьезная опасность. Боясь за свои привилегіи и сознавая опасность потерять все, что возвышаетъ ее надъ толпою, и исчезнуть съ лица земли, какъ сословіе, она будетъ защищаться до послѣднихъ силъ и пуститъ въ ходъ всѣ средства, какими только будетъ располагать, совершенно игнорируя всякіе декреты, если таковые не будутъ подкрѣплены болѣе существенными фактами.

Между тѣмъ, что бы мы ни дѣлали, какъ бы ни старались ускорить пропаганду, новыя идеи не могут вездѣ распространяться съ одинаковымъ успѣхомъ, и не вездѣ умы будутъ воспринимать ихъ съ одинаковой готовностью. Въ одном мѣстѣ индивидуумы увлекутся до попытки реализовать ихъ, зато въ другомъ мѣстѣ примутъ ихъ только отчасти, а въ третьемъ возможно, что и совершенно не примутъ ихъ.

Продолжительность революціи будетъ поэтому зависѣть отъ привилегированныхъ классовъ: ибо укрѣпившись въ упор ствующихъ мѣстностяхъ и, въ крайнемъ случаѣ, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки, они сконцентрируютъ тамъ всѣ свои силы и оттуда поведутъ войну противъ автономныхъ группъ, образовавшихся въ цѣляхъ реализаціи новыхъ идеаловъ. Всѣ затрудненія и тормазы, какіе встрѣтитъ таковая реализація, должны будутъ быть приписаны имъ; вредить они умѣютъ хорошо!

Война между новымъ идеаломъ и старымъ строемъ будетъ безпощадная, безъ отдыха и перемирія; часть перипетій ея мы уже обозрѣли, въ дальнѣйшем найдем еще нѣкоторыя объясненія относительно ея продолжительности.

Въ виду описанаго выше положенія дѣла, ясно, что въ теченіе всего періода борьбы необходимо будетъ организовать производство и денежное обращеніе настолько прочно, чтобы возставшіе не имѣли повода жалѣть о старомъ порядкѣ вещей. Это само собою понятно, и коллективисты въ данномъ случаѣ правы, ибо если не хватитъ пищевыхъ продуктовъ, и если новый строй дастъ индивидуумамъ менѣе удовлетворенія, чѣмъ буржуазный то, во-первыхъ, окажется, что не стоило мѣнять и, во-вторыхъ: разочарованіе, которое неминуемо послѣдуетъ, послужитъ на долгое время торжествомъ буржуазнаго режима. Коллективисты неправы въ одномъ, а именно: утверждая, что они одни знаютъ формулу, и способны организовать будущее общество, и нельзя не считать крайнимъ

самохвальствомъ, когда они говорятъ, что достаточно имъ захватить власть и создать декрет, чтобы новая соціальная организація появилась подобно тому, какъ нѣкогда свѣтъ появился по велѣнію — Предвѣчнаго Отца. Нелѣпость библейскихъ теорій была въ свое время доказана наукой; здравый смыслъ докажетъ несостоятельность теорій коллективистовъ и отведетъ имъ надлежащее мѣсто среди фантастическихъ вымысловъ всѣхъ временъ.

Предстоитъ одно изъ двухъ; или люди будутъ сознавать свои нужды и цѣль, къ которой они стремятся, и сумѣютъ приспособить свои силы къ обстоятельствамъ, и въ такомъ случаѣ индивидуальная иниціатива развернется во всю ширь и укажетъ имъ, какія мѣры должны быть приняты, чтобы обезпечить успѣхъ начатой революціи, или же они будутъ дѣйствовать, какъ автоматы, подъ руководствомъ того или другого лица и тогда они не получатъ того, на что имъ будетъ давать право новое положеніе вещей. Ими будетъ совершена революція политическая, но не соціальная. Будучи склонными вѣчно быть подъ чужимъ руководствомъ, они получатъ то, что имъ нужно съ точки зрѣнія коллективистовъ, но это не имѣетъ ничего общаго съ освободительной экономической революціей.

И такъ въ самомъ началѣ борьбы можетъ случиться слѣдующее: люди, вынужденные необходимостью, будутъ потреблять имѣющіеся въ наличности продукты, не заботясь о томъ, откуда они берутся, точно также, какъ будутъ прилагать свои силы и дѣятельность тамъ, гдѣ будетъ нужно, пріучаясь проводить въ жизнь солидарность: брать у сосѣдей и давать имъ, не заботясь о томъ, получаютъ ли эквивалентъ.

Когда порядокъ урегулируется, потребности станутъ утонченнѣе и многочисленнѣе; люди должны будутъ сами заняться производствомъ нѣкоторыхъ недостающихъ предметовъ. Они начнутъ сообщаться между собою, совѣтоваться и группироваться, сообразно индивидуальнымъ вкусамъ, чтобы прозиводить что имъ требуется.

Это дастъ поводъ къ обмѣну услугами, и отсюда произойдутъ разнообразнѣйшія комбинаціи въ группировкахъ, въ зависимости отъ разнообразныхъ и многочисленныхъ потребностей человѣка. Такимъ образомъ люди привыкнутъ къ солидарности и коммунизму, прежде даже, чѣмъ всякія статистическія комиссіи успѣютъ сговориться относительно системы мѣновой стоимости и ея единицы мѣры. И это произойдетъ само собою, вдругъ, единственно подъ давленіемъ обстоятельствъ.

Мы убѣждены, что человѣкъ — продуктъ окружающей среды, и что нужно измѣнить среду, чтобы перемѣнился человѣкъ. Если люди жадны и истребляютъ другъ друга изъ-за средствъ къ существованію, то въ этомъ виновата антагоническая организація буржуазнаго строя. Но мы знаемъ так-

же, что индивидуумъ вліяетъ на окружающую среду и можетъ ее измѣнить. Эти два фактора, главнымъ образомъ, обусловливаютъ вліяніе одного явленія на другое и имѣютъ рѣшающее значеніе въ смыслѣ направленія эволюціи.

Въ настоящее время эволюцію рѣшаетъ буржуазная соціальная организація, и необходимо найти средства, сильнѣе дѣйствующія на умы, и потому анархисты работаютъ надъ распространеніемъ своихъ идей, надѣясь, что онѣ дадутъ иное направленіе умамъ и сдѣлаютъ индивидуумы способными влiять на окружающую среду, и такимъ образомъ будетъ достигнуто одновременное, взаимодѣйствующее перерожденіе человѣка и среды.

Если всѣ распропагандированные анархисты будутъ ясно сознавать свою задачу, при глубокомъ убѣжденіи въ правотѣ своего идеала, они смогутъ во время революціи имѣть рѣшающее значеніе, ибо массы легко могутъ увлечься ихъ примѣромъ.

Немедленное проведеніе въ жизнь ихъ идеала послужитъ лучшимъ доказательствомъ его правоты. Лучше всего убѣдятъ они въ этомъ своихъ сосѣдей, предоставляя имъ возможность пользоваться всѣми благодѣяніями взаимопомощи и солидарности.

Простыя вещи доступны пониманію толпы, а во время революціи развивается особенная способность легко воспринимать новыя идеи, если при этомъ продолжительная пропаганда подготовила почву для воспріятія ихъ, то работа и подавно окажется совершенно не трудной.

Впрочемъ, какъ мы уже сказали выше, всякая революіця, даже политическая, является слѣдствіемъ эволюціи нравовъ и стремленій массъ; мы ожидаемъ, что предстоящая революція совершится въ духѣ защищаемыхъ нами идей, и вотъ почему мы превозносимъ нашъ идеалъ.

Итакъ, слѣдуетъ предположить, что еще до начала революціи анархисты, путемъ пропаганды, сумѣютъ провести въ жизнь кое-что, относящееся къ области ихъ воззрѣній. Например, сумѣютъ доказать на дѣлѣ возможность соглашенія между индивидуумами и организаціей, безъ власти и принудительныхъ законовъ; сумѣютъ во взаимныхъ отношеніяхъ между собою и къ окружающей средѣ дать нѣкоторыя указанія на то, каковъ будетъ новый строй; указанія, конечно, не точныя, ибо это невозможно при современномъ строѣ, но могущія, во всякомъ случаѣ, открыть толпѣ глаза на преимущества новаго порядка вещей передъ современностью.

Многія соціальныя отношенія ускользаютъ отъ бдительности принудительныхъ законовъ, какъ бы эти законы ни были инквизиторски строги, и масса даже теперь готова возстать если бы кто-нибудь вздумалъ регламентировать эти отношенія; къ этимъ-то отношеніямъ и должна быть пріурочена пропаганда анархизма для того, чтобы массы пріучились по-

нимать воззрѣнія анархистовъ на соціальныя отношенія вообще и впослѣдствіи умѣли быть самостоятельными на болѣе широкомъ поприщѣ и даже вступить въ борьбу съ существующимъ строемъ.

Мы знаемъ, что гдѣ власть, тамъ и злая воля. Всякій человѣкъ, не развращенный буржуазнымъ воспитаніемъ, не любитъ, чтобы имъ командовали, а желаетъ поступать по своей волѣ.

Если бы тѣ, кто искренно говоритъ о необходимости въ будущемъ обществѣ власти для поддержанія въ немъ равновѣсія, задали бы себѣ трудъ проанализировать свои самыя сокровенныя мысли, они уразумѣли бы, что они желаютъ власти, лишь с оговоркой, что таковая будетъ или немедленно устранена, какъ только захочетъ принять какую-либо мѣру, польза которой не будетъ ими самими признана. Они мечтаютъ, только о такой власти, которая ни въ чемъ не стѣснитъ ихъ свободной эволюціи.

Но такъ думаетъ каждый человѣкъ, и такъ какъ у каждаго человѣка имѣется свой особый взглядъ на вещи, то, очевидно, всякая власть должна кого-нибудь угнетать.

Еслибы убѣжденные сторонники власти проанализировали свои мысли, они поняли бы, что при данныхъ условіяхъ ими отстаивается принципъ власти только противъ тѣхъ, кто не согласенъ съ ихъ воззрѣніями; сами они, по ихъ мнѣнію, настолько интеллектуально развиты, что могутъ обходиться безъ власти, но для другихъ они отрицаютъ такую возможность.

Правда, нѣкоторые поклонники власти утверждаютъ, что чѣмъ больше человѣкъ, развивается, тѣмъ больше онъ становится рабомъ ассоціаціи, и поэтому пытаются во имя науки, доказать, что въ развитомъ обществѣ не можетъ быть мѣста для свободы. Это абсурдъ, къ которому мы вернемся впослѣдствіи.

Другіе также боятся зависимости индивидуума отъ общества, но не заходятъ однако такъ далеко и высказываются менѣе утвердительно и безапелляціонно, они требуютъ власти ограниченной, ссылаясь на то, что весьма трудно удовлетворить всѣхъ и каждаго, и потому необходимо выбрать середину и установить извѣстныя правила, которыя бы не позволяли никому нарушать свободу своего сосѣда.

Дѣйствительно, абсолютно невозможно удовлетворить всѣхъ безъ исключенія; но мы съ своей стороны замѣтимъ, что это особенно вѣрно для тѣхъ случаевъ, когда они хотятъ принудить другихъ жить по одному образцу и подчиняться одной власти, что, по нашему мнѣнію, представляетъ вѣрнѣйшее средство вызвать всеобщее неудовлетвореніе, исключая тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится власть.

Такимъ образомъ страшась истинной свободы, не зная на чемъ обосновать проповѣдуемую ими власть, сторонники вла-

сти прибѣгли къ превозглашенію принципа «большинства»; добраго стараго большинства, которымъ оправдываются всѣ гнусности и эксцессы, всѣ кровопролитія и грабежи, которые вѣнчаются успѣхомъ. Но такъ какъ нѣтъ ни одного человѣка который бы въ какой-либо моментъ своей жизни не возмущался бы въ большей или меньшей степени противъ какого-либо большинства, то мы спросимъ тѣхъ, кто считаетъ большинство закономъ, по какимъ признакамъ можно заключить о законности даннаго большинства? гдѣ критерій, что именно этому большинству слѣдуетъ подчиняться?

Всѣ системы власти, какія были во Франціи начинали борьбу противъ большинства, будучи сами меньшинствомъ, и не останавливались даже передъ насиліемъ, чтобы покорить себѣ большинство, пусть же намъ скажутъ, гдѣ начинается большинство, которому мы обязаны подчиняться, и гдѣ кончается такое, которое можемъ игнорировать.

Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то окажется, что соціалисты уже заранѣе проповѣдывавшіе подчиненіе непогрѣшимому большинству, должны были бы вмѣсто того, чтобы ополчиться противъ буржуазіи, покорно преклониться передъ нею, ибо она представляетъ собою большинство, точно такъ же буржуазія, нынѣ требующая покорности отъ революціоннаго меньшинства, должна была въ свое время подчиниться монархіи и дворянству, въ рукахъ которыхъ была власть, вмѣсто того, чтобы насильно вырывать ее изъ ихъ рукъ, какъ было сдѣлано ею.

Возможно, что буржуазія считаетъ себя выше тѣхъ, кого она замѣнила у власти, и что соціалисты, въ свою очередь, считаютъ себя выше ея, которую собираются свергнуть: возможно, что оба правы, каждый съ своей точки зрѣнія, но это нисколько не доказываетъ, что пролетаріатъ больше обязанъ подчиняться имъ, чѣмъ они обязаны были къ тому же по отношенію къ своимъ предшественинкамъ.

Удивительно, сколько покорности требуютъ люди, добившіеся власти, отъ другихъ, въ то время, какъ сами они совершенно отказывались повиноваться тѣмъ, кто имъ предшествовалъ!

Намъ возразятъ, что все сказанное вѣрно, когда рѣчь идетъ о режимахъ бывшихъ до сихъ поръ, режимахъ основанныхъ на угнетеніи однихъ другими, но что въ обществѣ усовершенствованномъ, въ которомъ рабочій нераздѣльно будетъ получать весь продуктъ своего труда, въ которомъ будутъ процвѣтать всѣ свободы, образованіе будетъ доступно всѣмъ; однимъ словомъ, «въ обществѣ», «которое», «котораго», «о которомъ» и проч., и проч., и проч..., рабочимъ будетъ дана полная возможность совершенно сознательно избирать наиболѣе преданныхъ общему благу представителей, умѣющихъ... управлять ими? о, нѣтъ! конечно — руководить! направлять къ абсолютному совершенству, которое ко-

нечно, сдѣлаетъ ихъ — со временемъ. способными обходиться безъ руководителей!

Пусть будетъ такъ, но изучая человѣчество и начало его исторіи, мы увидимъ, что всякая идея, завоевавшая себѣ большинство и получившая, путемъ ли насилія, или убѣжденія, права гражданства на свѣтѣ, достигала этого, только вытѣснивъ другую идею, царившую раньше ея, позади каждой такой новой идеи, увидимъ еще болѣе новую, которая старается оттѣснить первую и, какъ она, пробиться къ свѣту.

Мы думаемъ, что пора порвать этотъ заколдованный кругъ; земной шаръ достаточно великъ, чтобы пріютить всѣхъ, и каждому предоставить то пространство, которое нужно для его эволюціи; мѣста подъ солнцемъ хватитъ для насъ всѣхъ; и если мы хотимъ, чтобы эволюція шла путем мирнаго прогресса, то должны разрушить все то, что препятствуетъ ея ходу и что можетъ представить собою неожиданную преграду для нея. Нельзя подчиняться большинству, если оно деспотично. Всякая истина, всегда, во всѣ времена, превозглашалась сначала меньшинствомъ. Поэтому будемъ стараться очистить путь новымъ истинамъ, для того, чтобы онѣ могли пробиться къ свѣту, не прибѣгая къ помощи силы, и эволюціонировать на свободѣ.

Какъ видимъ. переходный періодъ, требуемый сторонниками эволюціи будетъ періодомъ пропаганды, и продолженіемъ его должна быть революція, которая, очевидно, не можетъ сразу, въ одинъ пріемъ измѣнить соціальный строй.

Ходить можно научиться только, передвигая ноги; научиться быть свободными можно, только пользуясь свободой.

Чтобы ребенокъ научился ходить нужно не пеленать его на-крѣпко, а давать ему барахтаться вволю; ошибочна и смѣшна та теорія, согласно которой мы не можемъ обходиться безъ опеки, такъ какъ не бывъ никогда свободными, не сумѣемъ пользоваться свободой.

Что касается сторонниковъ реформъ, которые говорятъ намъ о медленномъ движеніи впередъ о частичныхъ реформахъ, о терпѣніи и искусной умѣлости, то они можетъ быть искренни — мы знаемъ, что есть между ними искренніе — но пусть они идутъ подъ знамя ихъ хитроумныхъ измышленій.

Мы считаемъ нашу идею вѣрной и стараемся пропагандировать ее, выяснить и вразумить тѣхъ, кто страдаетъ отъ современной эксплуатаціи и хочетъ освободиться отъ нея; тѣ кто изъ предразсудка или боязни передъ огромностью предстоящаго труда, отступаютъ, пусть медлятъ и требуютъ у эксплуататоровъ, чтобы они менѣе жадничали и осмотрительнѣе грабили. У насъ есть готовый идеалъ, и мы хотимъ реализовать его, и не желаемъ итти на уступки изъ за того, что онъ могъ бы устрашить тѣхъ, чью власть мы хотимъ низпровергнуть.

Если на слѣдующій день послѣ революціи намъ придется начинать переходной періодъ, то съ насъ достаточно того, что мы не сумѣли его избѣжать, и неужели еще намъ проповѣдывать идею такого періода?

Правда прежде всего.

Возможно, что когда революція свершится, наши идеи окажутся недостаточно поняты массами, принявшими участіе въ борьбѣ, и не сгруппируютъ ихъ вокругъ себя; возможно, что большинство приметъ только часть ихъ, предоставляя будущимъ поколѣніямъ реализовать остальную часть; возможно даже, что анархисты будутъ первыми жертвами той власти, которая установится: вѣдь участь новаторовъ — страдать за свои идеи.

Человѣку, убѣжденному, нѣтъ дѣла до всего этого. Не предсказанія о томъ, что осуществимо и что не осуществимо ведутъ къ освобожденію людей, а борьба съ тираніей. Человѣкъ, искренно убѣжденный, умѣетъ бороться и страдать и только, за то чтобы высказать свои идеи, и ищетъ награды себѣ не въ удовлетвореніи мелкаго честолюбія и не въ льстящихъ самолюбію успѣхахъ, а считаетъ лучшей наградой для себя, если пропагандируемыя имъ идеи привьются въ окружающей его средѣ.

Итакъ, намъ нечего пока заботиться о томъ, что исполнимо и что неисполнимо, а будемъ думать только о томъ, что истинно, справедливо ,прекрасно, и предоставимъ людямъ самимъ сдѣлать впослѣдствіи выборъ.

Насъ успокаиваетъ мысль, что въ революціонное время идеи распространяются быстро; экзальтація, охватывающая людей во времена народныхъ волненій, ускоряетъ функціи мозговыхъ клѣточекъ, усиливаетъ способность мышленія и облегчаетъ пониманіе такихъ разсужденій, которыя въ обыкновенное время не реагировали бы на нихъ совершенно.

Въ революціонное время люди становятся способными на самые безумные поступки, но за то и на величайшую самоотверженность. Этимъ въ прошлыя революціи всегда пользовались честолюбивые индивидуумы и всегда умѣли навязывать массамъ деспотизмъ, отвлекая посредствомъ громкихъ словъ: «добордѣтель», «братство», «гражданскій долгъ», и проч. вниманіе ихъ отъ истиннаго значенія слова «свобода».

Что касается насъ, мы хотимъ, чтобы массы свободно отдавались всѣмъ своимъ лучшимъ чувствамъ и своему стремленію къ солидарности, и чтобы онѣ были настолько сознательны, что не позволили бы надѣть на себя цѣпи, долженствующія якобы гарантировать имъ свободу.

ГЛАВА IX.

О моральномъ вліяніи революціи.

Революція, слѣдовательно, будетъ переходнымъ періодомъ, за которымъ наступитъ полная реализація нашего идеала. Она, дѣйствительно ,будетъ таковымъ въ томъ смыслѣ, что разовьетъ умственно индивидуумовъ и научитъ ихъ умѣть быть свободными.

Впрочемъ, здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе.

«Зачѣмъ заботиться о томъ, что будетъ завтра», — говорятъ намъ нѣкоторые изъ революціонеровъ — «у насъ достаточно дѣла вести борьбу противъ существующаго строя, и некогда думать о томъ, что будетъ дальше; нельзя терять время въ мечтаніяхъ о разныхъ утопіяхъ, когда настоящее требуетъ нашихъ силъ. Сперва справимся съ существующимъ строемъ, а затѣмъ уже, когда онъ будетъ сверженъ, подумаемъ о томъ, что дѣлать дальше».

Тоже самое повторяютъ и нѣкоторые анархисты, находя, что обсуждать будущее, значитъ напрасно терять время.

Но мы считаемъ дискуссіи о будущемъ полезными и именно по слѣдующей причинѣ: всѣ прошлыя революци потому кончились неудачей, что возставшіе умѣли только драться, относительно же организацій будущихъ соціальныхъ отношеній и новаго порядка вещей вполнѣ полагались на своихъ вождей. Рабочимъ никогда не удавалось воспользоваться плодами побѣды именно потому, что стремленія ихъ всегда бывали неопредѣленными и туманными.

Большинство заботилось только о нуждахъ даннаго момента борьбы и ограничивалось тѣмъ, что дралось, служило пушечнымъ мясомъ, а думать предоставляло другимъ. Конечно, идеалъ, стремленія, цѣль были ясны для нихъ: свобода, всеобщее счастье... все, какъ понимаемъ и мы, но въ какой фармѣ должна придти свобода, объ этомъ они не думали, Имъ говорено было о какой-то республикѣ, которая освободитъ ихъ, о какомъ-то соціализмѣ, не совсѣмъ понятномъ, но сулящемъ всѣ блага земныя, и этого было достаточно: рабочіе дрались за эту республику, которая должна была принести на землю счастье и предоставляли «посвященнымъ», «знающимъ» устраивать послѣ борьбы ихъ свободу и благоденствіе; они терпѣливо переносили нищету и ждали мѣ-

сяцы и годы, чтобы дать возможность тѣмъ придумать, что-либо совсѣмъ подходящее,и когда, наконецъ, выведенные изъ себя страданіями, лишеніями и нуждой, они теряли терпѣніе и требовали исполненія обѣщаній, имъ отвѣчали пулями и огнемъ!

Для того, чтобы это больше не повторялось, и чтобы на рабочихъ на другой день послѣ революціи не надѣвали цѣпи, сброшенныя ими наканунѣ, нужно, чтобы рабочіе, когда опять прибѣгнутъ къ силѣ, ради завоеванія своихъ правъ, знали, чего они хотятъ; нужно, чтобы они знали, какія изъ современныхъ учрежденій больше всего имъ вредятъ, и что бы не давали себя обманывать, а умѣли, не полагаясь ни на какихъ руководителей, сами покончить навсегда со всѣмъ тѣмъ, что подлежитъ уничтоженію.

Легко, правда, сказать: «Не будемъ заботиться о томъ, что произойдетъ завтра; у каждаго дня — своя забота; займемся сначала устраненіемъ того, что намъ мѣшаетъ, а тамъ посмотримъ, что будетъ». Намъ понятно нетерпѣніе, съ какимъ люди стремятся выбраться изъ грязи, въ которой увязло человѣчество, но если мы хотимъ, чтобы истины, проповѣдуемыя нами были понятны тѣмъ, кого желаемъ убѣдить, нужно, чтобы они имѣли ясное представленіе объ этихъ истинахъ, какъ относително настоящаго, такъ и относительно будущаго времени.

Такъ какъ революціи совершаются только идейнымъ путемъ, то мы хотимъ очистить почву, на которой намъ придется сражаться, и устранить съ дороги всѣ преграды: предразсудки, загораживающіе намъ путь. Люди только тогда будутъ умѣть обходиться безъ руководителей, когда убѣжденія въ нихъ будутъ твердо основаны на разсудкѣ.

Нельзя вести за собою массы словами; нельзя подъ названіемъ: свобода, соціализмъ преподносить имъ всевозможныя регрессивныя системы. Конечно, нѣтъ возможности, чтобы каждый индивидуумъ былъ просвѣщенъ по всѣмъ пунктамъ и во всѣхъ деталяхъ, ибо событія могутъ захватить насъ врасплохъ, прежде чѣмъ это будетъ достигнуто, да этого впрочемъ и не нужно; пусть только у каждаго будетъ ясное пониманіе своей индивидуальности; пусть каждый знает, что его индивидуальность будетъ признана только тогда, когда онъ будетъ признавать чужія индивидуальности; въ остальномъ имъ будутъ руководить обстоятельства.

Индивидуумы должны, кромѣ того, знать, что въ ихъ дѣятельности должно остаться неизмѣннымъ, и чему они должны препятствовать возродиться, для того, чтобы побѣда была обезпечена. Дѣло идетъ хорошо, когда знаешь, чего хочешь.

Конечно, нужно бороться съ современнымъ строемъ со всей энергіей но борьбу эту нужно понимать шире, изслѣдовать ее всесторонне и тогда окажется, что работа найдется для всѣхъ людей съ доброй волей.

Чтобы произвести переворотъ, о которомъ мы говоримъ, понадобятся силы и самоотверженность всѣхъ, безразлично въ какой формѣ, лишь бы онѣ были направлены къ выясненію истины и уничтоженію предразсудка. Каждый по своимъ силамъ! Раздѣленіе труда, въ данномъ случаѣ, открывая просторъ иниціативѣ каждаго, поможетъ намъ ниспровергнуть угнетающія насъ учрежденія, ибо дастъ возможность вести противъ нихъ аттаку одновременно со всѣхъ сторонъ.

Соціалисты говорятъ намъ: Безъ какого-либо правительства вы не сможете помѣшать фабрикантамъ, землевладѣльцамъ, собственникамъ и прочимъ капиталистамъ сдѣлать контръ-революцію и вернуть себѣ власть.

Они не дѣлали бы намъ столь жалкаго возраженія, если бы задали себѣ трудъ подумать о томъ, сколько энергій будетъ потрачено на побѣду соціальной революціи, и еслибы помнили, что силу буржуазіи составляютъ современныя учрежденія пролетаріата, въ соединеніи съ невѣжествомъ и разрозненностью, каковыя исчезнутъ, разъ восторжествуетъ революція. Если буржуазія при всей ея огромной силѣ не сумѣетъ, какъ предполагается, побѣдить народъ, то тѣмъ болѣе не найдетъ въ себѣ силы разрушить новый строй и возстановить старый, основаный на эксплуатаціи, порядокъ вещей.

Предположить, что рабочіе дадутъ себя распропагандировать буржуазіей и согласятся возвратиться подъ ея иго, это значитъ предложить, что революція не принесетъ тѣхъ улучшеній, которыхъ они ожидаютъ, и что надежды, возлагаемыя ими на революцію, окажутся обманутыми въ полномъ объемѣ.

Капиталисты, будучи предоставлены сами себѣ, не сумѣютъ отстоять своей эксплуататорской системы: имъ нужны армія, полиція и бюрократія, которыя поставляются пролетаріатомъ; задача революціи — уничтожить все это: вѣдь и въ настоящее время уже большинство защитниковъ буржуазнаго строя является таковыми, вопреки совей волѣ.

Въ обществѣ, въ которомъ индивидуумамъ будетъ предоставлено свободно эволюціонировать, беъ какихъ-либо стѣсненій и при полномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей, не найдется охотниковъ идти служить буржуазіи, не могущей обѣщать болѣе того, что они въ состояніи достать себѣ безъ нея.

Произойдетъ одно изъ двухъ: либо буржуазныя учрежденія исчезнутъ, и тогда рабочіе поймутъ, что новый режимъ — благо и сумѣютъ защитить его; либо буржуазія окажется сильнѣе, но тогда и революція не будетъ окончена: нужно будетъ продолжать бороться, и борьба должна будетъ быть дѣломъ возставшихъ рабочихъ, а не какого-нибудь правительства.

Наличность организованнаго правительства угрожала бы

еще большей опасностью, а именно: ретроградные элементы могли бы хитростью или насиліемъ завладѣть имъ и распоряжаться коллективными силами противъ народа, чего слѣдуетъ какъ нельзя больше бояться.

Конечно, рабочіе никогда добровольно не вернутся подъ ярмо; точно также всегда революція будетъ дѣломъ сознательнаго меньшинства, которое силою убѣжденія и примѣромъ увлечетъ за собою массы; массы будутъ постепенно просвѣщаться и развиваться умственно, но въ самомъ началѣ все-таки будутъ склонны подчиняться тѣмъ, кого сочтутъ своими руководителями. Тогда то и нужно будетъ стараться не допустить, чтобы онѣ учредили надъ собою правительство Будучи предоставлены самимъ себѣ, онѣ подъ давленіемъ обстоятельствъ сами найдутъ ту систему организаціи, какая имъ нужна.

Другіе, въ опроверженіе нашихъ доводовъ, указываютъ намъ на дурные инстинкты человѣка: какъ устранить покушенія на личность? Какъ избѣжать того, чтобы отдѣльные индивидуумы не захватывали лучшихъ мѣстъ и не нарушали такимъ образомъ хода коллективнаго общества? Какъ препятствовать такимъ и тому подобнымъ проявленіямъ, вытекающимъ изъ послѣдствій существующаго нынѣ строя?

Конечно, мы не станемъ утверждать, что самъ по себѣ фактъ революціи превратитъ людей сразу въ ангеловъ, у которыхъ будетъ одно только стремленіе: дѣлать другъ другу пріятное и жертвовать собою ради другихъ. Пора оставить басни на этотъ счетъ и не приписывать намъ того, чего мы не думаемъ.

Мы думаемъ, что за весьма рѣдкими исключеніями, самыя развращенныя натуры не дѣлаютъ зла ради зла. Мы утверждаемъ и докажемъ что современное общество, своей организаціей, основаной на антагонизмѣ интересовъ, само создаетъ рознь, его разлагающую, и само вынуждаетъ индивидуумовъ вредить другъ другу.

Несмотря на многочисленность побудительныхъ причинъ для совершенія зла, несмотря на выгоды, какія можно бы извлечь, дѣлая его, большинство индивидуумовъ не поддается влеченію ко злу, и только меньшинство подчиняется своимъ дурнымъ влеченіямъ, да и то чаще всего подъ вліяніемъ среды, обстоятельствъ, воспитанія, всего, что вытекаетъ изъ плохой общественной организаціи.

Слѣдовательно, если причиной преступленій является плохая общественная организація, то вмѣстѣ съ нею должны исчезнуть и преступленія. Современное общество, являясь причиной преступленій, преслѣдуетъ только ихъ послѣдствія, и потому воздѣйствіе общества только умножаетъ преступленія, подобно тому, какъ передъ глазами дровосѣка, срубающаго только стволъ дерева, черезъ нѣкоторое время на пнѣ появляются новые ростки и вырастаетъ два, три, пять

новыхъ стволовъ. Мы же стремимся выкопать и сжечь самый корень, чтобы отъ него ничего больше не произрастало.

И если въ будущемъ обществѣ появятся преступленія, то развѣ только какъ единичные случаи атавистическаго характера, требующія со стороны общества пресѣченія, но изъ-за которыхъ не придется имѣть особаго общественнаго механизма.

Собственность и нищета — вотъ главныя причины преступленій. Повторяемъ, человѣкъ не убиваетъ ради удовольствія убивать. Если пересмотримъ всѣ знаменитые уголовные процессы, гдѣ убійство вселяетъ больше всего ужаса и отвращенія, мы найдемъ вездѣ одну и ту же побудительную причину: корысть. Даже убійства изъ мести, которыя могутъ быть отнесены къ категоріи преступленій аффективныхъ, въ большинствѣ случаевъ зарождаются на почвѣ столкновенія интересовъ, и еслибы можно было анализировать всѣ такія преступуленія, то развѣ только немногія оказались бы не подходящими къ этой категоріи.

Воровство, самое частое преступленіе, иногда наказуемое строже, чѣмъ убійство, прямо вытекаетъ изъ частной собственности и нищеты. Когда не будетъ нищеты и частной собственности, воровство перестанетъ имѣть raison d'etre, ибо человѣкъ, у котораго есть все, что ему нужно, не пойдетъ воровать.

Мы видимъ примѣръ на нѣкоторыхъ дикихъ племенахъ, у которыхъ частная собственность приведена къ простѣйшей ея формѣ: ограничивается хижиной, гдѣ живетъ семья, и предметами непосредственнаго обихода, все же остальное находится въ свободномъ распоряженіи всѣхъ; за исключеніемъ случаевъ, когда отдѣльные индивидуумы уже сумѣли захватить въ свои руки нѣкоторыя функціи власти, никогда среди этихъ племенъ не бываетъ, чтобы болѣе сильный субъектъ захотѣлъ выселить обитателей хижины и поселиться въ ней самъ, или отнялъ бы у другого его охотничьи и рыболовныя принадлежности.

У другихъ племенъ человѣкъ, удалившійся отъ своей хижины, если почувствуетъ голодъ, заходитъ въ первую попавшую хижину, садится вмѣстѣ съ другими и беретъ изъ котла, не спрашивая разрѣшенія; затѣмъ наѣвшись, уходитъ не поблагодаривъ хозяевъ, и послѣднимъ не приходитъ даже въ голову считать свои права собственности нарушенными, ибо сами они на мѣстѣ ушедшаго, поступили бы точно такъ же, для нихъ это вопросъ привычки и взаимности услугъ, и только.

Развѣ обычаи этихъ народовъ не лучше нашихъ, при которыхъ голодный долженъ или идти унижаться, или красть? Быть можетъ, въ описываемомъ примѣрѣ замѣчается, отсутствіе требуемыхъ учтивостью ребяческихъ фор-

мальностей, но это дѣло поправимое, во всякомъ случаѣ нужно этимъ обычаямъ оставить ихъ первобытную простоту.

«Прекрасно — скажутъ намъ — но есть еще преступленія аффективныя; эти не продуктъ современной соціальной организаціи, а проистекаютъ отъ дурной природы индивидуумовъ, ихъ нельзя искоренить путемъ измѣненія среды, и вы будете вынуждены принять какія-либо мѣры противъ виновныхъ».

Да простятъ намъ наши оппоненты, но и относительно этихъ преступленій мы утверждаемъ, что они только результатъ плохой соціальной организаціи. Мы уже видѣли раньше, когда говорили о мести, что если всѣ такія преступленія разскрыть и анализировать, какъ дѣлаютъ это съ человѣческимъ трупомъ или химическимъ составомъ, то въ большинствѣ случаевъ окажется, что первопричиной была корысть. Еслибы разсмотрѣть одну за другой всѣ драмы, разыгравшіяся на почвѣ аффектовъ, то во всѣхъ нашлись бы слѣды плохой соціальной организаціи, слѣдствія рокового закона, или по крайней мѣрѣ дурного воспитанія т. е., какого-нибудь предразсудка, привитаго соціальнымъ воспитаніемъ.

Если бы всѣ отдѣльные индивидуумы были пріучены уважать не какой-то законъ, о которомъ они имѣютъ туманное представленіе, а свободу своихъ ближнихъ, заслуживающую въ той же мѣрѣ уваженія, какъ ихъ жизнь, то знали бы что нарушая эту свободу, они рискуютъ навлечь на себя репрессіи. Еслибы у нихъ не было надежды на то, что можно избѣжать возмездія со стороны обиженныхъ, умѣло прикрываясь текстомъ закона, то по всей вѣроятности мы не видѣли бы вокругъ себя стольких поруганій, оскорбленій и насилій надъ личностью человѣка.

Въ преступленіяхъ чисто аффективныхъ, гдѣ преступникъ иногда вызываетъ даже сочувствіе, а современные судьи выносятъ ему оправдательный вердиктъ, и тамъ можно отыскать слѣды рокового вліянія современаго общества.

Еслибы мужчина на основаніи закона и въ силу существующаго предразсудка не привыкъ смотрѣть на женщину, какъ на низшее существо, вещь, ставшую его собственностью потому что она согласилась ему отдаться, мы бы навѣрное рѣже видѣли его убивающимъ предметъ своей страсти, когда она отказывается отъ его «любви»; навѣрное было бы меньше обманутыхъ мужей, выметающихъ злобу на той, кѣмъ былъ нарушенъ брачный договоръ, и еслибы они не сознавали, что законъ на ихъ сторонѣ, то навѣрное были бы менѣе жестоки.

А развѣ адюльтеръ не продуктъ безсмысленнаго закона, вздумавшаго релгаментировать половыя отношенія? не результатъ общественнаго строя, благодаря которому экономическія соображенія вмѣшиваются тамъ, гдѣ должны были бы приниматься въ разсчетъ только чувства? того строя, который съ одной стороны не допускаетъ соединенія двухъ лю-

бящихъ другъ друга людей, а съ другой стороны препятствуетъ разводу? Результатами такого рода моральныхъ принужденій, вытекающихъ изъ ложно направленнаго воспитанія, являются лицемѣріе и ложь. Общество порицаетъ мужа и жену, которые разводятся вслѣдствіе того, что перестали симпатизировать другъ другу, но снисходительно смотритъ, когда они, соблюдая внѣшнія приличія обманываютъ другъ друга потихоньку, лишь бы не давали повода къ лишнимъ разговорамъ.

Нареканія на наличность вышеописанныхъ явленій—безсмыленны, ибо построенное на лжи, лицемѣріи и двоедушіи общество можетъ порождать только насиліе и безстыдство даже въ области отношеній, которыя, казалось бы, должны были вытекать единственно изъ индивидуальныхъ наклонностей людей. Стѣсненная въ своихъ самыхъ интимныхъ стремленіяхъ, вынужденная лгать и обманывать, ради того ли, чтобы соблюдать приличія или ради того, чтобы не создать себѣ невыносимаго существованія въ умственно ограниченной соціальной средѣ, индивидуальность человѣка съеживается, атрофируется и развращается и ,развѣ только иногда, будучи выведена изъ терпѣнія, мститъ за себя.

Послѣ того, какъ покушенія на жизнь будутъ искоренены, а покушенія на собственность станутъ невозможными, обществу останется считаться только съ мелкой рознью между сосѣдями, ежедневнымъ матеріаломъ нынѣшняго гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, но ради этого врядъ ли нуженъ будетъ весь тотъ репрессивный судебный механизмъ, которымъ охраняетъ себя современное общество. И въ этомъ смыслѣ сыграетъ роль благодѣтельное вліяніе соціальнаго переустройства, ибо оно измѣнитъ взаимныя отношенія между индивидуумами и смягчитъ причины розни.

Остаются преступные индивиддумы, преступленія которыхъ необъяснимы никакими побудительными мотивами, кромѣ звѣрской необузданности и извращенія чувствъ.

Но вѣдь они — исключеніе, очень рѣдкое, и законы по отношенію къ нимъ безсильны, а репрессіи не имѣютъ никакого вліянія; такія преступленія принадлежатъ къ паталогіи, и юстиціи не касаются.

Врачъ, или анатомъ, занимающійся наукой ради науки, а не ради почетныхъ отличій, нашелъ бы въ мозгу такого преступника, путемъ анализа, нѣкоторыя измѣненія, важныя съ точки зрѣнія научной правды, а не съ той точки зрѣнія, съ которой современный ученый въ угоду обществу становится пособникомъ палача.

Ибо вѣрно то, что такой преступный субъектъ повинуется импульсамъ, независимымъ отъ его воли. Общество имѣетъ право защищаться, но ни оно, ни кто-бы то ни было другой не имѣетъ права наказывать, или награждать. Прежде, чѣмъ дѣлать индивидуумъ отвѣтственнымъ за свои поступки,

мстительное общество должно было бы спросить себя, не оно ли само виновато въ томъ, что онъ преступникъ; ибо оно вынуждаетъ часть своихъ членовъ жить въ нищетѣ, невѣжествѣ и безнравствености, отказывая имъ въ средствахъ къ развитію, которыми располагаетъ только для излюбленныхъ, и создавая такимъ образомъ для нихъ жизненныя условія, низводящія ихъ до уровня ихъ предковъ временъ каменнаго періода, если вѣрно, что люди того вѣка были такъ дики, какъ о нихъ говорятъ.

Въ будущемъ обществѣ могутъ повторяться случаи насилія, и каковы бы ни были побудительныя причины, придется защищаться отъ него. Но жертвамъ насилія будетъ предоставлена законная защита противъ тѣхъ, кто будетъ покушаться на ихъ жизнь или свободу; всякій человѣкъ, если онъ не окончательно не общественый, всегда найдетъ друзей, готовыхъ за него заступиться; всякій актъ произвола возмущаетъ насъ, даже тогда, когда, жертва его намъ незнакома, и вызываетъ въ насъ желаніе защитить ее. Нужно, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ смѣлость защищаться именно тогда, когда совершается покушеніе на него, и чтобы обидчикъ наказывался бы тутъ же публично; этого требуетъ здравая мораль, и это доказывало бы, что мы не боимся своихъ поступковъ.

Но прятаться за могущественный репрессивный аппаратъ, направляющій всю совокупность соціальныхъ силъ противъ единичнаго индивидуума, и утверждать, что онъ несетъ законую кару за проступокъ, котораго судьи не видѣли и побудительныхъ причинъ котораго не знаютъ, это — верхъ трусости. На какомъ основаніи общество присваиваетъ себѣ принадлежащее индивидуальной личности право наказывать, если оно не сумѣло предупредить преступленіе? По какому праву оно говоритъ о защитѣ, если оно не было въ состояніи матеріально обезпечить эту защиту? Насколько намъ понятно лишеніе жизни врага, отъ котораго мы вынуждены защищаться, настолько намъ кажется отвратительнымъ убійство совершенное при театральной обстановкѣ, хладнокровно, безъ боязни какихъ-либо репрессій, декретированное, и методично исполненное надъ безоружнымъ, безпомощнымъ человѣкомъ, якобы, ради того, чтобы научить его уважать жизнь своихъ ближнихъ. Пусть, въ такомъ случаѣ, самъ судья приводитъ въ исполненіе приговоръ!

Наказаніе преступника никогда не вліяло на прекращеніе преступленій, и вся организація полиціи съ ея безчисленнымъ персоналомъ никогда не предупреждала ни одного акта насилія. Преступленія умножаются подъ вліяніемъ событій и нищеты, и акты насилія прекратятся, если общество обезпечитъ существованіе каждаго, водворитъ на мѣстѣ ненависти — любовь.

Конечно, было бы безразсудствомъ думать, что всѣ бо-

лѣзненныя аномаліи и порождающія ихъ причины исчезнутъ внезапно; мы слишкомъ долго отъ нихъ страдаемъ, и путемъ наслѣдственности онѣ слишкомъ глубоко внѣдрились въ наше существо, чтобы не продолжать передаваться еще многимъ будущимъ поколѣніямъ, но проявленія ихъ будутъ постепенно ослабѣвать, ибо исчезнутъ очаги, дающіе имъ силу, и хотя это покажется парадоксальнымъ, но мы утверждаемъ, что революція въ этомъ смыслѣ будетъ имѣть благотворное вліяніе.

Замѣчено, что болѣзни и эпидеміи слабѣе развиваются среди народонаселенія въ періоды народныхъ волненій, когда массы наэлектризованы; это объясняется тѣмъ, что борьба, движеніе, энтузіазмъ, умственное и волевое напряженіе, — все это поднимаетъ жизненныя силы человѣка до высокой степени интенсивности, анулируетъ болѣзнетворные элементы внутри его и дѣлаетъ его устойчивымъ противъ такихъ же элементовъ, дѣйствующихъ извнѣ.

Длинный революціонный періодъ, который предстоитъ пережить человѣчеству, обостритъ въ каждомъ индивидуумѣ элементы его жизнености и доведетъ ихъ до такой степени крайней напряженности, что этотъ періодъ самъ по себѣ будетъ способствовать перерожденію человѣка, ибо поможетъ устраненію тѣхъ причинъ, которыя въ настоящее время ведутъ человѣчество къ полному вырожденію.

Будущее общество, создавъ для человѣка нормальныя условія существованія, освободитъ его, если не отъ всѣхъ болѣзней, ибо нужно считаться съ несовершенствомъ нашей натуры, то по крайней мѣрѣ отъ тѣхъ, которымъ мы обязаны нашему невѣжеству и алчности эксплуататоровъ, и выведетъ его на путь дальнѣйшаго совершенствованія.

ГЛАВА X.

Индивидуальная личность и общество.

Изъ того, что анархисты, противники высшей власти, хотятъ полнаго перерожденія современаго общества, выведено заключеніе, что они враги общества вообще. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они стремятся къ возврату въ первобытное состояніе.

Анархисты знаютъ, что человѣкъ не можетъ жить изолированнымъ, и что люди должны ассоціироваться, для того чтобы наилучшимъ образомъ использовать свои силы; поэтому анархисты хотятъ, чтобы общественная организація была основана на солидарности, а не на антагонизмѣ, и, оставляя въ сторонѣ воззрѣнія прежнихъ соціологовъ и современныхъ политикоэкономовъ, принялись за изученіе такой системы общественнаго строя, при которой общество приспособляется къ потребностямъ индивидуумовъ, а не индивидуумы къ произвольно организовавшемуся обществу.

Согласно ученію буржуазной политической экономіи, индивидуальная личность не что иное, какъ крошечная частица общества, которое представляетъ собою сложный живой организмъ, вмѣщающій въ себѣ все человѣчество. Индивидуумъ есть только клѣточка въ этомъ организмѣ и такъ какъ по теоріи политикоэкономовъ клѣточка — дѣленіе организма, то и единичный человѣкъ, слѣдовательно, долженъ быть въ полномъ подчиненіи у человѣческаго общества.

Исходя изъ этой точки зрѣнія апологеты буржуазіи силятся оправдать заработную плату и зависимое положеніе пролетаріата. Для нихъ общество есть міровой организмъ, эволюціонирующій и имѣющій право ради своего развитія передѣлывать по своему усмотрѣнію индивидуумовъ, составляющихъ его существо. Критеріемъ эволюціи и прогресса общества служитъ, по ихъ мнѣнію, неслыханная роскошь, проявляемая привиллегированнымъ меньшинствомъ, которое сосредоточило въ своихъ рукахъ капиталъ и безумно расточаетъ милліарды ради того, чтобы ихъ блескомъ ослѣпить толпу.

А что роскошь меньшинства окупается цѣною древнейшей нищеты большинства, что накопленіе капиталовъ въ рукахъ немногихъ происходитъ въ ущербъ тѣмъ, кто ихъ вырабатываетъ своимъ трудомъ, объ этомъ они не думаютъ!

Пусть милліоны умираютъ отъ голода, лишь бы безработица происходила вслѣдствіе переполненія магазиновъ, лишь бы капиталы Ротшильдовъ, Вандербильдтовъ, Джей Гульдовъ и Макаевъ доказывали, что общество богато! оно такъ богато, что изъ-за избытка продуктовъ вынуждено вести войны съ «дикарями» съ цѣлью заставить ихъ носить штаны, въ то время, какъ идеалъ этихъ несчастныхъ ходить съ непокрытой задней частью тѣла и безъ рукавовъ! Такъ богато, что отдѣльныя лица швыряютъ милліонами и не знаютъ, на что тратить свои доходы.

На основаніи такихъ именно разсужденій проповѣдуютъ людямъ, что они должны уважать существующія соціальныя учрежденія; что масса обязана жертвовать собою ради частныхъ интересовъ, и что отдѣльные люди, ради сохраненія своей доли благостсоянія и безопасности, должны защищать привиллегіи эксплуататоровъ противъ тѣхъ изъ товарищей по неволѣ, которые, будучи дальновиднѣе ихъ, хотятъ измѣнить современный строй.

На самомъ дѣлѣ, соціальный строй является для человѣка орудіемъ освобожденія его отъ силъ природы; средствомъ расширить поприще его дѣятельности, развить въ немъ самостоятельность и силы, необходимыя для преодолѣнія препятствій, а равно и средствомъ уменьшенія до минимума количества времени, нужнаго на производство предметовъ первой необходимости, вслѣдствіе котораго трудъ сталъ бы удовольствіемъ, а не наказаніемъ, какимъ онъ является въ настоящее время.

Какъ далеко мы не возвратимся назадъ въ исторіи человѣчества, мы застаемъ людей, соединившихся въ ассоціаціи; среди самыхъ некультурныхъ народовъ, не имѣющихъ исторіи, и тамъ видимъ группировки въ нѣсколько человѣкъ или семействъ.

Изучая доисторическія времена, мы находимъ слѣды такихъ ассоціацій за нѣсольо тысячелѣтій до нашего времени.

Въ какой періодъ своего развитія человѣкъ началъ искать общества ближнихъ? Въ какую эпоху онъ почувствовалъ потребность соединить свои силы съ другими, чтобы одолѣть врага или положенныя природой препятствія? Было ли это въ каменный періодъ, или раньше, когда его человѣческая натура едва лишь начинала выдѣляться изъ первобытнаго животнаго состоянія; или еще раньше, когда ничто не дозволяло перд чувствовать подъ грубой оболочкой животнаго будущаго властелина міра, который въ гордости своей отречется отъ своего происхожденія? — все это для насъ безразлично.

Для насъ индивидуумъ предшествовалъ обществу, и не онъ долженъ покоряться произвольно установленнымъ порядкамъ, а порядки эти должны быть приспособлены къ его развитію.

Нѣтъ сомнѣнія, что первыя ассоціаціи людей или антропопитековъ были временныя и основанныя на абсолютномъ равенствѣ. Къ нимъ влекло отдѣльныхъ индивидуумовъ, вѣроятно, безсознательное еще чувство общественности, и навѣрно то, что въ ассоціаціяхъ они находили себѣ болѣе спокойное существованіе и лучшее возмѣщеніе понесенныхъ трудовъ, такъ какъ продукты распредѣлялись по потребностямъ, по крайней мѣрѣ главнымъ потребностямъ, сообразно съ добытыми результатами. Опытъ перехода отъ природнаго изолированнаго состоянія къ ассоціаціи показываетъ, что будущій человѣкъ тогда уже понималъ или предчувствовалъ, что только путемъ соединенія всѣхъ силъ съ силами ближнихъ онъ сможетъ въ борьбѣ за существованіе устоять противъ враговъ, вооруженныхъ лучше, чѣмъ онъ.

То обстоятельство, что мало-по-малу человѣкъ далъ себя поработить и подчинился власти и эксплуатаціи, навязаннымъ ему нѣсколькими индивидуумами, которыхъ онъ призналъ своими главарями, не означаетъ прогресса, а наоборотъ, доказываетъ если не полнѣйшій регрессъ, то во всякомъ случаѣ задержку и замедленіе прогресса, ибо съ того дня, въ который появились главари, одна часть силъ стала уходить на поддержаніе ихъ авторитета, а другая часть или тратилась на борьбу противъ него, или была парализована самимъ фактомъ его существованія. Такимъ образомъ терялась напрасно сила, которая могла бы быть лучше использована на борьбу съ враждебными явленіями окружающей природы.

Изъ того, что болѣе сильные и болѣе ловкіе индивидуумы сумѣли обратить въ свою исключительную пользу эти зачаточныя ассоціаціи, въ ущербъ прочимъ сочленамъ, не слѣдуетъ, что эксплуатація ихъ законна.

Если первые опыты были направлены на невѣрный путь, то это не значитъ, что такъ должно быть и впредь; если наши предки были настолько наивны, что стерпѣли ярмо, надѣтое на нихъ тогдашними эксплуататорами, или были слишкомъ слабы, чтобы сопротивляться имъ, то неужели мы, нынѣшніе ихъ потомки, понимающіе свои права и сознающіе свои силы, будемъ продолжать нести это иго.

Такая теорія была бы черезчуръ удобной. Даже въ обществахъ въ мірѣ животныхъ, на которыя намъ указываютъ, когда хотятъ доказать цѣлесообразность власти, даже тамъ нѣтъ того, чтобы индивидуумы соглашались работать для своего главы, удовлетворять всѣ его прихоти, каковы бы онѣ ни были, терпѣть лишенія, и недоѣдать, въ то время какъ онъ истреблялъ бы и расточалъ продукты труда всего общества.

У ячелъ и муравьевъ, какъ мы уже видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, существуетъ специализація работы, и индивидуальная личность дифференцировалась въ отдѣльные типы. Такъ какъ интеллектъ не далъ имъ изобрѣсть орудія

изъ неодушевленной матеріи, независимыя отъ ихъ организма, то таковыя замѣняютъ имъ члены ихъ тѣла, и эти члены-орудія, развиваясь въ направленіи спеціализаціи, повлекли за собою соотвѣтствующее измѣненіе всего организма. Измѣненія эти передавались отъ поколѣнія къ поколѣнія, и такимъ образомъ выработалось, въ средѣ одной и той же разновидности, нѣсколько различныхъ индивидуальныхъ типовъ которые представляютъ какъ бы отдѣльныя разновидности.

Однако диференціація способностей и специализація труда отнюдь не допускаютъ подчиненія какой бы то ни было власти; каждый индивидуумъ работаетъ согласно своей природѣ на общее благо, потому что общее благо есть и его собственое; каждый участвуетъ въ трудѣ сообразно, своимъ способностямъ, но за то участвуетъ и въ потребленіи съѣстныхъ запасовъ, сообразно своимъ потребностямъ. Когда муравей голоденъ, онъ трогаетъ своими щупальцами сытаго товарища, и тотъ открыгиваетъ ему части пищи, содержащейся въ его желудкѣ, и еслибы одинъ изъ нихъ вздумалъ расточать запасы общины, то товарищи не замедлили бы проучить его.

Мы не требуемъ отъ представителей буржуазіи, чтобы они были столь же предупредительны, какъ муравьи, и когда говоримъ, что заставимъ ихъ отрыгнуть, то конечно въ другомъ смыслѣ. Но они, которые даже въ мірѣ насѣкомыхъ ищутъ аргументовъ въ защиту буржуазнаго строя, они не должны бы забывать, что эти крошечныя животныя не терпятъ паразитизма своихъ собратьевъ и умѣютъ предупредить его!

У пчелъ мы находимъ одинъ классъ индивидуумовъ, который можно сравнить съ современной золотой молодежью; это сбродъ веселыхъ виверовъ, единственное времяпрепровожденіе которыхъ составляютъ любовь и продолженіе рода. Подобно современнымъ молодымъ представителямъ буржуазіи, эти аристократки живутъ плодами чужого труда и сами никогда не работаютъ. Правда, въ свое оправданіе они могутъ сказать, что ввиду спеціализаціи труда, и такъ какъ рабочій классъ состоитъ изъ выродившихся самокъ, они нужны для населенія улья, ибо безъ нихъ невозможно нормальное продолженіе рода. Но несмотря на такое оправданіе, по исполненіи ихъ назначенія: оплодотворенія самки, рабочіе спѣшатъ убить ихъ, чтобы не кормить ненужныхъ дармоѣдовъ.

А пчелиная царица, являющаяся якобы эмблемой монархической власти! и она вынуждена была сойти съ высоты и довольствоваться ролью, болѣе скромной, но за то, и болѣе полезной.

Тѣ изъ ученыхъ, кто болѣе заботится о правильномъ освѣщеніи фактовъ, чѣмъ о поискахъ за оправданями для сильныхъ міра сего, распредѣляющихъ пенсіи и награды, признали по тщательномъ изученіи жизни улья, что якобы царица — не что иное, какъ мать небывалой среди людей пло-

довитости, ибо она въ буквальномъ, а не только въ переносномъ значенiи слова мать своего народа. Если за ней болѣе ухаживаютъ и лучше кормятъ, чѣмъ прочихъ, и если она какъ будто не принимаетъ участiя въ трудахъ общины, то это только потому, что у ней есть гораздо болѣе важная работа: безпрерывно класть яички, чтобы обезпечить потомство для колонiи.

Возьмемъ простѣйшую ассоцiацiю среди млекопитающихъ, напр., жвачныхъ. Стадо, состоящее изъ самокъ и молодежи, подъ предводительствомъ матерого самца — вотъ и все общество. Но и здѣсь никто не работаетъ для прокормленiя такъ называемаго вожака. Единственная его привиллегiя — это исключительное право на ласки самокъ, не оспариваемое у него молодыми самцами.

Зато на немъ лежитъ обязанность заботиться о безопасности стада, въ то время какъ оно пасется и молодые играютъ; онъ обязанъ подавать сигналъ при приближенiи врага, быть послѣднимъ при отступленiи и защищать тылъ.

Когда молодые самцы выростутъ, они отобьютъ у него самокъ, и если онъ достаточно еще силенъ, то прогонитъ ихъ изъ стада и будетъ вынужденъ довольствоваться остатками своего гарема. Но и здѣсь мы не видимъ ни слѣдовъ власти, ни эксплуатацiи.

У однихъ только муравьевъ мы находимъ слѣды эксплуатацiи въ видѣ рабства; но это рабство только относительное, ибо рабами являются исключительно рабочiе муравьи, принадлежащiе къ другой разновидности и взятые, еще куколками. Они рождаются у своихъ повелителей и не могутъ себя считать принадлежащими къ одной съ ними разновидности, ибо въ сущности исполняютъ только тѣ функцiи, которыя должны были бы исполнять въ родномъ муравейникѣ.

Вездѣ мы находимъ солидарность, а если иногда и встрѣчается подчиненность, то сознательная, обдуmананя и всегда основанная на согласiи индивидуума, а не слѣпая покорность. Безчисленныя возстанiя, какими обозначенъ историческiй путь пролетарiата, революцiи противъ правительствъ всѣхъ временъ ясно доказываютъ, что хотя попытки къ освобожденiю были подавляемы, но чувство независимости никогда не угасало въ душѣ индивидуума, и притупляясь только на время, вновь возгоралось всякiй разъ, когда этого требовали событiя.

Слѣдствiемъ предразсудковъ, привитыхъ воспитанiемъ, было то, что послѣ каждой революцiи люди возвращались къ старымъ привычкамъ власти и гнета. Съ перваго момента, какъ человѣчество начало себя помнить, оно было всегда управляемо, и поэтому неудивительно, что оно не можетъ вѣрить въ ничѣмъ не регламентируемую свободу. Но въ настоящее время предразсудки падаютъ подъ ударами, наносимыми имъ духомъ критики, и врожденное чувство независимо-

сти находитъ себѣ надлежащее выраженіе: человѣчество не желаетъ больше имѣть повелителей и требуетъ свободы.

Итакъ ассоціація необходима человѣку; она условіе sine qua non его интеллектуальнаго развитія. Но изъ того, что человѣкъ не можетъ жить внѣ общества, не слѣдуетъ заключать, что онъ долженъ приносить себя въ жертву асоціаціи, ибо общество имѣетъ raison d'etre постолько, посколько оно выгодно для индивидуума. Если оно ему вредитъ, то онъ имѣетъ право уклониться отъ него, и въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что общество, эта абстрактная величина, найденная соціологами и политиками, по существу своему не имѣетъ никакого никакого права и никакой власти надъ индивидуумомъ; что благосостояніе индивидуума ни въ какомъ случаѣ не должно приноситься въ жертву обществу; что такія величины, какъ: власть, собственность, отечество, семья — только орудія, придуманныя тѣми, кому это выгодно, для упраздненія индивидуальности человѣка и эксплуатированія его въ ихъ исключительную пользу.

Что общество не имѣетъ потребностей, ему только свойственныхъ, и не представляетъ собою независимаго организма — это очевидно, и всѣ сравненія, которыми хотятъ насъ убѣдить, слишкомъ искуственны и бездоказательны. Во многихъ случаяхъ общество можно сравнить съ организмомъ, и сравненіе будетъ болѣе или менѣе удачно, но полной идентичности не существуетъ.

Индивидуумы ассоціируются ради того, чтобы найлучшимъ образомъ использовать свои силы; ассоціація бываетъ временной или постоянной; взаимныя отношенія индивидуумовъ въ ней могутъ быть самыми разнообразными, но все это не создаетъ отдѣльнаго живого существа, и когда во имя этого якобы организма предъявляются какія то особыя права, противорѣчащія правамъ индивидуумовъ, его составляющихъ, то это только доказываетъ, что тѣ члены ассоціаціи, которые присваиваютъ себѣ право управлять обществомъ, желаютъ выдвинуть впередъ свои личные интересы въ ущербъ интересамъ прочихъ членовъ ассоціаціи.

Еслибы общество было построено на естественном базисѣ, то соціальные интересы не сталкивались бы въ немъ съ индивидуальными; представляя собою конгрегатъ клѣточекъ, животное не ощущаетъ въ себѣ ни одной потребности, которая вредила бы составнымъ его частицамъ, развѣ только въ случаяхъ патологическихъ, и тогда результатомъ является гибель части клѣточекъ, и за нею, какъ слѣдствіе, гибель самого животнаго.

Таково именно состояніе современнаго общества, настолько неуравновѣшеннаго, что въ немъ не только общественные интересы идутъ въ разрѣзъ съ индивидуальными, но и частные интересы каждаго человѣка находятся въ конфликтѣ съ интересами его сосѣдей; это состояніе патологическое, порождающее гибель цѣлой массы индивидуумовъ и вмѣстѣ

съ тѣмъ вносящее безпорядокъ въ общество и влекущее его къ упадку и разложенію.

Стремленіе разсматривать и по-днесь человѣка, какъ простую принадлежность общества не мало способствовало заблужденію изобрѣтателей соціальныхъ системъ, которые приносятъ свободу человѣка въ жертву ради процвѣтанія той или другой системы, ими произвольно придуманной.

Что касается анархистовъ, то они хотятъ строить свое зданіе на истинной природѣ человѣка и истинномъ значеніи ассоціаціи, и видятъ въ человѣчествѣ только обширное поприще, на которомъ могутъ свободно эволюціонировать всевозможные тмеперамenты, идеи и концепціи. По ихъ мнѣнію, общество имѣетъ право на существованіе и развитіе постольку, поскольку оно внесетъ улучшеніе въ жизнь человѣка, взятаго какъ индивидульано, такъ и вообще; и поскольку оно будетъ способствовать его прогрессу, предоставляя полный просторъ его способностямъ и не полагая никакихъ ограниченій, вредныхъ его личности, кромѣ уже существующихъ въ силу естественныхъ условій, среди которыхъ онъ живетъ.

Нѣкоторые изъ соціалистовъ, опираясь на мнѣніи Геккеля, слѣдующимъ образомъ стараются оправдать свои централистическія стремленія:

«Будемъ разсматривать — говорятъ они — любой порядокъ явленій, самаго различнаго характера, напр., космогеническую теорію, согласно которой путемъ постепеннаго сгущенія матеріи, свободной и колеблемой волнами вихреобразнаго движенія, возникаютъ небесныя тѣла, коихъ массы, во взаимной связи, подчинены дѣйствія однихъ на другія; или: нервную систему, а слѣдовательно и интеллектъ, которые развиваются по мѣрѣ концентраціи клѣточекъ, распредѣляющихся по разнымъ подраздѣленіямъ, вокругъ общаго органа-центра; — или: рѣчь, которая развивается, начавъ съ послѣдовательнаго расположенія словъ, неизмѣняемыхъ и независимыхъ другъ отъ друга, и кончая измѣненіемъ смысла въ связи съ измѣненіемъ составныхъ ихъ элементовъ, при чемъ сами слова измѣняютъ свое значеніе, сообразно взаимному ихъ отношенію — со всякой точки зрѣнія мы видимъ, что эволюція совершается переходомъ изъ состоянія свободнаго въ состояніе концентрированное, и что по мѣрѣ увеличенія концентраціи частицъ увеличивается и взимная зависимость ихъ, то есть дѣйствіе частицъ становится все менѣе и менѣе самостоятельнымъ и независимымъ отъ содѣйствія другихъ частицъ». (Г. Девилль, «Анархизмъ»).

Чего только не скажетъ человѣкъ съ авторитарнымъ складомъ ума! Группируясь, клѣточки становятся зависимыми другъ отъ друга, и г-нъ Девилль выводитъ отсюда заключеніе, что ни одна изъ нихъ не можетъ шевелиться безъ разрѣшенія другихъ. Глубокое заблужденіе, господа сторонники власти, очень глубокое! Ассоціируя свои силы, люди, как и клѣточки, становятся въ зависимость другъ отъ друга только

въ томъ смыслѣ, что какъ хорошее, такъ и дурное ощущеніе, испытываемыя цѣлымъ, отражаются на составныхъ частяхъ и, наборотъ, ощущеніе одной составной части передается въ большей или меньшей степени цѣлому.

Если бы въ конгрегатѣ клѣточекъ, вошедшихъ въ составъ сложнаго организма, для одной группы ихъ создалось больше дурного, чѣмъ хорошаго, — какъ это произошло въ современномъ обществѣ съ рабочими — то ассоціація не имѣла бы мѣста, а вы, господа, хотите, чтобы человѣкъ съ его умомъ продолжалъ выносить порядокъ вещей, котораго не стали бы терпѣть безконечно малыя существа, съ самыми простѣйшими мозговыми центрами.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что между ассоціировавшимися индивидуумами должна быть самая тѣсная солидарность, но изъ этого не слѣдуетъ, что должна быть связана свобода каждаго изъ нихъ; если бы ваши разсужденія, господа, были вѣрны, то оказалось бы, что ассоціація вредна для человѣка, ибо подавляетъ въ немъ индивидуальность, между тѣмъ, какъ свобода — общее стремленіе человѣчества! Чтобы сохранить независимость, человѣкъ, слѣдовательно, долженъ былъ бы существовать изолированнымъ; выводъ столь же абсурдный, какъ и все разсужденіе, изъ котораго онъ выведенъ.

Создавъ себѣ машины, которыми можно работать послѣ самой непродолжительной подготовки, человѣкъ — въ противоположность клѣточкамъ и насѣкомымъ — избѣжалъ необходимости переформировать свой организмъ. Обладая столь чуднымъ органомъ, какъ рука, которой онъ приводитъ въ движеніе всѣ машины, придуманныя его изобрѣтательнымъ умомъ, онъ имѣетъ возможность, не прибѣгая къ индивидуальной спеціализаціи, приспособляться ко всѣмъ обстоятельствамъ борьбы за существованіе.

Способности и концепціи безконечно разнообразны въ людяхъ, но не вызываютъ никакихъ измѣненій въ организмѣ человѣка, и дѣлаютъ для него возможнымъ приспособленіе къ такимъ наклонностямъ, какихъ у него не было въ зародышѣ, и такимъ образомъ положеніе его въ обществѣ не имѣетъ никакого сходства съ спеціализаціей труда у клѣточекъ и наличностью безполыхъ у насѣкомыхъ.

Впрочемъ, всѣ якобы научные доводы опровергаются самой буржуазной наукой устами одной личности, которая отрицая власть съ научной точки зрѣнія, признаетъ ее въ политикѣ и между представителями власти занимала не послѣднее мѣсто.

«Дѣйствительно ли существуетъ между ними (многоклѣтчатыми существами) централизація, о которой говоритъ г. Геккель? Подраздѣляются ли въ нихъ клѣточки на клѣточки повелѣвающія, и клѣточки повинующіяся, на господъ и слугъ? Всѣ извѣстные намъ факты даютъ **весьма опредѣленный отрицательный отвѣтъ** на эти вопросы».

«Я не буду настаивать на очевидно существующей автономіи каждой клѣточки въ многоклѣтчатомъ организмѣ. Ни г. Геккель ни кто-либо другой не отрицаютъ существованія ея, но важно выяснить въ точности ея предѣлы; тогда мы увидимъ, что она гораздо шире, чѣмъ полагаютъ, и что если вѣрно, что всѣ клѣточки зависятъ другъ отъ друга, то не менѣе вѣрно и то, что ни одна клѣточка не командуетъ надъ другими, и что даже самые высшіе многоклѣтчатые организмы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы съ монархіей либо какимъ-нибудь другимъ правительствомъ, авторитарнымъ и централизованнымъ» (Ланесанъ, Transformation стр. 183).

И дальше:

«Автономія и солидарность; этими двумя словами резюмируются условія существованія клѣтокъ во всякомъ многоклѣтчатомъ организмѣ, и автономія и солидарность должны войти въ основаніе всякаго общества, если таковое будетъ строиться по образцу, заимствуемому у существующихъ живыхъ организмовъ». (Онъ же, стр. 196).

Намъ говорятъ, что съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на эволюцію, окажется, что она всегда совершается путемъ перехода отъ формы хаотической къ координированной. Мы, анархисты, говоримъ тоже самое; нами всегда признавалось, что если индивидуальной свободѣ будетъ предоставлена возможность проявляться, то въ началѣ будутъ происходить явленія, кажущіяся нелогичными, но ввиду зла, которое мы терпимъ отъ современнаго строя, основаннаго на власти, желательнѣе переносить хаотическое состояніе, чѣмъ возвращаться къ власти, доказавшей уже на дѣлѣ упорядоченія свою полную несостоятельность.

Предоставимъ индивидуумамъ свободу ассоціацій, и пусть свободно развиваются идеи, и въ очень непродолжительномъ времени всѣ недоразумѣнія, колебанія, ошибки исчезнутъ сами собою, въ силу ихъ вреда для индивидуумовъ, и воцарятся общая гармонія и координированная дѣятельность всѣхъ нашихъ способностей и силъ.

Итакъ, общество не есть организмъ, существующій самъ по себѣ, и его существованіе не независимо отъ существованія индивидуумовъ, его составляющихъ. Само по себѣ оно — ничто. Если индивидуумы будутъ уничтожены, общество перестанетъ существовать; но если распадется общество, и индивидуумы изолируются, они будутъ жить плохо, возвратятся въ первобытное дикое состояніе, и способности ихъ будутъ регрессировать, но въ концѣ концовъ они все-таки будутъ продолжать существовать.

Мы видѣли, что въ живыхъ организмахъ, даже самыхъ высшихъ, клѣточки, хотя связаныя между собою тѣсной солидарностью, остаются самостоятельными, и поэтому сравненіе сторонниковъ власти неудачно. Теперь увидимъ, что оно болѣе чѣмъ неудачно; оно — нелогично.

Образовать столь значительное скопленіе, какое нужно, напримѣръ, для млекопитающаго, и выработать такое раздѣленіе труда, при которомъ каждая клѣточка занимаетъ опредѣленное мѣсто въ колоніи и исполняетъ всегда одинаковую долю труда, клѣточки могли только при томъ условіи, что въ самомъ началѣ возникновенія агрегаціи отдѣльная клѣточка не сознавала своей индивидуальности и не имѣла предрасположенія къ той или иной работѣ; если изъ клѣточекъ однѣ сгруппировались для образованія мускуловъ, другія — кожи, шерсти, костей, если однѣ вырабатываютъ кровь, другія лимфу, желчь, еще другія — мысль, никогда не выходя изъ своей спеціальности настолько, что приспособленіе къ другой работѣ для нихъ до такой степени невозможно, что онѣ атрофируются и гибнутъ отъ перемѣны условій ихъ дѣятельности, — то все это доказываетъ ихъ первоначальную пластичность, каковой нѣтъ у человѣка, ибо онъ самъ по себѣ существо сложное и вполнѣ законченное.

Процессъ приспособленія клѣточекъ лучше всего изучается на простѣйшихъ животныхъ. Разсматривая амебу и монеру, простѣйшіе виды протистовъ, увидимъ, что эти желатиновидныя существа движутся, питаются и размножаются, не имѣя на то никакихъ спеціальныхъ органовъ. Индивидуумъ исполняетъ всѣ функціи любой частью своего организма: передвигается, выпуская изъ тѣла удлиненія, замѣняющія ноги; ѣстъ, хватая первой попавшейся частью тѣла пищу, которую обвалакиваетъ и растворяетъ въ себѣ; ради размноженія, въ срединѣ его дѣлается съуженіе, которое все болѣе и болѣе удлиняется, образуя два ясно выраженныхъ идивидуума, и когда сегментація совершится, индивидуумы разрываются и представляютъ собою два самостоятельныхъ организма, во всемъ схожихъ съ тѣмъ, отъ котораго произошли.

Выше описано размноженіе амебы; у монеры размноженіе болѣе сложное и проходитъ черезъ нѣсколько фазисовъ. Если подняться на нѣсколько ступеней выше по лѣстницѣ простѣйшихъ животныхъ, мы встрѣтимъ асцидію, у которой индивидуумъ состоитъ не изъ одной клѣточки, а изъ цѣлой колоніи клѣточекъ, и въ ней функціи уже начинаютъ спеціализироваться. Здѣсь мы находимъ наружную кожу, слизистую оболочку, одно отверстіе для принятія пищи и другое для удаленія отбросовъ. Но спеціализація такъ еще мало развита, и столь недавняя, что можно животное вывернуть наизнанку, какъ перчатку, и оно будетъ продолжать жить; при чемъ наружная кожица замѣнитъ собою пищеварительную слизистую оболочку, какъ будто въ жизни животнаго ничего не произошло абнормальнаго!

Возьмемъ нѣкоторые виды прѣсноводныхъ гидръ; одну такую гидру можно вывернуть и ввести внутрь другой; слизистыя оболочки сростутся, и оба животныя составятъ одно, которое будетъ продолжать жить, не ощущая никакого неудобства отъ такого соединенія организмовъ, и не подозрѣ-

вая, что съ большимъ правомъ, чѣмъ какой-нибудь самодержецъ, можетъ говорить о себѣ во множественномъ числѣ.

Можно сдѣлать опытъ и въ обратную сторону: одну такую гидру разрѣзать на нѣсколько частей; сколько было кусковъ, столько явится новыхъ индивидуумовъ, которые будутъ жить и дополнять себя, выдѣливъ изъ организма тѣ части, которыхъ не хватаетъ.

Итакъ, мы видимъ, что первичныя клѣтки мало-по-малу спеціализировались въ работѣ и потеряли способность трансформаціи только вслѣдствіе эволюціи и прогресса того организма, въ составъ котораго онѣ вошли. Но солидаризуясь съ колоніей, отдѣльная клѣтка, какъ мы видѣли, не сдѣлалась ея слугою; солидарность ея съ остальными клѣточками стала до того тѣсной, что если она откажется исполнять свою работу, вся колонія погибнетъ, или по крайней мѣрѣ пострадаетъ, если, конечно, не удалитъ ее и не замѣнитъ другою. Но и сама первая клѣточка, пострадаетъ, и въ этомъ случаѣ она подчинена принужденію, идущему со стороны естественныхъ законовъ, управляющихъ ея существованіемъ, а не несетъ произвольно наложенное однимъ классомъ сочленовъ ассоціации наказаніе, между тѣмъ въ современныхъ обществахъ законы наказуютъ проступки противъ существующаго строя, но санкція этихъ законовъ такъ неестественна и такъ непрочна, что даже тѣ, кѣмъ они должны быть приведены въ исполненіе, не могутъ сговориться между собою въ пониманіи ихъ. Когда въ вашемъ обществѣ, господа, каждый проступокъ противъ законовъ повлечетъ за собою наказаніе самому себѣ, безъ вмѣшательства тѣхъ, кто присвоилъ себѣ власть распредѣлять награды и наказанія, тогда вы будете имѣть право называть свое общество естественнымъ и сравнивать его съ живымъ организмомъ. Пока же оно воплощеніе безпорядка, хаоса.

Какъ мы уже видѣли выше, идеалъ политической экономіи состоитъ въ томъ, чтобы спеціализировать индивидуумовъ и удерживать ихъ на одной клѣткѣ соціальной шахматной доски, не давая сотйти съ нея. Съ каждымъ днемъ рабочій становится менѣе способнымъ къ цѣльной, законченной работѣ; съ каждымъ днемъ онъ болѣе приспособляется къ какой-либо, спеціализаціи, изъ которой не предвидится выхода для него: одинъ всю жизнь будетъ дѣлать булавочныя головки и не знать, какъ заостряются концы; другой всю жизнь будетъ штамповать на машинѣ кусокъ металла, не зная его назначенія въ цѣломъ механизмѣ. Вотъ куда ведетъ насъ буржуазія въ надеждѣ, еще болѣе поработить насъ труду, который ей будетъ угодно намъ предоставить.

Буржуазные экономисты кричатъ, что неимущіе слишкомъ много плодятъ дѣтей. Они хотѣли бы лишить рабочихъ и этой радости, и такъ какъ въ силу ихъ системы въ мастерскія идутъ женщины и дѣти, то имъ хотѣлось бы уменьшить контигентъ раобчихъ-мужчинъ: можно было бы огра-

ничиваться нѣсколькими для тѣхъ работъ, гдѣ мужчину не могутъ замѣнить женщины и дѣти; такимъ образомъ рабочій мужчина спеціализировался бы въ нѣсколькихъ работахъ, точь въ точь, какъ безполыя у пчелъ и муравьевъ и воины у термитовъ.

Что касается буржуа-хозяина, то кромѣ «законной» семьи, долженствующей наслѣдовать его состояніе и продолжать буржуазную цивилизацію, онъ имѣлъ бы гаремъ изъ работницъ-самокъ, которыя рожали бы ему незаконныхъ дѣтей, предназначенныхъ со временемъ пополнять собою фабрики, канцеляріи и казармы, также безотвѣтно, какъ безотвѣтно ихъ матери служили для господъ орудіями удовольствій и дѣторожденія.

Идеалъ не заманчивый! Мы хорошо понимаемъ буржуазію, когда она проповѣдуетъ, что индивидуальность должна приноситься въ жертву эволюціи ихъ соціальнаго строя.

Къ счастью индивидуальность не хочетъ долѣе служить жертвою; не хочетъ, чтобы всѣ ея способности атрофировались благодаря упражненію одной только изъ нихъ. Она стремится предоставить свободу всѣмъ своимъ дарованіямъ и пріобрѣтать, если нужно, новыя; она хочетъ развиваться, расти, пріобрѣсти возможно большую сумму познаній, какія могутъ быть удѣломъ человѣка. Да, общество должно эволюціонировать не какъ самостоятельный организмъ, въ развитіи своемъ управляющій эволюціей клѣточекъ; эволюція общества должна быть прямымъ слѣдствіемъ эволюціи человѣка.

Итакъ, общество имѣетъ raison d'etre только при условіи, что тѣ, кто входитъ въ его составъ, получаютъ въ немъ полное удовлетвореніе и свободу. Цѣль его: доставлять возможно большую сумму удовлетвореній съ наименьшей затратой силъ, и такъ какъ потребности разнообразны, а темпераменты дифференцируются на тысячи различныхъ видовъ, то и будущая ассоціація можетъ вылиться въ самыя разнообразныя формы, т. е. группы, имѣющія образоваться въ день, когда индивидуальность получитъ свободу, могутъ быть безчисленны. Изъ этого слѣдуетъ, что стремленіе направлять всѣ усилія къ одной точкѣ, и именно улучшенію соціальнаго строя, взятому внѣ индивидуальнаго счастья, ошибочно и противорѣчитъ здравому смыслу.

Расширьте поле индивидуальной эволюціи, и получится благопріятная соціальная эволюція; если хотите, чтобы ассоціація силъ, признанная нами необходимой, не пріостановила своихъ функцій, сдѣлайте такъ, чтобы индивидуальность въ ней не была оскорблена ни въ одномъ своемъ стремленіи, ни связано ни въ одномъ движеніи.

Такъ какъ соціальный строй, по существу, имѣет raison d'etre постольку, поскольку онъ полезенъ для индивидуума, то общая гармонія можетъ водворится только когда, когда

каждому человѣку будетъ предоставлено право свободно эволюціонировать.

Если хоть одинъ индивидуумъ будетъ обиженъ, ассоціація станетъ для него зломъ и потеряетъ raison d'etre, и онъ будетъ вправѣ выйти изъ нея и возстать противъ законовъ, которые она ему навязываетъ.

ГЛАВА XI.

Соціальное равенство. — Естественныя неравенства.

Такъ какъ современное общество построено на антагонизмѣ интересовъ, и мораль его основана на сводѣ законовъ, строгихъ только для того, кто открыто ихъ преступаетъ, или настолько неопытенъ, что не умѣетъ скрыть слѣдовъ преступленія, то наилучше приспособленными въ современномъ обществѣ являются люди, сумѣвшіе избѣжать отвѣтственности передъ закономъ. Интриганы, мошенники, ханжи, лицемѣры и безжалостные эгоисты, — вотъ представители «подбора» въ нашемъ обществѣ.

Успѣхъ достается не тому, кто сильнѣе и умѣетъ лучше всего приспособиться къ естественнымъ условіямъ существованія, а тому, кто умѣетъ отыскивать лазейки въ статьяхъ закона, и подъ защитой ихъ текста, выказываетъ большую наглость въ своихъ отношеніяхъ съ ближними. Приспособленіе состоитъ не въ умѣніи производить, а въ томъ, чтобы умѣть заставить другихъ производить и присвоить себѣ продуктъ ихъ труда.

Всѣ хвалятъ доброту и духъ солидарности, и каждый старается казаться обладающимъ этими качествами, но на практикѣ ими пренебрегаютъ и называютъ глупцомъ человѣка, который, прилагая ихъ къ практической жизни, терпитъ неудачи.

Общественная мораль уважаетъ такихъ людей, но успѣхъ выпадаетъ на долю только того, кто умѣетъ сдерживать порывы доброты и подавлять чувства солидарности.

«Онъ добръ до глупости!» «Всякъ самъ за себя, одинъ Богъ за всѣхъ!» «Прежде всего нужно быть добрымъ къ себѣ самому!» Таковы поговорки, выработанныя народной мудростью, и включенныя въ руководства морали какъ образцы практическаго направленія буржуазныхъ знаній. Это правила, которыми «положительные и практичные» люди маскируютъ сухой, узкій и эгоистическій характеръ.

Эгоистическій, не в смыслѣ сохраненія индивидуальности съ сознаніемъ занимаемаго положенія въ жизни и среди прочихъ людей, а въ смыслѣ того хищнаго жесткаго себялюбія, вслѣдствіе котораго индивидуумъ думаетъ только о себѣ и видитъ въ ближнихъ только конкуррентовъ. Таковы результаты подбора въ современномъ обществѣ. Эгоизмъ этотъ побудилъ человѣка сдѣлать себя центромъ вселенной, и благодаря

ему отдѣльные люди считаютъ себя если не такими центрами, то во всякомъ случаѣ лучшими и болѣе интеллигентными, чѣмъ всѣ остальные люди.

Сколько глупостей было наговорено оффиціальными учеными по поводу равенства, проповѣдываемаго соціалистами! Какую массу абсурдовъ нагромождали представители буржуазной науки, чтобы доказать невозможность существованія общества, основаннаго на равенствѣ! Доказывая, что въ эволюціи не всѣ индивидуумы достигают равной степени развитія, наши ученые съ удивительной непослѣдовательностью, требуютъ правила, общаго для всѣхъ! Какъ примирить одно съ другимъ, знаютъ лишь они. Впрочемъ, они заботятся лишь объ одномъ: чтобы ихъ аргументы кое-какъ держались и казались простыми, ибо они имъ нужны временно, для нѣкоторыхъ спеціальныхъ цѣлей.

«Сама природа — говорятъ они—порождаетъ неравенство; если даже предоставить каждому всѣ средства къ развитію, результаты получатся не одинаковые, и всегда одни индивидуумы будутъ усваивать извѣстныя познанія лучше, чѣмъ остальные».

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы видѣли по выдержкѣ изъ Бюхнера, что соціальная организація не только не сглаживаетъ природныхъ неравенствъ, но даже способствуетъ ихъ большему развитію; кромѣ того, мы можемъ возразить, что когда анархисты требуютъ для всѣхъ равнаго общественнаго положенія, то отнюдь не имѣютъ въ виду препятствовать болѣе интеллигентнымъ индивидуумамъ развиваться до предѣла, положеннаго самой природой, равно какъ и не надѣются на то, что можно вдалбливать въ головы менѣе одаренныхъ тѣ отрывки знаній, какіе имѣются въ ихъ распоряженіи.

Когда мы требуем для всѣхъ свободы обученія и равенства во взаимныхъ отношеніяхъ, то требуемъ, чтобы въ средствахъ къ развитію никому не было дано преимущество въ ущербъ остальнымъ; и насколько мнѣ извѣстно, никто изъ насъ не высказалъ пожеланія, чтобы была декретирована какая-либо мѣрка интеллигентности, быть выше или ниже которой никто не будетъ въ правѣ; мѣрка, по которой укорачивались бы тѣ, кто ее переростетъ, и до которой подтягивались бы недоростающіе; или же одинаковый для всѣхъ цвѣтъ волосъ, съ угрозой суровой кары тѣмъ, у кого они иного цвѣта.

Нужно быть кретиномъ, чтобы приписывать такого рода намѣренія анархистамъ, а между тѣмъ говорящіе это причисляютъ себя къ лучшимъ представителямъ интеллигенціи!

Каждый человѣкъ рождается съ собственнымъ темпераментомъ, дарованіями, нравственными и физическими качествами, могущими, конечно, измѣниться, но во всякомъ случаѣ, отличными отъ другихъ; каждый носитъ въ себѣ зачатки своей будущей эволюціи, обусловливающіяся побочными обстоятельствами, вліявшими на жизнь человѣка; эволюція, быть можетъ, будетъ облегчена, или затруднена, или даже уклонит-

ся въ сторону, въ зависимости отъ будущихъ обстоятельствъ и окружающей среды; тѣмъ не менѣе каждый человѣкъ родится съ особыми ему присущими способностями, которыя всегда будутъ имѣть въ эволюціи доминирующее значеніе; и насъ обвиняютъ въ томъ, якобы мы хотимъ декретировать уравненіе этихъ способностей!

Мы хотимъ, чтобы каждому человѣку была предоставлена возможность эволюціонировать и развивать свои способности на свободѣ! Мы не стремимся къ тому, чтобы всѣ люди ѣли из одной миски одну и ту же черную спартанскую похлебку, а къ тому, чтобы всякій ѣлъ досыта то, что вздумаетъ и что имѣетъ возможность пріобрѣсти, развивая свои способности сообразно желаніямъ; мы стремимся къ всеобщему счастью не путемъ декретированія общей мѣрки счастья, общаго уровня благополучія, обязательныхъ для каждаго подъ угрозой наказанія за уклоненіе отъ нихъ, а путемъ предоставленія каждому индивидууму свободы создать себѣ свою долю счастья примѣнительно къ его пониманію и степени его развитія.

Тѣмъ, кто находитъ счастье въ обжорствѣ и пьянствѣ, въ вкусныхъ блюдахъ и тонкихъ винахъ, пусть будетъ представлена свобода культивировать свои наклонности; конечно, общество не будетъ обязано доставлять имъ удовлетвореніе, но способностямъ ихъ будетъ дана возможность пріобрѣтать нужное для нихъ счастье.

Но зато и тотъ, кто ищетъ интеллектуальныхъ и художественныхъ наслажденій, кто жаждетъ знанія и стремится къ красотѣ, долженъ одинаково имѣть возможность достигнуть идеала, не будучи связываемъ въ своихъ благородныхъ порывахъ низменными экономическими интересами, какіе существуютъ въ современномъ обществѣ; пусть крылья его не будутъ связаны изъ-за того, что высокій полетъ является привиллегіей немногихъ, и доступъ къ нему оплачивается не усиліями, а деньгами.

Подъ «соціальнымъ равенствомъ» мы понимаемъ равенство въ средствахъ, или даже скорѣе всѣмъ открытую доступность ихъ, а не равенство въ цѣляхъ, и это отлично знаютъ тѣ, которые глумятся надъ нашими доводами, не будучи въ состояніи опровергнуть ихъ.

«Когда рабочіе требуютъ своей доли знанія, эти псевдоученые, драпируясь въ тогу своей науки отвѣчаютъ имъ: «Бѣдные, вы сами не знаете, что говорите. Вы, невѣжды, хотите учиться, считая себя равными съ геніями, украшающими собою человѣчество! Развѣ вы не знаете, что наука доступна лишь небольшому, очень небольшому меньшинству, спеціально ею занятому, а вы всѣ прочіе должны примириться съ мыслью, что вамъ суждено не выходить изъ своей сферы и довольствоваться работою ради удовлетворенія потребностей этихъ избранниковъ, ибо они одни, понимаете ли, одни — представители человѣческаго рода!»

«Идите-же, невѣжи: читайте книги, нами сочиненныя для

вашей пользы, и изъ нихъ вы узнаете, что равенство — вещь невозможная! Люди рождаются съ разными «качествами»; одни глупы, другіе посредственны, третьи интеллигентны; за ними слѣдуетъ еще болѣе интеллигентные, и очень рѣдко, разъ въ столѣтіе, геніальный человѣкъ, и вы никогда не сдѣлаете, чтобы эти люди были равными. Ваша система ведетъ къ порабощенію интеллигентности посредственностью, и примѣненіе ея къ жизни было бы регрессомъ человѣчества. Торжество вашихъ теорій было бы началомъ упадка человѣческаго духа».

«Если бы вы занимались наукой, какъ мы, вы бы знали, что ученые, какъ мы, предназначены управлять глупцами, какъ вы. Неужели вы хотите, чтобы мы сами готовили свои постели и чистили себѣ сапоги! Это не дѣло тѣхъ, кто наблюдаетъ небесныя свѣтила и ищетъ тайну жизни, изучая строеніе человѣческаго тѣла! Мы можемъ служить наукѣ, только при условіи, что будутъ рабы, трудящіеся для насъ; это вамъ нужно знать разъ навсегда; идите же и не докучайте намъ своими глупостями!»

И за ними глупцы, мнящіе себя не послѣдними среди высшаго разряда людей, не разсуждая заявляютъ во-всеуслышаніе, что неравенство — естественный законъ для людей; что безумно думать якобы сапожникъ, въ интеллектуальномъ отношеніи, могъ быть равенъ съ господиномъ, сочиняющимъ толстыя книги, которыхъ никто не читаетъ. Объ этомъ мы и намѣрены поговорить.

Прежде всего, что такое интеллигентность? Такъ называемые «лучшіе представители интеллигенціи» никогда не задавались этимъ вопросомъ. Для нихъ интеллигентность, это значитъ: занимать положеніе, имѣть связи въ высшихъ оффиціальныхъ сферахъ, какихъ нѣтъ у сосѣдей, имѣть состояніе, дозволяющее удовулетворять, не работая, всѣ свои прихоти, обладать смѣлостью разсуждать о мало знакомыхъ предметахъ, однимъ словомъ, всегда принадлежать къ «высшимъ слоямъ общества», -- вотъ что у нихъ называется интеллигентностью.

А между тѣмъ интеллигентность есть нѣчто совсѣмъ другое и г. Манувріе, ученый, понимающій значеніе словъ, не зараженный педантизмомъ нашихъ якобы интеллигентовъ и умѣющій прекрасно анализировать проявленіе интеллигентности, говоритъ о ней слѣдующее:

«Интеллигентность, — разсматриваемая in abstracto, есть соотвѣтствіе между внутренними и внѣшними отношеніями. Соотвѣтствіе это, или приспособленность, въ своей зоологической эволюціи возрастаетъ въ времени, пространствѣ, разнобразности, обобщенности и сложности. Таково опредѣленіе, данное и прекрасно развитое г. Спенсеромъ. Такая эволюція происходитъ въ каждомъ индивидуумѣ соразмѣрно степени психической эволюціи, достигнутой видомъ и расой, къ которой онъ принадлежитъ, а также особыми условіями его лич-

ной психики и его сношеній съ окружающей средой». (Курсъ 93 года).

Интеллигентность — взаимное приспособленіе внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній; такое опредѣленіе ясно и понятно. Чѣмъ больше человѣкъ приспособленъ къ средѣ, въ которой живетъ, тѣмъ онъ интеллигентнѣе. Но если индивидуумы должны приспособляться къ средѣ, то имъ нужно предоставить свободу развиваться, а не стѣснять ее, какъ дѣлаетъ современное общество относительно большинства.

Истинное приспособленіе къ естественнымъ условіямъ существованія должно состоять въ томъ, чтобы потребности каждаго человѣка удовлетворялись его собственною производительностью. Если бы въ какой-либо данный моментъ власть денегъ была уничтожена, и отъ каждаго человѣка потребовалась бы его доля полезности въ ассоціаціи, отъ которой онъ получаетъ средства къ существованію, то большинству буржуазіи грозила бы опасность погибнуть, и быть въ данномъ случаѣ наказаннымъ природой, которая научила бы его, что «для него нѣтъ мѣста на пиру природы»; между ними оказалось бы и большинство такъ называемыхъ лучшихъ представителей интеллигенціи.

А также и большинство ученыхъ, которыхъ мы, конечно, не будемъ смѣшивать съ тѣми, ибо у нихъ есть все-таки кое-какія достоинства, несмотря на то, что они жертвы плохого подбора, благодаря которому при наличности всѣхъ средствъ къ существованію они стали интеллектуальными, знающими, что дѣлается на лунѣ, и какіе металлы встрѣчаются на Сиріусѣ, не вѣдаютъ, что на землѣ одни люди мыкаютъ горе, страдаютъ и умираютъ отъ голоду, вслѣдствіе паразитизма другихъ.

Но послушаемъ, какое дальнѣйшее опредѣленіе интеллигентности даетъ имъ Манувріе:

«Внѣшнія отношенія — безчисленны, ибо обнимаютъ вселенную. Полное и совершенное соотвѣтствіе представляло бы высшее могущество, но такое соотвѣтствіе не существуетъ и невозможно ни для кого. Соединеніе всѣхъ соотвѣтствій, реализованное во всѣхъ людяхъ, во всѣхъ живыхъ существахъ, образовало бы огромную величину, которая, будучи дана одному человѣку, сдѣлала бы его безмѣрно могущественнымъ. Но каждый человѣкъ въ отдѣльности поставленъ въ связь только съ нѣкоторымъ, большимъ или меньшимъ количествомъ внѣшнихъ отношеній, и его психика допускаетъ въ немъ только соотвѣтствующее этому количеству внутреннихъ отношеній, и установившееся количество послѣднихъ отношеній и составляетъ его наличную интеллигентность. Выведите его изъ круга таковыхъ, и онъ ничего не будетъ понимать, не скажетъ ничего логичнаго и ничего не сдѣлаетъ умѣло: он будетъ производить впечатлѣніе глупаго человѣка. Потому-то такъ часто называютъ «неинтеллигентнымъ» чей-либо поступокъ,

или сужденіе, или образъ мыслей, что таковые не соотвѣтствуютъ имѣющимся въ наличности внѣшнимъ отношеніямъ.

Но если вы побываете у субъекта, показавшагося вамъ неинтеллигентнымъ, то возможно. что найдете въ немъ наличность нѣкотораго числа отношеній, соотвѣтствующихъ внѣшнимъ отношеніямъ, различнымъ отъ тѣхъ, которыя были вами затронуты прежде, и вы тогда увидите, что этотъ человѣк — интеллигентный, но въ другой сферѣ. Вамъ останется только предположить, что ваша интеллектуальная сфера выше, важнѣе его, что ваши внутреннія отношенія соотвѣтствуютъ болѣе численнымъ, болѣе общимъ, болѣе сложнымъ и распространеннымъ внѣшнимъ отношеніямъ, и возможно, что такое предположеніе будет вѣрно.» -(Курсъ в Школѣ Антропологіи за 93 года).

Больше всего пугаетъ защитниковъ современнаго соціальнаго строя, въ нашемъ требованіи равенства для всѣхъ, сознаніе, что они будутъ лишены возможности, несмотря на свои капиталы, взваливать на другихъ работу, которую считаютъ ниже себя.

«Человѣкъ интеллигентный - говорятъ они – по природѣ своей выше неинтеллигентнаго; поэтому нужно, чтобы «высшей интеллигенціи» была доступна большая сумма жизненныхъ благъ, ибо своими трудами они приносятъ обществу пользу. Что касается человѣка низшаго порядка, то онъ обреченъ служить всю свою жизнь, и сравнивать его съ геніальнымъ человѣкомъ — это значитъ хотѣть унизить интеллигенцію. Вы стремитесь водворить на землѣ царство посредственностей!»

Только ставъ на строго философскую точку зрѣнія мы сможем смѣло отвѣтить тѣмъ, кто говоритъ, якобы общество много обязано талантливымъ людямъ, что ихъ мнѣніе ошибочно: человѣк образованный, интеллигентный обладающій большими познаніями, вслѣдствіе пользованія научными средствами, предоставленными въ его распоряженіе обществомъ въ ущербъ тѣмъ, которые были принуждены работать въ то время, когда онъ усваивалъ научныя знанія и открытія - плодъ работы минувшихъ и настоящихъ поколѣній, такой человѣкъ обязанъ обществу и не имѣетъ никакого права требовать себѣ избытка жизненныхъ благъ; скорѣе общество имѣетъ право ему сказать: «возврати мнѣ соразмѣрно тому, что я тебѣ дало».

Подъ обществомъ мы понимаемъ всѣхъ тѣхъ, которые работали въ то время, когда онъ занимался науками, всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ производству книгъ, которыя онъ читалъ, инструментовъ, въ которыхъ онъ нуждался для опытовъ, продуктовъ, которые онъ употреблялъ для своихъ изслѣдованій. Что сдѣлалъ бы онъ, при всемъ своемъ умѣ, какъ бы богато онъ ни былъ имъ одаренъ, если онъ не нашелъ бы всего этого подъ рукой.

И по какому праву человѣкъ болѣе интеллигентный, диктуетъ законы другимъ? По праву ли своей интеллигентности? — Но если болѣе сильный дикарь употребляетъ свою силу, чтобы принудить интеллигентнаго человѣка себѣ служить, скажете ли вы, что это справедливо? Почему нѣт? — Физическая сила есть также результатъ естественнаго подбора, как и интеллигентность. Если есть люди, гордящіеся дѣятельностью своего мозга, то существуютъ и такіе, которыхъ восхищаетъ сила ихъ мыщцъ; мы имѣли въ исторіи достаточно примѣровъ, когда грубая сила господствовала надъ интеллигентностью и требовала первенства, и намъ не нужно еще доказывать, что наше предположеніе возможно. Но лучше того; мы только что видѣли у Манувріе, что умственное развитіе относительно, и что одинъ человѣкъ можетъ быть талантливымъ въ одной отрасли знаній и быть неспособнымъ къ другой. Нѣтъ личностей совершенныхъ, всевѣдущихъ, каждый человѣкъ имѣетъ свою долю недостатковъ, присущихъ вообще человѣческой природѣ, и тотъ, кто превосходно разбирается въ наукахъ, наиболѣе абстрактныхъ, можетъ очутиться въ плачевномъ положеніи, если не хуже, при самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни. Нѣкоторые ученые сами не затрудняются сознаться въ этомъ:

«У нѣкоторыхъ ученыхъ умственное развитіе постоянно подавляло чувства. Для нихъ нѣтъ ни друга, ни семьи, ни родины, ни человѣчества, ни **нравственнаго достоинства**, ни **чувства справедливости.** Самыя вопіющія соціальныя несправедливости не нарушаютъ спокойствія ихъ и индифферентизма ко всему, что происходитъ внѣ той умственной области, въ которой они работаютъ и находятъ себѣ удовлетвореніе. Какое имъ дѣло до тираніи, лишь бы она оставила въ покоѣ колбы и реторты ихъ лабораторіи! Наиболѣе смѣтливые изъ деспотовъ берегутъ и ласкаютъ такихъ ученыхъ. Они представляютъ собою своего рода роскошь; существованіе и присутствіе ихъ дѣлаютъ честь хозяину, **прикрываютъ его бурные поступки, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ чемъ его не стѣсняютъ».** (Летурно. Физіологія страстей, стр. 108). Оставимъ, однако ученыхъ съ ихъ колбами и ретортами, — мы преклоняемся — сохраняя за собой наше право критики — передъ ихъ мнѣніемъ, когда они говорятъ о вещтхъ, которыя они знаютъ, которыя они изучачали; но не будем требовать отъ нихъ, чтобы они дали счастье, когда они сами, иногда, неспособны его создать для себя и для тѣхъ, кто ихъ окружаетъ.

Требуя свободы и возможности для каждаго развиваться согласно своимъ наклонностямъ, далекіе отъ желанія уничтожить умственное развитіе, какъ нѣкоторые про насъ утверждаютъ, далекіе отъ желанія, съ ненавистью посредственностей, его подавить, мы хотимъ, наоборотъ, снять съ умственнаго развитія экономическія цѣпи, освободить его отъ мелочныхъ

соображеній корысти или честлюбія, облегчить ему его прогрессъ, предоставить ему свободный простроъ.

Подобно тому, как люди будутъ соединяться въ группы, чтобы производить предметы, необходимые для ихъ матеріальнаго существованія, точно также будутъ соединяться они, чтобы облегчить себѣ изученіе того, что ихъ заинтересуетъ, производить и добывать предметы, въ которыхъ они будутъ нуждаться для своихъ занятій.

Теперь капиталъ облегчаетъ однимъ возможность заниматься науками. Въ будущемъ обществѣ будетъ достаточно только хотѣть, чтобы работать. Лиц, желающихъ учиться, не будутъ спрашивать, имѣютъ ли они средства, чтобы жить въ теченіе необходимаго для занятій времени? Имѣютъ ли такую-то сумму для взноса за ученіе? Тѣ, которые захотятъ учиться, постараются познакомиться другъ съ другомъ, сгруппируются по сходнымъ наклонностямъ; они сорганизуютъ курсы, лабораторіи по своему разумѣнію; и тѣ, которые лучше другихъ будутъ знать какъ поставить обученіе, будутъ имѣть наибольшій успѣхъ.

Они не будутъ имѣть, какъ теперь, массу работниковъ ожидающихъ ихъ приказаній и готовыхъ исполнить всякое ихъ требованіе. Нѣтъ, для вещей, которыхъ они не смогутъ производить сами, они должны будутъ сговориться съ тѣми, кто способенъ имъ ихъ доставлять. Они постараются сорганизовать обмѣнъ услугъ, въ которомъ каждый могъ бы принимать участіе, и это возможно всегда, если только захотѣть, между тѣмъ какъ въ современномъ обществѣ, хотя вы одарены наилучшими способностями, имеѣте сильнѣйшее желаніе утилизировать свои силы, общество можетъ не захотѣть вашихъ услугъ, а тѣ, кто обладаетъ капиталомъ, не всегда имѣютъ желаніе учиться.

Конечно, въ будущемъ обществѣ все то, чего кто-либо пожелаетъ, не достанется немедленно по первому требованію, какъ при капиталѣ. Не достаточно будетъ сказать: я хочу этого, что бы тотчасъ получить желаемое; люди должны будутъ мыслить и работать для того, чтобы реализировать сови желанія! Но они будутъ увѣрены, по крайней мѣрѣ, что общество не поставитъ имъ никакой преграды: хотѣть и дѣйствовать таковы будутъ рычаги, которые замѣнятъ капиталъ при осуществленіи личныхъ желаній.

«Интеллигентный человѣк, приносящій больше пользы обществу, имѣет право на большую долю жизненныхъ благъ», говорятъ намъ. Какой абсурдъ со всѣхъ точекъ зрѣнія. Мы только что видѣли, что онъ долженъ обществу по крайней мѣрѣ, столько же, сколько онъ можетъ ему дать, но имѣетъ ли онъ болѣе вмѣстительный желудокъ, чѣмъ человѣкъ неинтеллигентный»; имѣетъ ли он больше ртовъ, большую пищеварительную силу; занимаетъ ли онъ больше мѣста, когда ложится; удесятерилась ли его потребительная способность сообразно съ пріобрѣтенными имъ знаніями?

Обыкновенно, какъ разъ наоборотъ, — тотъ, которому недоступны интеллектуальныя наслажденія, съ большей жадностью набрасывается на наслажденія матеріальныя, и если общество облегчитъ всѣмъ, каждому по его вкусу и согласно его наклонностямъ, возможность наслаждаться тѣмъ, что каждый предпочтетъ то, что нужно еще болѣе?

Не будетъ ли это дѣйствительно справедливое распредѣленіе по правилу: «каждому по его дѣламъ», въ этомъ проявится та справедливость, которую ни один соціологъ до сихъ поръ не могъ отыскать въ оправданіи какой-бы то ни было системы распредѣленія.

«Интеллигентный человѣк нуждается въ болѣе утонченныхъ эстетическихъ наслажденіяхъ, чѣмъ дикарь», говорятъ намъ.

Но вѣдь сама природа этих наслажденій такова, что они легко ему достанутся, ибо не будутъ оспариваться тѣми, кому они недоступны. Человѣкъ, дѣйствительно, интеллигентный въ самомъ упражненіи умственныхъ способностей найдетъ себѣ награду, точно также, какъ ученый будетъ находить въ своихъ работахъ ту радость, которую онъ теперь получаетъ отъ благоволенія власть имущихъ. Соревнованіе между учеными явит ся результатомъ научныхъ занятій, а не погоня за деньгами, съ которыми нечего будетъ дѣлать. Ученые, добивающіеся наградъ за свои «труды» въ видѣ расшитыхъ золотомъ мундировъ и орденовъ, не могутъ считаться истинными учеными.

Мы видѣли, что если общество должно интеллигентному человѣку, то и онъ, въ свою очередь, обязанъ обществу.

Если у него есть мозгъ, способный усвоить многое, то этимъ онъ обязанъ поколѣніямъ, накоплявшимъ и развивавшимъ способности, которыми онъ одаренъ. Если онъ можетъ примѣнять эти способности, то это благодаря обществу, которое, сохраняя и накопляя средства, позволяющія сократить время, необходимое для борьбы за существованіе, облегчаетъ человѣку возможность употребить выигранное время на пріобрѣтеніе новых знаній. Ученый будучи продуктомъ соціальныхъ силъ и прошедшихъ поколѣній, если онъ и полезенъ обществу, то въ свою очередь самъ нуждается въ немъ, чтобы эволюціонировать.

Представимъ себѣ, что новый Пигмаліонъ нашелъ бы средство одушевить мраморную глыбу, которой онъ придалъ бы человѣческую форму: давъ ей жизнь, артистъ произвелъ бы только прекрасное созданіе, неспособное примѣниться къ условіямъ нашего существованія, онъ не могъ бы, даже если онъ создалъ бы ему мозгъ, передать ему то наслѣдство знаній и инстинктовъ, которые мы получили отъ цѣлаго ряда нашихъ предковъ.

Если мы можемъ усвоить хотя бы часть знаній нашего времени, то это потому, что имѣемъ за собою безчисленное количество поколѣній, которыя боролись и учились и завѣща-

ли намъ свои пріобрѣтенія. Самый могучій мозгъ, если бы не былъ самъ продуктомъ эволюціи, не былъ бы способенъ усвоить малѣйшую часть современныхъ знаній; не былъ бы даже въ состояніи понять, почему дважды два — четыре, и это не имѣло бы для него никакого смысла. Все это доказываетъ, что въ отношеніяхъ между индивидуумомъ и обществомъ выдвигается впередъ законъ взаимности и солидарности, но что въ нихъ нѣтъ мѣста вопросамъ, кто является должникомъ и кто заимодавцемъ.

Пора покончить съ интеллигентностью и геніальностью, столь восхваляемыми нѣкоторыми учеными, надѣляемыми ими столькими привиллегіями только потому, что они сами себя причисляютъ къ тому избранному обществу, которому они льстятъ.

Потому, что они имѣли возможность сдѣлать нѣсколько путешествій, якобы научныхъ, на казенныя средства, потому, что высидѣли огромные томы, трактующіе о ничтожныхъ вопросахъ и при томъ высокопарнымъ слогомъ, отъ котораго не становится легче ихъ понимать, или же потому, что съ высоты оффиціальной кафедры и всегда на казенныя средства они старались оправдывать эксплоатацію слабыхъ сильными — эти господа себя провозглашаютъ «талантами», и считаютъ себя лучшими представителями человѣчества!

Одинъ человѣкъ можетъ трактовать абстрактные вопросы, понимать ихъ и объяснять другимъ и вкладывать въ рѣшеніе этихъ вопросовъ ту же сумму способностей, которую другой человѣкъ внесетъ въ другую область идей, считающуюся менѣе возвышенной.

Химикъ, который въ своей лабораторіи анализируетъ вещества, отдѣляетъ ихъ одно отъ другого, можетъ обнаружить ту же степень наблюдательности, как и крестьянинъ, устанавливающій систему хозяйства на своемъ участкѣ земли примѣнительно къ прибыли, которую онъ хочетъ изъ него извлекать. Земледѣлецъ, практически примѣтившій, что такое-то растеніе выходитъ лучше на такой-то почвѣ, можетъ обнаружить столько же наблюдательныхъ способностей, духа анализа и обобщенія, какъ и химикъ, который открываетъ, что такія-то тѣла, смѣшанныя въ такихъ-то пропорціяхъ, даютъ происхожденіе новымъ составамъ. Все это дѣло среды и воспитанія. Крестьянинъ можетъ быть неспособнымъ понять какую-нибудь проблему физіологіи, разрѣшенную ученымъ, но этотъ послѣдній можетъ быть также неспособенъ ходить за коровами или умѣть надлежаще использовать участок земли. Оспаривайте это, какъ вы хотите, оцѣнивайте знанія ученаго выше знаній крестьянина, мы съ вами согласимся во всемъ этомъ, но это не мѣшаетъ признать, что если ученый двигаетъ интеллектуальный прогрессъ человѣчества, зато крестьянинъ содѣйствуетъ удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ, которыя,

не будучи удовлетворены, препятствовали бы развитію этого прогресса.

Мы изъ этого не сдѣлаемъ вывода, что трудъ крестьянина болѣе необходимъ человѣчеству, чѣмъ трудъ ученаго, но мы полагаемъ, что въ хорошо организованномъ обществѣ крестьянинъ и ученый будутъ дополнять другъ друга; что они должны быть свободны, искать себѣ счастье, каждый по своимъ понятіямъ, безъ того, чтобы одинъ имѣлъ право угнетать другого.

Сторонники интеллектуальнаго главенства выведутъ изъ сказаннаго нами заключеніе, что мы хотимъ принизить интеллигентность, что мы хотимъ привести людей къ одному уровню, и что они правы, когда обвиняютъ насъ въ томъ, что мы ненавидимъ все выдающееся и стараемся всѣхъ привести къ той золотой серединѣ, которая якобы была бы упадкомъ человѣчества. Мы показали, что въ будущемъ обществѣ интеллигенты въ цѣляхъ своего развитія будутъ тратить энергію только на созданіе такой среды, которая имъ оказала бы болѣе дѣсйтвительную помощь, чѣмъ капиталистическій режимъ, убивающій ежедневно въ зародышѣ массу интеллигентныхъ силъ.

Увы, мы знаемъ, что всѣ люди не достигаютъ одинаковой степени разивтія и что и массы въ среднемъ представляютъ всегда низшую степень, харатеризующуюся духомъ консерватизма, иногда самаго крайняго. Но капиталистическій режимъ стремится увеличить пропасть, которая отдѣляетъ болѣе интеллигентныхъ отъ менѣе интеллигентныхъ, и, слѣдовательно, стремится понизить средній уровень интеллигентности. Мы же хотимъ, чтобы тѣ, кто болѣе интеллигентены, имѣли бы всѣ средства сдѣлаться еще болѣе интеллигентными, а тѣ, которые менѣе интеллигентны, имѣли бы возможность пріобрѣсти нѣсколькими крохами больше. Такимъ образомъ мы приблизимъ интеллигентовъ къ массѣ не понижая ихъ уровня, какъ про насъ умышленно говорятъ, но повышая уровень середины. Мы знаемъ, что всѣ возможныя средства не сдѣлаютъ изъ микроцефала Ламарка или Дарвина, но микроцефалы только исключеніе, и тѣ, кого называютъ, групцами, могутъ подняться нѣсколькими ступенями выше по лѣстницѣ человѣческих знаній, не принося ущерба тѣмъ, которые стоятъ уже выше.

Интеллигентность есть вещь, настолько трудно поддающаяся, если и не оцѣнкѣ, то измѣренію, что слѣдовало бы быть очень скромнымъ въ приписываніи себѣ этого качества.

Истощивъ всѣ аргументы, защитники современнаго общества выдвигаютъ слѣдующее положеніе: избранникамъ человѣчества необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи персоналъ служащихъ для исполненія грубыхъ работъ, ибо они сами должны посвятить все свое время наукамъ и изслѣдованіямъ, и отсюда вытекаетъ необходимость раздѣленія общест-

ва на классы, спеціально предназначенные работать въ то время, какъ другіе будутъ управлять ими и изучать науки. Достаточно прочесть исторію открытій, создавшихъ эпохи въ развитіи человѣческаго прогресса, чтобы констатировать всю тщетность этой аргументаціи. Наибольшимъ препятствіемъ новымъ идеямъ, наибольшими врагами для ихъ носителей были всегда оффиціальная наука и должностные ученые, какъ разъ тѣ, которые были освобождены отъ заботъ о нуждахъ матеріальной жизни, могли исключительно отдаваться наукамъ и изслѣдованіямъ. Со времени Сорбонны, которая преслѣдовала, какъ еретиковъ, всѣхъ, кто оспаривалъ признанные догматы и открывалъ новыя идеи, не только въ области чистой мысли, но также въ физическихъ и физіологическихъ знаніяхъ, которая жгла, какъ колдуновъ и алхимиковъ, терявшихъ время въ поискахъ философскаго камня, но тѣмъ не менѣе ставшихъ отцами современной химіи; со времени инквизиціи, преслѣдовавшей Галилея, за то, что он утверждалъ, что земля вертится, вплоть до Кювье, который на время столько же своимъ оффиціальнымъ, какъ и личнымъ вліяніемъ разрушилъ теорію эволюціи, — оффиціальная наука всегда преграждала путь прогрессу, она была способна лишь систематизировать господствующія идеи; и съ ея вреднымъ вліяніемъ столько же, сколько съ невѣжествомъ толпы, должны будутъ бороться новыя знанія.

Сами ученые первые заявляютъ объ этомъ:

«Теперь это не такъ, и вопросъ идетъ о томъ, чтобы перестроить обсерваторіи и воздвигнуть ихъ по болѣе простымъ планамъ, но лучше приспособленнымъ къ ихъ назначенію. Парижская обсерваторія служитъ только бюро для вычисленій и физической лабораторіей; главныя наблюденія производятся въ саду или въ постройкахъ крайней простоты.

«Геккель шутливо выразил эту мысль, когда он сказал, что количество оригинальныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ научномъ учрежденіи, почти всегда обратно пропорціонально его величинѣ».

«Нѣсколько времени тому назадъ меня спросили, какія услуги можетъ оказать любитель астрономъ. Какія услуги, мой Богъ! Достаточно бросить взглядъ на исторію наукъ, чтобы замѣтить значеніе отдѣльныхъ наблюденій, произшедшихъ отъ различныхъ изслѣдованій, которыя производились учеными любителями, т. е. внѣ общественныхъ лабораторій. Коперникъ, которому мы обязаны истинной системой міра, былъ любитель; равно какъ Ньютонъ, открывшій законъ всеобщаго тяготѣнія. Другой любитель, музыкантъ Гершель, явился реформаторомъ науки, которому она обязана гигантскимъ шагомъ вперед, какъ вслѣдствіе его многочисленныхъ наблюденій, такъ и вслѣдствіе его методовъ конструкціи инструментовъ.

Леверрье управлялъ табачной мануфактурой, когда, по совѣту Араго, онъ отдался изученію планеты Нептунъ. Онъ былъ тоже знаменитый любитель.

«Лордъ Россъ, который открылъ столько туманностей при помощи своего громаднаго телескопа; Домбовскій и Бернгемъ, два неутомимыхъ изслѣдователя, труды которыхъ о двойныхъ звѣздахъ извѣстны всѣмъ ученымъ — не были вовсе оффиціальными астрономами.

«Лаланд, который изучилъ въ Ecole militarie до 50,000 звѣздъ и составилъ одинъ изъ лучшихъ каталоговъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, также былъ любителемъ.

«М. Янсенъ, когда онъ открылъ средство наблюдать солнечные протуберанцы безъ солнечнаго затменія, Каррингтонъ и Варренъ Деларю, когда они опубликовали свои превосходныя наблюденія надъ солнцемъ, были также любителями.

«Мы должны упомянуть еще: Гольдшмидта, художника, который имѣлъ свою мастерскую в Парижѣ и открылъ при помощи слабой зрительной трубы 14 маленькихъ планетъ; доктора Лескарбо, ученаго врача въ Оржерѣ, который при помощи примитивнаго инструмента дѣлалъ наблюденія втеченіе двадцати лѣтъ, прежде чѣмъ открылъ планету Вулканъ, и получилъ достойную награду (?!) за свои труды и настойчивость въ видѣ ордена почетнаго легіона.

«Всѣ изслѣдователи падающихъ звѣздъ, съ Кулвье-Гравье во главѣ, всѣ тѣ, которые изучали кометы, какъ Пенгре, которые ихъ открыли, какъ Біела, Понсъ, увидѣли свои имена, связанными съ открытіями, ими сдѣланными, и наука сохранила навсегда память о нихъ.

«Но наиболѣе прекрасный примѣръ представляетъ Швабе, неизвѣстный статскій совѣтникъ въ Дессау, который, въ теченіе тринадцати лѣтъ продолжалъ посылать въ журналъ Шумахера свои наблюденія надъ солнечными пятнами. Въ теченіе этого времени онъ не получалъ никакого одобренія, такъ какъ научный міръ считалъ его труды безполезными. И только къ концу его жизни, въ понятіяхъ астрономовъ произошелъ полный переворотъ, и безчисленное количество наблюденій, которыя онъ накопилъ, было оцѣнено по достоинству.

«А сколько любителей, труды которыхъ извѣстны, не перечислены въ этомъ спискѣ, и безъ того уже длинномъ»? (Ж. Далле, Чудеса неба, стр. 343—345).

Всѣ, кто дѣйствительно двигалъ прогрессъ, всѣ носители новыхъ идей должны были большую часть времени бороться не только за существованіе, но и съ тѣми, кто занялъ оффиціальное положеніе. Франценгоферъ, открывшій спектральный анализъ, былъ оптикомъ. Еще въ настоящее время во Франціи оффиціальная наука напрягаетъ свои послѣднія силы въ борьбѣ противъ теоріи эволюціи. Тѣ, которые не могутъ болѣе отрицать, искажаютъ ее, чтобы довести те-

орію до абсурда и хоть этимъ путемъ остановить прогрессъ.

И затѣмъ, развѣ эта аргументація избранниковъ общества не представляетъ собою разсужденіе самое антисоціальное, на какое только можно было бы сослаться? И развѣ масса не имѣла бы права возстать и прогнать этихъ, такъ называемыхъ, избранниковъ и объявить имъ, что ей не нужна наука, если таковая должна оставаться недоступной для массы, и если массы должны быть всегда ея жертвой.

Классы, называемые вами низшими, огрубѣли подъ вашимъ господствомъ; ваша организація приспособлена къ тому, чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе грубыми, и вы еще удивляетесь, что эти классы васъ ненавидятъ.

Въ дѣйствительности такъ называемые низшіе классы равны вамъ: они имѣютъ тѣхъ же предковъ и то же происхожденіе, какъ и вы; среди нихъ принуждены вы искать источниковъ возрожденія вашего потомства, и ихъ якобы низшее положеніе есть только искусственный продуктъ искусственаго подбора, вытекающаго изъ общества, которое все отнимаетъ у однихъ, чтобы отдавать другимъ.

У рабочихъ нѣтъ ненависти къ интеллигенціи, но они ненавидятъ педантовъ.

Добиваясь всеобщаго равенства, они требуютъ не пониженія общаго уровня интеллигентности, а возможности для каждаго культивировать ту, которой онъ обладаетъ. Если бы они не относились почтительно къ тому, что проповѣдываютъ болѣе ученые люди, чѣмъ они, то давно бы перестали доставлять вамъ ту матеріальную силу, которая держитъ ихъ въ рабствѣ.

Уваженіе рабочаго къ вещамъ, которыхъ онъ не понимаетъ, признаніе за вѣрныя объясненія, которыя ему даютъ тѣ, кого онъ считаетъ образованнѣе себя, сдѣлали болѣе для поддержки вашего общества, чѣмъ вся сила вашей арміи и полиціи. Только завистливая посредственность можетъ утверждать, что рабочій ненавидитъ интеллигенцію. Онъ требуетъ свою долю развитія—вотъ все, чего онъ хочетъ.

Если бы было вѣрно, какъ вы утверждаете, что наука должна быть открыта только избранному меньшинству, то вы сами насаждали бы въ массахъ подобную ненависть, и они имѣли бы право васъ ненавидѣть. Какое намъ дѣло, до науки, если она должна только оправдывать наше униженіе и нашу эксплоатацію? Вотъ что могли бы вамъ отвѣтить тѣ, которыхъ вы считаете низшими существами, и этого простого логическаго разсужденія достаточно, чтобы показать вашъ педантизмъ, ибо — гдѣ нѣтъ логики, тамъ нѣтъ и науки.

ГЛАВА XII.

Эгоизмъ. — Альтруизмъ.

Послѣ аргументацiи необходимости существованiя избраннаго меньшинства защитники буржуазнаго строя чаще всего выдвигаютъ личный эгоизмъ, чтобы оправдать частную собственость и необходимость власти для поддержанiя порядка въ эгоистическомъ обществѣ.

По ихъ мнѣнiю, человѣкъ — эгоистъ и дѣйствуетъ только подъ влiянiемъ чувствъ чисто личной выгоды.

Если общество не предоставитъ человѣку возможности сохранять для себя, накоплять и передавать кому онъ захочетъ, все то, что онъ достаетъ трудомъ, то этимъ уничтожается двигательная пружина всякой инициативы, всякаго труда.

Въ тотъ день, когда у отдѣльныхъ индивидуумовъ будетъ отнята возможность накоплять капиталы, они не будутъ больше работать, и тогда не останется ничего, ни общества, ни прогресса.

Наши буржуа слишкомъ хорошо сознаютъ свои интересы, чтобы доводить эту теорiю до крайнихъ выводовъ! Это угрожало бы всей ихъ соцiальной системѣ, и вотъ почему они намъ говорятъ:

«Человѣкъ по своей природѣ эгоистъ и нѣтъ средства, чтобы его передѣлать. Съ другой стороны, общество, которому мы служимъ самымъ прекраснымъ украшенiемъ, для того, чтобы правильно функцiонировать, требуетъ отъ части индивидуумовъ много самоотреченiя, много самопожертвованiя. Если вы согласны, мы поладимъ, одни будутъ управлять и эксплоатировать другихъ и будутъ имѣть возможность развивать спокойно свой эгоизмъ, ибо у нихъ будутъ на это средства; другiе, которые будутъ управляемы и эксплоатируемы, обязаны будутъ проявлять наисовершеннѣйшее самоотреченiе и покоряться тому, что первые отъ нихъ потребуютъ. Только такой цѣной возможно общество.»

Потому-то первой заботой всѣхъ религiй была проповѣдь уваженiя къ господамъ, смиренiя личности, самопожертвованiя и самоотреченiя; проповѣдь самопожертвованiя за ближнихъ, отечество и общество, ради того, чтобы подготовить пришествiе буржуазiи!

Затѣмъ явилась удивительная порода людей, называемыхъ моралистами, и стала доказывать, что общество воз-

можно и прочно только при условіи, если отдѣльная личность пожертвуетъ собою общему счастью, откажется отъ самостоятельности и согласится быть связываемой во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Конечно, невѣжды и неимущіе поняли это буквально, и вотъ уже тысячи лѣтъ, какъ они позволяютъ себя стричь, считая, что этимъ они приносятъ пользу человѣческому роду Имущимъ, менѣе наивнымъ, осталось только пользоваться и эксплоатировать эти хорошія чувства. Но каждое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе. Явились другіе и стали доказывать, что такъ какъ эгоизмъ заложенъ въ самую глубину человѣческой природы, то человѣкъ только тогда найдетъ свое счастье, когда общество позволитъ ему думать только о себѣ, направлять всѣ свои поступки и разсужденія на культивированіе своего я, сдѣлавшагося божествомъ, которому должно всѣмъ жертвовать.

Эта теорія, распространена среди многихъ молодыхъ представителей литературы, и они изо всей силы приписываемой себѣ интеллигентности презираютъ чернь, стоящую такъ низко въ ихъ глазахъ, и дошли до того, что стали проповѣдывать родъ аристократическаго анархизма, который при нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ франковъ ренты, примирился бы съ современнымъ обществомъ.

Ненавидя самоотреченіе и смиреніе, проповѣдываемыя христіанствомъ и буржуазной моралью, часть анархистовъ подъ этой новой формулой полагала найти выраженіе истины, и результатомъ явилась полемика между сторонниками того, что называютъ «эгоизмомъ» и того, что называютъ «альтруизмомъ». Были пролиты потоки чернилъ, чтобы объяснить ти два термина, нагромождались софизмы на софизмы, высказывалось много безсмыслицы — и все для того, чтобы доказать, что каждый изъ этихъ терминовъ долженъ быть исключительнымъ двигателемъ человѣческой личности.

Собразно съ изолюбленными мотивами защитники эгоизма упрекали анархическій коммунизмъ въ томъ, что анархическая идея для своего осуществленія требуетъ слишкомъ много альтруизма отъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, что возможность такого общества предполагаетъ совершенныхъ людей, которыхъ не существуетъ, что человѣкъ по своей натурѣ не склоненъ жертвовать собой для другихъ, что онъ долженъ дѣлать только то, что онъ считаетъ полезнымъ для своего развитія. Защитники альтруизма говорили анархистамъ: требуя полной свободы личности, превознося духъ индивидуализма — вы толкаете людей къ полному эгоизму; ваше общество не будетъ прочно, ибо вы забываете, что для своего существованія общество нуждается въ взаимныхъ жертвахъ, что часто личная иниціатива должна отступать и стушеваться передъ общей пользой. Ваше общество будетъ царствомъ грубой силы, господствомъ сильныхъ надъ слабыми. Въ немъ будетъ вѣчный разладъ.

Вотъ до какихъ глупостей можно договориться, если смотрѣть на вещи съ одной стороны. Человѣкъ — существо сложное и не поступаетъ подъ вліяніемъ какого-нибудь одного чувства, но можетъ быть побуждаемъ разнаго рода ощущеніями, обстоятельствами, психическими, физическими и химическими вліяніями сразу, при чемъ не отдаетъ себѣ отчета, какимъ пульсомъ былъ вызванъ тотъ или другой его поступокъ.

Если бы человѣкъ дѣйствовалъ только подъ вліяніемъ эгоизма, современное общество не существовало бы ни одной минуты, ибо, требуя величайшихъ жертвъ отъ тѣхъ, которые лишены всего, въ то время, какъ передъ ихъ глазами выставляется роскошь богачей, имущіе классы должны были пробудить какія-то иныя чувства для того, чтобы получить силу для поддержки своего строя, который они были бы безсильны защитить, если бы были предоставлены только самимъ себѣ. Но одинаково ошибаются и тѣ, которые проповѣдываютъ намъ самопожертвованіе и самоотреченіе, ибо если человѣку и случится забыть о себѣ, чтобы придти на помощь ближнимъ, то это можетъ быть только порывами, но не постоянно.

Именно та вредная теорія, заложенная въ основу христіанства, упрочила царство власти, заставляя людей покоряться эксплоатаціи власть имущихъ, якобы посланныхъ Богомъ, и пріучая ихъ страдать на этой землѣ для того, чтобы получить блаженство на небѣ.

Человѣкъ не животное, описанное теоретиками эгоизма, но онъ также и не ангелъ. какимъ его хотятъ видѣть альтруисты, и еслибы онъ имъ былъ, это могло бы быть ему только вреднымъ, потому что лучшіе приносились бы въ жертву худшимъ. Если бы индивидуумы должны были жертвовать собою, то въ конечномъ счетѣ выиграли бы от такого положенія вещей и пережили бы другихъ тѣ, кто думаетъ только о своей собственной личности. Индивидуумъ не долженъ жертвовать собою кому бы то ни было, точно также, какъ онъ не имѣетъ права требовать жертвы отъ другого. Вотъ что забываютъ и что освѣщаетъ вопросъ совершенно иначе. Человѣкъ самымъ фактомъ своего существованія имѣетъ право жить, развиваться и эволюціонировать. Привиллегированные могутъ оспаривать у него это право, могутъ ему его ограничить, но чѣмъ болѣе индивидуумъ дѣлается сознательнымъ, тѣмъ болѣе начинаетъ понимать онъ, какъ пользоваться своимъ правомъ, тѣмъ сильнѣе рвется онъ изъ наложенныхъ на него оковъ.

Если бы индивидуумъ былъ одинъ въ цѣломъ мірѣ, онъ имѣлъ бы право пользоваться и даже злоупотреблять всѣми своими правами, наслаждаться всѣми произведеніями природы безъ всякаго исключенія и ограниченія, заботясь лишь о возможныхъ послѣдствіяхъ такого злоупотребелнія. Но индивидуумъ не единичная величина, онъ не существуетъ одинъ;

такихъ, какъ онъ, больше милліарда, и всѣ они противопоставлены на землѣ лицомъ другъ къ другу, съ равноцѣнными, если не одинаковыми, способностями и съ твердымъ желаніемъ пользоваться своимъ правомъ на жизнь. Проповѣдь индивидуалистами культа нашего «Я» и провозглашеніе ими индивидуума единичною величиною относятся къ области трансцендентальной метафизики, представляющая собою такой же абсурдъ, какъ Богъ, выдуманный священниками.

Индивидуумъ имѣетъ право на удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, на полное развитіе всей своей индивидуальности, но такъ какъ онъ не одинъ на землѣ и право одного также неотъемлимо, какъ и право другого, то очевидно, что есть только два рѣшенія какъ осуществить эти различныя права: война или ассоціація.

Но человѣческій разумъ рѣдко останавливается на категорическихъ рѣшеніяхъ. Обстоятельства, впрочемъ, увлекаютъ индивидуумовъ прежде, чѣмъ у нихъ будетъ время осмыслить свои поступки, и только потомъ, когда событія минуютъ они пытаются извлечь изъ нихъ философію.

Между различными правами людей возникали столкновенія въ перемежку съ попытками солидарности. Человѣчество убѣдилось въ томъ, что солидарность была бы ему полезна, но жестокій эгоизмъ нѣкоторыхъ, видящихъ только личную пользу, но не зло, приносимое ею, помѣшалъ человѣчеству свободно эволюціонировать къ полной солидарности. Постоянное состояніе борьбы поддерживалось въ обществахъ, которыя сами по себѣ явились началомъ практической солидарности. И вотъ сотни вѣковъ — чтобы говорить только объ историческомъ періодѣ — продолжается это смѣшанное состояніе борьбы и солидарности; вотъ тысячи лѣтъ, какъ волею меньшинства, которому одному выгодно это положеніе вещей, и которое хотѣло бы его продлить до безконечности, мы боремся другъ съ другомъ, создавая самыя прекрасныя мечты о братствѣ; какъ имущіе классы эксплоатируютъ неимущихъ, проповѣдывая солидарность, преданность, любовь къ ближнему.

Но тѣ, которые страдаютъ, задались вопросомъ, зачѣмъ имъ продолжать поддерживать паразитовъ и просить, какъ милостыню, то, что произведено ихъ трудомъ? Ихъ мозгъ развился, они размышляли о причинахъ своей нищеты и поняли, что для того, чтобы выйти изъ ея, они должны соединить вмѣстѣ свои усилія, и что счастье каждаго возможно только при счастьѣ всѣхъ, въ осуществленіи полной солидарности..

Они поняли еще, что та власть, которую имъ представляютъ какъ попечительную опеку надъ противоположными интересами, установленную для того, чтобы помѣшать борьбѣ сдѣлаться болѣе жестокой, была, напротивъ, только средствомъ въ рукахъ паразитовъ, чтобы увѣковѣчить состояніе

борьбы, и упрочить навсегда свой паразитизмъ — и вотъ почему, провозглашая право на существованіе для каждаго индивидуума, они провозглашаютъ единовременно самую полную его свободу, ибо одно не идетъ безъ другого; существованіе не можетъ быть полнымъ безъ его слѣдствія — свободы. Нѣкоторые защитники буржуазнаго строя принуждены сознаться, что ихъ счастье въ современномъ обществѣ не полно и не цѣльно, что оно омрачено въ самомъ корнѣ мыслью, что имѣются рядомъ съ ними существа, которыя томятся и страдаютъ, чтобы доставить имъ благосостояніе. Всякій интеллигентный буржуа вынужденъ согласиться, что общество дурно устроено, и аргументы, которые они выставляютъ въ защиту общества, не представляютъ уже собою высокомѣрнаго, опредѣленнаго доказательства, но скорѣе начало оправданія, подъ предлогомъ, что лучшее еще не найдено, что результатомъ рѣзкаго переворота явится неизвѣстность. Система, которая доведена до этого, уже осуждена, у нея есть сознаніе своего собственнаго позора.

Индивидуумъ не долженъ соглашаться на стѣсненіе своего развитія, онъ не долженъ выносить иго власти, каковъ бы ни былъ предлогъ, на который она опирается. Онъ одинъ можетъ судить, въ чемъ онъ нуждается, на что онъ способенъ, и что можетъ быть вредно для него. Когда онъ хорошо пойметъ, сколько онъ самъ стоитъ, онъ пойметъ, что каждый индивидуумъ имѣетъ свою личную цѣнность и право на равную съ другими свободу, на равное развитіе. Научившись внушать уваженіе къ своей индивидуальности, онъ научится уважать таковую же у другихъ.

Пусть люди поймутъ, что если они не должны подчиняться ничьей власти, они не имѣютъ и права навязывать свою, такъ какъ зло, причиненное другому, можетъ обратиться противъ защитника. Разсудокъ долженъ объяснить индивидуумамъ, что сила, затраченная на отнятіе у другого индивидуума части его счастья, равно потеряна для обоихъ соперниковъ.

Обвиняютъ анархистовъ въ томъ, что они создали ложный идеалъ человѣческаго рода и что они вообразили себѣ человѣка исключительно добрымъ, безъ недостатковъ, способнымъ на всякую самоотверженность, и что они на этомъ построили несбыточное общество, которое смогло бы существовать только при условіи самоотреченія каждаго ради общаго счастья.

Это глубокое заблужденіе; именно сами буржуа и сторонники власти не знаютъ человѣческой природы, ибо доказываютъ, что человѣкъ можетъ ужиться въ обществѣ только при твердой дисциплинѣ, подъ давленіемъ вооруженной силы, всегда стоящей наготовѣ.

Чтобы осуществить эту власть и набирать эту вооруженную силу, имъ нужны были бы существа, абсолютно безгрѣшныя, ангелы, о которыхъ якобы мечтаютъ анархисты.

По ихъ мнѣнію, природа человѣка низменна; нужны желѣзныя розги, чтобы ее дисциплинировать, и они хотятъ вложить эти розги въ руки людей. Какая безсмысленность! Человѣкъ — это не ангелъ, какимъ якобы его рисуютъ анархисты, но онъ и не жестокое животное, какимъ его описываютъ сторонники власти. Человѣкъ — существо, способное усовершенствоваться, и имѣетъ свои недостатки, но так-же и свои хорошія качества; организуйте соціальный строй, который ему позволилъ бы примѣнять эти качества и парализовалъ бы его недостатки, или въ которомъ проявленіе ихъ влекло бы за собой наказаніе. Въ особенности сдѣлайте же такъ, чтобы этотъ соціальный строй не нуждался въ учрежденіяхъ, гдѣ эти недостатки могли бы найти оружіе для угнетенія другихъ, и вы увидите, что люди умѣютъ другъ другу помогать безъ принудительной силы.

ГЛАВА XIII.

Власть и организація.

Нѣкоторая часть анархистовъ смѣшиваетъ эти два столь различныхъ термина. Ненавидя власть, они отрицаютъ всякую организацію и видятъ въ этой послѣдней только родъ принужденія. Другіе, чтобы не впасть въ эту ошибку, доходятъ до того, что провозглашаютъ цѣлую анархическую организацію при наличности власти. Между тѣмъ, между этими терминами существуетъ капитальная разница. То, что сторонники власти называютъ организаціей, есть только полная іерархія, предписывающая законы и выступающая отъ имени и вмѣсто всѣхъ, или заставляющая отдѣльныхъ индивидуумовъ дѣйствовать въ качествѣ чьихъ бы то ни было представителей. Мы понимаемъ подъ словомъ «организація» соглашеніе, которое образуется между индивидуумами, въ силу ихъ интересовъ, соединившихъ ихъ для общаго дѣла; это взаимныя отношенія, вытекающія изъ ежедневныхъ сношеній, которыя всѣ члены общества принуждены имѣть другъ съ другомъ. Такая организація не должна имѣть ни законовъ, ни статутовъ, ни регламентовъ, при помощи которыхъ каждый индивидуумъ былъ бы принужденъ подчиняться подъ страхомъ какого-нибудь заранѣе опредѣленнаго наказанія; не должна имѣть ни комитета, который ее представляетъ, ни парламентовъ, обязанныхъ формулировать и декретировать мнѣніе большинства.

Индивидуумы не должны быть связаны съ нею, помимо ихъ желанія; они должны оставаться свободными и самостоятельными съ правомъ покинуть указанную организацію, если бы она захотѣла вмѣшиваться въ ихъ личную иниціативу.

Набрасывая картину будущаго общества, было бы самомнѣніемъ съ нашей стороны полагать, что это и есть рамка, въ которой общество должно будетъ эволюціонировать; мы не имѣемъ высокомѣрнаго желанія дать планъ организаціи и возвести его въ принципъ.

Пытаясь оформить наши представленія о будущемъ обществѣ, мы хотимъ просто только набросать въ крупныхъ чертахъ главныя линіи, которыя должны пояснить наши представленія, отвѣтить на возраженія, дѣлаемыя анархической идеѣ, и показать, что общество можетъ очень хорошо сорганизоваться безъ властей, безъ представительства, безъ зако-

новъ, если оно дѣйствительно основано на соціальной справедливости и равенствѣ.

Въ особенности мы хотимъ показать, что индивидуумы одни способны знать свои собственныя нужды и умѣть руководить собою въ своемъ развитіи, и что въ этомъ отношеніи они не должны довѣрять никому; что есть только одинъ способъ быть свободнымъ и равнымъ — это не допускать господъ и умѣть уважать самостоятельность каждаго, когда онъ уважаетъ вашу.

Индивидуумамъ должна быть предоставлена свобода знакомиться другъ съ другомъ и соединяться въ группы по сходнымъ наклонностямъ. Установить единую форму организаціи, въ которую долженъ былъ бы сложиться весь міръ, и которая была бы введена тотчасъ послѣ революціи — утопія; было бы реакціоннымъ дѣломъ — мѣшать эволюціи будущаго общества, ставить границы прогрессу, удерживать его въ предѣлахъ нашего узкаго кругозора.

Среди индивидуумовъ господствуетъ такое различіе характеровъ, темпераментовъ и міровоззрѣній, что только самое узкое доктринерство могло бы намѣтить рамки, въ которыхъ общество волей или неволей было бы призвано жить и дѣйствовать.

Ничто не обѣщаетъ намъ, что идеалъ, который свѣтитъ намъ сегодня, удовлетворитъ нашимъ завтрашнимъ требованіямъ и, въ особенности, требованіямъ индивидуумовъ, призванныхъ составить общество.

Безсиліемъ и безплодностью поражало до сихъ поръ всѣ соціалистическія школы, безъ различія оттѣнковъ то обстоятельство, что всѣ онѣ въ своихъ проектахъ будущаго имѣли претензію урегулировать и предусмотрѣть впередъ эволюцію индивидуумовъ.

Въ обществахъ, которыя онѣ мечтали установить, ничто не было предоставлено индивидуальной иниціативѣ. Въ глубокой мудрости своей соціологи декретировали впередъ, что полезно или вредно для индивидуумовъ, и послѣдніе должны были преклоняться и не требовать ничего, кромѣ того, что ихъ «благодѣтели» считали нужнымъ имъ предложить. Такимъ образомъ то, что отвѣчало стремленіямъ однихъ, шло въ разрѣзъ съ желаніями другихъ: отсюда распря, борьба и невозможность создать ничего прочнаго.

То, что мы предлагаемъ здѣсь, является только индивидуальной концепціей, которая на практикѣ должна будетъ примѣниться къ другимъ индивидуальнымъ концепціямъ. Пусть каждый создаетъ себѣ идеалъ общества, стараясь его пропагандировать; одинъ проектъ исправится другимъ, и въ день примѣненія на практикѣ они явятся уже обсужденными и улучшенными, что не исключаетъ возможности имъ смѣшиваться, беря отъ каждаго то, что въ немъ есть хорошаго, и отбрасывая то, что было бы слишкомъ индивидуальнымъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ противниковъ, анархія

это возвратъ въ дикое состояніе и смерть всякаго общества. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго. Только ассоціація даетъ человѣку возможность пользоваться механическими средствами производства, предоставленныя къ его услугамъ наукой и промышленностью, только соединяя свои силы, индивидуумы увеличатъ свое благосостояніе и самостоятельность, и мы безъ тревожныхъ криковъ и предостереженія знаменоносцевъ буржуазіи знаемъ полезность ассоціаціи.

Но эта ассоціація должна способствовать счастью **каждаго** индивидуума, а не одного класса, она должна проистекать отъ добровольнаго участія каждаго, а не быть навязанной въ отвлеченной формѣ, дѣлающей изъ нея фетиша, поглощающаго всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ.

Для того, чтобы не впасть въ тѣ же ошибки, не столкнуться съ тѣми же препятствіями, на которыхъ потерпѣли крушеніе всѣ соціальныя ситемы, созданныя до сихъ поръ, намъ нужно остерегаться думать, что всѣ люди созданы по одному образцу, что то, что можетъ подойти къ темпераменту одного, удовлетворитъ безразлично всѣхъ. Это необходимо для пропаганды идеи, какъ и для организаціи будущаго общества. Чтобы подготовить революцію, которая соотвѣтствовала бы задуманному идеалу, слѣдуетъ, пропагандируя свои идеи, поступать по опредѣленнымъ принципамъ, сообразуясь съ излагаемыми идеями; нужно пріучиться дѣйствовать согласно своимъ замысламъ, не ожидая приказаній со стороны кого бы то ни быо, устранять изъ своихъ поступковъ все то, въ чемъ обвиняютъ современное общество. Поступать иначе — значило бы подготовить въ короткій срокъ возвращеніе тѣхъ же заблужденій, которыхъ хотятъ разрушить.

Будучи практичнѣе своихъ противниковъ анархисты должны помнить совершенныя ошибки, для того, чтобы ихъ избѣгать. Взывая къ индивидуальной инициативѣ, они не должны терять время на споры о существенности или полезности того или другого средства. Тѣ, кто согласны между собой въ какой-либо идеѣ, соединятся въ одну группу для приложенія этой идеи къ жизни, не заботясь о тѣхъ, которые не являются ея сторонниками; точно также сторонники какой-либо другой идеи сгруппируются для примѣненія ея на практикѣ, и такимъ образомъ, каждый будетъ работать для общей цѣли, не мѣшая другому.

Прежде всего анархисты хотятъ совершенно уничтожить всѣ тяготѣющія надъ нами учрежденія; опытъ долженъ показать имъ, какъ лучше всего съ ними бороться. Это единственное средство дѣлать практическое дѣло, вмѣсто того, чтобы терять время въ безполезныхъ спорахъ, часто совершенно безплодныхъ, въ которыхъ каждый хочетъ, чтобы его образъ мысли одержалъ верхъ, безъ всякой надежды убѣдить своихъ противниковъ; спорахъ, изъ которыхъ человѣкъ часто выходитъ поколебленнымъ въ своей вѣрѣ и потому менѣе

исполненнымъ рѣшимости примѣнять на практикѣ свои идеи, и въ результатѣ которыхъ обыкновенно возникаетъ столько же разномыслящихъ фракцій, сколько было въ наличности идей, и при томъ фракціи, враждебныхъ между собою и теряющихъ изъ вида общаго врага, чтобы воевать другъ съ другомъ.

Индивидуумы, группируясь по общимъ идеямъ, научатся жить и думать самостоятельно, не нуждаясь ни въ власти, ни современой дисциплинѣ, состоящей въ томъ, что усилія цѣлыхъ группъ или отдѣльныхъ индивидуумовъ уничтожаются из-за того, что остальные придерживаются различнаго взгляда.

И это будетъ полезно еще и въ томъ отношеніи, что революція, произведенная на этой базѣ, могла бы быть только анархической, ибо индивидуумы, научившись жить безъ всякаго принужденія, не будутъ настолько наивны, чтобы на другой день послѣ побѣды выбрать себѣ главарей, тогда какъ они сумѣли безъ нихъ побѣдить.

Идеалъ нѣкоторыхъ соціалистовъ: соединить всѣхъ рабочихъ въ одну партію, получающую инициативу отъ центра, составленнаго изъ будущихъ правленій. Въ день революціи люди изъ этого управляющаго центра были бы облечены властью, и образовали бы такимъ образомъ новое правительство, которое декретировало бы новые законы и учрежденія, долженствующія управлять новымъ положеніемъ вещей.

Такъ напримѣръ, коллективисты утверждаютъ, что новая власть должна будетъ декретировать экспропріацію собственнности и средствъ производства, организовать производство, регламентировать потребленіе и уничтожить, само собой разумѣется, тѣхъ, которые будутъ другихъ убѣжденій.

Мы видѣли, что это несбыточныя мечты. Декреты объ экспропріаціи, изданные послѣ борьбы, были бы не дѣйствительны, ибо не декретами можно экспропріировать соціальное богатство. Либо идея экспропріаціи будетъ преобладающей идеей грядущей революціи, тогда всѣ усилія возставшихъ направятся на выполненіе ея; либо она оттолкнетъ большинство, и тогда правительство, если бы даже, оно захотѣло ее выполнить, встрѣтило бы послѣ возстанія такую серьезную оппозицію, что это могло бы послѣ быть началомъ новой революціи.

Только совершившіеся факты должны дать толчекъ революціи. Возставшіе работники должны сами завладѣть домами, мастерскими и магазинами. Возставшіе должны будутъ дѣйствовать за одно со всѣми неимущими, объясняя имъ, что все, что имѣетъ общій характеръ, не принадлежитъ никому лично, и не можетъ быть собственностью, которая могла бы быть передаваема произвольно: дома, фабрики, поля, копи, будучи произведеніемъ естественныхъ силъ или прошедшихъ поколѣній, составляютъ наслѣдство настоящихъ и будущихъ поколѣній и, слѣдовательно, должны быть въ распоряженіи

тѣхъ, кто имѣетъ въ нихъ надобность, если только они не заняты, и тотъ, кто ихъ держитъ, не можетъ самъ лично использовать ихъ.

Все, что не приноситъ непосредственной пользы для индивидуума, все, что не можетъ быть использовано индивидуально, составляетъ коллективную собственность всѣхъ, кто соединится въ группу для пользованія ею, но только на то время, пока они будутъ ею пользоваться; а затѣмъ строенія, почва, машины становятся достояніемъ всѣхъ тѣхъ, кто пожелалъ бы использовать ихъ, въ виду того, что первые работавшіе на нихъ отказываются впредь пользоваться ими.

Иначе не можетъ быть, какъ мы увидимъ далѣе, и съ продуктами; никто, подъ предлогомъ предусмотрительности, не имѣетъ права отнимать у тѣхъ, кто нуждается немедленно; бережливость хороша только при условіи, что отъ нея никто не страдаетъ. На это силшкомъ мало обращала вниманіе буржуазная экономія.

Личное присвоеніе будетъ тѣмъ болѣе трудно, по крайней мѣрѣ, что касается орудій производства и собственности, что люди не будутъ знать, что дѣлать съ землей и съ машинами, которыхъ они не сумѣютъ использовать, будучи предоставлены самимъ себѣ, и которыя слѣдовательно будутъ для нихъ безполезны. Что же касается жилищъ, то какова бы ни была жадность человѣка, онъ не сможетъ занимать помѣщеніе свыше извѣстнаго предѣла. Накопленіе пищевыхъ продуктовъ будетъ ограничено срокомъ, въ который они могутъ испортиться и невозможностью скрыть ихъ отъ глазъ тѣхъ, кому они могутъ быть нужны. Теперь законы о собственности даютъ одному человѣку право накопить запасы, могущіе прокормить тысячи людей, и сгноить ихъ на мѣстѣ, если это ему нравится. Въ нормально устроенномъ обществѣ это было бы невозможно, потому что тѣ, которые были бы голодны, имѣли бы право завладѣть тѣмъ, что превышает способность потребленія одного индивидуума. Такъ какъ каждый сможетъ завладѣть орудіями производства, при помощи которыхъ онъ будетъ въ состояніи работать своими силами или въ ассоціаціи съ другими, и каждый будетъ хозяиномъ продукта своего труда, то будетъ абсолютно невозможно найти работающихъ за плату.

Въ виду того, что торговля будетъ уничтожена, тѣ, которые будутъ обладать средствами производства, превышающими ихъ силы, будутъ принуждены или соединяться на началахъ равенства съ тѣми, кто сможетъ имъ помочь, или же предоставить эти орудія тѣмъ, которые смогутъ ими дѣйствовать.

Между тѣмъ наибольшая часть современныхъ орудій производства можетъ функціонировать только при помощи ассоціаціи индивидуальныхъ силъ, и вотъ готовая почва, на которой индивидуумы сговорятся и попытаются установить зачатокъ организаціи. Лишь только появится эта первая груп-

пировка, выяснятся и отношенія между различными группами, въ которыя индивидуумы должны будут сорганизоваться. Изъ всякой потребности индивидуума, изъ каждаго способа дѣйствія, присущаго человѣческой личности, произойдетъ цѣлая серія отношеній между индивидуумами и различными формами группированія, и это разнообразіе способностей и различіе въ характерѣ поступковъ будутъ управлять въ области соціальныхъ отношеній.

Какъ только экспропріація будетъ совершенна, и согласіе установлено, не будетъ надобности — ибо въ этомъ и заключается опасность, какъ мы докажемъ — искать для нихъ санкцій какой-либо власти.

Нельзя предвидѣть всѣхъ послѣдствій борьбы, которая завязывается, ни обстоятельствъ, которыя смогутъ изъ нея произойти. Мы показали въ началѣ этого труда, что эволюція предшествуетъ революціи, но эта эволюція можетъ быть только поверхностной, пока она остается въ умахъ и не происходитъ въ соціальныхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны мы показали въ **«Умирающемъ обществѣ»**, что сама соціальная организація ведетъ насъ къ революціи; часто случается, что политическія событія, экономическіе кризисы совершаются скорѣе, чѣмъ эволюція идей, и предшествуютъ ей иногда въ области фактовъ.

Все это случайности, которыя человѣческая проницательность не въ состояніи предвидѣть и побороть ихъ будутъ способны только тѣ, кто будетъ призванъ помѣряться съ ними.

Нельзя заранѣе представить себѣ функціи будущаго общества также точно и опредѣленно, какъ устанавливаются колеса музыкальнаго ящика, который начинаетъ играть, лишь только механизмъ заведенъ, и въ которомъ достаточно поставить пружину въ извѣстный зубецъ шестерни, чтобы получить желаемую арію. Все, что мы могли бы вообразить съ теоретической точки зрѣнія, всегда будетъ только идеаломъ, болѣе или менѣе приближающимся къ дѣйствительности, но которому всегда будетъ недоставать базы, какъ только дѣло дойдетъ до примѣненія его на практикѣ, ибо человѣкъ считается со своими желаніями, наклонностями, способностями и даже съ недостатками, но онъ не всевѣдущъ, одинъ человѣкъ не можетъ понимать всѣ побужденія, которыми движется человѣчество.

Поэтому съ нашей стороны было бы смѣшно доказывать, что можно намѣтить рамки будущему обществу; но мы будемъ остерегаться также другой ошибки, общей многимъ революціонерам, которые говорятъ: «Займемся сначала разрушеніемъ современнаго общества, и мы увидимъ затѣмъ, что намъ слѣдуетъ дѣлать». Между этими двумя способами смотрѣть на вещи имѣется, по нашему мнѣнію, третій, лучшій, и именно: Если мы не можемъ сказать съ увѣренностью: «такъ будетъ», мы должны знать «чего не должно быть», и чему мы

обязаны препятствовать, чтобы не попасть снова подъ иго капитала и власти.

Мы не знемъ, какая будетъ форма организаціи производительныхъ и потребительныхъ группъ, ибо таковыя сами должны быть судьями въ томъ, что ихъ удовлетворяетъ, и однообразный способъ дѣсйтвія не можетъ удовлетворить всѣхъ; но мы можемъ очень хорошо сказать, какъ поступили бы мы лично, если мы были бы въ обществѣ, въ которомъ всѣ индивидуумы имѣли бы возможность дѣйствовать свободно.

Точно также намъ нужно изслѣдовать, какъ общество смогло бы эволюціонировать безъ покровительственной власти, безъ пресловутыхъ «статистическихъ комиссій», которыми коллективизмъ хотѣлъ бы насъ наградить взамѣнъ упраздненныхъ правительствъ; какъ и почему можно было бы уничтожить употребленіе денежныхъ знаковъ, которые экономисты считаютъ необходимыми для жизни всякаго общества, и почему было бы вредно замѣнить ихъ «бонами труда», также изобрѣтенными коллективизмомъ, и обѣщающими возстановить подъ другимъ названіемъ все устройство современнаго общества, якобы разрушаемаго коллективистами.

Необходимо имѣть представленіе обо всемъ этомъ, потому что не въ натурѣ людей итти, не зная куда. Затѣмъ, какъ мы уже сказали, путеводная цѣль должна диктовать намъ наше поведеніе въ жизни и нашъ образъ дѣйствій въ пропагандѣ нашихъ идей.

Коллективный идеалъ долженъ образоваться изъ тѣхъ концепцій и тѣхъ частицъ идеала, которыя будутъ внесены каждымъ членомъ общества въ отдѣльности. Изъ хаотической суммы индивидуальныхъ мнѣній выльется общій синтезъ, который въ день, когда настанетъ время его осуществленія, проявится со всѣми стремленіями всѣхъ отдѣльныхъ личностей.

ГЛАВА XIV.

Цѣнность.

Извѣстно, что господа экономисты имѣютъ претензію опираться на науку, чтобы подкрѣпить свои буржуазныя теоріи и оправдать эксплоатацію массъ меньшинствомъ. Они стараются, самымъ трогательнымъ образомъ, доказать рабочимъ, что если ихъ эксплоатируютъ, если они несчастны и страдаютъ отъ голода, то это происходитъ, по крайней мѣрѣ, совершенно «научнымъ путемъ», и слѣдовательно имъ нечего болѣе требовать.

«Васъ грабятъ! восклицаютъ они, эксплуатируютъ, лишаютъ всѣхъ радостей жизни, но во имя науки, которая вамъ отказываетъ въ этихъ радостяхъ, вы должны покориться ея предписаніямъ, ибо вы подчинены «неизбѣжнымъ законам», против которыхъ нельзя возставать. — Все, что мы можемъ сдѣлать, чтобы быть вамъ пріятными, это объяснить ихъ механизмъ, доказать вамъ, что невозможно избѣжать ихъ».

Конечно, не въ такихъ, буквально, выраженіяхъ говорятъ эти господа, не любящіе, въ аристократическомъ презрѣніи къ «низемной черни» обращаться къ ней прямо. Они довольствуются, обыкновенно, увѣреніями по адресу капиталистовъ, что рабочіе предназначены и рождены спеціально для того, чтобы создавать прибыль на ихъ капиталы, и капиталистамъ нечего обращать вниманія на докучливыя и несвоевременныя требованія этихъ никогда не удовлетворенныхъ завистниковъ; но если форма не точная, то, по крайней мѣрѣ, таковъ смыслъ подлиннаго признанія господъ экономистовъ, лишенный цвѣтовъ риторики.

Доказавъ аргументами, болѣе или менѣе спеціальными, подкрѣпленными греческими и латинскими цитатами и алгебраическими формулами, что рабочій долженъ довольствоваться картофелью и спать въ конурахъ, они выпрямляются съ напыщеннымъ видомъ и говорятъ намъ: «Такъ утверждаетъ наука! Такъ предписываетъ природа! Мы только регистрируемъ ихъ законы». Однако такимъ скептикамъ, какъ мы,, ихъ способъ обращаться съ наукой кажется очень спорнымъ, и мы протестуемъ. При такомъ обращеніи съ научными данными астрологія, хиромантія и гаданіе на картахъ могли бы потребовать признанія ихъ наукой наравнѣ съ другими отраслями человѣческихъ знаній. Великій магъ Пеладанъ могъ бы также требовать введеніе преподаванія магіи въ курсъ точныхъ наукъ въ университетѣ.

Эти господа поступаютъ слѣдующимъ образомъ: берутъ три, или четыре факта, являющихся слѣдствіемъ современной соціальной организаціи, объявляютъ эти факты «естественными законами», то-есть, фактами, проистекающими изъ естественныхъ законовъ природы, или вытекающими изъ самой натуры человѣка.

Такіе факты являются только слѣдствіями уродливой соціальной организаціи, отъ которой мы страдаемъ; они же считаютъ ихъ причинами, и тогда имъ не трудно доказать, что, будучи уничтоженными, эти фкаты не замедлили бы возродиться; объ истинныхъ же причинахъ они умалчиваютъ.

Затѣмъ, признавъ существованіе такой неизбѣжности, хотя она ими не доказана, они всю свою систему заставляютъ вращаться вокругъ какихъ-то ими самими созданныхъ «естественныхъ законовъ». Если не оспаривать фактовъ, на которыхъ они основываютъ свои разсужденія, и принять ихъ предпосылки, то ихъ выводы покажутся совершенно логичными; но если разобраться въ ихъ псевдо-естественныхъ законахъ, то скоро можно замѣтить, что отправный пунктъ ихъ разсужденій ложенъ, что то, что они хотятъ заставить насъ принять за неизбѣжные законы, только слѣдствія уродливаго, плохо уравновѣшеннаго соціальнаго строя, основаннаго на нарушеніи истинныхъ «естественныхъ законовъ». Тогда рушится все ихъ сплетеніе лжи, и обнаружатся ихъ невѣжество, тщеславность и недобросовѣстность. Мы увидимъ, что то же произошло и съ «цѣнностью», сдѣланною ими той осью, вокругъ которой вращаются всѣ ихъ общественныя отношенія, ихъ торговля, ихъ обмѣнъ.

«Производство цѣнности», говорятъ они, «есть первое естественное явленіе, которое мы встрѣчаемъ при вступленіи въ область политической экономіи. *) Но спросите ихъ, что такое цѣнность! Что это за звѣрь?

«Производить цѣнность, говорятъ они, это значитъ вырабатывать предметы, которые можно обмѣнивать на другіе».

Вы имъ замѣчаете, что это объясняетъ вамъ, какъ «вырабатывается» цѣнность, но не даетъ никакого понятія о самой цѣнности. Тогда они продолжаютъ, «что такъ какъ предметы, которые можно обмѣнивать, вмѣстѣ съ тѣмъ являются потребительными, то они пріобрѣтаютъ цѣнность, смотря по большему или меньшему изобилію ихъ. Чѣмъ рѣже они встрѣчаются, тѣмъ большую цѣнность они имѣютъ: чѣмъ ихъ больше, тѣмъ менѣе они цѣнятся», — Да, но.... «Подождите...» Сохраненіе этихъ предметовъ, ихъ производство требуютъ нѣкотораго вемени, не правда ли, чтобы сдѣлать ихъ пригодными для потребленія покупателей? Вотъ, это время, необходимое для ихъ производства, составляетъ еще часть цѣнности, которую они въ себѣ воплощаютъ! Прибавьте къ этому про-

(* Естественные законы политической экономіи. Ж де Молинари, стр 1

центы съ покупной стоимости, рискъ, понесенный капиталистомъ, затратившимъ впередъ свои средства, его накладные расходы, и вы будете имѣть окончательную цѣнность, образованную изъ всѣхъ цѣнностей, истраченныхъ на приведеніе продукта въ состояніе, въ которомъ онъ можетъ быть обмѣненъ или потребленъ».

Это нисколько не объясняетъ намъ, почему какой-либо предметъ превратился въ цѣнность, почему трудъ есть цѣнность, но передъ нагроможденіемъ столькихъ «цѣнностей», мы вынуждены принять опредѣленіе такимъ, какимъ оно есть, и продолжать наше изслѣдованіе.

Въ первоначальныхъ стадіяхъ исторіи человѣчества, вѣроятно, очень мало интересовались теоріей цѣнности, и первые шаги торговли были очень просты. Если человѣкъ нуждался въ какомъ либо предметѣ, то долженъ былъ его занять у товарища, у котораго онъ имѣлся, подъ условіемъ оказать ему въ свою очередь позднѣе какую-либо услугу, не задаваясь вопросомъ, получаетъ ли онъ больше или меньше того, что можетъ дать. Вѣроятно, только позднѣе, когда уже сложилось понятіе о личномъ присвоеніи, или можетъ быть потому, что владѣлецъ, испытывая самъ сильное влеченіе къ желаемому предмету, соглашался его уступить только въ обмѣнъ на другой предметъ, пробудившій у него болѣе сильное желаніе владѣть этимъ другимъ предметомъ, люди стали обмѣнивать одинъ предметъ на другой и желать чего либо въ обмѣнъ на то, что давали.

Въ концѣ концовъ стали чувствовать необходимость назначить предметамъ опредѣленную стоимость для того, чтобы урегулировать сдѣлки и облегчить обмѣнъ.

Нѣкоторые предметы были избраны единицами мѣры при опредѣленіи стоимости вещей, могущихъ обмѣниваться. Такакимъ-то образомъ, напримѣръ, Гудзонская Компанія требуетъ столько-то бобровыхъ шкуръ за одно ружье, топоръ и т. д., или столько-то шкур? низшаго качества за одну шкуру бобра. Въ нѣкоторыхъ странахъ Африки одинъ невольникъ стоитъ столько-то метровъ бумажной ткани, столько то нитокъ жемчуга или цѣнныхъ раковинъ въ другихъ мѣстностяхъ мѣновой стоимостью его служатъ корова, слоновый клыкъ, кое-гдѣ даже женщина. Экономисты утверждаютъ, что изобрѣтеніе единицы мѣры цѣнности было большимъ прогрессомъ.

Если не было найдено ничего лучшаго, то очевидно, это былъ прогрессъ по сравненію съ тѣмъ, что существовало раньше, но когда принялись совершенствовать аппаратъ, то оказалось, что изъ него вышло отличное средство для эксплоатаціи другихъ. И поэтому онъ вскорѣ сдѣлался недостаточнымъ.

Разрубленная на куски корова еще сохраняетъ нѣкоторую продажную цѣнность, но она остается въ этой формѣ способной обмѣниваться безконечно; женщина, невольникъ, какова бы ни была цѣнность ихъ, когда они здоровы, не имѣютъ ея

болѣе, если бы кто-нибудь вздумалъ ихъ разрубить на части; требовалось найти болѣе практичное выраженіе цѣнности, которая могла бы дѣлиться и оставаться невредимой при безконечныхъ переходахъ изъ рукъ въ руки, т. е. обратились къ раковинамъ, военнымъ или земледѣльческимъ инструментамъ, болѣе или менѣе драгоцѣннымъ металламъ, затѣмъ послѣ многихъ опытовъ и попытокъ придумана была — золотая, серебряная и мѣдная монета, снабженная какимъ-нибудь изображеніемъ, и имѣющая болѣе или менѣе постоянную цѣнность, которая должна была отнынѣ служить основой сдѣлокъ.

Съ ростомъ прогресса, съ увеличеніемъ количества торговыхъ сдѣлокъ явилась необходимость найти болѣе удобное и менѣе громоздкое выраженіе цѣнности самыхъ денегъ, ко торые были только изображеніемъ другихъ цѣнностей, и тогда появились банковые билеты, чеки, акціи и другія цѣнныя бумаги. Мы увидимъ далѣе, что это усложнило обмѣнъ, вмѣсто того, чтобы его упростить, и помогло тѣмъ, кому удалось уже начать свою эксплоатацію, обмануть другихъ, которымъ они служили посредниками, и присвоить себѣ подъ названіемъ «комиссіонное вознагражденіе» нѣкоторую часть цѣнности, отнимаемой у производителей и покупателей.

Но не все, что служитъ потребленію человѣка, есть исключительный продуктъ одного его труда. Металлы, дерево, плоды, мясо и проч., кромѣ того, что они подвергались труду человѣка и воплотили въ себѣ стоимость его, имѣли еще раньше присущую имъ цѣность, которую они получали отъ однѣхъ естественныхъ силъ природы, всегда дѣйствующихъ на земномъ шарѣ, и которая получается отъ свободнаго химическаго соединенія составныхъ элементовъ, находящихся повсюду на землѣ, въ воздухѣ и въ водѣ. Отсюда слѣдуетъ, что тотъ, кто захватываетъ естественные продукты, чтобы ими торговать, захватываетъ цѣнность, ему не принадлежащую, ибо онъ можетъ это сдѣлать, только ссылаясь на право собственности, право фиктивное, искусственное, которое ему позволяетъ удерживать часть земного шара, вопреки всеобщему договору, и проистекаетъ изъ грубой силы, завоеванія, грабежа, воровства и обмана.

Человѣкъ, захватывающій то, въ чемъ онъ не имѣетъ непосредственной надобности, обкрадываетъ другого, который въ этомъ нуждается. Можно назвать вознагражденіемъ барышъ, извлекаемый посредникомъ изъ своихъ услугъ, но если цѣлый рядъ получекъ указаннаго вознагражденія допускаетъ накопленіе денегъ, то барышъ является кражей, которую посредникъ совершаетъ у тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ его услугамъ

Собственность и цѣнность являются не «естественными законами», но произвольными слѣдствіями уродливой соціальной организаціи, и выводы экономистовъ, кажущіеся такими логичными, лишены основанія. То, что капиталъ извлекаетъ — подъ видомъ ли ренты, или процентовъ — изъ средств производства, имъ захваченныхъ, оправдывается только узаконе-

ніемъ перваго воровства. Когда капиталисты докажутъ право личнаго присвоенія, они должны будут еще доказать право эксплоатировать другихъ, но до сихъ поръ, хотя они много спорили, но ничего не доказали; слѣдовательно, да будетъ намъ позволено сказать имъ, что ихъ система опровергнута.

Они пытаются защититься, утверждая, что мѣновая цѣнность необходима для облегченія сношеній и обмѣна, что общество не можетъ существовать безъ уравновѣшивающей власти, что безъ возможности присваивать продукты въ личную собственность, погибнетъ всякая человѣческая дѣятельность. Мы видѣли уже и еще увидимъ, чего стоятъ всѣ эти утвержденія.

Такъ какъ экономисты признанные — если не привиллегированные и патентованные — защитники буржуазнаго строя, то мы имѣли бы право не слишкомъ долго останавливаться на ихъ утвержденіяхъ и отрицаніяхъ, но нѣкоторые соціалисты, желающіе тоже казаться очень учеными, стараются преподнести намъ то же блюдо, но подъ другимъ соусомъ. Они тоже сомнѣваются, что человѣчество не можетъ существовать, если будутъ уничтожены мѣновая цѣнность и власть, призванная регулировать конкуренцію. Посмотримъ-же, какъ до сихъ поръ регулировалась цѣнность.

Мы знаемъ, что въ производство предмета входитъ часть силъ природы, которыя не принадлежатъ никому — а слѣдовательно, принадлежитъ всему міру; — такимъ образомъ первое воровство совершаютъ тѣ, кто присваиваетъ себѣ монополію надъ предметомъ, для перепродажи его другимъ. Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что рабочая сила, затраченная на производство предмета, точно также не поддается оцѣнкѣ, и что она варьируетъ въ цѣнѣ, сообразно волѣ капиталиста и обстоятельствамъ, въ которыхъ находится рабочій.

Сообразно тому, много ли, или мало даннаго продукта на рынкѣ, цѣнность его понижается или повышается. Извѣстно же, что искусственныя повышенія или пониженія вызываются произвольно дѣльцами, и тѣ наводняютъ рынокъ или скупаютъ до чиста всѣ продукты, либо въ видахъ спекуляціи, или просто ради того, чтобы раздавить конкурента, который ихъ стѣсняетъ. Цѣнность предметовъ, слѣдовательно, совершенно произвольна и не основана ни на какой логикѣ.

До сихъ поръ мы видѣли, что производить цѣнность значитъ отнять нѣкоторую долю чужого труда, служа посредникомъ между производителемъ и потребителемъ, долю, которую навзавали вознагражденіемъ, чтобы оправдать переложеніе ея въ свой карманъ и потому, что соціальная организація такова, что посредникъ, безъ котораго можно было бы обойтись въ нормально устроенномъ обществѣ, сдѣлался необходимымъ, такъ какъ одни присвоили себѣ капиталъ, недостающій другимъ.

Чтобы узаконить вознагражденіе, которое капиталистъ извлекаетъ изъ своей торговли, промышленности или другихъ

операцій, экономисты ставятъ намъ въ счетъ «рискъ, несомый въ предпріятіи капиталомъ». Намъ нѣтъ надобности настаивать на томъ, что капиталъ ничего не производитъ самъ; что послѣ покупки вещь, сама по себѣ, стоитъ только то, что она стоила раньше, что только трудъ можетъ увеличивать ея цѣнность, если таковая имѣется.

Если былъ рискъ, за который слѣдуетъ платить премію, то по всей логикѣ, она должна была бы быть уплачена труду, потому что это онъ доставлялъ капиталъ, необходимый для покупки. Но вѣдь дѣлаютъ законы капиталисты, и они рѣшили иначе.

«Капиталъ вкладываемый въ предпріятіе, подвергается риску», говорятъ экономисты. «Предпріятіе можетъ не произвести того, чего отъ него ожидаютъ, или даже совершенно рухнуть, вслѣдствіе чего капиталистъ потеряетъ авансированныя имъ деньги. И поэтому совершенно справедливо, что онъ удерживаетъ въ свою пользу нѣкоторый процентъ своихъ денегъ для покрытія рисковъ!»

Такова капиталистическая логика! Рискуя потерять свой капиталъ, человѣкъ вкладывающій деньги въ предпріятіе, имѣетъ право требовать процентовъ на покрытіе риска. Но одно изъ двухъ: или капиталистъ получитъ обратно деньги, которыя онъ авансировалъ, или онъ ихъ потеряетъ. Въ первомъ случаѣ его деньги не подверглись риску, и тогда онъ незаконно присваиваетъ страховую премію, которая ему не слѣдуетъ; во второмъ случаѣ, рискъ былъ, потому что убытокъ произошелъ, но намъ кажется, что если онъ теряетъ капиталъ, он не извлечетъ большой пользы изъ страховой преміи. Какъ бы онъ не увеличивалъ страховую премію, она нисколько не поможетъ ему возвратить потерянный капиталъ.

Такимъ образомъ страховая премія платится только тѣми предпріятіями, которыя дѣсйтвуютъ успѣшно. Капиталистъ получаетъ свою премію только тогда, когда онъ не подвергается риску, и изъ этого слѣдуетъ, что операціи, не несущія рисковъ, оплачиваютъ случайности подозрительныхъ операцій. Капиталъ всегда наверстаетъ свое на продуктѣ труда; послѣдній всегда платитъ за убытки.

Въ такомъ случаѣ, трактирщикъ, пишущій въ счетѣ «закуски» не поступаетъ ли, не зная самъ этого, по правиламъ политической экономіи. Включая два раза одинъ и тотъ же предметъ въ одинъ и тотъ же счетъ онъ заставляетъ состоятельнаго кліента платитъ за того, который «забыл» уплатить — и не въ этомъ ли мы видимъ примѣненіе на практикѣ системѣ, столь любезной разнымъ Леруа Болье и Молинари? Вотъ естественное примѣненіе ихъ экономическихъ законовъ, на которое они еще не ссылались и которые мы съ удовольствіемъ имъ указываемъ.

Впрочемъ, развѣ въ современномъ обществѣ не все организовано точно такимъ же образомъ?. Магазины, прода-

щіе товары по подпискѣ, эти «истинно филантропическія учреждения» развѣ не основаны на то. же системѣ? Всѣ знаютъ, какія огромныя суммы якобы потеряны ими вслѣдствіе неаккуратныхъ платежей со стороны части кліентовъ, которые, получивъ желаемую вещь, не хотятъ вовсе слышать о ликвидаціи счета. Мы сказали: «якобы потеряны», и это точно, ибо, обыкновенно, вещь выдавалась только послѣ уплаты половины стоимости, но такъ какъ магазинъ старался ее оцѣнить въ четыре раза выше ея стоимости, то получалъ прибыль сто процентовъ, не считая авансированныхъ суммъ, которыми онъ пользовался, ничего не тратя самъ. Вотъ какой кредитъ дѣлается рабочимъ.

А развѣ не та же система введена въ обществахъ взаимопомощи и взаимнаго страхованія, гдѣ взносами тѣхъ, кто никогда не будетъ хворать, оплачивается леченіе больныхъ, точно такъ же, какъ взносы тѣхъ кто умретъ раньше опредѣленна возраста, составятъ ренту для переживщихъ.

И такимъ образомъ въ нашемъ обществѣ солидарность хотя и существуетъ, но вопреки здравому смыслу она направлена въ пользу однихъ и эксплоатируетъ другихъ. Общество организовано, главнымъ образомъ, такъ, что вынуждаетъ каждаго желать гибели своего конкурента, чтобы воспользоваться его достояніемъ.

Мы говорили выше, что трудъ единственный производитель всякаго богатства. Въ самомъ дѣлѣ, можно было бы собрать въ кучу всѣ золотыя и серебрянныя монеты, всѣ цѣнныя бумаги, комбинировать всевозможные переводы и обороты, перемѣшивать все, сколько угодно, врмея не увеличитъ ихъ вѣсъ ни на одинъ граммъ: деньги не плодятся. Самыя отвлеченныя, самыя фиктивныя спекуляціи всегда предполагаютъ извѣстный продуктъ природы и нѣкоторую долю труда, на которыхъ основаны всѣ разсчеты.

Пусть эти цѣнности будутъ уничтожены, соціальныя отношенія отъ этого, конечно, измѣнятся, условія существованія и труда станутъ другими, но въ общей суммѣ не станетъ меньше ни на одинъ граммъ мяса, ни на одно зерно хлѣба, и человѣчество будетъ продолжать существовать, между тѣмъ, какъ въ тотъ день, когда производители цѣнности перестали бы работать, буржуазія со своими капиталами оказалась бы въ очень печальномъ положеніи. Трудъ, такимъ образомъ, является дѣйствительнымъ производителемъ богатства. Капиталъ представляетъ собою цѣнность и продуктъ, отнятые у труда.

Если бы первые торговцы довольствовались обмѣномъ однихъ предметовъ потребленія на другіе, они не могли бы создать себѣ капиталъ. Если два человѣка обмѣниваютъ два предмета равной цѣнности, они не становятся богаче прежняго. Одинъ и другой могутъ быть больше удовлетворены, получивъ предметъ, возбуждающій ихъ желаніе, но эта единственная выгода,которую они извлекаютъ изъ обмѣна. Если же

есть матеріальная выгода для одного, то это потому, что есть потеря для другого; тогда происходитъ обманъ, появляется составленіе фальшиваго счета.

На зарѣ человѣчества, когда всѣ силы человѣка были сконцентрированы на возможности существовать, человѣкъ могъ обмѣнивать одинъ предметъ на другой, но это былъ только обмѣнъ услугъ, и здѣсь не было еще мѣста ни торговлѣ, ни капиталу. Послѣдніе появились только тогда, когда нѣкоторые люди научились спекулировать желаніями ближнихъ и получать плату за свои услуги въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ онѣ въ дѣйствительности стоили. Вѣроятно обрывокъ воспоминаній о тѣхъ отдаленныхъ временахъ побудилъ древнихъ грековъ и римлянъ дать ворамъ и купцамъ общаго бога: Меркурія!

Такъ какъ эволюція пошла в этомъ направленіи, то чѣмъ больше развивался человѣкъ, тѣмъ больше усиливалась спеціализація, и такимъ образомъ торговля сдѣлалась институтомъ, который встрѣчается уже совершенно установившимся, начиная съ зари исторической эпохи.

По мѣрѣ увеличенія обмѣна, капиталы сконцентрировались въ рукахъ тѣхъ, которые образовали торговый классъ; но давность воровства не узакониваетъ современное воровство, и тѣ, кто являются его жертвами обязаны отъ него освободиться.

Созданіе мѣновой цѣнности, то-есть, денегъ, дало возможность воровству обосноваться среди общественныхъ ассоціацій, заставляя вѣрить людей въ какое-то вонагражденіе за услуги, между тѣмъ, какъ въ дѣсйтвительности, у нихъ похищалась часть продуктовъ ихъ труда путемъ обмана въ дѣйствительной цѣнности предметовъ. Капиталъ — результатъ кражъ, совершенныхъ прошедшими поколѣніями спекуляторовъ у производителей, а между тѣмъ, ради того, чтобы узаконить подобныя кражи, хотятъ насъ увѣрить, что воровство есть слѣдствіе какого-то «естественнаго закона».

Мы видѣли, что нѣт возможности установить истинную мѣру цѣнности; мы увидимъ теперь, что до сихъ поръ намъ предлагали только произвольныя понятія о цѣнности, что невозможно установить мѣру цѣнности и что, слѣдовательно, намѣреніе экономистовъ и соціалистовъ установить общество, въ которомъ каждый был бы вознагражден по заслугамъ, есть только магія, и всякое установленное въ этомъ смыслѣ правило будетъ только продолженіемъ узаконеннаго грабежа однихъ другими.

ГЛАВА XV.

Мѣра цѣнности и статистическія комиссіи.

Какъ мы видѣли, не только одни экономисты признаютъ установленіе цѣнности необходимыхъ для прочной организаціи общества. Всѣ тѣ изъ соціалистовъ, которые хотѣли создать проекты соціальной реорганизаціи, наталкивались на это препятствіе. Соціалисты, требующіе упраздненія частной собственности, и коллективисты, считающіе себя революціонерами, не нашли ничего лучшаго взамѣнъ капиталистической организаціи, какъ статистическія комиссіи, которыя будутъ обязаны заботиться о производствѣ и распредѣленіи продуктовъ соразмѣрно труду каждаго; признавъ, что единица мѣръ, монета, въ обращеніи была вредна, они декретировали ея отмѣну... для того, чтобы замѣнить ее другой мѣрой собственнаго изобрѣтенія!

Такова сила предразсудковъ!

Люди поняли всю лживость современнаго меркантилизма; поняли, что слѣдуетъ упразднить личную конкурренцію, уничтоживъ монету, которая какъ, мѣновая цѣнность, является орудіемъ обмана и мошеничества, и тѣ, кто понялъ это не нашли ничего лучшаго, какъ замѣнить одну мѣновую цѣнность, деньги, другой мѣновой цѣнностью. Ихъ революціонность не идетъ дальше перемѣны названій. И ради такого ничтожнаго результата рабочіе должны были рисковать своей жизнью?

Какое намъ дѣло, получатъ ли тѣ, кто управляетъ нами, право предписывать намъ свою волю въ сферѣ производства и обмѣна только силою своего капитала, или же заставятъ насъ еще освятить эту волю путемъ избирательной комедіи?

Какое дѣло рабочимъ до того, въ чемъ выражается мѣновая цѣнность: будетъ ли это болѣе или менѣе драгоцѣнный металлъ: золото, серебро, желѣзо, жесть, выдѣланная кожа, кортонъ или какое-либо другое вещество; называется ли она франкомъ, долларомъ, ливромъ, флориномъ, рабочимъ часомъ или какимъ-либо другимъ названіемъ, якобы подходящимъ къ той единицѣ мѣры, которая будетъ установлена? Въ чемъ же здѣсь выразится перемѣна? Тѣ же причины произведутъ тѣ же результаты. Заключается ли опасность въ названіи вещи, или же въ самомъ употребленіи ея?

Если въ будущемъ обществѣ еще останется **обмѣнъ продуктовъ,** то каждый захочетъ оцѣнивать свои продукты выше

чужихъ и будетъ въ правѣ считать себя обиженнымъ, когда эта оцѣнка не будетъ такой, на какую онъ разсчитывалъ; и тогда возродятся всѣ недостатки современнаго общества.

Для того, чтобы избѣжать недоразумѣній и взаимныхъ упрековъ, слѣдовало бы найти базу, которая дозволила бы каждому удѣлять дѣйствительную часть его труда. Нужно было бы найти средство, которое позволило бы измѣрять математически точно долю труда каждаго. Найдена ли такая база?

Вотъ что отвѣчаетъ на это одинъ изъ нихъ:

«Установленіе цѣнности является великимъ двигателемъ дѣятельности и осью взаимопомощи. Дѣйствительно, чтобы установить равный обмѣнъ, обмѣнъ по истинной стоимости, нужно, чтобы цѣнность была бы установлена.

Но гдѣ найти критеріумъ цѣнности?

По мнѣнію Прудона — это рабочій часъ. Слѣдуетъ замѣтить, что соціалисты из **Интернаціонала** всѣ были болѣе или менѣе послѣдовательными сторонниками Прудона; впрочемъ, они всѣ позаимствовали отъ него кое-что. Если теперь мы не являемся болѣе его сторонниками, то это потому, что мы признали, что нѣт и не можетъ быть мѣры цѣнности.

Если бы мы захотѣли безусловно установить цѣнность, то стали бы оцѣнивать продукты, не принимая во вниманіе ни большій или меньшій талантъ, ни научныя познанія, ни все, что было затрачено изъ моральной или матеріальной силы для производства этихъ продуктовъ». (Выдержка изъ доклада Базельскому конгрессу, цитированная Б. Мало въ его сочиненіи: Интернаціоналъ, его исторія и его принципы).

Такое признаніе сдѣлано всѣми, и даже несчастные экономисты, утверждающіе, что слѣдуютъ только «естественнымъ законамъ», не могли до сихъ поръ объяснить цѣнность, и принуждены признать, что ось по ихъ системѣ является законъ, совершенно произвольный..

Сторонники власти, соціалисты, не видя другого исхода, остановились за неимѣніемъ лучшаго, на мѣрѣ цѣнности: рабочій час! Но, вѣдь, имѣются работы, требующія болѣе значительной затраты силъ, болѣе грязныя, болѣе опасныя—какъ справиться съ этимъ?

Одни хотятъ распредѣлить эти работы въ видѣ соціальной барщины, которую каждый былъ бы призванъ отбывать по очереди; организовалась бы очередь работы, которая, вѣроятно, допускала бы исключенія, само собой разумѣется, только если бы эти работы были организованы какой-нибудь властью. Другіе находятъ болѣе практичнымъ повысить стоимость часовъ, доставляемыхъ лицами, занятыми на этихъ работахъ. Во всякомъ случаѣ, вотъ уже достаточно поводовъ для распрей и зависти въ ихъ обществахъ.

Но больше того. Во всякомъ трудѣ имѣется много факторовъ: мускульная сила и ловкость, мозговой трудъ въ различныхъ степеняхъ сложности, разсудительность, память, сравненіе, упрощеніе или усовершенствованіе труда, и богъ знаетъ

еще что; не достаточно ли и этого, чтобы усложнить вопросъ и сдѣлать распредѣленіе труда крайне труднымъ, если не невозможнымъ?

На какой базѣ установить мѣновую цѣнность, чтобы она давала каждому полный продуктъ его труда и устраняла бы всѣ недоразумѣнія? Какой динамометръ сможетъ быть приспособленъ къ нервамъ человѣка, чтобы постоянно регистрировать трату его силъ и его мозговую дѣятельность?.

Такъ какъ эта мѣновая цѣнность можетъ быть установлена только приблизительно, сообразно данной работѣ и данному времени, то необходимо будетъ принять, по взаимному соглашенію, среднюю для всѣхъ родовъ труда. Кто установитъ эту среднюю? Статистическія комиссіи. Но какъ удовлетворить тѣхъ, кто будетъ считать себя обиженнымъ; не придется ли навязать имъ эту среднюю насильно? Нѣкоторые коллективисты протестуютъ, когда имъ говорятъ, что ихъ комиссіи будутъ правительствами. «**Администраціей,** да отвѣчаютъ они: **правительствомъ,** нѣт...»

Однако, одно изъ двухъ: или это признаніе цѣнности будетъ предписано властью, или рабочіе пріобрѣтутъ достаточно практическаго смысла, способности къ самоотрѣченію въ мелочных вопросахъ личной выгоды, чтобы установить порядокъ, который будетъ казаться имъ предпочтительнѣе существующаго положенія вещей?

Почему въ такомъ случаѣ вы отказываете рабочимъ въ духѣ солидарности, когда дѣло касается анархическаго общества?

Съ другой стороны, создавая боны труда — таково наименованіе новой монеты, — какъ помѣшать накопленію: вотъ трудный вопросъ, который устранить крайне важно, такъ какъ въ противномъ случаѣ открывается возможность накопленія капиталовъ въ новомъ обществѣ.

На это отвѣчали, что такъ какъ накопленіе можетъ касаться только предметовъ потребленія, недвижимая же собственность: земля, машины и проч., будетъ неотчуждаема, то опасность отъ такого накопленія не можетъ быть велика. Съ точки зрѣнія возстановленія личной собственности, очевидно, что подобное накопленіе не можетъ быть очень опасно. Но есть моральная опасность: позволяя отдѣльнымъ лицамъ собирать богатства и накоплять деньги, имъ дадутъ средство возстановить торговлю и личную конкурренцію, которыя имѣютъ быть упразднены при организаціи новаго общества. Стремленіе къ роскоши и духъ меркантилизма, столь вредные въ настоящее время, вмѣсто того, чтобы исчезнуть, продолжали бы жить въ умахъ людей, и въ результатѣ люди начали бы искать средства для большаго расширенія размѣровъ столь легко дающагося обмѣна продуктовъ; такимъ именно образомъ начало развиваться капиталистическое общество, и спрашивается, стоитъ ли дѣлать революцію, чтобы возвратиться къ исходному пункту нашей исторіи!

Но помимо этой опасности, могущей проявиться только впослѣдствіи, имѣется другая, болѣе непосредственная, результатомъ которой было бы распаденіе системы коллективизма. Мы объяснимъ, какъ.

Представимъ себѣ тѣхъ «злонамѣренныхъ» личностей, которыми по утвержденіи коллективистовъ должно будетъ изобиловать анархическое общество. Представимъ себѣ, что эти «злонамѣренныя личности», будучи въ состояніи производить больше, чѣмъ имъ нужно, — какъ часто бываетъ, станутъ накоплять. Чтобы не дѣлать картину болѣе мрачной, чѣмъ слѣдуетъ, оставимъ въ сторонѣ возможность спекулировать или нанимать лицъ, которыя служили бы ихъ личнымъ потребностямъ; вообразимъ, что эти опасности устранены. Само по себѣ накопленіе является уже опасностью, ибо, въ то время, какъ общественные магазины будутъ переполнены продуктами дѣятельности такихъ личностей, и излишекъ ихъ не будетъ уравновѣшенъ соотвѣтствующимъ потребленіемъ, разсчеты статистическихъ комиссій окажутся совершенно разстроенными; такъ какъ каждый рабочій часъ будетъ представлять эквивалентъ какого-нибудь продукта, доставленнаго въ магазинъ, то, очевидно, тотъ продуктъ можетъ быть выданъ изъ магазина только по предъявленіи соотвѣствующаго «бона».

Если бы нашлись люди, которые просрочивали бы свои боны, за отсутствіемъ нужды въ продуктахъ, то могло бы случиться, что другіе люди, имѣющіе нужду въ томъ же самомъ продуктѣ, не могли бы его получить изъ магазина за отсутствіемъ бона, дающаго право на этотъ продуктъ.

Коллективисты хорошо предвидѣли это возраженіе, потому что они постарались подыскать всякаго рода палліативы. Но, какъ всѣ палліативы, эти безполезно усложняютъ систему и не устраняютъ опасности. Они нашли въ числѣ прочихъ палліативовъ — періодическое уничтоженіе непредъявленныхъ боновъ труда! Но можетъ случиться и то, что индивидуумы не сохранятъ своихъ боновъ, или обмѣнятъ ихъ на продукты, могущіе сохраняться неопредѣленное время. Кромѣ того, кто могъ бы мнѣ запретить обмѣнивать мои старые боны на новые въ моментъ возобновленія ихъ? Могло бы быть, что я захотѣлъ бы работать и накоплять десять, двадцать лѣтъ, чтобы затѣмъ развлекаться, ничего не производя, и кто имѣлъ бы право запретить мнѣ это? Неужели вы установите немедленное и обязательное потребленіе?

Но есть еще другая трудность. Существуютъ люди, которые безъ скрытыхъ намѣреній обладаютъ способностью производить безъ устали и въ этомъ находить удовольствіе, не испытывая нужды потреблять то, что они производятъ. Но каждый бонъ труда долженъ имѣть въ магазинѣ свой эквивалентъ въ видѣ продукта. Тогда, въ такъ называемомъ равноправномъ обществѣ сможетъ проявиться такая аномалія, что за отсутствіемъ надобности одни лица оставятъ просро-

ченными свои боны, и такимъ образомъ въ магазинѣ будутъ неиспользованые продукты, въ то время, какъ другіе не смогутъ удовлетворить свои потребности, вслѣдствіе того, что не будутъ производить въ достаточной мѣрѣ.

Статистическія комиссіи, обязанныя регулировать производство, сообразно съ нуждами потребленія, въ виду накопленія неиспользованныхъ продуктовъ, будутъ вынуждены сократить ихъ производство. И какъ въ современномъ обществѣ переполненіе товарныхъ складовъ нарождаетъ нищету и безработицу для производителей, точно также и въ будущемъ обществѣ такое явленіе вызовстъ множество разныхъ осложненій.

И тогда мы приходимъ къ альтернативѣ, указанной выше: придется или принуждать людей расходовать имѣющіеся у нихъ боны труда, или уничтожать невостребованные продукты, или же безплатно раздавать таковые «нуждающимся». Значитъ, будетъ возстановлено общественное призрѣніе! Но вѣдь коллективисты утверждаютъ, что ихъ статистическія комиссіи не будутъ имѣть никакой власти навязывать свои рѣшенія, слѣдовательно нужно будетъ, чтобы онѣ согласились непосредственно участовать въ томъ безпорядкѣ, который произойдетъ отъ ихъ попытки организаціи, и допустили бы безработицу, результатъ перепроизводства продуктовъ, или же чтобы онѣ перестали соблюдать ими же самими установленныя правила или, наконецъ, обратились бы къ доброй волѣ отдѣльныхъ лицъ. Почему тогда отрицать за людьми право и способность оріентироваться самимъ, по волѣ обстоятельствъ?

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ отрицанія, мы видимъ, въ чемъ выразится роль этихъ пресловутыхъ статистическихъ комиссій. Онѣ будутъ регламентировать рабочее время, назначая каждому количество часовъ, которые онъ **долженъ будетъ** предоставить въ распоряженіе общества; онѣ будутъ регламентировть производство, указывая каждому, что онъ **долженъ будетъ** производить, остается только потребленіе: мы знаемъ, какъ его будутъ ограничивать, но не знаемъ какъ сбалансируютъ съ производствомъ. Въ подобномъ обществѣ индивидуумъ будетъ ограниченъ во всѣхъ своихъ поступкахъ и при каждом движеніи натолкнется на какой-нибудь ограничительный законъ. Въ немъ можетъ быть будетъ «коллективизмъ», но во всякомъ случаѣ не равенство, и еще менѣе свобода.

Помимо всѣхъ вышеуказанныхъ неурядицъ имѣется еще одна, болѣе опасная. Если бы были установлены эти комиссіи — представляющія собою не что иное, какъ то же правительство, только подъ другимъ названіемъ то оказалось бы, что революція была сдѣлана единственно ради того, чтобы помочь такой же концентраціи богатства, какая нынѣ происходитъ въ капиталистическихъ сферахъ, и въ концѣ концовъ, передать въ руки ничтожнаго меньшинства право собственности на орудія производства и всѣ соціальныя богат-

ства и увеличить ту бюрократію, которая насъ давитъ и убиваетъ при современномъ строѣ. Современные капиталисты хотѣли бы упразднить Государство, дѣля его на части, и превращая каждую изъ его функцій въ промышленное предпріятіе для того, чтобы еще крѣпче держать его въ своихъ рукахъ. Коллективисты стремятся завладѣть богатствомъ, чтобы его сконцентрировать въ рукахъ Государства: — по существу это то же дѣло, предпринятое только въ обратномъ направленіи, но приводящее къ одинаковому результату.

Теперь, когда Государство владѣетъ только незначительной частью общественнаго богатства, оно сумѣло создать вокругъ себя массу частныхъ интеерсовъ, которымъ выгодно сохранить его, и которые поэтому препятствуютъ нашему освобожденію. Чѣмъ же будетъ Государство, являющееся одновременно хозяиномъ, капиталистомъ и собственникомъ. Оно будетъ Государствомъ всемогущимъ, располагающимъ, по своему желанію, всѣмъ соціальнымъ достояніемъ, и распредѣляющимъ его согласно со своими интересами. Такое Государство будетъ господиномъ не только настоящихъ, но и будущихъ поколѣній, ибо беретъ на себя заботу о воспитаніи дѣтей и такимъ образомъ въ состояніи, по своей волѣ, двигать человѣчество по дорогѣ къ прогрессу широкимъ и разностороннимъ воспитаніемъ, или же остановить его развитіе, узкимъ и ретроградными. Мы въ ужасѣ отступаемъ передъ властью, располагающей такими могущественными двигателями человѣческой дѣятельности.

Такъ, напримѣръ, это капитализму удалось создать строй, помогающій защищать классовые интересы, каждый членъ класса имѣетъ свои отдѣльные интересы, ставящіе его въ антогонизмъ по отношенію къ другимъ членамъ своей касты, и этимъ пользуются рабочіе, чтобы вырвать у него какую-нибудь уступку. Коллективистическая же революція ускорила бы сліяніе двухъ нашихъ враговъ — Капитала и Власти.

Мы жалуемся, что современное общество стѣсняетъ насъ въ нашемъ движеніи впередъ, мы возмущаемся, что оно обуздываетъ силой своей власти наши стремленія. Что же будетъ въ обществѣ, гдѣ ничто не сможетъ быть произведено, если оно не будетъ носить штемпеля Государства, въ лицѣ его представителей: статистическихъ комиссій? Въ подобномъ обществѣ всѣ хорошія намѣренія будутъ уничтожены, всѣ начинанія разбиты. Ни одна новая идея не сможетъ появиться, если за нею не будетъ признана общественная полезность. Такъ какъ всякая новая идея принуждена бороться противъ господствующихъ идей, то это будетъ систематическое умерщвленіе, абсолютное подавленіе всякой новой идеи. Она будетъ мертва прежде своего появленія.

Такимъ образомъ, книгопечатаніе — мы возьмемъ только одинъ примѣръ — которое до сихъ поръ было однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ средствъ прогресса, ибо даетъ возможность популяризировать человѣческія знанія, и кото-

рое не могутъ принудить къ молчанію самые строгіе законы, будетъ закрыто для новыхъ идей: ибо, каково бы ни было безпристрастіе призванныхъ образовать коллективистическое правительство, сомнѣваемся, несмотря на широкій умственный кругозоръ, обнаруживаемый современными проповѣдниками коллективизма, чтобы они довели самоотреченіе до того, что позволятъ печатать что-либо въ осужденіи ихъ дѣйствій, власти и постановленій, въ особенности, если они будутъ въ правѣ считать, что они обязаны вести людей къ счастью, котораго тѣ безъ нихъ не могутъ достичь. Чтобы придать запрещенію законную форму, коллективистическому правительству достаточно будетъ сослаться на соображенія общественнаго характера: напримѣр, что производитедьныя силы, поглощенныя удовлетвореніемъ немедленныхъ нуждъ, не могутъ быть отвлекаемы отъ ихъ назначенія для производства вещей, необходимость которыхъ не достаточно установлена.

И чѣмъ искреннѣе будутъ эти люди, чѣмъ сильнѣе будутъ вѣрить въ порядокъ вещей, управляемый ими, тѣмъ нетерпимѣе, они будутъ относиться къ идеямъ, противнымъ ихъ міровоззрѣнію. Будучи твердо убѣждены, что ведутъ человѣчесво къ счастью, они тѣмъ безжалостнѣе будутъ подавлять враждебныя имъ идеи. Мы слишкомъ много страдали отъ власти, чтобы не принимать мѣръ предосторожности противъ будущаго, ибо не хотимъ болѣе предоставить нашу судьбу въ распоряженіе личныхъ или коллективныхъ заблужденій.

Статистическія комиссіи, говорятъ намъ, не будутъ властью; онѣ будутъ **опредѣлять** производство, **распредѣлять** продукты, онѣ **установятъ** одно, **организуютъ** другое, но вовсе не будутъ правительствомъ. Напротивъ, онѣ будут слугами народа!

Въ такомъ случаѣ спрашивается: если группамъ или индивидуумамъ будетъ предоставлена свобода упразднять комиссіи, когда тѣ станутъ ихъ стѣснять — въ чемъ заключается польза этихъ комиссій? Не проще ли предоставить индивидуумамъ свободу организовывавться, регулировать производство и потребленіе такъ, какъ они захотятъ, не усложняя дѣла безполезнымъ балластомъ?

Какъ бы ни отрицали стыдливые сторонники власти, они не сумѣютъ выйти из дилеммы: или группы и индивидуумы будутъ свободны принять или отвергнуть рѣшенія комиссій, или эти рѣшенія будутъ имѣть силу закона.

Въ первомъ случаѣ безполезно устанавливать комиссіи, во второмъ же нужно будетъ создать силу, чтобы поддержать ихъ рѣшенія, и въ такомъ случаѣ, куда же дѣнется свобода тѣхъ, которые явятся оппозиціей?

ГЛАВА XVII.

Диктатура класса.

Соціалисты, сторонники власти, такъ откровенно желаютъ установить правительство со всей его властью и всѣми аттрибутами, что для того, чтобы заранѣе оправдать его, они громко заявляютъ, что будетъ необходимо установить «диктатуру класса». Но при этомъ забываютъ объяснить, что понимается подъ «диктатурой класса». Не есть ли это одно изъ тѣхъ словъ, высокопарныхъ, громкихъ, звучныхъ, но совершенно лишенныхъ смысла и абсолютно ничего не обозначающихъ; одно изъ тѣхъ пустыхъ словъ, бросаемыхъ, время отъ времени, массамъ, чтобы избѣжать объясненій, которыя было бы затруднительно дать. Подобныя слова содержатъ въ себѣ цѣлый міръ обѣщаній, и наивные люди подхватывают ихъ и дѣлаютъ изъ нихъ себѣ знамя, не понимая, что надъ ними издѣваются, что ихъ осмѣиваютъ. «Диктатура класса»! Посмотримъ же, что этимъ хотятъ сказать.

«Это будетъ оружіе рабочихъ противъ буржуазіи», отвѣчаютъ намъ. Превосходно! но въ чемъ выразится эта «диктатура» на слѣдующій день послѣ революціи *), которая, чтобы быть удачной, должна состоять именно въ томъ, что всѣ соціальныя неравенства будутъ уничтожены?

Сколько ни вдумываться въ эту проблему, выводъ получается только одинъ:

Пугая рабочихъ призракомъ буржуазіи, хотятъ пріучить ихъ быть слѣпой, безсознательной массой, получающей лозунги отъ своихъ вожаковъ; пріучить ихъ дѣйствовать подъ вліяніемъ толчка, исходящаго изъ правящаго центра, безъ малѣйшей личной инициативы; такимъ образомъ надѣются подготовить введеніе диктатуры ,которую никто не станетъ оспаривать, и которая будетъ навязана всѣмъ на слѣдующій день послѣ революціи.

Разсчитано хорошо, ибо при такой системѣ оффиціальное правительство могло бы въ крайнемъ случаѣ притвориться покорнымъ униженнымъ, дѣлать видъ, что исполняетъ

*) Сами сторонники власти допускаютъ, что соціальное преобразованіе произойдетъ внезапно вслѣдствіе революціи и изъ этого выводятъ оправданіе власти, которую они хотятъ установить

только «волю народа». Казалось бы, не будетъ надобности ни въ полиціи, ни въ арміи, ибо принудительныя силы будутъ добровольно доставлены правительству добрымъ и всегда великодушнымъ народомъ.

Всѣ живыя силы революціи, пріученныя выполнять безъ разсужденій приказанія безымянныхъ правящихъ комитетовъ, находились бы, всецѣло въ рукахъ правительства. Диктатура обыкновенно жестокая, сдѣлалась бы отеческой и кроткой, но тѣмъ не менѣе существовала бы, хотя и неуловимая, но постоянно возраждающаяся въ нашихъ рядахъ.

Мы должны бороться всѣми нашими силами противъ подобной диктатуры, во сто разъ болѣе страшной по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ всѣ существовавшія до сихъ поръ, ибо народъ предписывалъ бы только то, что ему было бы продиктовано его вожаками, вѣря, что онъ самъ предписываетъ свою собственную волю. Всякая мѣра, примѣненія которой онъ требовалъ бы, была бы ему внушена тѣми, кто въ ней нуждается для обузданія народа.

Къ тому же, лица оторванныя отъ работы въ мастерской *), не могли бы болѣе производить, будучи принуждены отдавать все свое время дѣламъ диктатуры, и самимъ этимъ фактомъ превратились бы въ представителей буржуазіи.

Первая вещь, которую они должны были бы, по нашему мнѣнію, сдѣлать, приступая къ исполненію своихъ обязанностей, это упразднить самихъ себя.

На это намъ отвѣтятъ, что занятія дѣлами диктатуры волей товарищей и на пользу всеобщаго благосостоянія, не будучи матеріальнымъ трудомъ, не были бы менѣе производительными, потому что способствовали бы поддержанію порядка въ соціальномъ строѣ; что производительныя способности не ограничиваются выработкою какого-либо предмета, и что ученый, который рѣшаетъ алгебраическую, физическую или психологическую задачу, является такимъ же производителемъ, какъ и тотъ, кто обрабатываетъ землю, обтачиваетъ часть машины или выдѣлываетъ пару сапогъ. Пусть и они имѣютъ право на участіе въ распредѣленіи продуктовъ, какова бы ни была форма ихъ дѣятельности.

Конечно мы знаемъ, что мозговая работа можетъ быть также производительна, какъ и ручной трудъ, и не намѣреваемся дать преимущество одному передъ другимъ. Всякое проявленіе человѣческой личности полезно развитію человѣчества, всѣмъ должно быть мѣсто въ обществѣ, къ которому мы стремимся, но мы не согласны съ казуистическими разсужденіями сторонниковъ различій. Зачѣмъ намъ упразднять одну аристократію, и ставить на ея мѣсто другую? Развѣ это насъ подвинетъ впередъ?

«Нами будутъ править равные», говорятъ намъ. Но вѣдь они перестанутъ быть таковыми въ тотъ день, когда имъ да-

*) Мы предполагаемъ, что именно рабочіе будутъ избраны для «диктаторства»

но будетъ право нами командовать. И что намъ за дѣло, кто даетъ предписанія, если тотъ, который ихъ получаетъ, обязанъ только повиноваться.

Въ настоящее время гнетъ, тяготящій надъ нами, происходитъ не отъ кучки хозяевъ и собственниковъ, живущихъ нашимъ трудомъ. Если теперь нищета такъ угнетаетъ рабочихъ, то это не столько вслѣдствіе того, что собственность принадлежитъ немногимъ лицамъ, но въ особенности, потому, что эти немногія нуждаются въ цѣлой іерархической системѣ организаціи, влекущей за собой появленіе массы безполезныхъ должностей, которыя всѣ подавляютъ производителя, и ради которыхъ этотъ послѣдній принужденъ работать. Что намъ за дѣло до того, что будутъ перемѣнены названія и способъ набирать персоналъ, если тяжесть останется на нашихъ плечахъ.

Мы сказали, что если бы народу удалось совершить революціи, завладѣвъ частной собственностью, то классы самимъ фактомъ будутъ упразднены, и мы не видимъ необходимости устанавливать, въ видахъ противодѣйствія ихъ возрожденію, какой бы то ни было диктатуры. «Останутся», говорятъ намъ, «представители буржуазіи, которые могутъ быть опасны новому строю, и существованіе ихъ вызоветъ необходимость установленія диктатуры».

Пусть будетъ такъ. Установить власть для того, чтобы сдѣлать безсильными тѣхъ, кто захотѣлъ бы повести общество назадъ? Отлично. Но вѣдь, какъ только эта власть будетъ установлена, кто помѣшаетъ ей объявить войну тѣмъ, которые захотятъ пойти впередъ? Кто изъ призванныхъ къ власти, ради преслѣдованія лицъ, недовольныхъ созданнымъ вами положеніемъ, сумѣетъ отличить между этими недовольными тѣхъ, кто будетъ желать худшаго отъ тѣхъ, кто захочетъ лучшаго?

Какъ бы тамъ ни было, диктатура—понятіе, слишкомъ растяжимое, и мы ея не хотимъ. Мы, сторонники истинной свободы, считаемъ, что злая воля нѣсколькихъ изолированныхъ индивидуумовъ не оправдываетъ установленія регламентаціи для всѣхъ. Злая воля представителей буржуазіи, лишенныхъ всего, что составляетъ теперь ихъ силу, капитала и власти, не могла бы быть опасна ни для кого, но власть во главѣ общества была бы опасна для всѣхъ.

Неужели же можно серьезно думать, что при отобраніи собственности изъ рукъ меньшинства, какое-либо соціальное преобразованіе можетъ совершиться безъ того предварительнаго переходнаго періода, который предвидится для анархическаго общества? Конечно нѣтъ. И выгода этого послѣдняго заключается въ томъ, что въ то время, какъ оно будетъ развиваться, правда, опытнымъ путемъ, но по крайней мѣрѣ совершенно свободно, предоставляя каждому характеру, каждому темпераменту возможность эволюціонировать по своему, и развивать инициативу, — централизованная органи-

зація, съ ея претензіей установить единую систему, будетъ сталкиваться постоянно съ обидчивостью однихъ, разбивать надежды другихъ, создавать недовольныхъ наряду съ удовлетворенными, и такимъ образомъ возникнутъ новые интересы, которые сплотятся вокругъ новой власти и помогутъ подавить недовольныхъ, оставляя имъ только одинъ выходъ изъ положенія — новую революцію.

Если же, напротивъ, предоставить группамъ свободу организовываться, то любая группа, которая не соотвѣтствовала бы развитію общества, могла бы переорганизоваться на новыхъ началахъ; индивидуумы, участвующіе въ этой группѣ, могли бы, если эта группа не отвѣчала бы ихъ стремленіямъ покинуть ее, чтобы войти въ другую, которая лучше бы отвѣчала ихъ новымъ воззрѣніямъ, или же образовать новую группу, сообразно со своими взглядами; и все это не производя замѣшательства въ обществѣ, ибо эти измѣненія могли бы быть частичными и постепенными, между тѣмъ, какъ при насильно навязанной централизаціи для измѣненія малѣйшаго изъ ея механизмовъ требуется всегда революція.

Исторія человѣчества, такимъ образомъ, представляла бы только безпрерывную эволюцію, ведущую насъ безъ остановокъ, безъ столкновеній къ цѣли, къ которой мы всѣ стремимся: счастью каждаго отдѣльнаго индивидуума, но, прибавимъ мы отъ себя, при условіи всеобщаго счастья.

Изъ предыдущаго видно, что далекіе отъ желанія взрывать динамитомъ всегда и безъ поводовъ тѣхъ, кто не держится однихъ съ нами взглядовъ, мы только требуемъ естественнаго права *) или лучше простора примѣнять это естественное право, присущее нашей природѣ. Пусть намъ предоставятъ свободу организоваться такъ, какъ мы захотимъ, пусть также будутъ свободны тѣ, которые думаютъ, не такъ, какъ мы, организоваться по своимъ собственнымъ взглядамъ. Развѣ мы виноваты въ томъ, что наши угнетатели не оставляютъ намъ для предъявленія нашихъ требованій другого выхода, кромѣ насилія, того самаго насилія, которое они не стѣсняются употреблять по отношенію къ намъ?

Мы хотимъ занять свое мѣсто въ обществѣ. Отказывая намъ въ возможности сдѣлать это мирно, надѣется ли буржуазія, серьезно, что мы смиримся, въ ожиданіи, пока она сдѣлаетъ намъ какую-нибудь уступку?

Она пользуется властью, которой завладѣла и экономическимъ положеніемъ, въ которое мы поставлены, чтобы насъ поработить и эксплоатировать, не оставляя намъ другого выхода, какъ или трусливо выносить эксплоатацію, или растоптать буржуазію; пусть она винитъ свою хищность, если однимъ изъ средствъ, представляющихся намъ для нашего освобожденія, является революція. Насиліе вызываетъ насиліе, и не мы создали такое положеніе.

*) Мы не нуждаемся, чтобы намъ предоставляли это право, ибо мы сумѣемъ его взять при надобности; мы хотимъ возможности его примѣнять

Буржуазія со своимъ пристрастіемъ къ насилію является первой виновницей. Но если мы хотимъ лишить буржуазію той собственности, которой она владѣетъ, если мы хотимъ лишить ее той власти, за которой она укрывается за крѣпостною стѣною, то не ради того, чтобы въ свою очередь воспользоваться властью, не для того, чтобы позволить одному классу или отдѣльнымъ лицамъ замѣнить буржуазію въ эксплоатаціи человѣческой дѣятельности.

Въ 89 году, завладѣвъ имѣніями дворянства и духовенства, буржуазія распорядилась ими, отдавъ ихъ во владѣніе нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, въ ущербъ тѣмъ, которые имѣли на нихъ больше права, такъ какъ они сами ихъ обрабатывали. Такимъ образомъ, ею была совершена классовая революція. Мы же хотимъ освобожденія личности, безъ различія класса, и потому хотимъ вырвать собственность изъ рукъ одного класса, передать въ распоряженіе всѣхъ, безъ исключенія, для того, чтобы каждый могъ найти возможность развивать свои собственныя способности.

И если мы прибѣгаемъ къ силѣ, чтобы выполнить это преобразованіе, то проявляемъ не стремленіе къ власти, какъ неосновательно говорятъ про насъ, а напротивъ, совершаемъ актъ свободы, разбивая цѣпи, сковывающія насъ.

Другой аргументъ въ пользу свободы группъ и отдѣльныхъ личностей въ обществѣ, дѣйствительно основанномъ на солидарности силъ и интересовъ всѣхъ, заключается въ томъ, что человѣческая мысль безпрестанно прогрессируетъ, между тѣмъ какъ человѣкъ, напротивъ, дойдя до извѣстнаго періода, когда останавливается развитіе мозга, и парализуется его умственная дѣятельность, склоненъ считать безумными всѣ новыя идеи, исповѣдываемыя болѣе молодыми, чѣмъ онъ.

Развѣ, напримѣръ, идеи 48 года не кажутся намъ теперь очень узкими, чтобы не сказать, совершенно ретроградными? И гдѣ тѣ нѣсколько человѣкъ, переживших ту эпоху и считавшихся тогда одними изъ наиболѣе экзальтированныхъ? Въ какомъ лагерѣ они теперь?

И нѣтъ надобности возвращаться такъ далеко назадъ; никто сегодня не пойдетъ сражаться за идеи, господствовавшія в 71 году: коммунальную независимость и какой-то туманный соціализмъ. Амнистированные коммунары, оторванные ссылкою отъ умственнаго теченія, вернувшись, въ большинствѣ случаевъ *) оказались едва ли не на одномъ уровнѣ съ радикалами, которыхъ они раньше, до событій, оставляли далеко позади себя, и я не хочу доискиваться, гдѣ они теперь.

Да, до тѣхъ поръ пока люди будутъ стремиться установить единую форму организаціи, они будутъ создавать этимъ преграду для будущаго общества; преграду, которая исчезнетъ только въ результатѣ революціи, совершаемой новымъ

*) Мы, конечно, говоримъ здѣсь объ искреннихъ людяхъ, а не о тѣхъ, которыхъ честолюбіе приводитъ всегда туда, гдѣ есть чѣмъ поживиться, а затѣмъ побуждаетъ пренебрегать своими прежними единомышленниками

поколѣніемъ. Пусть тѣ, кто считаетъ себя выше массы, объявляютъ себя руководителями и требуютъ соотвѣтствующихъ учрежденій для поддержанія своего «протектората», — это ихъ роль. Мы же желаемъ истиннаго равенства и свободы, безъ ограниченій, и думаемъ, что одинъ человѣкъ равноцѣненъ другому, каковы бы ни были различія ихъ способностей; мы убѣждены даже, что эти различія являются только залогомъ лучшаго функціонированія гармоническаго общества, и хотимъ не диктатуры одного какого-нибудь класса, но полнаго, абсолютнаго исчезновенія всѣхъ неравенствъ и привиллегій, на которыхъ эти неравенства основаны.

ГЛАВА XVII.

Общественныя службы.

Для того, чтобы оправдать необходимость какой-либо системы распредѣленія продуктовъ въ будущемъ обществѣ, ссылаются на невозможность производить ихъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы позволить каждому, на слѣдующій день послѣ революціи, брать продукты по своему желанію.

Нѣтъ надобности въ длинныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ, чтобы разсѣять такое опасеніе. Въ третьей главѣ этой книги, намъ кажется, мы достаточно полно перечислили причины непроизводительнаго расточенія продуктовъ въ современномъ обществѣ, и достаточно ясно доказали, что нищета, отъ которой страдаютъ рабочіе, происходитъ отъ чрезмѣрнаго изобилія, и здѣсь ограничимся только ссылкой на эту главу.

Производительный трудъ въ современномъ обществѣ разсматривается, если не какъ унижающій, то во всякомъ случаѣ, какъ нѣчто не слишкомъ «возвышающее», ибо тѣхъ, кто принужденъ заниматься имъ, называютъ «низшими классами». Идеалъ, предлагаемый современному человѣку, заключается не въ возможности быть полезнымъ человѣчеству, а въ томъ, чтобы добиться, безразлично какими средствами, такого экономическаго положенія, которое позволило бы жить, ничего не дѣлая. Капиталисту нѣтъ дѣла, на чей счетъ онъ живетъ, лишь бы только выплачивалась его рента; изъ кого извлечена она — этого онъ знать не хочетъ.

Въ обществѣ же, къ которому мы стремимся, центръ человѣческой дѣятельности будетъ перемѣщенъ. Идеаломъ будетъ не паразитизмъ, а стремленіе человѣка самому производить себѣ всѣ средства къ существованію. Гордость его будетъ заключаться не въ числѣ рабовъ, которыхъ онъ эксплоатируетъ, а въ томъ, чтобы доказать, что нѣтъ продукта, который онъ не былъ бы въ состояніи произвести своими собственными силами. Вслѣдствіе этого весь безполезный трудъ, вызываемый современной соціальной организаціей, будетъ преобразованъ въ производительный и будетъ содѣйствовать всеобщему производству, а не уменьшать его, какъ теперь.

Всѣ, кто нынѣ составляетъ армію и бюрократію, вся безчисленная масса прислуги обоего пола, полиція, судебныя и

законодательныя учрежденія — вся масса лицъ, занимающихъ паразитныя должности, предназначенныя единственно для поддержанія порядка въ современномъ обществѣ, или же для удовлетворенія личныхъ потребностей и защиты эксплоататоровъ — всѣ они перестанутъ быть безполезными въ соціальномъ отношеніи и будутъ предоставлены своей собственной иниціативѣ, своей личной дѣятельности, и начнутъ работать для своего существованія. Всѣ чиновники, служащіе и счетоводы, проводящіе всю жизнь въ бюро, гдѣ портятъ бумагу, теряя свое время и заставляя терять общественное время, изъ-за того, что капиталисту или государству нужно знать, безъ всякой пользы для общества, какъ успѣшно идутъ дѣла — всѣ они будутъ возвращены къ дѣятельной и продуктивной жизни.

Земли, пущенныя въ залежь владѣльцами, не заботившимися объ удобреніи или воздерживавшимися отъ предварительныхъ издержекъ, необходимыхъ при всякой болѣе серьезной эксплоатаціи; увеселительные парки, охотничьи участки, превращающіе въ пустыни цѣлые края, чтобы предоставить «просторъ» одному частному лицу, — все это будетъ возвращено производству и передано въ распоряженіе желающихъ ихъ обрабатывать.

Мы видѣли, что такія пустыри, безплодныя и непроизводительныя, по прихоти владѣльца, или потому, что предварительныя издержки для ихъ эксплоатаціи не могли бы быть немедленно возвращены алчному владѣльцу, ищущему ростовщическихъ барышей, очень многочисленны; между тѣмъ, какъ эти пустыри, чтобы быть продуктивными, въ будущемъ обществѣ потребуютъ только соединенія силъ и доброй воли.

Нынѣ мелкая собственность съ ея системой заборовъ, оградъ, дробленія на части, и личныхъ эгоистическихъ стремленій, вынуждаетъ людей замыкаться, каждый на своемъ клочкѣ земли, и пользоваться примитивными орудіями изъ-за недостатка земли или рабочихъ рукъ, которыя позволили бы примѣнить другія, болѣе сложныя, но и болѣе производительныя системы обработки.

Революція, сметая ограды, уничтожая границы, смѣшивая интересы, научитъ людей лучше понимать свою пользу. Когда они поймутъ, что соединившись съ сосѣдями, они смогутъ утилизировать машину, исполняющую въ 8 дней работу ихъ всѣхъ, въ то время, какъ отдѣльно они затратили бы по 15 или 30 дней, если бы вздумали упорствовать въ желаніи обрабатывать свой клочекъ земли примитивными орудіями— то это будетъ лучшимъ средствомъ заставить ихъ самихъ упразднить границы отдѣльныхъ владѣній. На равнинахъ паровыя машины скопаютъ почву и вызовутъ наружу плодоносные соки изъ ея глубины; одно улучшеніе повлечетъ за собою другое; при содѣйствіи химіи, посредствомъ вполнѣ усваиваемыхъ почвою и примѣнимыхъ къ любой системѣ хозяйства удобрительныхъ туковъ землѣ будутъ возвращаться жиз-

ненные элементы, отнимаемые у нея въ видѣ зерна, плодовъ, корешковъ или листьевъ; и утвержденіе, что въ будущемъ обществѣ производство сможетъ быть доведено до такой степени, что никто не будетъ имѣть ни надобности ограничивать свои желанія, ни выгоды отъ какой бы то ни было распредѣлительной власти — не является вовсе научной ересью.

Чаще всего намъ указываютъ на тотъ фактъ, что имѣются продукты, какъ, напримѣръ; шелкъ, тонкія вина и тому подобные, которые не смогутъ быть произведены въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія всѣхъ требованій.

Революція совершится лишь тогда, когда рабочіе поймутъ, откуда происходятъ причины ихъ нищеты. Они будутъ, достаточно интеллигентны и энергичны, чтобы сумѣть найти и примѣнить средства противъ нищеты и потому намъ кажется, было бы очень странно предположить, что они смогутъ внезапно сдѣлаться настолько глупыми, чтобы передраться между собой, если надъ ними не будетъ попечительной власти, которая бы раздѣлила между ними кусокъ шелка, корзинку трюффелей, бутылку шампанскаго, или какой-нибудь другой, предметъ, цѣнность, котораго обусловливается чаще всего трудностью его добыть, между тѣмъ какъ онъ пригоденъ только для удовлетворенія чувства тщеславія и можетъ быть замѣненъ, въ большинствѣ случаевъ, какимъ-нибудь другимъ сходнымъ продуктомъ, доставляющимъ такое же удовольствіе, но менѣе вызывающимъ желаніе, такъ какъ встрѣчается чаще.

Вышеупомянутое возраженіе настолько безсмысленно, что на него не слѣдовало бы даже отвѣчать. Но защитники власти любятъ выдвигать подобные аргументы. Такъ какъ будущее общество не будетъ въ состояніи перешагнуть границы, полагаемыя самой природой, а нынѣшніе проповѣдники его и подавно не могутъ этого сдѣлать, то слѣдовательно всѣ вопросы, касающіеся будущаго строя, могутъ выясняться только путемъ вычисленій и разсужденій по теоріи вѣроятностей; благодаря этому наши противники торжествуютъ выставляя себя практичными людьми, съ положительнымъ научнымъ умомъ.

Послушаемъ ихъ: они якобы, по крайней мѣрѣ не увлекаются туманными мечтами, ни безсмысленной сантиментальностью, ни безплодными размышленіями о человѣческой добротѣ. Они изучили всѣ тайники современнаго общественнаго строя вплоть до самаго послѣдняго его механизма до самыхъ мельчайшихъ подробностей, и поэтому ихъ нельзя обмануть!

Каковъ человѣкъ, хорошъ онъ или дуренъ — это подробность, которую имъ не нужно знать. Они заранѣе рѣшили, что общество будетъ развиваться по ихъ волѣ, и у нихъ имѣется готовый отвѣтъ на всякій вопросъ, который можетъ смутить сторонника свободы. Развѣ власть не магическая палочка устраняющая всякое сопротивленіе.. до того дня, когда она будетъ сломана о спину тѣхъ, кто ею пользуется?

Такъ, напримѣръ, рабочіе будутъ сражаться для того, чтобы получить удовлетвореніе своихъ важнѣйшихъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ нуждъ; они будутъ достаточно умны, чтобы обезпечить себѣ успѣх, и вдругъ они остановятся на пути къ своему освобожденію потому, что на всѣхъ не хватитъ достаточно трюффелей. Изъ-за недостатка шампанскаго погибнетъ будущееъ человѣчество! Такова логика соціалистовъ и представителей буржуазіи.

Что касается насъ, мы думаемъ, въ защиту человѣчества, что люди, достаточно умные, чтобы свергнуть общество, которое ихъ эксплуатируетъ, сумѣетъ сговориться, какъ миролюбиво распредѣлить продукты, встрѣчающіеся въ очень маломъ количествѣ, и что въ случаѣ надобности самые умные сумѣютъ уступить тѣмъ, которые не будутъ достаточно развиты, чтобы терпѣливо ждать, пока настанетъ ихъ очередь.

Намъ возразятъ, что нашъ отвѣтъ наивенъ, — хотя онъ только приноровленъ къ возраженію что мы руководствуемся сентиментальностью, разсчитываемъ на доброту человѣка выдуманаго нами, а не такого, каковъ онъ въ дѣйствительности и т. д. Поищемъ же чего-либо лучшаго.

«Существуютъ продукты, незначительное количество которыхъ не позволяетъ каждому человѣку имѣть ихъ въ достаточномъ размѣрѣ; поэтому необходимо какое-либо правительство, которое устранитъ споры, само употребивъ эти продукты или раздѣливъ ихъ между своими приверженцами», таково разсужденіе сторонниковъ власти. Нѣтъ ли однако способа найти болѣе выгодное рѣшеніе вопроса?

Въ современномъ обществѣ организуются, самостоятельно безъ помощи государства, товарищества взаимопомощи и взаимнаго страхованія, гдѣ всѣ участники вносятъ нѣкоторую долю въ общую сумму, которую получаетъ каждый изъ нихъ, когда дойдетъ его очередь. Несмотря на множество поводовъ къ распрямъ въ современой соціальной организаціи, такія общества существуютъ и функціонируютъ настолько хорошо, насколько они могутъ вообще существовать при современномъ строѣ, основанномъ на антагонизмѣ идивидуумовъ. Ничто не помѣшаетъ въ будущемъ обществѣ отдѣльнымъ личностямъ организовать подобное товарищество взаимопомощи для распредѣленія спорныхъ вещей.

Почему такое предположеніе недопустимо? Теперь, несмотря на всѣ причины къ распрямъ, несмотря на раздѣленіе интересовъ въ нашемъ обществѣ, въ которомъ люди принуждены сокращать нѣкоторыя свои потребности, мы видимъ, какъ они, собравшись за столомъ, вѣжливо уступаютъ сосѣдямъ, и предлагаютъ другъ другу лучшія порціи какого-нибудь блюда. То же самое видимъ въ семьѣ: жена, накормивъ дѣтей, сохраняетъ для мужа «который работаетъ и нуждается въ возстановленіи своихъ силъ», самый большой кусокъ мяса и стаканъ вина, если имѣется. Если есть старики въ семьѣ, каждый старается для нихъ найти въ блюдѣ кусокъ, кото-

рый они любятъ. И когда въ домѣ не хватаетъ хлѣба, отецъ и мать урѣзываютъ и безъ того уже небольшую свою долю, чтобы увеличить дѣтскую, такъ какъ дѣти менѣе способны выносить лишенія. Вмѣсто общества, въ которомъ люди вынуждены смотрѣть другъ на друга, какъ на врага, создайте общество, которое было бы одной большой семьей, и то, что происходитъ въ нынѣшней отдѣльной семьѣ, будетъ происходить и въ общей огромной семьѣ будущаго строя.

Въ настоящее время все спеціализировано; тѣ, кто производитъ шампанское, шелкъ, производятъ только это. Вслѣдствіе личнаго присвоенія, владѣльцемъ лучшаго участка земли является отдѣльный человѣкъ и употребляетъ нѣсколькихъ людей для обработки этой земли. Въ будущемъ обществѣ люди приложатъ свои производительныя спобосности къ производству массы предметовъ. Они будутъ, слѣдовательно, вынуждены образовать большее число группъ, и гораздо большее число людей приметъ участіе въ производствѣ по каждой спеціальности. И вотъ уже найденъ одинъ способъ распространенія предметовъ, вытекающій изъ естественнаго хода вещей.

Съ другой стороны, тѣ, которые будутъ производить какой-нибудь одинъ предметъ, не будутъ ограничиваться производствомъ его спеціально для себя. Они будутъ выдѣлывать его для друзей, которымъ захотятъ сдѣлать удовольствіе, для группъ или отдѣльныхъ личностей, съ которыми будутъ въ сношеніяхъ, и отъ которыхъ будутъ ожидать подобныхъ же услугъ.

Точно также будутъ поступать и тѣ, кто будетъ производить шелкъ, шампанское и проч., при чемъ мы допускаемъ, что выдѣлываніе этихъ продуктовъ будетъ производиться въ томъ же размѣрѣ, какъ оно производится теперь.

Тѣ, которые будутъ испытывать болѣе другихъ надобность в шампанскомъ или въ шелковой одеждѣ, смогутъ испробовать свои производительныя способности на этихъ предметахъ, но такъ какъ человѣкъ не живетъ только шампанскимъ или шелкомъ, то они будутъ вынуждены завязать другіе предметы и, слѣдовательно, пустить въ обмѣнъ свои продукты; стремленіе получить, при посредствѣ обмѣна, дорого цѣнящіеся предметы, заставитъ людей стараться создать новыя вещи, способныя возбудить въ каждомъ желаніе ихъ имѣть. Такимъ образомъ, мы, не ища, находимъ еще одинъ изъ тѣхъ стимуловъ человѣческой дѣятельности, въ недостаткѣ которыхъ сторонники власти обвиняютъ анархическое общество.

Кромѣ того вещи, которыя имѣются въ изобиліи, быстро надоѣдаютъ. Потребительная способность людей имѣетъ предѣлы, и какъ только одни насытятся желанными предметами, они добровольно уступятъ сове мѣсто другимъ, новымъ потребителямъ.

Такъ какъ коллективисты изъ тактическихъ цѣлей отри-

цаютъ, что ихъ правительство есть настоящее правительство, то, конечно, имъ нужно было подыскать названіе, которое усыпило бы подозрительность недовѣрчивыхъ и сдѣлало бы пріемлемымъ то, что скрывается подъ этимъ названіемъ. Названіе «общественыя службы» звучитъ хорошо. Общественная служба! общественное счастье! республика! — во всѣхъ этихъ словахъ слышится столько доброжелательности, что кто могъ бы не довѣрять имъ?

«Службы почты, телеграфа, передвиженія и другія въ томъ же родѣ», говорятъ коллективисты, «будучи безусловно необходимыми для существованія общества, не составляютъ никакого конкретнаго труда, который, окристализовавшись въ какомъ-нибудь осязаемомъ продуктѣ, могъ бы быть сданъ въ общественный магазинъ. Тѣмъ не менѣе эти службы общественно полезны».

«Занятые на этихъ службахъ лица будутъ имѣть право на вознагражденіе, которое должно будетъ быть взято изъ валового продукта соціальнаго труда, и тутъ необходимы вычисленія, чтобы соизмѣрить ихъ трудъ съ трудомъ другихъ производителей и установить пропорціональное распредѣленіе. Такъ какъ ихъ жалованье должно будетъ быть отнесено на счетъ всего продукта другихъ корпорацій, то очевидно, что эти работы должны быть объявлены общественными службами» (Конечно, это лазейка для установленія налога!).

Дѣлая такую предпосылку, коллективисты, очевидно, надѣются оправдать существованіе «статистическихъ коммиссій» и всѣхъ паразитныхъ должностей, которыя они намѣрены создать для поддержанія и защиты новой власти. «Общественныя службы»! Подъ этимъ можно подразумѣвать все, что угодно, и подъ прикрытіемъ полезной службы легко будетъ пролѣзть въ люди любой креатурѣ паразитствующей администраціи.

Но уловка слишкомъ груба и можетъ обмануть только наивныхъ. Развѣ все, что служитъ благополучію или поддержанію общества, не является, уже самимъ фактомъ своей полезности — общественной службой? Производить зерновой хлѣбъ или перевозить его туда, гдѣ въ немъ имѣется надобность; производить башмаки или котлы, или доставлять изъ одной мѣстности въ другую продукты производства или сырой матеріалъ, необходимый для производства—развѣ всѣмъ этимъ не оказывается обществу равная услуга?

Въ чемъ же заключается необходимость создавать соціальныя категоріи, изъ которыхъ однѣ носили бы этикетку, ставящую ихъ, якобы, выше другихъ, и доставляли бы такимъ образомъ элементы новой іерархіи? Развѣ только въ томъ, чтобы прикрыть ими, какъ щитомъ статистическія комиссіи, должности и синекуры, которыя хотятъ создать, и которыя дѣйствительно могли бы сослужить службу въ обществѣ, но одну изъ тѣхъ плохихъ и дурныхъ службъ, отъ ка-

кихъ было бы необходимо освободиться безъ всякаго промедленія.

Намъ возражали еще, что для работъ, полезныхъ всѣмъ, могущихъ охватить одну или нѣсколько областей, нужно будетъ все-таки выбирать делегатовъ, обязанныхъ сговориться о подлежащихъ выполненію работахъ; хотя бы функціи этихъ делегатовъ были только временными и органичивались выполненіемъ даннаго проекта, ради котораго они были бы выбраны. И это тоже заблужденіе — ибо делегаціи безполезны, когда можно самому дѣлать свою работу.

Какъ мы пытались доказать, въ предыдущемъ личные интересы не должны противорѣчить общему; каждый можетъ желать только то, что для него полезно, а то, что кому-нибудь полезно, не можетъ быть вредно его ближнему, развѣ только, если общество плохо уравновѣшено. Сношенія между группами и отдѣльными личностями, слѣдовательно, будутъ касаться только главнѣйшихъ вопросовъ, которые каждый сможетъ разсматривать съ особой точки зрѣнія, сообразно своей манерѣ понимать вещи, но куда не будутъ примѣшиваться денежные интересы или стремленія къ обогащенію, присвоенію въ личную собственность.

Кромѣ того, всѣ различныя понятія как то: село деревня, община, кантонъ, округъ, отечество, создающія теперь столько частныхъ, различныхъ между собою и антагоническихъ интересовъ, должны будутъ исчезнуть или, по крайней мѣрѣ, оставаться только географическими названіями, облегчающими номеклатуру, топографію и личныя сношенія.

Въ результатѣ всѣ люди будутъ имѣть только одну цѣль: выполнить проектированный трудъ такимъ образомъ, чтобы каждый нашелъ въ немъ приложеніе своихъ силъ. Нынѣ при постройкѣ какого-нибудь пути, канала, желѣзной дороги, какого-либо учрежденія, возникаетъ соперничество интересовъ: вліятельный землевладѣлецъ интригуетъ, чтобы заставить провести дорогу около его владѣній, и этимъ поднять ихъ цѣнность; онъ пускаетъ въ ходъ всѣ свои связи, чтобы проектируемая желѣзная дорога прошла по его имѣніямъ въ надеждѣ получить выгодное вознагражденіе. То, что происходитъ между отдѣльными личностями, равно наблюдается и между коллективными групами: одна община хочетъ имѣть преимущества передъ другой, одинъ кантонъ хочетъ превосходствовать надъ сосѣднимъ. Въ будущемъ обществѣ прежде всего постараются уничтожить безполезныя передвиженія. Центры жительства создадутся вокругъ мѣстностей, изобилующихъ естественными богатствами. Если будетъ выгодно сгруппироваться вокругъ рудниковъ, чтобы непосредственно утилизировать добываемые изъ нихъ матеріалы, то не будутъ поступать такъ, какъ поступаютъ теперь: перевозить руду изъ одной мѣстности въ другую, и затѣмъ оттуда металлъ везти въ слѣдующій центръ производства, что объясняестя

только тѣмъ, что политическія раздѣленія даютъ превосходство какой-либо одной области надъ другими.

Пути сообщенія будутъ проводиться или перестроены такъ, чтобы связывали между собою всѣ центры жительства, каковы бы они ни были. Вопросы наслѣдства, собственности, мѣстной выгоды не привяжутъ больше цѣлыхъ поколѣній къ мѣстностямъ, въ которыхъ нѣтъ никакого основанія пребывать, и не будутъ усложнять ихъ сношеній. Населеніе сможетъ переселяться туда, гдѣ ему будетъ легче примѣнять свои силы. И когда всѣ такіе частные и полуколлективные интересы будутъ устранены, и останутся въ наличности только различные способы смотрѣть на вещи, возможность къ соглашенію окажется вдвое легче.

Если бы дѣло шло, напримѣръ, о постройкѣ дороги, канала, желѣзной дороги, къ чему посылать делегатовъ? Люди не будучи заняты работой по 12 и 14 часовъ въ день, имѣли бы время заняться общими вопросами; такъ какъ средства передвиженія, почта, телеграфъ и телефонъ были бы предоставлены въ распоряженіе каждаго, то отдѣльныя личности могли бы писать, съѣзжаться вмѣстѣ и разсматривать сами свои дѣла безъ делегацій.

Затѣмъ нужно помнить, что идея подобной работы не могла бы зародиться внезапно въ головѣ одного человѣка. Весьма вѣроятно, что нужда въ обыкновенной колесной или желѣзной дорогахъ сперва ощущалась бы только неясно; въ началѣ о ней бы только говорили, затѣмъ нужда въ нихъ, усиливаясь, дала бы себя чувствовать гораздо большему количеству людей, и наконецъ сильное движеніе общественнаго мнѣнія заставило бы каждаго приняться за дѣло и перейти отъ неопредѣленнаго состоянія въ періодъ дѣятельности, въ которомъ каждый старался бы реализовать общее желаніе.

Лица, убѣдившіяся первыми въ необходимости этой работы, навѣрно, стали бы пропагандировать свои идеи между сосѣдями. Они постарались бы сгруппировать вокругъ себя тѣхъ, кто болѣе всего способенъ имъ помочь, и когда они составили бы ядро, достаточно сильное, чтобы изучить вопросъ серьезно, каждый раздѣлилъ бы трудъ по своимъ знаніямъ или способностямъ. Инженеръ снималъ бы планы, изучалъ бы почву и мѣстности, по которымъ должна пройти дорога, каналъ или желѣзная дорога; каменоломы, рабочіе по металлу, плотники изучали бы, каждый по своей части, средства, которыя они легче всего могли бы добыть; ораторы совершали бы путешествія, чтобы вербовать на митингахъ сторонниковъ, и въ то же время писатели составляли бы книги и брошюры по тому же вопросу. Вопросъ такимъ образомъ изучался бы со всѣхъ сторонъ, въ поискахъ за наилучшими проектами, въ которыхъ трудъ былъ бы примѣненъ на условіяхъ прочности, красоты и экономіи силъ.

Когда настанетъ время перейти къ выполненію, всѣ появившіеся проекты окажутся уже разсмотренными: каждое

предложеніе, сдѣланное кѣмъ бы то ни было окажется всесторонне взвѣшеннымъ и изслѣдованнымъ, и возможно, что въ результатѣ ни одинъ изъ первоначальныхъ плановъ не будетъ примѣненъ, а изъ всѣхъ предложенныхъ составится новый планъ, въ которомъ отъ каждаго будетъ взято лучшее, и такимъ образомъ составится, если не идеальное совершенство, то по крайней мѣрѣ относительно самый лучшій проектъ, стоящій на высотѣ требованій времени.

Если отдѣльныя личности окажутся оскорбленными тѣмъ, что ихъ проекты не будутъ приняты, то они смогутъ выйти изъ группы, или лишить ее своего содѣйствія. Но кромѣ того, что такіе случаи мало вѣроятны, такъ какъ вопросъ личнаго интереса будетъ устраненъ, а тщеславіе будетъ уменьшаться по мѣрѣ того, какъ люди будутъ болѣе образованы, личныя соображенія стушуются передъ вопросами общей пользы, а вопросы личнаго самолюбія отодвинутся на второй планъ, и такимъ образомъ подобные случаи не смогутъ помѣшать общему дѣлу.

Однако, чтобы не могли подумать, что мы стараемся избѣгать затрудненій, допустимъ, что мнѣнія относительно представленныхъ проектовъ раздѣлятся на двѣ равныя группы; — если бы раздѣлились на большее число группъ, работа оказалась бы невозможной, и слѣдовательно нужно было бы возобновить пропаганду. Предположимъ, что эти двѣ разномыслящія группы, не желая дѣлать никакой уступки, обѣ рѣшили приводить въ исполненіе свои проекты. Если бы раздѣленіе помѣшало выполнить предпринятую работу, то надобность въ ней не замедлила бы побудить большинство *) притти къ болѣе примирительнымъ умозаключеніямъ и заставить ихъ поискать средства къ соглашенію, чтобы получить возможность дѣйствовать. Если бы каждая фракція оказалась достаточно сильной, чтобы привести свой проектъ въ исполненіе — вещь очень мало вѣроятная, ибо подобныя работы не предпринимаются для простого удовлетворенія личнаго честолюбія — то и здѣсь общій интересъ явился бы лучшимъ примирителемъ; впрочемъ, разногласія касались бы только деталей, относительно которыхъ не встрѣтилось бы особенныхъ затрудненій къ взаимнымъ уступкамъ.

Но доведемъ вопросъ до абсурда и предположимъ, что каждая группа была бы настолько увлечена своимъ проектомъ и настолько сильна, что, несмотря ни на что, выполнила бы свой проектъ. Въ такомъ случаѣ, — опять ввиду того, что личный интересъ будетъ устраненъ, — если работы этихъ двухъ группъ будутъ имѣть какія-либо точки соприкосновенія, то группамъ придется войти въ соглашеніе относительно общихъ участковъ, и продолжать дѣйствовать самостоятель-

*) Намъ возразятъ, что этимъ возстанавливается законъ большинства, который мы отвергаемъ въ другихъ мѣстахъ. Увы! мы хорошо знаемъ, что большинство не всегда служитъ критеріумомъ истины, но мы не имѣемъ намѣренія итти быстрѣе хода эволюціи. Пусть только большинство, въ свою очередь, оставитъ меньшинству свободу дѣйствовать по своему, мы не требуемъ большаго.

но, что касается частностей, и въ результатѣ получатся двѣ дороги, вмѣсто одной, чѣмъ, навѣрно, никому не будетъ нанесенъ ущербъ.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду разногласіе, которое могло бы возникнуть относительно самаго плана, и оно будетъ единственное возможное, ибо если дѣло коснется только различій въ воззрѣніяхъ на способы выполненія работы, или внутренней организаціи группъ, то это нисколько не отразится на самомъ трудѣ; каждая группа будетъ свободна организоваться по собственному пониманію; при предварительномъ распредѣленіи труда каждый выскажетъ свой взглядъ, и соглашеніе будетъ возможно съ тѣмъ, чтобы каждый могъ приняться за работу на своемъ участкѣ, не будучи стѣсненъ самъ и не стѣсняя другихъ.

Сторонники власти, не убѣдившись этимъ, намъ скажутъ: «Это хорошо, но предположите, что двѣ группы желаютъ дѣлать ту же работу, на томъ же участкѣ, и не хотятъ уступать другъ другу. Не произойдетъ ли тогда между ними война;».

Если бы такой случай могъ представиться, отвѣтимъ мы сторонникамъ власти, то это значило бы, что вмѣсто того, чтобы прогрессировать, человѣкъ пошелъ назадъ. Мы стараемся создать общество для существъ, моральныя и интеллектуальныя способности которыхъ развиватюся, а не для делeператовъ, возвращающихся въ первобытное состояніе. Въ такомъ случаѣ намъ нечего дѣлать, и надъ этими людьми должна быть та власть, которую они заслуживаютъ.

Въ настоящее время организуются разнаго рода общества; желѣзныя дороги, каналы, мосты, торговля, промышленность страхованіе, взаимопомощь и т. д., все становится добычей могущественныхъ ассоціацій, которыя образуются съ цѣлью эксплоатировать ту или другую отрасль человѣческой дѣятельности. Если мы присмотримся къ современному обществу ближе, то увидимъ безчисленное множество мелкихъ ассоціацій, образованныхъ съ цѣлью получать матеріальную выгоду для своихъ участниковъ, или ради удовлетворенія какой-нибудь интеллектуальной потребности или фантазіи.

Таковыми являются клубы, въ которыхъ члены находятъ, въ подходящей обстановкѣ, журналы, книги, отдыхъ, экипажи для прогулокъ, развлеченія и общество людей своего круга. Таковы общества вспомоществованія на случай болѣзни; потребительныя общества, организующіяся ради того, чтобы имѣть хорошіе товары по дешевой цѣнѣ; общества для взаимнаго страхованія пенсій, выдаваемыхъ членамъ при достиженіи извѣстнаго возраста.

Въ другой области мы встрѣчаемъ пѣвческія и музыкальныя общества; ассоціаціи для устройства научныхъ или увеселительныхъ поѣздокъ, для образованія участковыхъ библіотекъ, для занятій гимнастикой и даже ассоціаціи простыхъ пьяницъ или обжоръ. Еще имѣются ассоціаціи научныя, ставящія себѣ цѣлью развитіе человѣческихъ знаній, знамени-

тое общество «Краснаго Креста» для помощи раненымъ; общество спасенія на водахъ; общество покровительства животнымъ, члены котораго только работаютъ, не получая никакой матеріальной выгоды, ради простого интеллектуальнаго или моральнаго удовлетворенія.

Конечно, у нѣкоторыхъ изъ членовъ этихъ обществъ замѣчается много хвастовства и тщеславія, желанія показать съ малымъ трудомъ мелочную филантропію, или получить матеріальную выгоду, но нужно допустить, что большая часть членовъ инскренно вѣритъ, что дѣлаетъ нѣчто хорошее; и дѣйствительно, несмотря на дурную соціальную организацію, иногда дѣлаютъ его. Какъ ни неопредѣленны и несовершенны эти ассоціаціи, онѣ отчасти отвѣчаютъ стремленіямъ членовъ.

Относительно будущаго общества, въ которомъ личная иниціатива не будетъ связано съ денежнымъ вопросомъ, въ которомъ всѣ свойства человѣческой натуры будутъ свободны, и одинаковые характеры будутъ свободно стремиться другъ къ другу, можно по аналогіи съ упомянутыми выше современными ассоціаціями предвидѣть, какъ установятся соціальныя отношенія, и какъ урегулируются сношенія между группами и отдѣльными индивидуумами. Съ цѣлью производить или потреблять ту или иную вещь, люди сгруппируются по своимъ вкусамъ, способностямъ и темпераментамъ. Почта, желѣзныя дороги, воспитаніе дѣтей, и т. д. войдутъ въ соціальную организацію, также какъ производство котловъ или чулковъ, ибо — все это составляетъ часть человѣческой дѣятельности и должно двигаться личной иниціативой; произойдетъ раздѣленіе труда — вотъ и все.

Такъ какъ никто не будетъ болѣе связанъ денежными затрудненіями или экономическими условіями, то каждый примкнетъ къ той группѣ, которая лучше всего отвѣтитъ его цѣлямъ, его потребностямъ. Такимъ образомъ, та группа, которая принесетъ больше пользы, будетъ имѣть больше шансовъ развиться.

Человѣкъ существо сложное, его волнуютъ тысячи различныхъ чувствъ, онъ живетъ подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ потребностей; и группы, которыя образуются, будутъ такъ же многочисленны. Разнообразіе ихъ обезпечитъ отправленіе всѣхъ службъ, необходимыхъ для существованія общества; многосложность человѣческихъ потребностей дастъ возможность ихъ удовлетворить; свободное проявленіе всѣхъ человѣческихъ силъ должно привести насъ къ искомой цѣли: Міровой гармоніи!

И пусть не называютъ это утопіей, указывая на примѣры современныхъ ассоціацій; положеніе не будетъ тѣмъ-же; будущаго человѣка никоимъ образомъ нельзя будетъ сравнивать съ настоящимъ; уже для того, чтобы понять нашъ идеалъ и сумѣть создать среду, которая позволила бы его примѣнить, человѣкъ сначала долженъ будетъ развиться; затѣмъ вслѣдъ за измѣненіемъ соціальной организаціи прои-

зойдетъ измѣненіе нравовъ. Вліяніе среды составляетъ естественный законъ, проявляющійся повсюду.

Всѣ современныя ассоціаціи даютъ просторъ сторонникамъ власти и эгоистамъ. Если ассоціація многочисленна — часто даже и это не является необходимымъ условіемъ — то среди членовъ ея возникаютъ различія по должностямъ, положеніямъ и денежнымъ вознагражденіямъ, ибо одно связано съ другимъ, и кромѣ того въ настоящее время существуютъ также вопросы первенства.

Интересы группы, которые должны быть для всѣхъ главнымъ двигателемъ, отходятъ на второй планъ, ибо внѣ этой группы имѣется огромное общество, которое дробитъ интересы и побуждаетъ каждаго человѣка удовлетвориться непосредственной выгодой во вредъ сосѣдямъ, рискуя понести ущербъ въ будущемъ, и такимъ образомъ случается, что подъ знаменемъ общаго интереса проходитъ масса частныхъ.

Несмотря на всѣ причины раздора, несмотря на столкновеніе противоположныхъ стремленій, согласіе, обыкновенно, поддерживается довольно долго; распря возникаетъ только тогда, когда одинъ или нѣсколько членовъ ассоціаціи, болѣе ловкихъ и безсовѣстныхъ, чѣмъ другіе, начинаютъ обманывать своихъ сотоварищей, стараясь получить довѣріе на управленіе ассоціацией, чтобы тогда заставить ее дѣйствовать сообразно своимъ частнымъ интересамъ, до тѣхъ поръ, пока не смогутъ отстранить отъ общей собственности своихъ товарищей и остаться ея единственными владѣльцами.

Примемъ во вниманіе, что въ будущемъ обществѣ не будетъ ни частныхъ доходовъ, извлекаемыхъ изъ какого-либо предпріятія, ни коммерческихъ, ни прибыльныхъ операцій. Люди будутъ группироваться для того, чтобы вести какое либо опредѣленное дѣло, производить какой-либо условленный продуктъ, для потребленія или каждаго изъ соучастниковъ, или для передачи тѣмъ группамъ или отдѣльнымъ личностямъ, съ которыми данная группа будетъ поддерживать дружескія или мѣновыя отношенія.

Въ каждой группѣ члены будутъ совершенно равны и свободны выйти изъ нея, когда имъ заблагоразсудится, такъ какъ они не будутъ имѣть вложенныхъ въ нее капиталовъ. Каждый внесетъ въ группу свою долю труда, заранѣе условленную, и не будетъ имѣть никакого предлога отъ нея отказаться, такъ какъ она будетъ выбрана имъ самимъ. Такъ какъ наемный трудъ будетъ уничтоженъ, не будетъ раздоровъ по вопросу о заработной платѣ.

Въ результатѣ отдѣльный человѣкъ будетъ привязанъ къ группѣ только удовольствіемъ, которое онъ въ ней найдетъ, облегченіями, которыя она ему предоставитъ для удовлетворенія его потребностей. Онъ будетъ привлеченъ въ эту

группу, можетъ быть, выгодами, которыя она одна ему доставитъ или будетъ способна ему доставить при болѣе пріятныхъ условіяхъ, чѣмъ другія группы; можетъ быть также онъ будетъ привлеченъ въ эту группу единственной потребностью примѣнить свои спеціальныя способности, которыя будутъ наиболѣе цѣниться членами именно этой группы. Множество различныхъ побужденій ведетъ многихъ лицъ къ одной и той же цѣли.

Какъ отдѣльная личность сможетъ избавиться отъ произвольныхъ дѣйствій, навязываемыхъ ей отъ имени группы, точно также группа сможетъ отказать въ своемъ содѣйствіи отдѣльному человѣку, который, вслѣдствіе ли злой воли, или по другому мотиву, пересталъ бы подчиняться дисциплинѣ, предварительно установленной по соглашенію, которое будетъ предшествовать распредѣленію труда. Объ этомъ мы поговоримъ дальше.

Сторонники власти возражаютъ намъ, что такъ какъ люди слишкомъ испорчены современнымъ воспитаніемъ, слишкомъ развращены вѣковыми предразсудками, то они не будутъ ни достаточно умны, ни достаточно совершенны для того, чтобы имъ могла быть предоставлена свобода организоваться по своей волѣ, и будутъ нуждаться въ какой нибудь регулирующей власти, которая бы держала ихъ, каждаго въ предѣлахъ его права.

«Люди не будутъ достаточно умны, чтобы умѣть собою руководить». Вотъ разсужденіе въ высшей степени нелогичное. И чтобы устранить опасность не находятъ ничего лучшаго, какъ поставить во главѣ ихъ другихъ людей, можетъ быть, болѣе интеллигентныхъ хотя не навѣрно, но также, какъ и прочіе, раздѣляющихъ тѣ предразсудки, въ которыхъ упрекаютъ общество; то-есть, вмѣсто того, чтобы уничтожить предразсудки и пороки въ массѣ, вмѣсто того, чтобы постараться извлечь изъ совмѣстной работы всѣхъ, при свободѣ каждаго въ отдѣльности, ту искру правды, которая освѣтила бы путь къ будущему, хотятъ видѣть воплощеніе всего общества въ нѣсколькихъ индивидуумахъ, имѣющихъ руководить этимъ обществомъ согласно своему личному, болѣе или менѣе широкому міровозрѣнію.

И кто выберетъ этихъ руководителей?

Мы не предполагаемъ, что любители власти намъ скажутъ что они сами себя выберутъ. Правда, нѣкоторыя личности, глубоко убѣжденныя въ своемъ высокомъ достоинствѣ, раскритиковали всеобщее избирательное право, провозглашая право интеллигенціи поработить грубую чернь. Но они въ политикѣ ничего не значатъ, и вся псевдо-интеллигентность, которой они себя считаютъ одаренными, дѣлаетъ изъ нихъ какихъ-то мумій прошедшаго: и намъ нечего ими заниматься.

«Народъ выберетъ своихъ уполномоченныхъ», отвѣчаютъ намъ сторонники всеобщаго избирательнаго права. Но вѣдь они только что возражали намъ, что народъ не будетъ достаточно зрѣлъ, чтобы умѣть руководить собой. Какимъ же чудомъ этотъ народъ созрѣетъ настолько, что сумѣетъ выбирать между всѣми интриганами, которые не преминутъ явиться выпрашивать у него избирательные бюллетени.

Избранные всеобщимъ голосованіемъ новые правители,— какъ впрочемъ и современные — будутъ представлять собою среднюю всѣхъ мнѣній. Для руководства надъ нами, мы будемъ имѣть только посредственностей, и, допуская даже, что мы имѣли бы возможность случайно встрѣтить людей, выдающихся по уму и интеллигентности, тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, какова бы ни была широта взглядовъ отдѣльной личности, человѣческій мозгъ всегда ограниченъ въ своемъ развитіи общимъ развитіемъ эпохи. Человѣкъ можетъ быть впереди ея, но во всякомъ случаѣ, въ очень незначительной степени.

Онъ не можетъ даже усвоить всѣхъ знаній своей эпохи въ одинаковой степени; и если бываетъ передовымъ въ однихъ идеяхъ, то зато и ретрограднымъ въ другихъ. Въ извилинахъ его мозга всегда найдутся клѣточки запоздавшія въ своемъ развитіи и сохранившія которые-нибудь изъ господствующихъ предразсудковъ. Есть идеи, принимаемыя всѣми въ теоріи, передъ осуществленіемъ которыхъ отступаютъ. Такъ напримѣръ, тѣ, кто въ настоящее время находятъ смѣшнымъ законный бракъ, тѣмъ не менѣе считаютъ нужнымъ легализировать свои брачные узы черезъ представителя власти, утверждая, что это необходимо въ современномъ обществѣ.

Значитъ, существуетъ достаточно причинъ, удерживающихъ людей на болотистыхъ тропинкахъ рутины, и не нужно еще увеличивать ихъ число, передавая въ руки нѣсколькихъ лицъ власть, которая имъ позволила бы удерживать желающихъ оставить проторенные пути. И мы вправѣ сказать сторонникамъ власти: берегитесь, когда вы будете говорить намъ о прогрессѣ, чтобы мы не замѣтили, что предлагаемый вами способъ движенія по его пути состоитъ въ задерживаніи его подъ тѣмъ предлогомъ, что вы недостаточно сильны, дабы итти наравнѣ съ нимъ; берегитесь, чтобы мы не поняли, что единственная свобода, желательная для васъ, состоитъ въ томъ, чтобы избавиться отъ тѣхъ, которые думаютъ не такъ, какъ вы, и полагаютъ, что нѣтъ геніальныхъ людей, вмѣщающихъ въ себѣ всѣ человѣческія знанія; которые убѣждены, что эти знанія, напротивъ, распредѣлены во всемъ человѣчествѣ, разсѣяны въ каждой отдѣльной личности.

Вы боитесь не возврата назадъ, а невозможности доставить преобладаніе тщеславія, которымъ вы преисполнены. Вотъ почему вы противники тѣхъ, кто полагаетъ, что всѣмъ

людямъ должна быть предоставлена свобода искать другъ друга и группироваться по своему усмотренію и что свобода личной иниціативы дастъ міру новый свѣтъ.

Только видя рядомъ съ собой лучше организованную группу, группа, организованная плохо, задумаетъ само реорганизоваться и постарается сдѣлать это лучше. Насиліе только причинило бы страданіе тѣмъ, кого захотѣли бы къ этому принудить. Отъ свободнаго и продолжительнаго движенія и безпрерывнаго преобразованія получится, наконецъ, та общность идей, тайну которой никто не знаетъ, и которую напрасно пыталось бы установить насиліе.

ГЛАВА XVIII.

Тунеядцы.

Когда рѣчь идетъ объ упраздненіи власти многіс, и, между прочимъ, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей рабочихъ, возражаютъ намъ: «А что вы сдѣлаете съ тунеядцами? Если въ вашемъ обществѣ каждый сможетъ потреблять, не будучи принужденъ производить, то никто не захочетъ работать. Если каждый сможетъ брать продукты по своему желанію, нищета увеличится по сравненію съ настоящимъ временемъ, и трудъ окажется еще болѣе тяжелымъ для тѣхъ, кто будетъ работать».

Мы знаемъ, что человѣкъ не можетъ измѣниться въ одинъ день; сдѣлаться, какъ бы по мановенію магической палочки, ангеломъ изъ грубаго животнаго, которымъ онъ былъ наканунѣ. Вышеупомянутое возраженіе намъ дѣлается такъ часто, что было бы невозможно его забыть; мы достаточно ясно доказали въ первыхъ главахъ этой книги и не станемъ еще доказывать здѣсь, что для реализаціи того идеала, къ которому мы стремимся, предполагается, что человѣкъ достигнетъ извѣстной степени развитія, которую необходимо имѣть въ виду. Чтобы разсматривать взаимныя отношенія въ будущемъ обществѣ необходимо принять въ соображеніе имѣющія быть произведенными преобразованія и не становиться на точку зрѣнія современнаго общества.

Въ настоящее время трудъ считается унижающимъ. Цѣль стремленій и усилій человѣка состоитъ въ томъ, чтобы добиться положенія, позволяющаго отдѣльной личности жить, ничего не дѣлая, по крайней мѣрѣ, не дѣлая ничего производительнаго. Зато рабочаго гнететъ истощающій упорный трудъ, по 12, 13 и 14 часовъ въ сутки, чаще всего при самыхъ вредныхъ для здоровья условіяхъ, и все это ради того, чтобы получить ничтожную плату, которая едва позволяетъ ему не умереть отъ голода *). Не удивительно, поэтому, что людямъ противно работать, и мы удивляемся только тому, что взирая на праздность и роскошь богатыхъ, рабочіе не перестали еще затрачивать свои силы на безъисходный трудъ и не дѣлали болѣе частыхъ попытокъ свергнуть существующій строй.

*) Характерная черта труда въ современномъ обществѣ: чѣмъ болѣе трудъ тяжелъ и непріятен, тѣмъ менѣе онъ оплачивается Высшая плата дается за производство предметовъ роскоши, т-е то, что имѣетъ цѣлью личную услугу буржуазіи

Но когда въ будущемъ обществѣ, какъ мы видѣли выше, будетъ возвращена къ производительному труду вся та масса оплачиваемыхъ служащихъ, которая теперь трудится ради того, чтобы могла функціонировать правительственная и капиталистическая организація, давящая насъ всей своей системой, и когда будутъ возвращены къ производительному труду тѣ, кто нынѣ работаетъ, чтобы сберечь мускульную силу нашихъ современныхъ эксплоататоровъ или доставить имъ болѣе утонченное наслажденіе, тогда уменьшиться доля силы, требуемая отъ отдѣльнаго индивидуума.

Когда, съ другой стороны, лучшее распредѣленіе труда еще уменьшитъ эту долю; когда распространеніе машинъ увеличитъ производительность, уменьшая вмѣстѣ съ тѣмъ количество рабочихъ часовъ; когда мастерскія будутъ оздоровлены и размѣщены въ помѣщеніяхъ, которыя существуютъ уже и могутъ легко быть приспособлены къ ихъ новому назначенію, и въ которыхъ найдется достаточно мѣста и воздуха; когда еще во вредныхъ или изнурительныхъ работахъ трудъ человѣка будетъ замѣненъ трудомъ машинъ, и когда вслѣдствіе всѣхъ этихъ немедленныхъ улучшеній онъ превратится въ здоровое упражненіе, тогда, какъ кажется намъ, всѣ причины, производящія тунеядство, будутъ уже значительно уменьшены.

И въ особенности, когда измѣнится человѣческій идеалъ, жить паразитомъ сдѣлается также постыднымъ, какъ теперь считается почетнымъ.

Намъ не могутъ возразить, что все это мечты;! это положительные факты; всѣ экономисты согласны, что при лучшемъ распредѣленіи труда восемь рабочихъ часовъ, требуемыхъ соціалистами, будутъ совершенно достаточны; нѣкоторые говорятъ даже о шести, пяти и четырехъ часахъ. Между тѣмъ, говоря о лучшемъ распредѣленіи труда, они вовсе не принимаютъ въ разсчетъ упраздненіе прислуги и должностей, необходимыхъ для обезпеченія современной эксплоатаціи и власти, ни упраздненіе массы должностей, необходимость которыхъ вызывается глупою роскошью, уже начинающей становиться смѣшною; отъ уничтожнеія всего этого получится значительное сокращеніе рабочаго времени.

Говорятъ о сокращеніи рабочаго времени, мы подразумѣваемъ, конечно, только время, проводимое въ трудѣ не изъ любви къ нему, а по необходимости, ради производства предметовъ, безусловно нужныхъ для удовлетворенія неотложныхъ потребностей человѣка. На это достаточно двухъ трехъ, четырехъ часовъ. Но когда человѣкъ работаетъ изъ любви къ труду или любезнательности, ему не приходитъ на умъ считать часы, и въ современномъ обществѣ люди, проведя восемь или десять часовъ въ мастерской или конторѣ за работой, тяготящей ихъ, для отдыха часто предаются занятіямъ, которыя имъ нравятся: чтенію, музыкѣ, рисованію, живописи или скульптурѣ, а также и ручному труду. Такая привыч-

ка въ наши дни все болѣе развивается, и благодаря этому распространяются все больше механическіе инструменты для любителей. Человѣкъ утомляется послѣ 6-ти часовъ труда, который его тяготитъ, но проработаетъ безъ устали 17 часовъ, если можетъ предаться занятіямъ, которыя ему нравятся, и въ особенности если можетъ разнообразить и мѣнять ихъ прежде, чѣмъ они сдѣлаются для него утомительными.

Всякій человѣкъ обладаетъ рабочей силой, которую онъ долженъ расходовать тѣмъ или другимъ способомъ. Съ того момента, когда онъ не будетъ принужденъ расходовать свои силы на истощающій трудъ, не обезпечивающій ему даже удовлетворенія его главныхъ потребностей, для него будетъ счастьемъ испробовать всѣ свои способности въ любомъ производствѣ, какое ему придетъ въ голову.

Потому-то люди, занимающіеся умственнымъ трудомъ, ощущаютъ потребность движенія, и гигіена въ наши дни, рекомендуетъ чередовать ручной трудъ съ интеллектуальнымъ. Фехтованіе, боксъ, футболлъ въ модѣ нынѣ потому, что возстановляютъ немного мускулы буржуазіи, которая задыхается въ собственномъ жиру.

Какой интересъ, при такихъ условіяхъ, будетъ людямъ отказываться отъ труда, когда, въ особенности, они будутъ знать, что могутъ разсчитывать только на свои собственныя силы, чтобы добыть себѣ все необходимое, и когда они не будутъ имѣть въ рукахъ никакого средства угнетать кого бы то ни было властью и заставлять работать на себя.

Однако мы охотно допускаемъ—и это, вѣроятно, произойдетъ — что въ началѣ найдутся люди, настолько лишенные моральнаго чувства, что будутъ злоупотреблять духомъ солидарности, и настолько опустившіеся, что будутъ бѣгать отъ работы. Во всякомъ случаѣ они составятъ только меньшинство; ибо, если бы тѣ, кто сдѣлаетъ революцію, сражались за то, чтобы не трудиться, они не остановились бы на полпути; отъ стремленія жить, не трудясь, только одинъ шагъ до того, чтобы заставить другихъ работать на себя, и поэтому ихъ первой заботой было бы установить какую-либо власть. Они были бы ближе отъ васъ, чѣмъ отъ насъ.

Но въ такомъ случаѣ то, что совершилось бы, не было бы соціальной революціей; это была бы поработительная война, въ которой болѣе сильные подчинили бы слабыхъ, побѣдители эксплоатировали бы побѣжденныхъ; мы не будемъ останавливаться на ней и возобновимъ наше изслѣдованіе.

Если бы совершилась соціальная революція, такая, какъ понимаемъ ее мы, то лишь потому, что большинство людей понимало бы пользу солидарности и взаимопомощи и опасность паразитизма; ихъ дѣятельность направлялась бы къ тому, чтобы помѣшать возвращенію тѣхъ злоупотребленій, которыя они сами уничтожили, и среди нихъ тунеядцы составляли бы меньшинство. Мы увидимъ дальше, что нельзя основывать соціальныя отношенія на исключеніяхъ.

Въ наши дни рабочій, истощенный, лишенный всего, что онъ создаетъ своимъ трудомъ, соглашается работать, чтобы обогащать кучку паразитовъ всѣхъ родовъ и видовъ, и почти всѣ находятъ это даже вполнѣ естественнымъ, а въ то же время боятся, что въ обществѣ, въ которомъ условія труда будутъ улучшены, съ цѣлью сдѣлать его привлекательнымъ, продолжительность труда будетъ ограничена волей самаго рабочаго, и всѣ будутъ обезпечены въ полномъ удовлетвореніи своихъ потребностей, при единственномъ условіи производить самимъ все необходимое каждому; что въ такомъ обществѣ люди, охваченные вдругъ невиданной до сихъ поръ никогда лѣностью, откажутся работать для самихъ себя и предпочтутъ или умереть отъ нужды, или возобновить борьбу за подчиненіе однихъ другими!—такъ думать безсмысленно.

Подъ предлогомъ, что нѣкоторыя отдѣльныя личности, со вершенно испорченныя современнымъ положеніемъ вещей, могли бы отказаться работать, намъ умышленно предлагаютъ подчиниться власть имущимъ для того, чтобы принудить такихъ личностей къ работѣ. Развѣ не выгоднѣе предоставить ихъ собственной лѣни, чѣмъ создавать организацію, которая не сумѣетъ принудить ихъ къ труду, но зато сможетъ отлично обратиться противъ насъ самихъ.

Вспомнимъ басню о садовникѣ, который пошелъ за своимъ господиномъ просить освободить его отъ зайца, съѣвшаго нѣсколько капустныхъ листьевъ, и о томъ, что изъ этого вышло. Мы считаемъ себя болѣе практичными и докажемъ, что нѣтъ надобности ни въ жандармахъ, ни въ судьяхъ, чтобы исправить такъ называемыхъ тунеядцевъ, если таковые имѣются въ дѣйствительности.

Впрочемъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ настоящихъ тунеядцевъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Имѣются только люди, способности которыхъ не могли свободно развиться, которымъ соціальная организація помѣшала найти нормальное направленіе для своей дѣятельности, и которые, будучи выбиты изъ колеи, пошли по ложному пути и окончательно деморализовались и опустились.

Если сосчитаемъ огромную сумму усилій, которую приходится для своего существованія затрачивать тунеядцу, не имѣющему никакихъ средствъ, то увидимъ, что мускульная и умственная дѣятельность, проявляемая имъ въ его шатаніяхъ взадъ и впередъ, часто больше той, которую ему пришлось бы затрачивать при каком-нибудь регулярномъ трудѣ.

Чтобы воспользоваться завтракомъ пріятеля, онъ ему окажетъ столько услугъ, что онѣ будутъ иногда стоить больше, чѣмъ пища, которую онъ получилъ отъ него.

Чтобы взять у другого сорокъ су, какія только услуги не умудрится онъ ему оказать: за рюмку абсента онъ готовъ пробѣжать черезъ весь Парижъ! Положимъ, это люди тратятъ свои силы безполезно, но все-же они ихъ тратятъ. Создайте такое общество, въ которомъ бы люди могли выбирать

сами трудъ, и вы увидите, что самые лѣнивые окажутся полезными.

Эти люди, предоставленные самимъ себѣ въ обществѣ, въ которомъ закономъ служилъ бы трудъ, вскорѣ устыдились бы своего двусмысленнаго положенія среди трудящихся. Мы не хотимъ силой принуждать тунеядцевъ къ труду, но мы и не требуемъ, чтобы къ нимъ относились съ уваженіемъ, и чтобы каждое утро при ихъ пробужденіи имъ преподносили по ихъ выбору то, что могло бы угодить ихъ желаніямъ.

Если современное общество терпитъ паразитовъ, то потому, что нравы и соціальная организація имъ отводятъ среди насъ особое мѣсто; впрочемъ, отъ многихъ изъ нихъ оно уже начинаетъ устраняться. Сводникъ хвастается своими обязанностями только въ своей средѣ, большая часть населенія избѣгаетъ всякаго сношенія съ нимъ. Палачъ, несущій общественную службу, во всѣ времена считался отверженнымъ среди людей. Многія другія должности если не пали еще такъ низко, то все болѣе и болѣе теряютъ свой престижъ, и только немногіе престарѣлые приверженцы старины восхваляютъ еще ихъ, большая же часть ихъ сторонниковъ уже начинаетъ говорить о смягчающихъ обстоятельствахъ, въ видѣ требованій соціальной необходимости.

Мы предполагаемъ, что въ будущемъ обществѣ произойдетъ то же по отношенію къ тѣмъ, которые захотѣли бы жить паразитами. Трудящіеся позволятъ изъ состраданія эксплоатировать себя до нѣкоторой степени паразитствующими, не стѣсняясь показывать имъ презрѣніе къ ихъ унизительному положенію въ обществѣ.

Скорѣе чѣмъ принять подобное положеніе, тунеядецъ постарается оказаться полезнымъ въ какихъ-либо побочныхъ работахъ, которыя претятъ всякому другому. Это дѣлается и на нашихъ глазахъ, и такимъ образомъ, втянутые въ производительныя группы, самые лѣнивые нашли бы также средство оказаться полезными.

Указываютъ еще на жителей Востока, на обитателей нѣкоторыхъ острововъ и экваторіальныхъ странъ, изнѣженность которыхъ вошла въ поговорку, и для которыхъ лѣность обратилась почти въ культъ. Но въ этихъ странахъ изнѣженность обитателей вызывается климатомъ, и съ другой стороны жизнь тамъ такъ легка, что ничто не принуждаетъ туземцевъ насиловать свою природу. Достаточно имъ протянуть руку, чтобы добыть себѣ пищу: горсть финиковъ, риса или проса достаточно для поддержанія жизни человѣка; листья деревьевъ служатъ имъ готовой одеждой; имѣющіе болѣе утонченный вкусъ задаютъ себѣ немного больше труда, и срѣзываютъ для одежды кору нѣкоторыхъ деревьевъ, но все это въ общемъ не требуетъ большихъ усилій.

Желая ихъ насильно приспособить къ нашему образу жизни, европейцы истребили цѣлые народы, которые до ихъ прихода были образцами силы и изящества и жили въ самыхъ

лучшихъ условіяхъ счастья и благодѣнствія. Въ то время, какъ свободное усвоеніе нашихъ знаній, и постепенное примѣненіе ихъ могли бы способствовать прогрессу этихъ народовъ, на силіе и власть погубили ихъ или заставили итти назадъ въ своемъ развитіи.

Желать принудить грубой силой тѣхъ, кто упорно не хочетъ трудиться, было бы равносильно заставить ихъ возстать противъ общества. Они постараются добыть хитростью или силой — вспомнимъ воровство и убійство въ совершенномъ обществѣ — то, чего имъ не дадутъ добровольно. Тогда придется учредить полицію, которая имъ мѣшала бы брать запрещенное; судей, которые бы ихъ судили; тюремщиковъ, которые бы ихъ держали подъ стражей, и такимъ образомъ, мало-по-малу создавая всѣ самые типичные механизмы произвола и насилія, мы придемъ къ возстановленію современнаго намъ общества.

Ради того, чтобы не кормить нѣсколькихъ тунеядцевъ, сторонники власти не находятъ другого средства, какъ создать другую категорію тунеядцевъ, съ той только разницей, что положеніе этихъ послѣднихъ будетъ законное и непоколибимое и упрочитъ ихъ нежелательную въ обществѣ профессію навсегда. Въ результатѣ мы кормили бы двѣ категоріи тунеядцевъ: одни, обрѣтаясь на самомъ днѣ общества, жили бы на его счетъ, помимо его воли; другихъ оно создало бы само подъ предлогомъ нежеланія кормить ни одного паразита. И такимъ образомъ надъ нашими головами повисъ бы навсегда дамокловъ мечъ: организованная и вооруженная сила, якобы имѣющая назначеніемъ принудить людей выполнять то, что имъ не нравиться, но всегда могущая обратиться противъ тѣхъ, кто ее установитъ.

ГЛАВА XIX.

Свободный выборъ труда.

Намъ говорятъ, что будетъ необходимо, чтобы группы, образовавшіяся въ новомъ обществѣ, имѣли, если не главарей, то по крайней мѣрѣ, людей, спеціально обязанныхъ распредѣлять трудъ въ производительныхъ группахъ, указывать каждому его обязанность, во избѣжаніе недоразумѣній между членами изъ-за желанія дѣлать одно и тоже, и ради того, чтобы работа производилась методически и однообразно. Подобно современнымъ потребительнымъ товариществамъ, нуженъ будетъ кто-нибудь для распредѣленія продуктовъ, изъза которыхъ отдѣльныя личности спорили бы, если-бы надъ ними не было какого-либо контроля или регулирующей власти, наблюдающей, чтобы ничей интересъ не былъ нарушенъ.

Касаясь этого предмета въ предыдущихъ главахъ, мы доказали, что главнымъ двигателемъ всѣхъ группъ будетъ нужда, что люди должны будутъ разсчитывать только на самихъ себя, чтобы добыть для себя все необходимое. Если они почувствуютъ нужду въ какомъ-либо предметѣ, они должны будутъ направить свои силы къ тому, чтобы добыть желаемый предметъ. Они должны будутъ разыскивать родъ ассоціацій, больше всего способствующій получить то, что явится цѣлью ихъ желаній.

Прибѣгнутъ ли они къ обмѣну, или будутъ брать изъ особыхъ магазиновъ, или должны будутъ соединить вмѣстѣ свои силы для производства желаннаго предмта, по нашему мнѣнію, это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, и для достиженія цѣли ими будутъ примѣняться различные способы.

Это будетъ зависѣть отъ изобилія или рѣдкости искомаго предмета, а также отъ характера и склонностей отдѣльной личности: одинъ будетъ чувствовать отвращеніе къ какому-либо труду, и слѣдовательно онъ будетъ вынужденъ сдѣлаться полезнымъ иначе, для того, чтобы получить отъ группы, участникомъ которой онъ состоитъ, тѣ вещи, производство коихъ ему кажется противнымъ. Другой будетъ склоненъ производить различные предметы, не испытывая потребности использовать ихъ лично; только удовольствіе ихъ производить, отдѣлывать, добиваться артистическихъ эффектовъ, сообразно съ его вкусомъ, будетъ мотивомъ его дѣятельности. Его счастье будетъ заключаться въ томъ, что работы его будутъ

цѣниться, и друзья будутъ брать нарасхватъ произведенія его труда.

Можетъ случиться и такъ, что одинъ человѣкъ не захочетъ имѣть сношеній съ другимъ изъ-за бездѣлицы, въ чемъ самъ себя будетъ упрекать, не имѣя никакого повода къ ненависти, ни оправданія своему предубѣжденію противъ того. Въ другомъ случаѣ, онъ почувствуетъ симпатію къ такому-то субъекту и ничего не пожалѣетъ, чтобы угодить ему, при чемъ его симпатія тоже ничѣмъ не будетъ оправдываться.

Всѣ эти случайности будутъ измѣнять характеръ поступковъ людей и вліять на выборъ ихъ сношеній, опредѣлять образъ ихъ дѣятельности въ группѣ. Многочисленны будутъ формы тѣхъ группъ, которыя отсюда произойдутъ.

Зачѣмъ же нужны еще главари для группъ, поставленныхъ въ такія условія? Прежде, чѣмъ составить группу, люди будутъ предварительно сговариваться относительно своихъ желаній и способностей, будутъ знать заранѣе какой части общаго труда они отдадутъ предпочтеніе; въ подобныхъ условіяхъ распредѣленіе труда произойдетъ единственно на основаніи свободнаго выбора. И это тѣмъ легче, что отдѣльная личность, которая при распредѣленіи труда не найдетъ искомаго удовлетворенія, не будетъ имѣть надобности входить въ такую группу и поищетъ другую, если ей будетъ отказано въ нѣкоторыхъ уступкахъ, а таковыя возможны вездѣ, гдѣ дѣло ведется по взаимному соглашенію.

Если въ настоящее время рабочій предпочитаетъ одну работу другой, то это объясняется тѣмъ, что одна работа приноситъ больше выгоды и дастъ рабочему больше личнаго значенія; и это будетъ происходить во всякомъ обществѣ, которое сохранитъ систему наемнаго труда. Но когда наемный трудъ будетъ упраздненъ, а также и всѣ безполезныя должности, то только потребности или способности будутъ побуждать людей къ дѣятельности; соглашеніе между отдѣльными личностями, соединяющимися въ группу для какого-либо общаго дѣла, устанавливается весьма легко, когда между ними играетъ роли личная выгода.

Другой причиной, способствующей тому, что люди замыкаются въ какой-либо одной спеціальной отрасли труда, вызывающей огрубѣніе и ограниченность индивидуальныхъ способностей, такъ какъ она доводитъ любую изъ нихъ до чрезмѣрнаго развитія, заключается въ томъ, что чѣмъ продолжительнѣе человѣкъ предается извѣстному роду труда, и чѣмъ чаще повторяетъ одни и тѣ же движенія, тѣмъ искуснѣе становится онъ въ своей спеціальности, тѣмъ точнѣе и быстрѣе дѣлаются его пріемы. Такая спеціализація рабочаго выгодна капиталисту, ищущему только одного: извлечь возможно больше прибыли въ наименьшій срокъ изъ имѣющихся у него орудій производства: машинъ или людей — для него безразлично. Рабочій, начавъ разъ итти въ этомъ направленіи, вынужденъ его держаться, такъ какъ у него нѣтъ средствъ

учиться другому ремеслу, и работодатели ищутъ только тѣхъ, которые, будучи уже выучены, обезпечиваютъ имъ готовый производительный трудъ.

Неестественно, чтобы человѣкъ атрофировалъ свои различныя способности въ пользу какой-либо одной. Нормально установленное общество должно ему давать возможность быть независимымъ отъ среды и обстоятельствъ, допуская развитіе всѣхъ его способностей. Если переходъ отъ одного труда къ другому заставитъ его производить немного медленнѣе въ каждой отдѣльной отрасли его способностей, то зато разнообразіе вознаградитъ щедро эту небольшую потерю, не говоря о томъ, что она пополняется очень легко, благодаря усовершенствованію машинъ. Намъ указываютъ на работы, вредныя и отталкивающія, утверждая, что «если люди не будутъ заинтересованы какой-либо выгодой, то не найдется никого, кто бы захотѣл выполнять такія работы».

Люди, вынужденные въ настоящее время силою обстоятельствъ выполнять грязныя или вредныя общественныя работы, по совершеніи революціи, весьма вѣроятно, захотятъ себя вознаградить и будутъ правы. Но это еще не значитъ, что они откажутся выполнять свое ремесло, если оно будетъ необходимо, и если только они одни будутъ способны его выполнять. Они, какъ и прочіе, не захотятъ дѣлать одно и то же въ теченіе 14 часовъ въ сутки; они тоже захотятъ здоровыхъ и пріятныхъ условій для выполненія своей работы; также захотятъ разнообразить свои занятія, и всѣ ихъ требованія должны будутъ быть исполнены. Но когда они добьются своего, то не будутъ имѣть поводовъ отказываться помогать тѣмъ, кто нуждается въ ихъ способностяхъ и знаніи прежняго ихъ ремесла. Почему, въ самомъ дѣлѣ, только одна какая-либо категорія людей должна быть обречена исполнять оталкивающія и вредныя работы? Если эти работы производятся для общей пользы, почему каждый не взялъ бы на себя свою часть? Если такая работа полезна только для одной группы людей, по какому права эта группа хочетъ принудить къ этой работѣ другихъ людей, которые производили бы то, что необходимо для нея одной?

Если данное ремесло представляетъ изъ себя соціальную необходимость, то трудъ долженъ быть распредѣленъ между всѣми членами общества; занимавшіеся раньше этимъ ремесломъ внесутъ свои знанія и будутъ обучать другихъ. Если данные продукты требуются только одной категоріей людей, то они сорганизуются сами, чтобы производить то, въ чемъ нуждаются, и сговорятся съ тѣми, кто можетъ имъ помочь своими совѣтами и своей опытностью.

Чтобы подкрѣпить нашу аргументацію, мы возьмемъ примѣры каждой категоріи работъ, на которыя мы только что указывали. Въ первой — грязныя работы—указываютъ на корпорацію чистильщиковъ отхожихъ мѣстъ, трудъ которыхъ принадлежитъ къ разряду самыхъ отталкивающихъ, такъ

что на другой день послѣ революціи никто не захочетъ имъ заняться.

Примѣръ можетъ быть не особенно удачно выбранъ, ибо уже и въ современномъ обществѣ трудъ этотъ производится механически, и зданія строятся такъ, что отхожія мѣста постоянно омываются при посредствѣ оросительной системы, вычищающей ихъ до дна, и опоражниваются отъ содержимаго тотчасъ же, какъ оно туда попадетъ, и такимъ образомъ устраняется посредничество чистильщика. Въ виду того, что устройство жилыхъ помѣщеній уже и теперь постепенно улучшается, то очень возможно, что названная корпорація въ скоромъ времени совершенно будетъ упразднена.

Но такъ какъ примѣръ намъ данъ скорѣе вообще для обозначенія какого-либо грязнаго и отталкивающаго занятія, чѣмъ для того, чтобы указать спеціально на этотъ трудъ, а не какой-либо другой, и что въ концѣ концовъ наше разсужденіе вполнѣ пригодно и для всякаго другого примѣра, то мы посмотримъ, что произойдетъ въ обществѣ, которое не нашло бы средства обойтись безъ услугъ чистильщиковъ отхожихъ мѣстъ, и которому угрожала бы опасность не найти въ своей средѣ никого для выполненія этой обязанности.

Несчастье въ самомъ дѣлѣ большое: цѣлое общество, по уши въ нечистотахъ вслѣдствіе того, что во главѣ его нѣтъ власти, которая декретировала бы вывозку нечистотъ! И послѣ этого еще находятся люди, сомнѣвающіеся въ пользѣ правительства! И вотъ готовое занятіе для современныхъ политиковъ, которые на другой день послѣ революціи окажутся не у дѣлъ благодаря своему умственному убожеству не сумѣютъ приспособиться къ какой-либо другой работѣ!

Однако, вернемся къ дѣлу.

Во всякомъ домѣ, гдѣ нужно будетъ произвести эту работу, предполагаемъ — и это не подлежитъ спору — каждый обитатель способствовалъ наполненію выгребной ямы; и вотъ когда настанетъ пора опорожнить эту яму, первыми почувствуютъ надобность въ этомъ по особому запаху сами обитатели этого дома. Имѣя непосредственный интересъ въ томъ, чтобы освободиться отъ изобилія такого добра, и главнымъ образомъ, чтобы не быть отравленными міазмами, они должны будутъ сдѣлать одно: сговориться между собой, и выполнить работу, и такъ какъ орудія, которыя существуютъ теперь для этого, будутъ находиться въ общемъ распоряженіи, то не говоря о возможныхъ въ будущемъ улучшеніяхъ, каждому изъ обитателей помѣщенія нужно будетъ приложить къ дѣлу руки, израсходовать немного доброй воли и силъ, и съ небольшой затратой труда они окажутся освобожденными отъ того, что ихъ стѣсняло.

Прогрессъ, который мы указали въ построеніи отхожихъ мѣстъ, отразится на всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Сегодня оказывается ненужнымъ ремесло чистильщика отхожихъ мѣстъ, завтра тоже случится съ ремесломъ мусор-

щика, и такъ каждый день упрощается какая-нибудь изъ областей человѣческой дѣятельности.

Что касается второго примѣра — вредныхъ ремеслъ то у насъ нѣтъ недостатка въ такихъ, но мы не достаточно хорошо знакомы съ деталями, чтобы о нихъ говорить, и остановимся на производствѣ свинцовыхъ бѣлилъ, которое всегда указывается, какъ одно изъ самыхъ вредныхъ для здоровья. И здѣсь, вѣроятно, были примѣнены усовершенствованія, чтобы уменьшить смертоносное дѣйствіе этого производства, но не зная ихъ, мы возьмемъ этотъ трудъ такимъ, какимъ онъ есть, ибо это безразлично для нашего доказательства.

Нуждаются въ свинцовыхъ бѣлилахъ тѣ, кто ихъ потребляетъ, но не тѣ, кто ихъ производитъ.

Это истина, не требующая доказательствъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ, людямъ жертвовать свою жизнь и здоровье на производство продукта, которыйъ им не нуженъ?

Что главнымъ образомъ дѣлаетъ вредными профессіи, занесенныя въ разрядъ опасныхъ, такъ это, во-первыхъ, жадность эксплуататоровъ и затѣмъ продолжительность труда. Предположите, что вмѣсто того, чтобы находиться въ отравленныхъ парахъ по 10 или 12 часовъ въ сутки, и это постоянно въ теченіе ряда мѣсяцевъ и лѣтъ, рабочіе были бы заняты въ этомъ производствѣ только одинъ или два часа съ перерывами и, что вмѣсто того, чтобы находиться въ плохо провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, мастерскія были бы устроены на открытомъ воздухѣ подъ навѣсомъ и снабжены всѣми извѣстными гигіеническими приспособленіями — тогда работа будетъ болѣе или непріятной, но перестанетъ быть опасной. Разъ этотъ пунктъ рѣшенъ остается знать, кто будетъ выдѣлывать эти продукты? На это мы уже отвѣтили: тѣ, кто въ нихъ будетъ нуждаться. Разнообразіе занятій необходимо человѣку, и переходъ отъ одного труда къ другому окажетъ ему въ этомъ смыслѣ услугу, почему, напримѣръ, художникъ, будучи въ одной группѣ съ художниками, не можетъ стать участникомъ другой группы для производства необходимыхъ ему красокъ? Почему астрономъ, соединяясь съ другими, чтобы наблюдать происходящее въ глубинахъ міроваго пространства, не можетъ вступить въ группу оптиковъ, для изготовленія необходимыхъ ему объективовъ? Умѣя обращаться съ предметомъ, они окажутся наиболѣе свѣдущими въ томъ, какъ его изготовить при наилучшихъ условіяхъ, какія можно желать.

Въ особенности мы не должны забывать, что механическія орудія предназначены замѣнить человѣка въ большей части его работъ и прежде всего въ грязныхъ и вредныхъ работахъ. Въ настоящее время экономическія соображенія заставляютъ предпринимателя воздерживаться отъ покупки какой-либо машины или ремонта той, которая у него имѣется. Онъ можетъ использовать рабочаго въ 20, 10, 5 и даже менѣе лѣтъ, и никто не потребуетъ отъ него отчета. Въ будущемъ обществѣ

людямъ будетъ выгодно соблюдать гигіену въ своихъ мастерскихъ, такъ какъ они сами въ нихъ будутъ рабочими, и вопросы экономіи никоимъ образомъ не будутъ приниматься въ разсчетъ. Человѣческій генiй сможетъ свободно заняться развитіемъ и усовершенствованіемъ машинъ.

Изъ всего предыдущаго мы знаемъ, что трудъ вмѣсто того, чтобы быть, какъ въ современномъ обществѣ, рабствомъ и мученьемъ, окажется привлекательнымъ, и благодаря тому, что при выборѣ занятій люди будутъ руководствоваться личнымъ влеченіемъ, сдѣлается пріятнымъ времяпрепровожденіемъ, гимнастикой. Остается еще изучить немного болѣе подробно, какимъ образомъ въ будущемъ обществѣ будутъ, въ случаѣ конфликта, примиряться противоположныя идеи.

Такъ какъ примѣръ иллюстрируетъ мысль и дѣлаетъ ее всегда болѣе ясной, при условіи, конечно что онъ удачный, то мы поведемъ наше разсужденіе также при помощи примѣра; возьмемъ постройку дома и разсмотримъ различные случаи, которые могутъ произойти.

Хотя анархистовъ обвиняютъ въ томъ, что они безпокойныя головы и не знаютъ, чего хотятъ, мы полагаемъ, что когда дѣло коснется постройки дома—какъ и вообще всякой другой работы — члены будущаго общества, охваченные желаніемъ строить, не захотятъ терять время на нагроможденіе камня на камень, кирпича на кирпичъ только ради удовольствія портить матеріалъ.

Весьма вѣроятно, что современныя огромныя, напоминающія казармы, зданія исчезнутъ въ будущемъ обществѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что люди не пожелаютъ быть набитыми въ современныхъ вредныхъ для здоровья строеніяхъ, въ которыхъ, изъ экономическихъ соображеній — вслѣдствіе дороговизны земли — пытаются наверстать на высотѣ то, что теряется на поверхности. Какъ, впрочемъ, это теперь практикуется въ Лондонѣ, люди захотятъ жить въ «особнякахъ»: небольшихъ семейныхъ домахъ, окруженныхъ садиками для развлеченій обитателей.

Постройка подобныхъ домовъ требует весьма ограниченнаго числа людей. Техническихъ затрудненій почти не будетъ, и людямъ будетъ очень легко соединяться въ группы для постройки такихъ небольшихъ зданій. Но возможно, что люди будутъ продолжать строить современные огромные дома, и мы не можемъ предсказать будущую эволюцію. Въ этомъ отношеніи тѣ, кто будутъ имѣть особые взгляды на пригодность къ жилью подобныхъ домовъ, должны будутъ сговориться между собой; а тѣ, чьи различныя мнѣнія смогутъ соединиться и примѣниться къ одному типу зданія, сгруппируются для постройки дома по условленному плану, распредѣляя квартиры такъ, чтобы каждый выбралъ бы себѣ заранѣе подходящую для него, сообразно его особымъ требованіямъ. Это, можетъ быть, усложнить немного дѣло, но мы думаемъ, что не будетъ невозможнымъ.

Въ будущемъ обществѣ, точно также, какъ въ современномъ, силы не будутъ тратиться напрасно. Соглашеніе между отдѣльными личностями будетъ регулировать ихъ поведеніе. Человѣкъ, который захочетъ изолироваться, жить только своими силами, потребляя только продукты своего производства, создастъ для себя невозможную жизнь, потому что будетъ принужденъ работать непрестанно, безъ отдыха, и въ результатѣ добьется только посредственнаго довольства.

Поэтому люди, конечно, должны, будутъ производить своими руками нѣкоторое количество необходимыхъ имъ предметовъ, но совмѣстно, чтобы воспользоваться прогрессомъ механики; кромѣ того, федерація различныхъ группъ позволитъ отдѣльнымъ людямъ пользоваться многими продуктами, которыхъ они не будутъ производить сами; обмѣнъ между группами явится могучимъ средствомъ для распредѣленія накопленныхъ продуктовъ, ибо очевидно, что если пущенная въ ходъ машина можетъ произвести въ одинъ, или два часа въ десять разъ больше того, что нужно одному человѣку, то послѣдній не остановится по истеченіи пяти минутъ подъ предлогомъ, что онъ имѣетъ уже сколько ему нужно. Онъ потерялъ бы такимъ образомъ въ подготовительныхъ работахъ все свое время, прежде чѣмъ произвелъ бы половину предметовъ различныхъ сортовъ, въ которыхъ нуждался бы. Установится среднее количество занятій, которое можетъ выполнять каждый человѣкъ, и опредѣлить которое теперь невозможно. Нужда и обстоятельства будутъ руководить людьми лучше всякой статистической комиссіи.

Итакъ, тѣ, которые, не довольствуясь уже существующими помѣщеніями, захотятъ приспособить жилище по своему вкусу, сначала сговорятся между собой, и затѣмъ съ другими группами, могущими имъ доставить необходимые матеріалы, и такимъ образомъ образуютъ вторую, третью федерацію группъ, и такъ до безконечности.

Но, говорятъ намъ, имѣются не только частныя жилища. Есть публичныя зданія: мастерскія, магазины, театры, помѣщенія для собраній и проч. Если никто не будетъ спеціально предназначенъ для ихъ постройки, кто станетъ ихъ воздвигать.

До сихъ поръ наши разсужденія велись такъ, какъ будто предполагается, что на слѣдующій день послѣ революціи люди единодушно откажутся продолжать свой обычный трудъ; — такой случай можетъ произойти, мы не видимъ въ этомъ ничего невозможнаго, и такъ какъ этотъ случай представляетъ наиболѣе затрудненій, то продолжаемъ разсуждать по прежнему.

Итакъ, люди, которые будутъ имѣть нужду въ зданіи, о которомъ шла рѣчь, должны будутъ сами сдѣлаться каменьщиками. Они обратятся къ инженерамъ и архитекторамъ, чтобы онѣ составили планы проектированнаго зданія. Чертежи ихъ будутъ разсмотрѣны всѣми. Обсудивъ детали и общій

видъ, остановятся на опредѣленномъ проектѣ. И только если онъ будетъ черезчуръ эксцентриченъ, изъ всѣхъ существующихъ каменьщиковъ, слесарей и плотниковъ не удастся убѣдить нѣскольких согласиться показать новичкамъ, какъ нужно взяться за дѣло; всякій проектъ, если онъ не окончательно нелѣпъ, всегда находитъ сторонниковъ. Не обращаясь къ людямъ за деньгами, отъ нихъ потребуютъ ихъ доли труда и силъ. Въ наши дни достаточно имѣть деньги, чтобы направить соціальныя силы на выполненіе самого абсурднаго проекта; въ будущемъ обществѣ къ работѣ приступятъ только тѣ, кто одбритъ проектъ.

Какъ мы говорили относительно колесныхъ и желѣзныхъ дорогъ, когда только личный интересъ перестанетъ играть роль, и всѣ побочныя соображенія будутъ устранены, соглашеніе будетъ легко достижимо. Но и здѣсь, если предположить, что люди будутъ настолько глупы, что не сговорятся между собой, мы натолкнемся на тѣ же затрудненія, что и тамъ, и должны будемъ придти къ одинаковымъ выводамъ.

Логика намъ говоритъ, что какъ только личный интересъ — этотъ двигатель всѣхъ раздоровъ и распрей, вслѣдствіе столкновеній съ интересами другихъ личностей — исчезнетъ изъ соціальныхъ отношеній, разногласія могутъ оказаться только въ способѣ понимать и разсматривать вещи; незначительныя различія въ оцѣнкѣ, вѣроятно, изгладятся при совмѣстномъ обсужденіи, и тогда въ наличности останутся только различія, настолько рѣзкія, что при нихъ не окажется возможнымъ никакое взаимное согласіе.

Тогда нужда, этотъ всеобщій двигатель, болѣе сильный, чѣмъ всѣ мелкіе вопросы самолюбія или тщеславія, не замедлитъ привести людей въ болѣе уступчивое настроеніе.

Въ противномъ случаѣ пришлось бы признать, что люди регрессируютъ, и тогда разумному человѣку, вмѣсто того, чтобы стараться опредѣлить для человѣческаго рода идеалъ свободы и счастья, оставалось бы только искать въ небытіи спасеніе отъ мучительныхъ страданій, которыя онъ испытывалъ бы, видя, что человѣчество идетъ назадъ въ своемъ развитіи.

Если бы, вслѣдствіе несогласія, дѣло окончилось постройкой двухъ зданій вмѣсто одного, никто не сталъ бы на это жаловаться. Здѣсь получилась бы та выгода, что каждая группа, желая доказать превосходство своего плана, соперничала бы въ усердіи. Самолюбіе побуждало бы людей выказать всѣ свои знанія, всю силу воли, чтобы довести до совершенства свое дѣло. Мы встрѣчаемъ здѣсь тотъ стимулъ доброй воли людей, который, по мнѣнію защитниковъ власти, долженъ состоять только въ страхѣ наказанія или въ приманкѣ барышемъ.

Что касается раздѣленія труда между группами, то, какъ мы видѣли, каждый будетъ искать ту группу, въ которой онъ могъ бы дать полный просторъ своимъ силамъ, и ассоціируясь, люди будутъ уславливаться относительно того, какую

именно часть труда каждый изъ нихъ спеціально выбираетъ для себя; поэтому индивидуумъ будетъ стремиться къ ассоціаціи только съ тѣми, кто вслѣдствіе наклонностей къ извѣстному труду, облегчитъ ему его работу, а не отниметъ ее у него. Если, напримѣръ, понадобится построить машину, то тотъ, кто будетъ имѣть спеціальныя наклонности къ сборкѣ машинъ, если не сумѣетъ собрать ее одинъ, захочетъ соединиться только съ кузнецами, литейщиками и т. д. Если сложность работы потребуетъ труда нѣскольких сборщиковъ, кузнецовъ, литейщиковъ и проч., то группировка ихъ произойдетъ соотвѣтствующимъ образомъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ выше.

Если группировка при этихъ условіяхъ совершится, то этимъ самымъ будетъ соблюдено раздѣленіе труда, ибо оно послужило основаніемъ данной ассоціаціи. Какъ только группа сорганизуется, ей останется только приняться за дѣло. Предположимъ, что во время работы кому-нибудь захотѣлось бы перемѣнить первоначально имъ самимъ выбранный родъ труда; мы знаемъ, въ современномъ обществѣ охотно дѣлаются уступки, и потому подобное желаніе будетъ безпрепятственно удовлетворено, и даже новые сотрудники сдѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы помочь своему товарищу въ его новомъ трудѣ, пока онъ съ нимъ не освоится.

Если по той или другой причинѣ такая перемѣна труда не могла бы совершиться, то человѣкъ поищетъ другую группу, покинутая же имъ группа пополнится новымъ членомъ. Человѣкъ, получившій репутацію хорошаго исполнителя принятой на себя въ ассоціаціи части общей работы, будетъ хорошо принятъ въ каждой группѣ; тотъ, кто прослыветъ неуживчивымъ, никогда не удовлетвореннымъ, будетъ избѣгаться всѣми, или съ трудомъ найдетъ ту группу, которая его приметъ, и притомъ только, если онъ будетъ искупать свои недостатки другими качествами.

Возражали намъ, что нѣкоторые индивидуумы могутъ захотѣть взяться за трудъ, который они неспособны выполнить. Но, вѣдь, группированіе не будетъ происходить въ слѣпую, и такъ какъ солидарность и общественная жизнь будутъ въ будущемъ обществѣ очень развиты, то связи между людьми увеличатся, и ассоціаціи будутъ образовываться главнымъ образомъ между тѣми, которые будутъ хорошо знать другъ друга. Всякій, входящій въ какую-либо группу, будетъ по крайней мѣрѣ извѣстенъ нѣкоторымъ.

Вслѣдствіе этого ошибокъ будетъ значительно меньше, и кромѣ того, всякому извѣстно, что человѣкъ хорошо дѣлаетъ только то, что дѣлаетъ добровольно. Самый фактъ, что кто-нибудь ищетъ такого-то труда, а не иного, указываетъ на то, что онъ чувствуетъ способность его выполнить.

Въ случаѣ, если бы онъ ошибся въ своихъ способностяхъ, сотоварищи не оставили бы его своими совѣтами; а если бы его неумѣлость была слишкомъ очевидна, то безполезность

его усилій заставитъ его скорѣе, чѣмъ что либо другое, не продолжать ту же работу.

Слѣдовательно, трудъ можетъ выполняться безъ споровъ, безъ тревогъ, безъ взаимнаго озлобленія, къ удовлетворенію всѣхъ. остаточно поставить людей въ условія совершенной свободы и равенства, чтобы получить гармонію, эту идеальную цѣль человѣчества.

Если по той, или другой причинѣ, одинъ или нѣсколько человѣкъ не смогутъ оставаться въ группѣ, ими самими выбранной, то, какъ мы видѣли, ничто ихъ въ ней не удержитъ, они будутъ свободны изъ нея выйти и вступить въ группу, которая лучше соотвѣтствовала бы ихъ новымъ воззрѣніямъ. Отъ ухода одного монаха обитель не опустѣетъ, говоритъ пословица, и это вѣрно относительно какой угодно группы людей.

Если случайно не нашлось бы группы, отвѣчающей стремленіямъ отдѣльнаго индивидуума, то ему пришлось бы искать другихъ, способныхъ его понять, испытать самимъ его стремленія и помочь ему въ осуществленіи его идеала.

Всякій образъ мыслей, всякій характеръ, лишь бы онъ не былъ совершенно эксцентричнымъ, всегда находитъ сходныхъ себѣ. Эксцентричные характеры составляютъ исключеніе, и общество создано, или по крайней мѣрѣ должно быть создано только для характеровъ, склонныхъ къ общественности. Слѣдовательно изъ-за ненормальныхъ явленій, якобы имѣющихъ препятствовать будущей организаціи, не будетъ надобности создавать исключительные законы. Впрочемъ, всякій, кто хочетъ жить, долженъ подчиняться необходимости. Правда, не будетъ хозяина, который бы ему приказывалъ, но его существованіе возможно только при посредствѣ ассоціаціи съ другими. Если онъ хочетъ погибнуть, онъ въ этомъ свободенъ, но если онъ хочетъ жить, то можетъ это сдѣлать только, найдя товарищей. Солидарность есть одно изъ естественныхъ условій существованія, и мы въ этомъ слѣдуемъ указаніямъ природы.

Итакъ, то, что мы только что сказали относительно постройки какого-либо зданія, можетъ быть приложено ко всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, начиная съ самаго колоссальнаго труда и кончая самымъ простѣйшимъ изъ производствъ. Самая полная свобода — вотъ единственный двигатель человѣческой дѣятельности съ его двумя слѣдствіями: равенствомъ и солидарностью.

«Нужны ангелы», говорятъ намъ, «чтобы подобная организація была возможна. Человѣкъ слишкомъ дуренъ, имъ нужно управлять при помощи палки».

Человѣкъ не ангелъ, его прошедшее доказываетъ намъ это и, конечно, въ одинъ день онъ не измѣнится; измѣненіе соціальныхъ учрежденій, если оно произойдетъ внезапно, не сможетъ его моментально измѣнить и превратить въ мыслите-

ля, не дѣлающаго ошибокъ, и свободнаго отъ заблужденій. Наука разрушила вѣру въ талисманы.

Но въ первыхъ главахъ этой книги мы показали, какъ понимаемъ мы эволюцію и революцію, и мы думаемъ, что достаточно выяснили, что одна невозможна безъ другой. Если человѣкъ развивается настолько, что измѣняетъ свою среду, то почему не продолжалъ бы онъ прогрессировать въ средѣ, благопріятствующей его прогрессу?

На мѣсто современнаго общества, грубо эгоистичнаго, въ которомъ всегда передъ истощеннымъ рабочимъ встаетъ страшный вопросъ, такъ часто неразрѣшимый для него: «что я буду ѣсть завтра», на мѣсто этого общества, въ которомъ «борьба за существованіе» въ самомъ скверномъ значеніи происходитъ между всѣми, безъ отдыха и передышки — создается общество, основанное на солидарности интересовъ, въ которомъ не будетъ притѣсненія; общество, въ которомъ человѣкъ получитъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, будучи обязанъ отдать въ возвратъ только часть своей дѣятельности.

И нѣтъ причинъ, почему бы люди не могли понять другъ друга? Правда, человѣкъ эгоистиченъ и честолюбивъ, но научите его, что эгоисту выгодно быть солидарнымъ съ другими эгоистами, выгодно соединиться съ ними, вмѣсто того, чтобы враждовать, и вы сдѣлаете людей солидарными. Уничтожьте то, что можетъ льстить ихъ честолюбію, удовлетворять и поддерживать ихъ стремленіе къ господству; сдѣлайте такъ, чтобы они не могли подняться надъ толпой и навязывать ей свою волю, и тогда въ этой массѣ людей, которые, будучи взяты въ отдѣльности, имѣютъ всѣ недостатки, вытекающія изъ скварнаго воспитанія, наслѣдства общества, испорченнаго до мозга костей, проявятся смѣлыя и благородныя идеи, самоотверженіе и энтузіазмъ благодаря которымъ, какъ мы видѣли въ прошлыхъ революціяхъ, люди въ лохмотьяхъ способны стоять на стражѣ съ оружіемъ въ рукахъ, охранять милліоны, отнятые у нихъ въ видѣ налоговъ, сберегая ихъ благоговѣйно для тѣхъ, кто впослѣдствіи воспользуется этими милліонами для обращенія въ рабство ихъ же самихъ. Такой образъ дѣйствія, можетъ быть, не заслуживаетъ одобренія, но изъ него мы видимъ, что въ періоды борьбы можно разсчитывать на великодушіе массы.

Намъ постоянно твердятъ объ эволюціи. Но вѣдь мы знаемъ хорошо, что необходимо, чтобы эволюція произошла въ умахъ прежде, чѣмъ совершится въ дѣйствительности, и знаемъ также, что идея, какъ бы ни была логична, не можетъ быть навязана массѣ, если та не подготовлена къ пониманію ея; что каждый долженъ пытаться способствовать этой эволюціи, пропагандируя свои идеи такъ, какъ онъ ихъ понимаетъ для того, чтобы грядущая революція не застала бы насъ врасплохъ.

Что же касается того дня, когда свершится революція, то тогда мы примѣняя на практикѣ наши идеи, пригласимъ на-

шихъ товарищей по несчастью послѣдовать нашему примѣру. Если они пойдутъ за нами, значитъ эволюція произошла; если вмѣсто того, чтобы намъ подражать, они станутъ повиноваться тѣмъ, кто обманываетъ ихъ, желая ихъ эксплоатировать, и будутъ стрѣлять въ насъ, — значитъ, эволюція не произошла и, тогда мы, конечно, падемъ подъ ударами власти, которая будетъ установлена совершающейся революціей. Но даже тѣмъ немногимъ, что нами будетъ сдѣлано, идеи наши будутъ брошены въ жизнь.

Когда рабочіе, подпавъ подъ иго новыхъ господъ, которые примутся ихъ эксплуатировать попрежнему, догадаются, что они еще раз вынули каштаны изъ огня для кучки интригановъ, они пораздумаютъ и признаютъ, что мы были правы, когда говорили имъ, что не нужно подчиняться господамъ. Если дѣятельность анархистовъ во время борьбы будетъ понятна рабочимъ, то они смогутъ увлечь за собою толпу, если они будутъ побѣждены, эволюція будетъ продолжаться въ направленіи ихъ главной мысли, и подготовиться новая революція для ея осуществленія.

ГЛАВА XX.

Коммунизмъ и анархія.

Прежде чѣмъ продолжать наше изслѣдованіе, мы не можемъ обойти молчаніемъ одно возраженіе, а именно: что коммунизмъ и анархія несовмѣстимы, что одно отрицаетъ другое.

Коммунизмъ, говорятъ намъ, предполагаетъ принудительное подчиненіе всѣхъ одному и тому же закону, между тѣмъ какъ анархія предполагаетъ самый безграничный индивидуализмъ. Опредѣленіе это ошибочно. Слово «анархія» означаетъ только отрицаніе политической власти; оно вовсе не опредѣляетъ нашихъ экономическихъ тенденцій, и такъ какъ свобода, которую требуютъ анархисты, можетъ вытекать только изъ экономическаго положенія, которое люди сумѣютъ себѣ создать, то мы полагаемъ, что необходимо ясно указать руководящую цѣль.

Конечно въ настоящее время слово «анархистъ» весьма опредѣленно и, если отбросить всѣ нелѣпости, которыя подразумѣваютъ подъ нимъ, страхъ и трусость тѣхъ, кто боится за свои права, то увидимъ, что оно означаетъ не только ненависть къ власти, но также уничтоженіе капиталистической эксплоатаціи.

На вѣдь наша цѣль, наши идеи, наши тенденціи, наша физическая природа и наши потребности влекутъ насъ къ ассоціаціи съ людьми, ассоціаціи, въ которой всѣ люди, соединившись между собою, смогутъ свободно развиваться, согласно съ ихъ различными способами видѣть и чувствовать. Зачѣмъ же намъ бояться слова, если оно точнымъ образомъ характеризуетъ наше міровоззрѣніе? Другимъ, прежде насъ, оно служило этикеткой для системъ, отвергаемыхъ нами, но намъ до того нѣтъ дѣла: мы не боимся словъ, и не довѣряемъ скорѣе тому, что можетъ скрываться подъ ними. Мы принимаемъ слова за то, что они собою обозначаютъ, не останавливаясь на томъ значеніи ихъ, которое другіе хотѣли бы имъ придать.

Мы убѣждены, что люди могутъ быть счастливыми, только живя вмѣстѣ, по братски, и такъ какъ слово: «коммунизмъ» примѣняется для обозначенія такого состоянія, то мы имъ пользуемся. Какъ противники власти, проникнутые той истиной, что человѣкъ можетъ и долженъ жить безъ господъ, что анархія именно это и обозначаетъ и должна вести людей къ такому гармоничному состоянію, при которомъ люди будутъ

жить безъ ссоръ, безъ борьбы, въ самомъ совершенномъ согласіи, мы пишемъ это слово рядомъ съ словомъ «коммунизмъ» для того, чтобы лучше охарактеризовать наши экономическія и политическія воззрѣнія, составляющія нашъ соціальный идеалъ, и мы не могли бы найти лучшихъ словъ для выраженія ихъ. Въ соціальныхъ системахъ, придуманныхъ изобрѣтателями совершенно готоваго общества, коммунизмъ обоз началъ строй, въ которомъ всѣ должны подчиняться общему закону; въ которомъ равенство понимается, какъ приведеніе всѣхъ людей къ одному уровню; это доказываетъ только, что слово «коммунизмъ» было употреблено вопреки своему первоначальному значенію, и ничего болѣе.

Въ нашихъ представленіяхъ о соціальномъ строѣ слово «анархія» не только не «несовмѣстимо» со словомъ «коммунизмъ», но, напротивъ, смягчаетъ то понятіе о власти, которое могло бы быть приписано ему послѣ того употребленія, которое была сдѣлано изъ него прежде.

Если «коммунизмъ» показываетъ, что люди должны жить въ обществѣ на началахъ самаго полнаго равенства, то «анархія» добавляетъ къ нему, что это равенство дополняется самой неограниченной свободы личности; что оно не пустой звукъ, такъ какъ не можетъ быть навязано силой, ибо не признаетъ никакой власти: ни Бога, ни правительства, — каждый повинуется только своей собственной волѣ!

Нѣкоторые анархисты, боясь, что анархическая идея послѣдуетъ по ложной дорогѣ христіанскаго милосердія, самоотреченія и прочихъ вздорныхъ понятій, которыя содѣйствовали подчиненію людей игу власти, проповѣдывая имъ покорность и преданность, говорятъ намъ, что нужно отвергнуть коммунизмъ изъ опасенія впасть въ смутный и неопредѣленный сентиментализмъ старыхъ соціалистическихъ школъ. Мы, больше чѣмъ кто либо другой, являемся врагами нелѣпицъ, которыя подъ предлогомъ чувства учатъ людей уважать предразсудки, препятствующіе прогрессу и подчиняющіе ихъ власти эксплоатаціи. Мы болѣе, чѣмъ кто-либо, противники и того глупаго сентиментализма, которымъ буржуазные поэты и истории сдабривали свои писанія и этимъ развратили рабочаго, вызывая въ немъ глупое великодушіе, благодаря которому онъ всегда дѣлался жертвой интригановъ, умѣвшихъ вызвать въ другихъ чувства самоотвежренія, чтобы тѣмъ успѣшнѣе ихъ эксплоатировать. Пора дѣйствительно рабочимъ отдѣлаться отъ сентиментальнаго благородства, изъ-за котораго они всегда оставались въ дуракахъ! Однако ради того, чтобы не впасть въ сентиментализмъ, не надо впадать въ противоположную крайность, какъ это случилось въ литературѣ, гдѣ подъ предлогомъ противодѣйствія чувствительности героевъ романтической школы хотѣли изобразить человѣка безсознательнымъ и злымъ животнымъ.

Кромѣ сентиментализма, знаменующаго собою только плохо уравновѣшенные умы, человѣку присущи потреб-

ность имѣть идеалъ, чувство привязанности къ тѣмъ, кого онъ уважаетъ, стремленіе къ прогрессу и жажда чего-то лучшаго, ощущаемая даже самими отсталыми субъектами; все это должно быть принято во вниманіе.

«Зависть побуждаетъ низшіе классы ненавидѣть богатыхъ», говорятъ экономисты, всегда появляющіеся тамъ, гдѣ нужно клеветать противъ людей, у которыхъ нѣтъ ста тысячъ франковъ годового дохода.

Нѣтъ, господа, не ненависть и не зависть, а только чувство справедливости. Всѣ лучшія стремленія, присущія человѣку, дѣлаютъ изъ него интеллигентное существо, и въ совокупности съ его дарованіями, ставъ побудительной причиной его дѣйствій, отличаютъ его отъ животнаго, пассивно переносящаго свою участь, и не старающагося ее измѣнить.

Только разсматривая человѣка такимъ, каковъ онъ есть, и принимая въ разсчетъ всѣ побудительныя причины его поступковъ и условія существованія, созданныя природой или видоизмѣненныя имъ, мы можемъ составить себѣ представленіе о томъ, къ чему способенъ онъ будетъ въ будущемъ.

Не будемъ же презирать поэзію и чувство, такъ какъ они даютъ намъ силу бороться съ препятствіями, услаждаютъ часы отдыха, изрѣдка находимаго нами въ жизни. Красота, Истина, Любовь, и Дружба только чувства, но безъ нихъ мы были бы дикими животными. Они сдѣлались составной частью нашего существа безъ которыхъ мы не понимали бы жизнь. Пусть эти чувства управляются разумомъ, и пусть къ нимъ не примѣшивается плаксивый и приторный сентиментализмъ тѣхъ, кто хочетъ исполнить завѣтъ ихъ для оправданія современныхъ ужасовъ, мы же смѣло признаемъ ихъ, ибо они должны быть регуляторами нашего идеала.

Мы видѣли въ предыдущемъ, что поставить вопросъ: можетъ ли человѣкъ жить одиноко? значитъ его рѣшить, и мы не будемъ на этомъ останавливаться. Но помимо экономическихъ условій, принуждающихъ человѣка жить въ обществѣ, существуютъ соображенія чисто моральнаго свойства. Внѣ полового влеченія, каждый человѣкъ чувствуетъ влеченіе къ одному, либо другому человѣку; каждый испытываетъ потребность обмѣна мыслей, потребность въ уваженіи и одобреніи со стороны другихъ. Одиночное заключеніе является жесточайшей пыткой, какую могли придумать современные филантропы, общительность основное свойство человѣка; мизантропами и отшельниками являются только люди съ разстроенымъ умомъ или галлюцинаты.

Что это вѣрно, доказываетъ то, что чувство общественности пережило и устояло, несмотря на всѣ несправедливости и жестокости, совершаемыя ежедневно «во имя общества». Человѣка заставляютъ признать за необходимость соціальнаго строя то, что является только результатомъ подчиненія одного класса произволу другого.

Но если человѣкъ не можетъ жить одиноко, если онъ можетъ

освободиться отъ преградъ, созданныхъ условіями существованія, въ которыхъ онъ находится, только соединяя свои силы съ другими, если его темпераментъ, его вкусы, его интересъ, его умственное развитіе влечетъ его къ ассоціаціи, то, очевидно, что для того, чтобы быть прочнымъ, эта ассоціація должна быть основана на полномъ равенствѣ всѣхъ членовъ. Она не должна терпѣть въ своей средѣ никакой привиллегіи. Если она предназначена закрѣпить и облегчить соглашеніе между своими членами, то не должна надѣлять нѣкоторыхъ изъ нихъ преимуществами, которыя искусственно поставили бы надѣленныхъ ими выше другихъ. Люди должны будутъ сговориться, чтобы **«согласовать»** свои силы, и должны будутъ дѣйствовать **«сообща».**

Слѣдовательно для определенія будущаго соціальнаго строя слово «коммунизмъ» не лишнее, также какъ слово «анархія», понимаемое въ смыслѣ требуемой нами неограниченной свободы, и эти два слова, вмѣстѣ взятыя, обозначаютъ, что мы взываемъ къ разсудку людей, чтобы они сами рѣшили, въ какихъ предѣлахъ должны развиваться ихъ свобода и солидарность!

Мы полагаемъ, что всѣмъ сказаннымъ выше мы отвѣтили уже на возраженія тѣхъ, которые якобы боятся, что если въ будущемъ обществѣ не будетъ власти, то люди не будутъ никогда увѣрены въ возможности пользоваться своимъ трудомъ и будутъ рисковать каждую минуту тѣмъ, что болѣе сильные или болѣе хитрые отнимутъ продукты ихъ дѣятельности.

Мы видѣли, что человѣку невозможно жить одиноко. Однако тому, кто въ качествѣ невѣжественнаго эгоиста предпочтетъ жить въ уединеніи, никто не помѣшаетъ въ этомъ; такіе люди будутъ свободны накопять продукты и встрѣтятъ единственное препятствіе въ практической невозможности дѣлать это въ слишком большихъ размѣрахъ. Но отказывая въ своей помощи другимъ, они сами будутъ лишены чужой помощи и такимъ образомъ прежде всего сами будутъ наказаны, ибо будутъ терять больше, чѣмъ смогли бы сберечь. И дѣйствительно, что можетъ человѣкъ изобрѣсти и создать такое, что было бы полезнѣе для него, чѣмъ помощь членовъ ассоціаціи, которой онъ лишился? Какъ бы ни былъ онъ интеллигентенъ, идея не зарождается въ немъ совершенно готовой. Онъ ее почерпаетъ изъ своихъ занятій, изъ чтенія, изъ споровъ съ окружающими, не говоря уже о томъ, что всякая новая идея есть только измѣненіе какой-либо ранѣе сложившейся, и слѣдовательно человѣку нѣтъ никакой выгоды уединяться отъ другихъ.

Изъ выше изложеныхъ объясненій относительно механизма группированія индивидуумовъ читатель вѣроятно, уяснилъ себѣ всю выгоду для отдѣльной личности принять въ немъ участіе. Помимо немедленной выгоды: содѣйствія въ исполненіи труда, непосильнаго ему одному, человѣкъ находитъ въ своихъ сотоварищахъ друзей, которые сумѣютъ въ случаѣ на-

добности его защитить, если кто-нибудь захотѣлъ бы его обидѣть.

Такъ какъ люди будутъ составлять группы не волею обстоятельствъ, но по своимъ собственнымъ наклонностямъ, то между членами одной и той же группы установятся связь тѣсной солидарности. Обидѣть одного — будетъ значитъ вооружить противъ себя всю группу. А вѣдь каждый человѣкъ будетъ участвовать по необходимости во множествѣ группъ. Чѣмъ ощутительнѣе онъ будетъ со своими соттоварищами, чѣмъ болѣе въ немъ будетъ развиваться чувство солидарности, тѣмъ болѣе его будутъ уважать и тѣмъ больше будетъ сумма услугъ, которыхъ он сможетъ отъ нихъ ожидать. Вмѣсто того, чтобы быть слабымъ и безоружнымъ передъ обидой, какимъ хотятъ его представить, онъ будетъ располагать огромными средствами защиты, которыхъ лишится только тогда, когда вздумаетъ самъ стать обидчикомъ.

Мы не должны забывать, что политическое рабство, вытекающее изъ нашего экономическаго порабощенія, имѣетъ значеніе только какъ защита привиллегій имущихъ; тѣ, кому нечего защищать, принуждаются доставлять силу для защиты насильников отъ мести ограбленныхъ ими.

Когда люди получатъ экономическую свободу и не будутъ терпѣть в своей средѣ распредѣлителей естественныхъ и промышленныхъ продуктовъ когда эти продукты будутъ представлены свободному распоряженію тѣхъ, кто можетъ ихъ использовать, только тогда они станутъ свободными и равноправными. Имѣя возможность удовлетворять всѣ свои потребности, они не будутъ подчиняться никакой власти, ибо будутъ сознавать себя равными со всякимъ, кто захотѣлъ бы надъ ними господствовать. Но, уразумѣвъ и понявъ уроки прошлаго, они будутъ знать, что несправедливость вызываетъ несправиедливость, и насиліе влечетъ за собою насиліе. Не желая сами выносить чье-либо иго, они поймутъ, что не должны сами угнетать другихъ подъ страхомъ возмездія. Жеаля оставаться свободными, они будутъ уважать свободу другихъ.

ГЛАВА XXI.

Гармонія. Солидарность.

Мы видѣли въ предыдущихъ главахъ, какъ и почему люди будутъ соединяться въ группы и сговариваться между собой при той организаціи, которая произойдетъ изъ ежедневныхъ сношеній, безъ власти и правительства; намъ остается теперь показать, какъ смогутъ существовать бокъ о бокъ будущія группировки, не стѣсняя, не мѣшая и не воюя другъ съ другомъ. Мы твердо увѣрены, что это невозможно, и постараемся показать, какимъ путемъ эта увѣренность стала нашимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ.

Изучая причины раздоровъ, которые въ современномъ обществѣ дѣлаютъ каждаго человѣка противникомъ своего ближняго, мы видѣли, хотя коснулись этого явленія мимоходомъ, что только страхъ за завтрашній день сдѣлалъ человѣка эгоистомъ въ узкомъ значеніи этого слова, т. е., думающимъ только о себѣ, сводящимъ все къ своему «я», и не заботящимся о тѣхъ, кто страдаетъ вслѣдствіе того, что онъ наслаждается, лишь бы зрѣлище ихъ страданій не представлялось непосредственно его глазамъ.

Все-же, несмотря на все это, человѣкъ, взятый въ отдѣльности, страдаетъ при видѣ страданія ближнихъ; нищета, поразившая его взоръ, смущаетъ его покой. Онъ охотно помогаетъ ближнему, когда можетъ это сдѣлать, не рискуя своими барышами, или шансами на успѣхъ. Нѣкоторые, конечно, дѣлаютъ это только ради популярности, но уже само желаніе популярности доказываетъ, что такая помощь ближнему одобряется обществомъ.

Во имя общества — то-есть, счастья всѣхъ — человѣкъ допускаетъ ограниченія своей свободы и современную эксплоатацію, которую одна грубая сила была бы безсильна поддерживать. Мы допускаемъ, что въ ихъ покорности есть доля страха передъ жандармами, но какую пользу получатъ отъ нея тѣ, кто не имѣя гроша за душою, доставляютъ силы, необходимыя для поддержанія существующаго строя? И развѣ не изъ ихъ же рядовъ выходятъ и жандармы? Мы знаемъ, что въ исключительныхъ случаяхъ люди жертвуютъ своимъ благополучіемъ и жизнью для общей пользы: ради науки, отечества, любви къ человѣчеству, и даже ради своихъ личныхъ убѣжденій. Примѣры людей, рискующихъ своей жизнью, по-

ложеніемъ или свободой, чтобы быть полезнымъ своему другу, не рѣдки.

Конечно, современная буржуазія съ ея интригами, жаждой наживы, шантажемъ и вѣроломствомъ, которые у нея въ порядкѣ вещей, намъ доказываетъ одичаніе человѣчества, но къ счастью она составляетъ лишь меньшинство, и въ буржуазіи не всѣ являются политиканами.

Противники анархіи обвиняютъ анархистовъ въ томъ, что они создали въ своемъ воображеніи человѣка, безусловно добраго, скромнаго, самоотверженнаго; идеальное существо, никогда не встрѣчающееся въ дѣйствительности. (

Въ свою очередь, мы можемъ упрекнуть ихъ въ томъ, что для своихъ цѣлей они представляютъ человѣка инымъ, чѣмъ они; созданнымъ не по ихъ подобію, — ибо они приписываютъ себѣ всѣ достоинства, которыя отрицаютъ въ другихъ, — а по образу несуществующаго въ дѣйствительности единственнаго въ своемъ родѣ существа.

Они представляютъ человѣка существомъ холоднымъ, жестокимъ и эгоистично глупымъ, между тѣмъ, какъ все его прошлое доказываетъ, что онъ является такимъ только вслѣдствіе обстоятельствъ, и что эволюція стремится его вывести изъ этого состоянія. Итакъ, приложимъ наши силы къ тому, чтобы обстоятельства не вынуждали его болѣе желать гибели своего ближняго.

Желаніе выдвинуться, стремленіе къ наживѣ суть только слѣдствія антагонистической организаціи общества, которое предоставляетъ людямъ право во всякое время пользоваться всѣми средствами въ борьбѣ, чтобы достичь цѣли раньше своихъ конкуррентовъ; имъ нужно раздавить конкуррентовъ, если они не хотятъ быть ими раздавленными и служить ступенью, по которой взойдутъ ихъ побѣдители. Организація современнаго общества такова, что нужно затыкать уши, чтобы не слышать крики тонущихъ, не поддаться соблазну поспѣшить къ нимъ на помощь; вмѣсто того, чтобы протянуть спасательный шестъ, нужно, напротивъ, помочь имъ погрузиться вглубь, ибо толпа соперниковъ спѣшитъ за вами, и она раздавитъ васъ безъ жалости, если вы вздумаете остановиться. Не удивительно послѣ этого, если согласіе и дружба сдѣлались такъ рѣдки въ современномъ обществѣ. Вы основываете вашу организацію на личной конкурренціи, на истребленіи однихъ другими, поэтому не смущайтесь если пожнете ненависть и смуту! Столько же права удивиться имѣлъ бы человѣкъ, усѣвшійся на мину и вложившій въ нее запалъ, когда полетитъ на воздухъ.

Совершенно иной будетъ наша организація: частная собственность будетъ уничтожена, люди не будутъ имѣть болѣе надобности копить деньги, чтобы обезпечить себѣ увѣрен-

ность въ завтрашнемъ днѣ. Стимуломъ человѣческой дѣятельности будетъ не стремленіе накоплять, не необходимость такъ или иначе давать себѣ пропитаніе, но потребность дѣятельности, совершенствованія, стремленія къ лучшему идеалу. Сношенія группъ и отдѣльныхъ личностей не будутъ устанавливаться въ цѣляхъ обмѣна, какъ теперь, когда каждый договаривающійся старается только утопить другого; сношенія будутъ имѣть цѣлью только взаимное облегченіе труда; согласіе установится скоро, причины раздоровъ исчезнутъ, и соціальныя сношенія будутъ побуждать людей къ солидарности вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ вредить другъ другу. Сѣйте миръ, и вы пожнете солидарность.

Мы видѣли также, что миръ, конечно, не установится сразу въ идеальномъ видѣ. Чудеса въ наши дни не совершаются. Прежде чѣмъ добиться, чтобы все пошло безъ толчковъ, безъ недоразумѣній, будутъ, конечно, колебанія, недоразумѣнія, ошибки, но мы уже говорили, что не надѣемся на то, что перемѣна произойдетъ сразу, что для того, чтобы она установилась и была бы прочной, требуется много усилий.

Мы согласны, что работа будетъ продолжительной, трудной и потребуетъ борьбы, попытокъ начинать снова, иногда самоотверженія со стороны одной части индивидуумовъ; но при всѣхъ опытахъ, повторныхъ начинаніяхъ, разочарованіяхъ успѣхъ будетъ больше обезпеченъ, чѣмъ при помощи власти и угнетенія.

Ошибки и разочарованія сдѣлаютъ людей болѣе осторожными и заставятъ ихъ размышлять прежде, чѣмъ дѣсйтвовать. Когда они замѣтятъ, что они на ложной дорогѣ, имъ будетъ легко измѣнить направленіе; между тѣмъ какъ, если бы власть предписала невѣрное направленіе, они могли отъ него избавиться, только начавъ новую революцію, прежде чѣмъ окончится первая. Опытъ показываетъ намъ, что легче сдѣлать себѣ господъ, чѣмъ отъ нихъ освободиться.

Какъ мы говорили, когда люди соединятся въ группы, чтобы производить продукты для своего личнаго употребленія, или чтобы доставлять другимъ предметы своего производства, эти группы должны будутъ войти въ сношенія другъ съ другомъ и при томъ, каждая съ такимъ количествомъ группъ, какого потребуютъ ея нужды, равнымъ образомъ, одинъ человѣкъ сможетъ участвовать в 10, 20, 50 группахъ, поскольку это будетъ вызвано разнообразіемъ его вкусовъ и многочисленностью его способностей. Изъ совокупности развѣтвленій явится для отдѣльнаго индивидуума возможность добыть себѣ то, что онъ не сможетъ самъ произвести.

Группы будутъ увѣдомлять другъ друга о перемѣнахъ потребностей и результатахъ дѣятельности. Для того, чтобы добыть пищу, имъ нужно будетъ знать, гдѣ находятся группы,

которыя могли бы им доставить необходимый сырой матеріалъ; съ своей стороны онѣ должны будутъ освѣдомить другихъ, что онѣ могутъ предоставить въ ихъ распоряженіе. Въ современномъ обществѣ такія свѣдѣнія доставляются ежедневно путемъ особыхъ публикацій, и таковыя можно будетъ измѣнить и приспособить къ потребностямъ будущаго общества.

Тотъ же процессъ соединенія, который будетъ совершаться среди отдѣльныхъ личностей, произойдетъ и между группами путемъ сходныхъ стремленій и потребностей, безъ вмѣшательства власти.

Въ видѣ возраженія насъ могутъ спросить: «Какъ поступитъ группа, которой другія группы не захотятъ доставить то, въ чемъ она будетъ нуждаться?» Утверждаютъ что такой случай возможенъ. Подобное возраженіе мы слышали относительно индивидуумовъ одинокихъ; случай аналогиченъ съ тѣмъ, и по нашему мнѣнію, тербуетъ аналогичныхъ средствъ.

Для того, чтобы одной группѣ, среди тысячъ и милліоновъ группъ, не удалось найти никакой другой, которая согласилась бы установить съ ней связь, нужно будетъ, чтобы поведеніе ея членов было слишкомъ ненормальнымъ, и они оказались совершенно нетерпимыми среди остальныхъ. Тогда, такъ какъ времени и пространства будетъ достаточно всѣмъ, они должны будутъ эволюціонировать въ томъ направленіи, которое удовлетворитъ ихъ самихъ, они не сумѣли оказаться достаточно общественными, чтобы найти себѣ друзей.

Но это будетъ только исключеніе и не можетъ служить аргументомъ. Въ дѣйствительности подборъ, который будетъ совершаться среди отдѣльныхъ личностей, будетъ также совершаться среди группъ. И такъ какъ способности и наклонности безчисленны, то каждый темпераментъ, каждая группа выберутъ себѣ то, что имъ нужно.

Намъ отвѣтятъ, что все это гипотезы, но мы возразимъ, что говоря о будущемъ, мы можемъ только строить гипотезы. Сама наука, утверждающая, что она слѣдуетъ только опытнымъ путемъ, обязана всѣми своими открытіями гипотезамъ, которыя, впослѣдствіи подтвердились опытомъ и вычисленіями.

Также легко будутъ рѣшаться вопросы объ общей пользѣ. Въ большинствѣ случаевъ не иначе происходитъ и въ современномъ обществѣ. Все болѣе и болѣе пріучаются обходиться безъ содѣйствія Государства. Тѣ, которые проявляютъ въ этомъ отношеніи починъ, дѣлаютъ изъ общей пользы средство наживы, но тѣмъ не менѣе, по существу, она остается дѣломъ личной инициативы.

Финансисты, принимающіеся за какое-либо дѣло, если они не хотятъ, или не могутъ въ него вложить свои собственные капиталы, прибѣгаютъ къ добровольнымъ подпискамъ,

и люди, привлеченные приманкой дивидендовъ и крупныхъ прибылей, спѣшатъ покрыть таковыя, если дѣло имъ кажется вѣрнымъ, такимъ образомъ, принимая на себя риски, неизбѣжно вытекающіе изъ каждаго финансоваго предпріятія, о которомъ они знаютъ только то, что главнымъ дѣятелямъ угодно будетъ имъ сообщить. Безполезно прибавлять, что въ современномъ обществѣ возможны только тѣ предпріятія, которыя доставятъ капиталистамъ средство эксплоатаціи, ибо одни соображенія объ общей пользѣ не являются достаточно существенными, чтобы извлечь капиталы изъ кармановъ тѣхъ, кто ими обладаетъ. Однако, иногда открываются и даже покрываются подписки, имѣющія цѣлью содѣйствовать основанію общеполезнаго учрежденія, не приносящаго никакого дохода. Это исключенія, скорѣе говорящія въ пользу нашихъ выводовъ, но недостаточныя, чтобы подкрѣпить серьезную аргументацію, и потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

Въ дѣйствительности происходитъ то, что примѣненіе многихъ идей отсрочивается до безконечности, если не забрасывается окончательно, ибо представляя общественную пользу, оно не можетъ дать непосредственно никакой прибыли на капиталы, которые были бы туда вложены. Чтобы быть осуществленной, идея должна не только быть общественно-полезной, но и должна служить средствомъ накопленія или увеличенія богатства небольшой группѣ людей.

Почему то, что происходитъ въ современномъ обществѣ, не могло бы произойти въ будущемъ, въ которомъ финансовыя соображенія будутъ устранены? Тотъ, кто возьметъ какую-либо идею прежде другихъ, возьметъ на себя иниціативу ее пропагандировать, обратиться къ доброй волѣ другихъ, будетъ развивать свою идею всѣми возможными средствами, стараясь внушить свое убѣжденіе возможно большему числу сторонниковъ. Вмѣсто того, чтобы подписываться на взносы деньгами, будутъ подписываться на содѣйствіе проектированному труду интеллигентностью, силами, пока, наконецъ, соберется необходимый для выполненія его персоналъ.

Всякое дѣло, имѣющее дѣйствительно общеполезное значеніе, будетъ обезпечено поддержкой группъ, въ которыхъ будетъ испытываться надобность, люди должны будутъ разсчитывать только на самихъ себя, между тѣмъ какъ въ современномъ обществѣ недостаточно признать какую-либо общественную работу спѣшной и соглашаться доставить необходимыя денежныя средства: нужно еще получить разрѣшеніе центральной власти, что не всегда удается, или удается только послѣ многолѣтнихъ хлопотъ.

И только если идея работы будетъ совершенно непонятна, не найдется людей для ея выполненія; это будетъ значитъ, что ея полезность не доказана.

Если работа дѣйствительно будетъ полезна, она всегда найдетъ группу пропагандистовъ, готовыхъ распространять идею ея. И хотя осуществленіе всякой идеи зависитъ отъ эволюціи, но здѣсь было бы то преимущество, что она не была бы устранена, хотя и понята, единственно изъ-за того, что осуществленіе ея не приносило бы достаточно крупных дивидендовъ тѣмъ, кто въ него вложилъ бы свои капиталы.

«Все это очень хорошо», — говорятъ намъ, — «но вѣдь вы хотите усановить какую-то спартанскую республику, гдѣ все будетъ обращено въ пользу общества, и отдѣльная личность будетъ, что бы вы тамъ не говорили, жертвовать собою для общаго блага: въ вашемъ обществѣ можно будетъ умереть отъ скуки, ибо люди должны будутъ отказываться отъ всякаго развлеченія, всякаго веселія, потому что производство должно будетъ ограничиваться предметами первой необходимости».

Мы видѣли, что лучшее распредѣленіе труда даст человѣку много свободнаго времени, которое онъ сможетъ посвятить какимъ ему угодно занятіямъ: слѣдовательно, вышеуказанное возраженіе неосновательно, потому что человѣк всегда будетъ въ состояніи соединиться съ кѣмъ захочетъ, чтобы производить то, что лучше отвѣчаетъ его вкусамъ. И развѣ все, чего хочетъ человѣкъ, не составляетъ для него потребности;

Матеріальныя потребности не суть единственныя, какія тревожатъ человѣка; все, что становится для него необходимымъ, руководитъ его дѣятельностью и, слѣдовательно, участвуетъ въ соціальномъ производствѣ. И здѣсь сходныя наклонности и одинаковые вкусы будутъ руководить людьми и группировать ихъ, чтобы установить связи, обезпечивающія ихъ полное удовлетвореніе.

Защитники власти видятъ въ многочисленности темпераментовъ и разнообразіи способностей среди людей поводъ къ опасенію за гармонію и добрый миръ; между тѣмъ, въ дѣйствительности это различіе вкусовъ и способностей позволитъ людямъ развиваться свободно. Если бы ихъ потребности были одинаковы, легко могло бы произойти, что имъ пришлось бы бороться за кровъ и хлѣбъ; при разнообразіи же вкусовъ и способовъ дѣятельности одинъ будетъ получать наслажденіе въ томъ, что было бы непріятно другому.

Въ будущемъ обществѣ, слѣдовательно, будутъ продолжать производить и предметы, служащіе только для увеселенія человѣка, но воспитаніе и совершившійся прогрессъ заставятъ его искать болѣе возвышенныхъ удовольствій, чѣмъ, напр., пѣтушиные бои, или скачки, гдѣ «ставятъ» на лошадь, за которой ухаживали въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, какъ за любовницей, чтобы она хорошо бѣжала четверть часа. Мы беремъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть, со всѣми его недостатками и вкусомъ, испорченнымъ невѣжествомъ и пред-

разсудками, и надѣемся, что эволюція сдѣлаетъ его вкусы проще, утонченнѣе, эстетичнѣе; что онъ избавится, наконецъ, отъ той страсти къ мишурѣ и нарядамъ, которая характеризуетъ дикаря и встрѣчается измѣненной, но не исчезнувшей, у человѣка современной высшей цивилизаціи.

У защитниковъ власти нѣтъ недостатка въ возраженіяхъ. Разбитые на одномъ пунктѣ, они пытаются выѣзжать на другомъ. «Вы заявляете, говорятъ они, что люди сумѣютъ группироваться, чтобы производить необходимое для себя; но если никто не будетъ спеціально занятъ регистраціей требуемыхъ предметовъ, подсчетомъ таковыхъ по магазинамъ, оповѣщеніемъ о недостатющихъ, то проиводство пойдетъ безъ толку; будетъ перепроизводство однихъ и недостатокъ другихъ продуктовъ; это будетъ хаосъ, въ которомъ никто не сможетъ разобраться.»

Въ наши дни нѣтъ недостатка въ стастистикахъ; въ каждой отрасли знанія имѣются свои счетчики, которые регистрируютъ факты, совершившіяся дѣйствія, произведенные и потребленные продукты. Подсчеты, вычисленія, измѣренія представляютъ увлекательную работу для многихъ людей, и въ будущемъ обществѣ они будутъ совершенно свободны отдаваться любимому занятію. Они-то и будутъ насъ освѣдомлять о равновѣсіи производства и потребленія.

Почты, телеграфъ и телефонъ сдѣлаютъ ихъ свѣдѣнія доступными всѣмъ, даже пожелавшимъ жить одиноко; свѣдѣній не будетъ лишенъ никто. Наконецъ, мы полагаемъ, что указанный нами способъ соединенія въ группы является лучшимъ отвѣтомъ на всякія возраженія такого рода. Группа людей, задавшаяся цѣлью насъ освѣдомлять или предупреждать о необходимости какой либо операціи въ области производства, можетъ быть очень полезной, не будучи опасной. Совершенно иначе было бы, если бы группа эта получила на то миссію путемъ особой делегаціи. Нѣтъ никакой надобности для общества передавать полномочія особой группѣ, которая бы указывала каждому члену то, что онъ долженъ дѣлать, когда каждому стоитъ только захотѣть, чтобы освѣдомиться самому о томъ, что совершается въ любой моментъ въ цѣломъ мірѣ, и когда работа можетъ совершиться нормально, благодаря разумному соглашенію при раздѣленіи труда.

ГЛАВА XXII.

Женщина. — Бракъ.

Идея свободы личности распространяется, и нѣтъ никакого сомнѣнія, она восторжествуетъ, какъ всѣ идеи; но есть еще идея, которую отдѣлили отъ первой, хотя по существу онѣ составляютъ одно и то же, и, вопреки идеѣ свободы, многіе, увы, даже среди рабочихъ, протестующихъ противъ своего порабощенія, продолжаютъ видѣть въ женщинѣ только низшее существо: орудіе наслажденія, если не рабыню.

Сколько разъ мы слышали: «Женщинѣ нельзя заниматься политикой! пусть она смотрить за кастрюлями и штопает чулки мужа». Очень часто такимъ языкомъ говорятъ соціалисты и революціонеры; другіе не говорятъ такъ, но безсознательно поступаютъ въ своей семьѣ, какъ настоящіе хозяева.

Помимо того, что они теряютъ ткаимъ образомъ одну изъ самыхъ великихъ силъ революціи, ихъ поведеніе доказываетъ еще, что они сами не доросли до полнаго пониманія солидарности всѣхъ людей, безъ различія пола. Отсюда возникло умственное теченіе, которое, не оставляя въ сторонѣ экономическій вопросъ, добивается въ современномъ обществѣ освобожденія женщины, допущенія ея ко всякому труду и привлеченія ея къ участію въ политическихъ дѣлахъ.

Стремленіе это, какъ и многія другія въ современномъ обществѣ, обнаруживаетъ близорукость его сторонниковъ и полное незнаніе положенія вещей.

Порабощеніе женщины есть пережитокъ состоянія варварства, перешедшій въ законодательство, потому что мужчина разсматриваетъ женщину, дѣйствительно, какъ низшее существо; но ставъ для богатой женщины совершенно номинальнымъ, оно съ всей силой обрушилось на пролетарскую женщину. Послѣдняя можетъ освободиться только вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по нищетѣ, и политическое освобожденіе будетъ для нея такой же ловушкой, какой было для рабочаго его политическое освобожденіе! Не внѣ соціальной революціи и не помимо нея должна женщина искать своего освобожденія, а только, присоединяя свои требованія къ требованіямъ всѣхъ неимущихъ.

Послѣ отцовъ церкви, которые серьезно спорили, имѣетъ ли женщина душу, сколько глупостей было наговорено

по поводу освобожденія женщины! Даже въ наши дни многіе ученые утверждаютъ, что женщина — низшее существо. Правда, въ большинствѣ случаевъ ими являются какъ разъ тѣ самые ученые, которые говорятъ о «низшихъ классахъ», когда вопросъ касается рабочихъ, и которые упорно проводятъ мысль о неспособности нѣкоторыхъ расъ подняться на извѣстную ступень умственнаго развитія. Такіе ученые всегда готовы оправдать всякій гнетъ, всякую несправедливость, лишь бы ихъ угодливость награждалась орденами и лентами. Они, вѣроятно, полагаютъ, что насколько ими уничтожаются другіе, настолько возвышаются они сами.

И на что только не указывали для доказательства мнимаго низшаго развитія женщины! На мускульную слабость по сравненію съ таковой же силой мужчины, на меньшій объемъ ея мозга; мы говоримъ здѣсь только о томъ, что совершенно установлено, и не ссылаемся на якобы неспособность къ точнымъ наукамъ и какую-то физіологію, старавшуюся доказать что половые органы женщины суть только задержанные въ своемъ развитіи органы мужчины.

Но когда было установлено, что мозгъ является органомъ мысли, сторонники отсталости женщины стали думать, что они наконецъ нашли непоколебимую базу для своей доктрины, и на этомъ они укрѣпились. Дѣйствительно, у всѣхъ человѣческихъ расъ нормальный мозгъ женщины меньше вѣсомъ, чѣмъ мозгъ мужчины.

Равнымъ образомъ доказано, что при всѣхъ одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, мозгъ, болѣе тяжелый, имѣетъ больше шансовъ быть богаче одареннымъ, и это считается внѣ спора. Можно ли спорить противъ фактовъ? Да, можно: когда кто либо занимается наукой, настоящей наукой, въ цѣляхъ научиться, увеличить свои знанія, а не ради того, чтобы выработать оружіе борьбы для оправданія предвзятой идеи, онъ долженъ сравнивать всѣ элементы изслѣдованія, принять въ разсчетъ всѣ побочныя отношенія, дополняющія предметъ и усложняющія его, изучать измѣненія, этими отношеніями вносимыя въ главный элементъ, и ихъ взаимное вліяніе, и только послѣ этого можетъ надѣяться получить приблизительно вѣрныя заключенія.

Наши ученые обрадовались находкѣ, подкрѣпившей ихъ теорію, они забыли только одно, что если вѣсъ мозга составляетъ все, если онъ одинъ долженъ быть принятъ въ разсчетъ, то китъ и слонъ самыя умныя существа, такъ какъ, конечно, ихъ мозгъ тяжелѣе мозга человѣка.

Не одинъ вѣсъ обусловливаетъ качество мозга, и нѣкоторые ученые это поняли. Можно принять в разсчетъ его отношеніе къ длинѣ тѣла, къ общему вѣсу. Мозгъ составленъ

изъ мыслительныхъ клѣточекъ, но также и изъ нервныхъ клѣточекъ, единственная функція которыхъ заключается въ приведеніи въ движеніе различныхъ мускуловъ. Чѣмъ масса мускуловъ больше, тѣмъ нервныя клѣточки должны быть многочисленнѣе и объемистѣе, и ихъ масса ничего общаго не имѣетъ съ интеллигентностью.

Затѣмъ обиліе извилинъ имѣетъ столько же, если не больше, значенія, какъ вѣсъ; химическій составъ являестя еще однимъ усолвіемъ, съ которымъ нужно считаться. Различіе въ структурѣ клѣточекъ можетъ измѣнить функціонированіе мозга. точно также нужно принять въ соображеніе условія питанія, которое въ зависимости отъ болѣе или менѣе регулярнаго прилива крови замедляетъ или усиливаетъ мозговую дѣятельность. И наконецъ, недостаточно имѣть хорошо одаренный мозгъ, нужно еще его упражнять научнымъ образованіемъ. Женщину, какъ и рабочаго, всегда держали на низшей ступени образованія, подъ предлогомъ, что образованіе, какое получаютъ наши власть имущіе, выше ихъ пониманія, и что оно имъ безполезно для выполненія предоставленныхъ имъ работъ. И это низшее развитіе намъ теперь выдаютъ за естественный законъ!

Люди не осмѣливались бы высказывать такую научную ересь, если бы они не поклонялись антропоцентрической теоріи, которая ставитъ ихъ въ центрѣ повторенія и вытекаетъ изъ того же источника, что и ложное понятіе о геоцентризмѣ. Но чувствуя, какъ мало-по-малу разрушается ихъ главенство, они пытаются установить послѣднее видоизмѣненіе его *): «вироцентрію». но и та не болѣе, чѣмъ первыя двѣ, основана на реальныхъ данныхъ.

Если бы дѣло шло о двухъ различныхъ расахъ, ничѣмъ не связанныхъ между собой, мы понимали бы еще, что вопросъ о превосходствѣ могъ бы быть поставленъ, безъ сомнѣнія, такъ же ложно, какъ и въ данномъ случаѣ; но его можно было бы по крайней мѣрѣ обсуждать. Но поднимать этотъ вопросъ относительно двухъ членовъ одной семьи, равно необходимыхъ для продолженія рода, могутъ только очень умственно-ограниченные люди.

Мужчина и женщина не плодятся каждый отдѣльно; мужчина не производитъ только сыновей, а женщина только дочерей, чтобы передавать такимъ образомъ каждый своему потомству отдѣльно свои качества и свои недостатки; оба участвуютъ вмѣстѣ въ актѣ зарожденія какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Каждый изъ нихъ передаетъ свои качества потомству безъ различія пола. Иногда мужчина преоблада-

*) Не надо забывать педантовъ, которые хотятъ доказать превосходство нѣкоторыхъ расъ, и полу-педантовъ, доказывающихъ превосходство нѣкоторыхъ классовъ. Всѣ эти заблужденія вытекаютъ изъ одного и того же чувства

етъ, иногда женщина. Иногда одинъ изъ нихъ передаетъ преимущественно свои качества потомству своего пола, но также и потомству другого пола. Никто не могъ еще дать этому объясненіе, тѣмъ не менѣе остается установленнымъ фактомъ, что, смотря по обстоятельствамъ, тотъ или другой полъ преобладаетъ въ потомствѣ.

Если же это такъ, и если въ какой-то данный моментъ, который мы примемъ за исходную точку, женскій полъ дѣйствительно былъ низшій, то должно было произойти слѣдующее: или женщина окончательно передала бы потомству свою недоразвитость, или мужчина передалъ бы свое превосходство или, наконецъ, между обоими элементами установилось равновѣсіе силъ, которое привело бы ихъ къ одному уровню.

Въ первомъ случаѣ каждому поколѣнію женщина передавала бы свою низшую организацію, и ея отрицательныя качества стали бы наконецъ преобладать надъ положительными мужчины. Если это такъ, то за время: съ того момента, когда начался человѣческій родъ, по сегодняшній день, человѣчество должно было давно возвратиться въ первобытное состояніе.

Во второмъ случаѣ восторжествовали бы положительныя качества мужчины. Сторонники женской отсталости принуждены отвергнуть такую гипотезу, ибо съ того времени, какъ оба пола соединяются для произведенія потомства, они достаточно перемѣшались, чтобы пріобрѣсти равныя качества, и утверждать, что женщина въ настоящее время ниже мужчины, будетъ нелогично. Равнымъ образомъ они будутъ отрицать третій случай, который предполагаетъ еще средній уровень, низшій, для обоихъ половъ. Остается только четвертая гипотеза, по которой, не смотря на смѣшеніе, каждый полъ сохранилъ при всѣхъ скрещеніяхъ свои собственныя качества. Кромѣ того, что эта гипотеза менѣе всего пріемлема, противъ нея ополчатся всѣ тѣ, кто во что бы то ни стало хотятъ доказать вѣрность абсолютной теоріи «борьбы за существованіе» и «переживаніе болѣе способныхъ».

Такимъ образомъ простое логическое разсужденіе приводитъ насъ къ слѣдующему рѣшенію: оба пола равно надѣлены различными оттѣнками и качествами, которые присущи физіологической организаціи каждаго пола и дѣлают ихъ равнозначными, если не совершенно одинаковыми.

Женщина, вслѣдствіе своей физической слабости, въ низшихъ обществахъ всегда подчинялась власти мужчины при различныхъ степеняхъ насилія съ его стороны: мужчина всегда болѣе или менѣе навязывалъ ей свою любовь. Сначала собственность племени, затѣмъ отца, она переходила потомъ подъ власть мужа, и такимъ образомъ мѣняла хозяевъ, которые не обращали вниманія на ея личныя симпатіи. Хозяева

слѣдили за ней, какъ за собственностью, чтобы помѣшать ей отдаваться безъ ихъ согласія, за исключеніемъ странъ, гдѣ большое потомство считалось залогомъ богатства, и потому хозяинъ закрывалъ глаза на происхожденіе благъ, которымъ могъ располагать, какъ своими. Во всѣхъ другихъ случаяхъ хозяинъ иногда въ порывѣ великодушія предлагалъ ее другу, гостю или кліенту, какъ предлагаютъ стулъ, но онъ считалъ бы себя обманутымъ, если бы тѣ воспользовались ею помимо его воли, и жестоко отмстилъ бы виновной.

Правда, хотя ея зависимость постоянно подтверждается законами и на словахъ восхваляется многими, но на самомъ дѣлѣ, путемъ ли хитрости, или той силы, которую женщина имѣетъ надъ мужчиной въ сферѣ половыхъ сношеній, эта якобы власть мужчины пала очень низко.

Въ нашемъ такъ называемомъ цивилизованномъ обществѣ богатая женщина пользуется свободой фактически, если и не по праву, и только бѣдная женщина подчиняется гнету и буквѣ закона.

Но даже у наиболѣе отсталыхъ народовъ ей удается отвоевывать себѣ нѣкоторыя привиллегіи. Древніе историки упоминаютъ объ одномъ галльскомъ племени, въ которомъ женщины были призваны судить споры, возникающіе въ племени между сосѣдями, и ихъ рѣшенію долженъ былъ подчиниться даже одинъ римскій полководецъ.

У австралійцевъ, гдѣ женщина въ общемъ находиться на положеніи животнаго и за ѣдой садится позади своего повелителя и хозяина, который ей бросаетъ ненужные ему куски, указываютъ подобный же обычай. *) Хотя женщина фактически всегда подчинялась грубой мужской силѣ, но лукавствомъ и хитростью она всегда умѣла вліять на него. Теперь ей ставятъ въ преступленіе эту хитрость, которая, якобы, является «оружіемъ слабыхъ»; она могла бы отвѣтить, что доказывать свое право при помощи силы можетъ только дикарь.

Первоначальной формой брака было, вѣроятно, безпорядочное сожительство обоихъ половъ; затѣмъ мужчина утвердилъ свое право собственности, захватывая силой ту, которую хотѣлъ сдѣлать своей подругой; потомъ онъ сталъ ее покупать; когда нравы смягчились, стали наконецъ принимать въ разсчетъ желанія самой женщины и постепенно давать ей свободу, но чувство собственности, которое заложено въ деспотической организаціи отцовской семьи, старалось поставить женщину въ тѣсную зависимость отъ мужчины — отсюда всѣ узаконенія, а также предразсудки относительно половыхъ сношеній.

*) Элизе Реклю «Австралійскіе дикари

Сколько было издано законовъ, съ цѣлью регламентировать отношенія мужчины и женщины, сколько заблужденій и предразсудковъ старалась подержать и насадить оффиціальная мораль. Но природа ихъ опрокидывала, никогда не подчиняясь ихъ произвольнымъ декретамъ. Мужчина въ качествѣ хозяина считаетъ возможнымъ охотиться во владѣніяхъ сосѣда, это одобряется; даже въ самомъ скромномъ обществѣ мужчина, который можетъ похвастаться многочисленными «побѣдами», считается «молодцомъ». Но женщина составляла въ силу законовъ, воспитанія, предразсудковъ и общественнаго мнѣнія чью-либо «собственность», и не имѣетъ права отдаваться своимъ чувствамъ. Половыя сношенія составляютъ для нея запрещенный плодъ; ей разрѣшается только связь, санкціонированная мэромъ и священникомъ. Такимъ образомъ въ актѣ, въ котором участвуютъ двое, одной достается стыдъ, а другому слава.

Защитники мужчинъ говорятъ, что зло, совершаемое обоими участниками, несравнимо. Адюльтеръ женщины можетъ де ввести въ семью постороннихъ дѣтеи, которые позднѣе лишатъ законныхъ собственниковъ части наслѣдства. Изъ этой капиталистической истины можно вывести заключеніе, что пріятно причинять убытокъ сосѣду, но непріятно испытывать его самому, и здѣсь капиталистическая мораль высказывается во всемъ своемъ блескѣ.

Женщина-собственность, отдавшись мужчинѣ, наружность котораго ее покорила, виновата передъ своимъ хозяиномъ. Развязный самецъ, подобно кукушкѣ забравшійся въ гнѣздо сосѣда, доказываетъ этимъ свой умъ. Такъ бываетъ всегда.

Церковь, съ своей стороны, предала анафемѣ тѣхъ, кто повиновался больше законамъ природы, чѣмъ правиламъ моралистовъ и законниковъ. Теорія первороднаго грѣха обрушилась всей своей тяжестью на совершеніе производительнаго акта.

Не будучи въ состояніи предписать полное воздержаніе, Церковь должна была санкціонировать и благословить союзъ мужчины и женщины, но чтобы регламентировать эти сношенія, она стала безъ пощады преслѣдовать тѣхъ, кто отдавался любви безъ ея согласія. Церемоніи, которыя первобытные люди добровольно выполняли, чтобы ознаменовать вступленіе въ брачное сожительство, сдѣлались обязательными въ религіи и оттуда перешли въ сводъ гражданскихъ законовъ, унаслѣдовавшій большую часть прерогативъ Церкви.

Послѣ запрещенія любить безъ дозволенія священника, было запрещено любить безъ дозволенія мэра. Общественное мнѣніе, поддерживаемое въ невѣжествѣ священникомъ и законодателемъ, презирало тѣхъ, кто находилъ, что любовь не нуждается ни въ чьемъ разрѣшеніи. Но всегда, вслѣдствіе идеи собственности, осужденіе падало на женщину; мужчину

осуждали только тогда, когда онъ относился къ такому союзу серьезно и обращался съ своей любовницей, какъ съ законной женой.

Но ложный стыдъ, также какъ всѣ наказанія, изобрѣтенныя противъ тѣхъ, кто практиковалъ свободную любовь, привели къ одному: люди сдѣлались плутами, лжецами и лицемѣрами, не ставъ ни болѣе цѣломудренными, ни болѣе воздержанными. Противодѣйствуя природѣ, ее извращаютъ, вмѣсто того, чтобы укротить. То, что происходитъ въ нашемъ, такъ называемомъ, цивилизованномъ обществѣ вполнѣ доказываетъ это.

Въ немъ ложная стыдливость доведена до крайности; и слѣдствіемъ явились адюльтеръ, проституція и развратъ, а законный бракъ превратился въ своего рода сводничество. Дѣтоубійства доказываютъ, что позоръ, падающій на дѣвушку, которая отдается любви, никому не мѣшаетъ пользоваться ею при случаѣ, но послѣдствія доводятъ ее до преступленія изъ-за того, чтобы скрыть такъ называемое паденіе.

Впрочемъ, въ настоящее время ригоризмъ въ обществѣ понемногу исчезаетъ, а о религіи даже перестали говорить. За исключеніемъ какой-нибудь простушки, желающей показать подвѣнечный нарядъ, да наслѣдника, желающаго пріобрѣсти благосклонность у своихъ богатыхъ, нѣсколько отсталыхъ, родственниковъ мало кто испытываетъ потребность становиться на колѣна передъ господиномъ, надѣвающимъ маскарадный костюмъ не только въ дни карнавала. Что же касается гражданской санкціи, то если бы произвести подсчетъ среди населенія нашихъ большихъ городовъ, оказалось бы, что всѣ браки записаны въ мэріи, но три четверти изъ нихъ порвали безъ всякихъ формальностей законныя связи и заключили новыя, никѣмъ оффиціально не освященныя, и что брачныя пары составлены не такъ, какъ онѣ записаны въ мэріи: конечно, остались, напримѣръ, господинъ и госпожа А., господинъ и госпожа В., но госпожа, извѣстная сосѣдямъ, какъ госпожа А., въ мэріи считается госпожей Х., и госпожа В. является легально госпожей З.

Это явленіе сдѣлалось всеобщимъ, такъ что буржуа, какъ бы ни были противъ, а вынуждены были включить разводъ въ свой кодексъ. Въ наши дни человѣкъ, желающій вступить въ свободный брачный союзъ, безъ оффиціальной санкціи для таковаго, можетъ это сдѣлать, не теряя уваженія окружающей среды.

Общественное мнѣніе начинает считать свободно заключенный союзъ настолько же дѣйствительнымъ, какъ и законный бракъ и, хотя оффиціальное освященіе брака исчезнетъ только вмѣстѣ съ другими соціальными учрежденіями, ибо на немъ основана собственность, такъ какъ законъ о наслѣдст-

вѣ требуетъ, чтобы семья была законна, строго разграничена и тѣсно связана, во избѣжаніе расточенія достоянія, тѣмъ не менѣе ему былъ нанесенъ роковой ударъ въ тотъ моментъ, когда законодатель долженъ былъ установить случаи, при которыхъ бракъ можетъ быть расторгнутъ.

И дѣйствительно, развѣ не безсмысленно было принуждать двухъ людей жить вмѣстѣ, когда совмѣстная жизнь оказывается для обоихъ невыносимой!

Изъ-за того, что въ молодости, въ порывѣ перваго увлеченія, мужчина и женщина нравились другъ другу, законъ заставляетъ ихъ прожить вмѣстѣ всю жизнь, не имѣя права разорвать сковывающія их цѣпи. Если существованіе дѣлалось настолько невыносимымъ, что каждый хотѣлъ получить прежнюю свободу, то могъ это сдѣлать лишь вопреки закону, и новая его семья никогда не была признана дѣйствительной, какъ бы она ни была ему дорога. Онъ вынужденъ былъ скрывать, какъ позоръ, нелегальность своего семейнаго положенія, такъ какъ общественное мнѣніе столь же безсмысленно, какъ и законъ.

Несчастливъ былъ тотъ, кто обманулся въ выборѣ, или далъ себя завлечь привѣтливыми, но обманчивыми улыбками, коварными обѣщаніями, вѣроломными клятвами, хотя и искренно данными въ моментъ порыва, но впослѣдствіи забытыми подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Разъ рѣшеніе было принято, его нельзя было измѣнить въ теченіе всей жизни. Счастливо оно, или нѣтъ, съ нимъ нужно было примириться. Какъ безсмысленно было все это!

Нерасторжимость брака была идіотизмомъ. Два человѣка могутъ нравиться другъ другу въ теченіе дня, мѣсяца, двухъ лѣтъ и затѣмъ дойти до смертельной ненависти. Зачѣмъ заставлять ихъ растравлять эту ненависть, принуждая ихъ жить вмѣстѣ, когда такъ просто разойтись въ разныя стороны?

Помимо религіозныхъ предразсудковъ такой жертвы требовалъ капиталъ, ибо въ современномъ обществѣ браки являются скорѣе ассоціацией двухъ капиталовъ, чѣмъ союзомъ двухъ половъ. Допустить расторженіе ассоціаціи значило отказаться отъ предполагавшихся денежныхъ операцій, и положеніе осложнялось еще вопросомъ о дѣтяхъ, не въ виду привязанности къ нимъ одной изъ сторонъ, а вслѣдствіе того, что приходилось рѣшить, кто будетъ кормить ихъ.

Другой непростительной безсмыслицей была власть родителей наложить свое veto на любовь дѣтей. По какому праву люди, которые не въ состояніи уже ни думать, ни чувствовать, какъ молодые, могли вмѣшиваться въ любовныя чувства молодежи и ставить имъ преграды? Сколько молодыхъ людей, встрѣтивъ препятствіе своей страсти, кончали самоубійст-

вомъ, было такъ логично итти наперекоръ своимъ опекунамъ

Когда общество будетъ освобождено отъ экономическихъ цѣпей, половыя сношенія сдѣлаются болѣе естественными и болѣе свободными и вновь примутъ своей прежній характеръ: «свободнаго соглашенія двухъ свободныхъ личностей». Мужчина не будетъ искать приданнаго или связей для своей карьеры, а женщина — человѣка, который сталъ бы ее содержать. Выбирая себѣ товарища, она больше будетъ обращать вниманіе на то, отвѣчаетъ ли мужчина ея эстетическому и этическому идеалу, чѣмъ на то, способенъ ли онъ обезпечить ей жизнь въ роскоши и праздности. Когда мужчина будетъ выбирать себѣ подругу, онъ будетъ скорѣе искать въ ней моральныя и физическія качества, чѣмъ «надежды на будущее»; лишеніе нѣсколькихъ тысячъ франковъ приданнаго не заставятъ его закрывать глаза на небезупречное прошлое своей невѣсты.

Намъ возражаютъ, что если не сдерживать распущенность въ половыхъ сношеніяхъ, то можетъ случиться, что брачные союзы не будутъ прочны. Мы только что видѣли, что въ современномъ обществѣ карательные законы не въ состояніи уничтожить распущенность. Мы даже увѣрены, что эти законы способствуютъ въ большинствѣ случаевъ семейнымъ раздорамъ, такъ какъ нельзя регламентировать того, что не выноситъ никакого принужденія. Не лучше ли оставить людей свободными, чтобы, когда они не будутъ вынуждены болѣе жить вмѣстѣ, они могли бы сохранить уваженіе по отношенію другъ къ другугу вмѣсто того, чтобы, вслѣдствіе принудительнаго сожительства, стать ожесточенными врагами? Развѣ благороднѣе то, что происходитъ теперь, когда мужъ имѣетъ любовницъ, а жена любовниковъ, и они обманываютъ другъ друга на виду у всѣхъ, но всѣ закрываютъ глаза, лишь бы избѣжать скандала.

Современный бракъ — это школа лжи и лицемѣрія, а адюльтеръ его неизбѣжный спутникъ, точно такъ, какъ публичный домъ составляетъ необходимую принадлежность той ложной стыдливости, которая требуетъ, чтобы люди краснѣли, говоря о половомъ актѣ. Скрываютъ потребность въ немъ, но развратничаютъ, когда никто не видитъ. Но изъ-за того, что женщина имѣла половыя сношенія съ мужчиной, ходячая мораль требуетъ, чтобы она продолжала имѣть ихъ только съ нимъ. На какомъ основаніи? Если они обманулись другъ въ другѣ, то почему они не могутъ искать лучшаго? Потому что то будетъ развратъ, отвѣчаютъ намъ. — Несчастные, посмотрите же на свое общество.

Мы уже упоминали случаи, когда обольщенная дѣвушка, не находя лучшаго средства скрыть свой такъ называемый грѣхъ, прибѣгаетъ къ искусственному выкидышу или дѣтоубійству. И на одинъ случай, когда адюльтеръ не обходится

безъ скандала, сколько приходится другихъ случаевъ, оканчивающихся благополучно, на виду у всѣх! Когда женщина любить, — мы беремъ для примѣра женщину, потому что ей больше приходится бояться послѣдствій, — ей нипочемъ законъ, общественное мнѣніе и все прочее. Слѣдовательно, если нельзя подавить чувство, которое вѣковыя гоненія заставили только скрываться, но не искоренили, предоставимъ ему проявляться свободно. Отъ этого мы выиграемъ постольку, поскольку наши отношенія станутъ откровеннѣе и честнѣе, и это уже будетъ настоящій прогрессъ.

И не только въ этомъ одномъ отношеніи, ибо мы полагаемъ, это въ тотъ день, когда оффиціальное принужденіе и вмѣшательство будутъ уничтожены, также какъ экономическія соображенія, семья, ставъ болѣе нормальной, и нисколько не разрушаясь, сдѣлается болѣе устойчивой и дружной. Дѣйствительно цѣломудренная женщина не отдается первому встрѣчному,--Дарвинъ доказываетъ, что то же замѣчается и у животныхъ,—и, если не играетъ роли корыстолюбіе, отдается только тому мужчинѣ, къ которому чувствуетъ влеченіе. Но даже и тогда, сколько борьбы и сопротивленія оказываетъ женщина прежде, чѣмъ отдаться! Развѣ можно требовать лучшихъ гарантій?

Мы видѣли, что в современномъ обществѣ брачные союзы основаны скорѣе на экономическихъ соображеніяхъ, чѣмъ на любви; поэтому послѣ очень непродолжительнаго времени совмѣстной жизни, мужъ и жена начинаютъ питать предубѣжденіе один противъ другого и становятся другъ другу невыносимыми; въ особенности, если окажется, что они обманулись в своихъ «надеждахъ на будущее». Даже въ бракахъ, въ которыхъ нѣкоторую роль играла любовь, воспитаніе и предразсудки вызываютъ враждебныя чувства. Мужчина и женщина, зная, что они неразрывно связаны на всю жизнь, постепенно перестаютъ оказывать другъ другу вниманіе и предупредительность, которыя можно было бы назвать «приправой» любви; мало-по-малу привычка, пресыщеніе разъединяютъ ихъ, оба забываютъ личныя заботы одинъ о другомъ, которыя каждый изъ нихъ такъ любили во время «ухаживанія»; каждый сожалѣетъ объ идеалѣ, которомъ онъ мечталъ и котораго не находитъ въ своемъ другѣ.

Идеалъ этотъ каждый изъ нихъ стремится найти въ другой связи и, наконецъ, настаетъ психологическій моментъ, когда идеалъ кажется найденъ; новая связь удовлетворяетъ, или въ свою очередь приводитъ къ разочарованію, но въ результатѣ все-таки отрываетъ отъ предмета первой привязанности.

Въ тотъ день, когда законъ и приличія не будутъ болѣе связывать мужчину и женщину, мужчина пожелаетъ, чтобы

предметъ его любви принадлежалъ ему всегда, и пойметъ, что ради устраненія соперниковъ и сохраненія привязанности къ себѣ, ему необходимо окружать женщину тѣми же заботами и предупредительностью, которыя проявились имъ до обладанія ею, и все отразится благодѣтельно на моральной и психической эволюціи человѣческаго рода.

Съ другой стороны, не имѣя нужды продаваться ради питанія, или возможности доставить себѣ желаемый комфортъ, женщина въ предметѣ своей любви будетъ искать качества, которыя ей больше нравятся, а къ таковымъ принадлежитъ постоянство. Обыкновенная женщина отличается большимъ постоянствомъ и поэтому будетъ дѣлать все зависящее отъ нея чтобы снискать себѣ прочную привязанность любимаго человѣка.

Кромѣ того, послѣ нѣкотораго промежутка времени, прожитаго вмѣстѣ, въ мужчинѣ и женщинѣ зарождается чувство взаимнаго уваженія, замѣняющее собою страстные порывы первыхъ времен супружества и заставляющее ихъ пренебрегать случайными увлеченіями. Если эволюція человѣчества въ этомъ направленіи имѣетъ цѣлью моногамію, то къ таковой можетъ повести только свобода, и опытъ уже показалъ, къ чему ведетъ стѣсненіе.

Возможно, что мужчина, пока онъ молодъ, горячъ, полонъ силъ и энергіи, перемѣнчивъ и склоненъ къ непостоянству, но мы знаемъ, что онъ умѣетъ сдерживать себя, когда искренно любитъ, чтобы не оскорбить предметъ своей любви; предоставимъ же природѣ исправлять, въ этомъ отношеніи, самое себя.

Нѣкоторые соглашаются со всѣмъ выше сказаннымъ, но утверждаютъ, что въ современномъ обществѣ бракъ является гарантіей для женщины; это заблужденіе, ибо законы пишут ся мужчинами, и тѣ не забыли сочинить ихъ въ свою пользу. Правда, женщина, если она богата, найдет защиту въ законѣ и будетъ свободна; точно также мужчина, будучи богатымъ, свободенъ, и ему нѣтъ дѣла до законов; но что касается женщины изъ пролетаріата, то законный бракъ только фиктивно гарантируетъ ее противъ мужа, который захотѣлъ бы ее бросить вмѣстѣ съ ея ребятами.

На веденіе дѣл въ судѣ нужны деньги; нужно не мало времени и хлопотъ, чтобы добиться судебнаго рѣшенія, а затѣмъ, что можетъ она сдѣлать противъ человѣка, у котораго нѣтъ гроша за душою, и всегда имѣется возможность свести на нѣтъ арестъ, наложенный на имущество, постоянно перемѣняя мѣсто жительства и службы. Если же онъ человкѣъ состоятельный, то найдутся въ законѣ лазейки; не говоря ужъ о средствахъ запугиванія.

Если къ тому еще ея мужъ окажется пьяницей и грубьяномъ, и будетъ эксплоатировать ее и бить, то она не можетъ развестись съ нимъ, ибо по закону она его собственность, и ея хозяинъ получилъ надъ нею право «пользованія и злоупотребленія». Ей придется вынести безконечныя издѣвательства и муки, прежде чѣмъ добьется освобожденія отъ сковывающихъ ее съ нимъ цѣпей; да и то законъ заступается за нее только въ случаяхъ физическихъ увѣчій, при наличности же однихъ нравственныхъ истязаній она совершенно безоружна, и ей суждено умереть въ этой каторгѣ, если не удастся найти себѣ защиту, болѣе дѣйствительную, чѣмъ та, которую предлагаетъ ей законъ.

Женщина-пролетарка, точно также какъ и рабочій, полулучитъ свободу только отъ соціальной революціи, и тѣ, кто сулитъ ей эмансипацію въ современномъ обществѣ, обманываетъ ее безсовѣстно. Она — рабыня предъ лицомъ мужчины и закона, и должна имѣть волю добиться признанія ея гражданскихъ правъ, а для этого ей необходимо ассоціироваться и идти заодно съ тѣми, кто стремится къ освобожденію всѣхъ безъ исключенія людей, безъ различія пола и національности.

ГЛАВА XXIII.

Дѣти въ будущемъ обществѣ.

Однимъ изъ самыхъ сложныхъ и самыхъ серьезныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, является, безъ сомнѣнія, вопросъ о ребенкѣ. Когда подумаемъ объ этомъ слабомъ существѣ, въ мозгу котораго первыя полученныя впечатлѣнія отлагаютъ отпечатокъ, долженствующій обусловить все его дальнѣйшее развитіе, въ насъ пробуждается чувство глубокой симпатіи и доброжелательности, которыя мы хотѣли бы распространить на маленькихъ обездоленныхъ созданій, дѣлающихся прежде всѣхъ жертвами плохой организаціи современнаго соціальнаго строя.

Именно потому, что ребенокъ слабъ и можетъ умереть, если ему не будетъ оказана помощь, въ анархическомъ обществѣ, въ которомъ никому не будетъ грозить нищета, всѣ поспѣшатъ излить свои нѣжныя чувства на дѣтей; каждый пожелаетъ быть полезнымъ, содѣйствовать ихъ физическому и нравственному воспитанію и внести свою долю познаній въ ихъ интеллектуальное развитіе.

Чтобы понять такую заботливость о ребенкѣ, очевидно, нужно отрѣшиться мысленно отъ современнаго общества, въ которомъ семья является, во-первыхъ, тягостью, и во-вторыхъ, средствомъ эксплоатаціи; нужно составить себѣ ясное понятіе о новыхъ соціальныхъ отношеніяхъ, описанныхъ нами выше, и отдать себѣ отчетъ о новомъ порядкѣ, имѣющемъ установиться въ взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины, при которомъ ребенокъ внесетъ новый элементъ, связывающій крѣпче двухъ нормально развитыхъ индивидуумовъ разнаго пола. Чтобы здраво судить о томъ, что имѣетъ быть, необходимо прежде всего отрѣшиться отъ предразсудковъ, существующихъ въ современномъ обществѣ.

Такъ какъ анархисты отрицаютъ всякую власть, и ихъ организація должна вытекать изъ ежедневныхъ отношеній, прямыхъ, непосредственныхъ, моментально зарождающихся отъ дѣйствій заинтересованныхъ индивидуумовъ въ группѣ, или между двумя группами, но тотчасъ же прерывающихся, — то ясно, что общество ради сохраненія такой организаціи

не будетъ нуждаться ни въ какомъ комитетѣ, ни системѣ представительства, долженствующаго посредничать, въ видѣ учреждении, въ взаимныхъ отношеніяхъ индивидуумовъ.

Вопросъ о ребенкѣ значительно упрощается и ставится уже не въ формѣ, принятой соціалистами: «кому долженъ принадлежать ребенокъ», ибо ребенокъ не «собственность», не предметъ, могущій принадлежать родителямъ больше — какъ этого требуютъ одни — чѣмъ обществу — какъ хотятъ другіе; вопросъ этотъ принимаетъ слѣдующую форму: «кто будетъ заботиться о ребенкѣ»?

Такъ какъ анархизмъ, какъ мы уже видѣли, допускаетъ ассоціацію индивидуумовъ на началахъ соединенія силъ, ради достиженія наибольшей суммы удовлетвореній, но не общество, въ общепринятомъ смыслѣ, состоящее изъ ряда учрежденій, функціонирующихъ отъ имени всѣхъ его членовъ, то очевидно невозможно будетъ ввѣрить ребенка какой-то величинѣ, реально не существующей, и предположеніе, что ребенокъ будетъ принадлежать обществу, само собою устраняется.

Съ другой стороны можетъ случиться, что найдутся люди, которые не захотятъ взять на себя заботы о своихъ дѣтяхъ; въ современномъ обществѣ это бываетъ, какъ слѣдствіе экономическихъ условій, но станетъ непонятнымъ, когда людямъ нечего будетъ считаться съ условіями; тѣмъ болѣе, что любовь къ потомству есть чувство, присущее всѣмъ животнымъ, включая тѣхъ, у которыхъ слабо развитъ полъ, какъ, напр., рыбы; тѣмъ не менѣе такіе случаи могутъ повторяться, и это надо имѣть въ виду.

Кромѣ того, проявленія любви къ потомству бываютъ различны, и у иныхъ родителей могутъ вредить ребенку; спрашивается, почему ребенокъ долженъ быть собственностью родителей и подчиняться ихъ авторитету, если таковой существенно вредитъ его развитію?

Рождаясь, ребенокъ приноситъ съ собою свое право на существованіе, и это природное право нисколько не опорачивается его младенческой слабостью; періодъ безсилія присущъ всѣмъ людямъ, и всѣ его переживаютъ, и не можетъ служить достаточнымъ поводомъ, чтобы ребенокъ принадлежалъ тѣмъ, кто его произвелъ на свѣтъ, ибо его нужды должны быть поставлены выше личныхъ вкусовъ его родителей.

Ради будущаго, когда онъ окрѣпнетъ, между тѣмъ какъ они истратятъ силы, родители должны облегчать ребенку его развитіе и заслужить его любовь, если хотятъ впослѣдствіи, когда они одряхлѣютъ, найти въ немъ поддержку за то, что помогали когда-то ему, точно также какъ помогали имъ въ ихъ младенствѣ; въ этомъ мы видимъ уже отвѣтъ на вопросъ, поставленный намъ выше, а именно: «Забота о ребенкѣ будетъ принадлежать тѣмъ, кто больше всего будетъ его любить.»

Такъ какъ семья, въ юридическомъ значеніи этого слова, будетъ упразднена, а отношенія между мужчиной и женщиной будутъ устанавливаться путемъ свободной акціи сходныхъ темпераментовъ, то вѣроятно характеры индивидуумовъ перемѣнятся; въ взаимныхъ отношеніяхъ будетъ больше искренности, и обязанности отца и матери измѣнятся подъ вліяніемъ измѣнившагося взгляда на нихъ. Причины боязни передъ прирощеніемъ семейства совершенно будутъ устранены.

Когда человѣкъ въ обществѣ будетъ находить удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, тогда прокормленіе и воспитаніе дѣтей не только перестанутъ быть для него тягостью, но такъ какъ воспитаніе не будетъ сопряжено съ расходами и лишеніями, родители не будутъ смотрѣть на дѣтей, какъ на резервный капиталъ, имѣющій приносить проценты пропорціально тому, сколько въ него было вложено.

Въ наши дни законъ обезпечиваетъ родителямъ право надъ дѣтьми, какъ надъ собственностью, которой они могутъ располагать сообразно своимъ выгодамъ, и руководить ихъ развитіемъ по своему усмотрѣнію. Дитя выростаетъ тунеядцемъ или работникомъ, образованнымъ или невѣжей, смотря по тому, какую выгоду родители желали получить отъ него.

Нѣчто совершенно иное будетъ въ томъ обществѣ, о которомъ мы говоримъ. Законъ и экономическія соображенія не будутъ болѣе служить связующимъ элементомъ семьи; мѣсто ихъ займутъ любовь и уваженіе, и ребенокъ, переставъ быть лишней обузой для родителей, явится объектомъ ихъ привязанности и ласкъ, маленькимъ существомъ, требующимъ отъ нихъ умственнаго развитія и образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что люди, не будучи болѣе удручены заботами о существованіи, отлично сумѣютъ выполнять свои обязанности по отношенію къ потомству.

Такъ какъ семья не будетъ регламентироваться законами, то и здѣсь, какъ въ остальныхъ соціаьлныхъ отношеніяхъ, различіе характеровъ и темпераментовъ и свободное развитіе самыхъ разнообразныхъ дарованій сгладятъ всѣ затрудненія, вытекающія изъ новаго положенія вещей, и каждый въ новомъ соціальномъ строѣ займетъ свое настоящее мѣсто, не нарушая общей гармоніи.

Въ настоящее время встрѣчаются люди, не любящіе дѣтей и не переносящіе их присутствія. Современные законы, принуждая такихъ родителей держать при себѣ дѣтей, и ставя затрудненія передачѣ ихъ въ чужія руки, являются причиной столь часто повторяющихся фактовъ истязаній, которые иногда доходятъ до суда, но чаще всего остаются необнаруженными; и принципъ полновластія родителей надъ дѣтьми настлько глубоко укорененъ въ законахъ, что наши добродѣтельные защитники собственности, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, караютъ, конечно, истязателей, но съ вели-

чайшей снисходительностью, каковая вѣроятно имъ внушается самимъ духомъ нашихъ законовъ.

Зато, если есть люди, вымещающіе на беззащитныхъ существахъ свои обиды отъ плохой организаціи общества, то есть и такіе, для которыхъ уходъ за дѣтьми и ихъ ласки составляютъ счастье; которые величайшую радость для себя видятъ въ томъ, чтобы жить одной жизнью съ ребенкомъ, участвовать въ его играхъ и забавахъ, наблюдать расцвѣтъ его индивидуальности.

Такіе люди съ особенной восторженностью руководятъ первыми шагами ребенка и научаютъ его произносить первыя слова; многіе изъ нихъ, въ особенности женщины, становятся педагогами, несмотря на всѣ отрицательныя стороны этой профессіи въ современномъ обществѣ, единственно изъ чувства симпатіи къ дѣтскому возрасту.

Они-то понимаютъ ребенка и умѣютъ заставить его слушаться. Любовь къ дѣтямъ дѣлаетъ ихъ настоящими наставниками, между тѣмъ, какъ тѣ, кто въ педагогической дѣятельности видитъ ремесло или карьеру, являются только тюремщиками и мучителями, вселяющими при помощи дисциплины и отмѣтокъ въ головы воспитанниковъ отрывки знаній и вмѣстѣ съ ними ненависть къ ученію.

При современныхъ экономическихъ условіяхъ многіе лишены возможности осуществлять свои симпатіи къ дѣтямъ; но въ будущемъ обществѣ эти люди будутъ имѣть возможность группироваться и сговориться въ видахъ воспитанія дѣтей тѣхъ, кто или не имѣетъ къ тому склонности, или за недостаткомъ всестороннихъ познаній будетъ вынужденъ обращаться къ чужой помощи, чтобы дать ребенку тѣ свѣдѣнія, которыми не обладаетъ самъ.

Только вмѣсто людей, работающихъ по обязанности, изъ-за куска хлѣба, безъ призванія и любви къ дѣлу, будемъ имѣть воспитателей, которые будутъ серьезно относиться къ дѣлу и вести его добросовѣстно, стараться заставить уразумѣть то, чему они учатъ, и станутъ такимъ образомъ, какъ бы духовными родителями своихъ воспитаниковъ. Насъ называютъ разрушителями семьи; правда, мы ломаемъ ограды, ее стѣсняющія; но ради того, чтобы расширить ее и распространить на всѣхъ объектовъ нашей любви, на всѣхъ людей, насъ окружающихъ, на всѣхъ тѣхъ, къ кому влекутъ насъ наши симпатіи.

Если разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія, онъ выясняется самъ собою, и нѣтъ нужды прибѣгать къ какому-то «общественному посредничеству». Всѣ раздѣлятъ между собою работу добровольно, и каждый найдетъ въ ней личное удовлетвореніе, ибо выберетъ то, что отвѣчаетъ его способностямъ, и къ чему чувствуетъ влеченіе.

Сторонники власти возражаютъ намъ слѣдующее: «Если общество не будетъ контролировать воспитателей, и имъ будетъ предоставлена свобода воспитывать дѣтей по своему усмотрѣнію, то можетъ легко случиться, что порочные люди направятъ въ дурную сторону умственныя способности своихъ воспитанниковъ, пріучатъ ихъ къ тунеядству и сдѣлаютъ опасными для общества».

«Можетъ случиться также, что иная мать, движимая материнскимъ чувствомъ, захочетъ, напр., во что бы то ни стало сама воспитывать своего ребенка, между тѣмъ какъ будетъ доказано, что ея болѣзненное состояніе не позволяетъ этого».

И много другихъ фактовъ приводится ими, которыхъ нельзя предвидѣть, и которые, якобы, могутъ вызвать недоразумѣнія въ новомъ обществѣ вслѣствіе неограниченной свободы личности.

Разберемъ по очереди всѣ ихъ возраженія и докажемъ, что свобода и естественныя наклонности больше значатъ въ жизни общества, чѣмъ власть, которая всегда еще болѣе запутываетъ всякія ненормальныя общественныя явленія.

Если на основаніи естественныхъ законовъ кто-либо можетъ предъявлять права на ребенка, то несомнѣнно прежде всего его мать. Право это принадлежитъ ей больше, чѣмъ обществу и отцу, который, по существу, можетъ считать себя отцомъ ребенка только вслѣдствіе довѣрія къ ней. Мать выносила его въ себѣ въ теченіи столькихъ мѣсяцевъ, терпя всю тягость беременности, и болѣе чѣмъ кто-либо иной способна ухаживать за хрупкимъ существомъ, которое, питаясь молокомъ изъ ея груди, составляетъ въ первое время своей жизни какъ бы часть ея тѣла; поэтому право удержать ребенка при себѣ безспорно принадлежитъ матери.

Впрочемъ, въ анархическомъ обществѣ не будетъ ни жандармовъ, ни принужденія, и тѣмъ женщинамъ, которыя любятъ своихъ дѣтей, будетъ предоставлена полная свобода. Остается рѣшить, что будетъ съ тѣми, которыя не любятъ своихъ дѣтей.

Въ современномъ обществѣ при тяжелыхъ условіяхъ существованія, мать не задумывается довѣрять ребенка кормилицѣ, если сама не можетъ, или не хочетъ воспитывать его: женщина-работница дѣлаетъ это, чтобы имѣть возможность продолжать работать; женщина изъ буржуазіи — чтобы избавиться отъ скучной обязанности ухаживать за ребенкомъ, или чтобы не испортить бюстъ и быть въ состояніи продолжать декольтироваться на балахъ и раутахъ.

Тѣмъ болѣе въ будущемъ обществѣ всякая мать согласится довѣрить ребенка добровольной кормилицѣ, разъ только будетъ доказано, что это необходимо для его здоровья.

Въ особенности, если имѣть ввиду, что кормленіе грудью не есть условіе sine qua non здоровья ребенка, и что мать всегда будетъ имѣть возможность перемѣнить мѣсто жительства и поселится въ мѣстности, гдѣ имѣются соотвѣтствующія климатическія условія, чтобы самой продолжать ходить за своимъ ребенкомъ.

Кормленіе грудью — физіологическая функція матери, и если оно можетъ совершаться безъ вреда для нея и для ребенка, то тѣмъ лучше. Исходя изъ этого положенія нѣкоторые врачи пытаются доказать, что кормленіе молокомъ матери необходимо для нормальнаго развитія ребенка; между тѣмъ ежедневно приходится видѣть дѣтей, которыя развиваются и выростаютъ здоровыми и сильными, будучи выкормлены даже безъ кормилицъ, а искусственными средствами, и при томъ въ самыхъ ненормальных условіяхъ, когда неимущіе родители, за недостаткомъ денежныхъ средствъ и умственнаго развитія не могутъ примѣнить многихъ усовершенствованій въ данной области.

Слѣдовательно, кормленіе молокомъ матери не является необходимостью, и всѣ аргументы против этого должны быть отнесены къ категоріи тѣхъ аргументовъ, которые якобы научны, а въ сущности придумываются для защиты класовыхъ интересовъ. Буржуазная семья распадается, и буржуазія хотѣла бы, чтобы кромѣ семейныхъ чувствъ существовала еще мораль, обязующая матерей сохранять дѣтей при себѣ.

Совершенно иначе будетъ обставлено это дѣло въ будущемъ обществѣ: продукты не будутъ фальсифицироваться корыстными торгашами, и не только кормъ для коровъ будетъ приспособленъ къ ихъ назначенію: доставлять молоко для кормленія дѣтей, но и сами коровы будут поставлены въ наилучшія условія, вслѣдствіе чего будутъ сильны и здоровы, а не худосочны, как большинство ихъ въ нашихъ современныхъ городахъ.

Дѣтей, которымъ необходима будетъ перемѣна климата, не нужно будетъ разлучать съ матерями; въ настоящее время перемѣна мѣста жительства затруднена, главнымъ образомъ, дороговизной передвиженія, а также неувѣренностью, что на новомъ мѣстѣ найдутся средства къ существованію; въ будущемъ обществѣ средства передвиженія будутъ удешевлены до крайняго предѣла, и жители новыхъ мѣстъ примутъ новоприбывшихъ не какъ конкуррентовъ, явившихся, чтобы отбить у нихъ работу, а какъ товарищей, на помощь и трудоспособность которыхъ они могутъ разсчитывать.

Среди тѣхъ, кто посвятитъ себя воспитанію дѣтей, не будетъ больше наемниковъ, ненавидящихъ свое занятіе; воспитатели и воспитательницы будутъ съ любовью слѣдовать своему призванію, и оно будетъ служить лучшей гарантіей

пользы, приносимой ими дѣтямъ, такъ какъ всѣ старанія этихъ лицъ будутъ направлены къ тому, чтобы дѣти увлеклись ученіемъ, и такимъ образомъ ихъ умственное развитіе будетъ обезпечено.

Что касается возраженія, будто умственно ограниченные родители могутъ дать плохое воспитаніе ребенку, извративъ его первыя впечатлѣнія и прививая ему предразсудки, которыми одержимы сами, то такое возраженіе не представляется серьезнымъ.

Кто въ настоящее время не одержимъ предразсудками? У каждаго человѣка найдется какое-либо ложное понятіе, привитое ему дурнымъ воспитаніемъ, и тѣмъ не менѣе всякій считаетъ себя просвѣщеннѣе своихъ сосѣдей. Нѣтъ положительнаго метода опредѣленія правильности и безошибочности какой-либо спекулятивной концепціи; каждый судитъ по своему способу воззрѣнія и считаетъ свое сужденіе правильнымъ, и сама наука признаетъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ, увы, весьма немногихъ истинъ, ясно опредѣленныхъ и признанныхъ неизмѣнными, все вокругъ насъ подвержено измѣненіямъ, трансформаціи: то, что сегодня признается истиной, является таковой только вслѣдствіе неполноты нашихъ познаній, и завтра же какое-нибудь новое открытіе можетъ доказать ея невѣрность.

Сосредоточить всѣ человѣческія знанія въ одномй системѣ обученія, къ которой должны были бы приспособляться всѣ, значило бы хотѣть кристализировать ихъ, и мы знаемъ, какой вредъ принесло оффиціальное обученіе; оно затормозило развитіе многихъ поколѣній, прошлыхъ и современныхъ, и только критицизмъ, который не могъ быть совершенно подавленъ, нѣсколько парализовалъ этотъ вредъ. Не будемъ же подъ прделогомъ прогресса увеличивать зло, создавая институтъ, благодаря которому все человѣчество должно пройти черезъ одно и то же духовное горнило.

При современномъ строѣ родителямъ мѣшаетъ дать дѣтямъ всестороннее образованіе и заставляетъ посылать ихъ предпочтительнѣе въ мастерскую, чѣмъ въ школу, въ большинствѣ случаевъ все тотъ же денежный вопросъ; но несмотря на существующія затрудненія этого рода, несмотря на невѣжество, держащее неимущихъ на самой низкой ступени культуры, число неграмотныхъ уменьшается съ каждымъ днемъ, и поэтому нельзя даже допустить мысли, чтобы въ будущемъ обществѣ родители, не удерживаемые болѣе роковымъ вопросомъ: гдѣ добыть хлѣба? — все-таки хотѣли оставить своихъ дѣтей невѣжами; вѣдь даже современные обскурантисты жалуются на то, что «низшіе классы», ненавидятъ свое положеніе и стремятся къ чему-то высшему; это приписывается ими обязательному обученію, и они сожалѣютъ о тѣхъ временахъ, когда люди вѣрили въ дьявола и колдуновъ, не умѣли пи-

сать, и терпѣливо несли страданія въ земной жизни, въ надеждѣ на награду въ загробной.

Когда люди будутъ поставлены въ условія, обезпечивающія полное физическое и моральное ихъ развитіе, они не захотятъ быть обскурантами и оставлять свое потомство въ невѣжествѣ, въ особенности, если пріобрѣтеніе познаній явится залогомъ превосходства человѣка надъ другими на пути къ достиженію счастья въ жизни.

Централизовать обученіе   это значитъ остановить развитіе, и примѣненіе къ нему принудительнаго режима равносильно совершенному его уничтоженію. Для свободнаго развитія человѣчества необходимо, чтобы воспитаніе ребенка было предоставлено индивидуальной инициативѣ.

Каждый изъ насъ рождается съ разнообразными способностями, которыя развиваются постольку, поскольку намъ дана возможность упражнять ихъ, а это возможно только при системѣ полной свободы. Въ воспитаніи мы не признаемъ режима, который предписывалъ бы «надлежащій» путь и въ этомъ отношеніи людямъ долженъ быть предоставленъ свободный выборъ. Какъ бы широко ни была задумана въ теоріи система обученія, основанная на власти, на практикѣ она приводитъ къ угнетенію дѣтей и извращенію ихъ дарованій.

Тѣмъ, кто въ будущемъ обществѣ посвятитъ себя воспитанію дѣтей, не придется приступать къ дѣлу съ заранѣе намѣченной программой; они должны будутъ прежде всего изучать характеры своихъ воспитанниковъ и отличать ихъ дарованія, чтобы способствовать развитію таковыхъ въ видахъ проложенія имъ дороги въ жизни.

Роль ихъ будетъ состоять въ томъ, чтобы вызывать вопросы учениковъ, объяснять то, что имъ кажется неяснымъ, и отнюдь не нагружать ихъ головы фактами, которые затѣмъ они пересказываютъ безъ всякаго пониманія.

Если мышленіе современаго человѣка извращено, если его умъ переполненъ предразсудками и нелѣпыми сужденіями, отъ которыхъ онъ не можетъ отрѣшиться, то въ этомъ виновата централистическая система обученія, придуманная Государствомъ и Церковью, которую не могло побороть воспитаніе, получаемое дома, въ семьѣ, ибо сами родители не свободны отъ тѣхъ же предрзасудковъ и нелѣпыхъ сужденій.

Еслибы, по ниспроверженіи Государства и Церкви, ктолибо изъ родителей вздумалъ воспитывать своихъ дѣтей въ прежнемъ духѣ, то это было бы невозможно въ силу хода вещей.

Жажда знанія врождена въ человѣкѣ; въ будущемъ обществѣ появятся группы людей, задающихся цѣлью облегчить желающимъ изученіе спеціальныхъ отраслей науки, и

такъ какъ всякій человѣкъ, убѣжденный въ правильности своей идеи, является прозелитомъ ея, то такія группы не будутъ ограничиваться изученіемъ даннаго предмета, а будутъ стараться пропагандировать конечные выводы изученія. Такимъ образомъ создастся безконечное множество такихъ группъ для каждой отрасли знанія, и заранѣе можно предвидѣть, какое грандіозное возникнетъ умственное движеніе, и какой широкій обмѣнъ мыслей получится въ результатѣ его.

Кромѣ того, взаимныя отношенія между людьми будутъ гораздо шире и интимнѣе, чѣмъ въ современномъ обществѣ; все что изо дня въ день будетъ происходить передъ глазами ребенка, и о чемъ он ежедневно будетъ слышать, не позволить ему подпасть подъ абсолютное вліяніе родителей и настав никовъ, и онъ пойдетъ только затѣмъ, въ комъ увидитъ дѣйствительную симпатію и доброжелательность къ себѣ, а тотъ, кто дѣйствительно любитъ ребенка, жертвуетъ собою ради доставленія ему всѣхъ средствъ, необходимыхъ для его развитія.

Все, что нужно для пріобрѣтенія познаній, ребенокъ найдетъ, въ случаѣ отказа родителей, въ окружающей его средѣ, и больше того, если бы родители захотѣли навязать ему свою власть, и онъ отъ этого чувствовалъ себя несчастнымъ, ему легко будетъ оставить родителей и отдать себя подъ покровительство лицъ болѣе ему симпатичныхъ.

Родители лишены будутъ возможности прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи, чтобы вернуть его, ибо онъ ихъ собственность въ силу современныхъ законовъ, но въ будущемъ обществѣ онъ будетъ свободенъ.

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что все-таки встрѣтятся случаи, когда родители, вслѣдствіе отсутствія какихъ либо узаконеній, извратятъ умъ или даже развратятъ своихъ дѣтей.

Мы отвѣтимъ, что упраздненіе власти не уничтожитъ солидарности, но напротивъ разовьетъ ее. Въ современномъ обществѣ, несмотря на наличность власти, факты несправедливости многочисленны, и очень часто невозможно постороннее вмѣшательство изъ-за различныхъ осложненій, съ которыми связана судебная процедура, хотя всякій такой фактъ вызываетъ всеобщее негодованіе. Въ будущемъ обществѣ, обидчики не будутъ находить защиты въ рутинномъ законѣ, и легко будетъ дать имъ понять, что право сильнѣйшаго — это палка о двухъ концахъ.

Людямъ будетъ предоставлена свобода развивать солидарность во всѣхъ направленіяхъ, и они сумѣютъ при помощи пропагандированія нашей системы обученія побороть нелѣпыя тенденціи умственно ограниченныхъ родителей. И неужели изъ-за того, что ничтожному числу глупыхъ людей хочется итти противъ здраваго смысла, долженъ быть навязанъ всему человѣчеству какой-то институтъ, который уже потому будетъ анти-освободительный и анти-прогрессивный, что будетъ возведенъ въ законъ.

Современные послѣдователи Мальтуса доказываютъ, что количество съѣстныхъ продуктовъ не прямо пропорціонально количеству народонаселенія, и что если половыя отношенія не будутъ регламентированы никакимъ общественнымъ договоромъ; если родители не будутъ обязаны воспитывать свое потомство, то дѣти размножатся, какъ кролики, и люди, будучи слишкомъ многочисленны, вынуждены будутъ необходимостью возобновить войны. По словамъ этихъ пророковъ возвратятся на землю времена дикаго состоянія и людоѣдства.

Мы уже видѣли, что въ настоящее время имѣется столько же земли необработанной, сколько воздѣланной, и каждый день изобрѣтаются новые способы получить самый большій урожай на минимальномъ пространствѣ земли; въ Китаѣ, напримѣръ, при самыхъ примитивныхъ средствахъ обработки земли прокармливается народонаселеніе, большее чѣмъ во всей Европѣ, и недостатокъ орудій земледѣлія пополняется неусыпнымъ трудомъ надъ землею и безпрерывнымъ ея удобреніемъ. При помощи усовершенствованныхъ орудій, а также знанія свойствъ почвы, химіи растеній и искуственныхъ удобреній можетъ быть достигнуто очень многое. Слѣдовательно для человѣчества открыто огромное пространство, и ему нечего опасаться переполненія міра дѣтьми. Кромѣ того, муки дѣторожденія и неудобства, связанныя съ беременностью, всегда будутъ служить сдерживающими стимулами, не говоря о томъ, что остается открытымъ вопросъ: не уменьшается-ли плодовитость какой-либо расы, или рода, по мѣрѣ большаго развитія ихъ интеллекта? Предоставимъ новымъ поколѣніямъ устранить затрудненія, которыя они встрѣтятъ, и будущее навѣрно укажетъ имъ, какъ это сдѣлать. Мы съ нашимъ узкимъ умственнымъ кругозоромъ не можемъ быть пророками.

ГЛАВА XXIV.

Искусство и художники.

«Коммунистическое общество — это смерть искусства» — восклицаютъ нѣкоторые художники, видящіе въ литературѣ, живописи, ваяніи, музыкѣ, театрѣ и проч. только средство нажить деньги. Опредѣляя «цѣнность» художественнаго произведенія размѣромъ той денежной суммы, какую можно за него получить, они воображаютъ, что необходимо существованіе «аристократіи», умѣющей ихъ цѣнить, и боятся мысли, что она можетъ исчезнуть, и ихъ «искусство» перестанетъ приносить имъ награды, комфортъ, ордена и академическіе титулы.

Другіе изъ нихъ считаютъ себя независимыми, потому что они-де «ненавидятъ все мѣщанское»; въ сущности они, сами того не подозрѣвая, такіе же реакціонеры, какъ и предыдущіе, ибо они сторонники теоріи: «искусство для искусства», и проповѣдуютъ, что книги, картины, статуи прежде всего должны не быть тенденціозными. Художникъ не долженъ имѣть иного убѣжденія, кромѣ «искусства». Красота художественнаго произведенія обуславливается рисункомъ, колоритомъ построеніемъ фразы, созвучіемъ словъ. Этого для художника достаточно, и онъ въ особенности длженъ избѣгать вложить въ произведеніе свои мысли о современности и будущемъ обществѣ, ибо художникъ долженъ довлѣть самому себѣ.

Тотъ, кто осмѣливается утверждать, что кромѣ удовольствія для глазъ и слуха, художественное произведеніе должно давать пищу для ума того, кто читаетъ, смотритъ или слушаетъ, оскорбляетъ искусство, и говорить, что художественное произведеніе можетъ служить идеалу, какъ средство пропаганды, значитъ опорочить его.

Такіе «непримиримые» доказываютъ, что искусство слишкомъ возвышенно, чтобы быть понятнымъ толпою, и что хотѣть его сдѣлать ей понятнымъ равносильно обезчещенію его.

Мы не говоримъ, что искусство должно быть приспособлено къ уровню вкусовъ толпы, ибо это означало бы калѣчить мысль и форму, что представляетъ позорное дѣяніе, котораго

тщательно долженъ избѣгать уважающій себя художникъ. Унижаться до лести низменнымъ вкусамъ толпы также позорно, какъ проституировать мысль ради привлеченія покупателей. Но можно стараться сдѣлать мысль понятной, устранить нарочно придумываемыя неясности и употреблять удобопонятный способъ изложенія для того, чтобы реагировать на самыхъ непонятливыхъ субъектовъ и вызвать въ ихъ мозгахъ рядъ впечатлѣній, дозволяющій имъ понять хоть одну какую-либо часть художественнаго произведенія. Полагаемъ, что таково назначеніе искусства, и что гораздо легче витать въ небесахъ, оставаясь непонятнымъ для другихъ, чѣмъ быть точнымъ и яснымъ и сохранять при этомъ вполнѣ безупречную форму.

Мнѣ могутъ возразить, что до настоящаго времени художественныя произведенія, имѣвшія служить пропагандѣ, всегда грѣшили со стороны формы. Возраженіе это дѣлалось часто, и, можетъ быть, оно основательно. Тѣмъ не менѣе, навѣрно, есть тенденціозныя произведенія, художественныя по формѣ; еслибы собрать статистическія данныя, то вѣроятно большинство такихъ произведеній, въ особенности, по литературѣ, окажется малоцѣннымъ въ этомъ отношеніи, но это доказываетъ только одно, а именно, что авторы были люди убѣжденные, но не обладали талантомъ, необходимымъ, чтобы создать художественное произведеніе.

Если же и обладали имъ, то какъ часто бываетъ съ людьми убѣжденными, они увлеклись сущностью идеи въ ущербъ ея выраженію; желая во что бы то ни стало изобразить красоту идеи, отбросили всѣ противорѣчія, выбрали только то, что говоритъ въ пользу ея, и такимъ образомъ не были правдивы; а между тѣмъ, какъ бы тамъ ни было, правдивость является главнымъ условіемъ всякаго произведенія искусства.

Я никогда не видѣлъ картины Пиккіо «Торжество порядка», и если-бы даже увидѣл ее, то не будучи знатоком, не сумѣлъ бы ее оцѣнить по достоинству, но всякій согласится со мною, что обладая талантомъ, можно на эту тему создать chec d'oeuvre, и что основная идея ея будетъ содѣйствовать этому.

«Жерминаль» всегда останется однимъ изъ лучшихъ произведеній Золя. Намъ скажутъ, что Золя не думалъ этой книгой пропагандировать соціализмъ; согласенъ; но онъ описалъ въ ней борьбу капитала и труда, и трудно лучше изобразить антагонизмъ между ними, чѣмъ онъ это сдѣлалъ взаимнымъ противопоставленіемъ семействъ Грегуаръ и Маге, точно также никто не станетъ утверждать, что если бы Золя былъ убѣжденнымъ соціалистомъ, то произведеніе его отъ этого вышло бы хуже.

Когда Деклавъ писал свое: «Sous offs», Генри Фавръ: «Au Port d'Armes» Даріенъ: «Bas lescoeurs» и «Biribi»; Гауптман: «Тка-

че», Ажальберъ: «La fille Elisa», заимствованное изъ романа Гонкуровъ, они не хотѣли пропагандировать, но навѣрно хотѣли выразить свое отвращеніе къ нѣкоторымъ изъ современныхъ общественныхъ институтовъ, и вотъ почему въ ихъ книгахъ всегда будетъ слышаться крикъ возмущенія.

Вышесказанное не понравится господамъ сторонникамъ искусства для искусства. По ихъ мнѣнію художественное произведеніе, разъ его понимаетъ толпа, перестаетъ быть таковымъ, ибо чтобы быть художественнымъ, оно должно быть недоступно пониманію массы, и говорить своимъ собственнымъ языкомъ, ключемъ къ которому владѣютъ только немногіе «посвященные». Для нихъ искусство это божество, всегда скрытое въ туманномъ облакѣ, для служенія которому приставлена небольшая группа жрецовъ, чернь же пусть трудится и терпитъ лишенія, чтобы жрецы-художники могли священнодѣйствовать.

Конечно, не всѣ проповѣдники искусства для искусства заходятъ такъ далеко въ своемъ презрѣніи къ толпѣ, но къ такому выводу приводитъ ихъ теорія, и многіе считаютъ себя гораздо выше грубой черни; не всѣ они, конечно, стремятся стать въ ряды привиллегированныхъ, и нѣкоторые изъ нихъ протестуютъ противъ существующаго строя съ его беззаконіями, но только тогда, когда имъ самимъ приходиться испытывать ихъ на себѣ.

Для насъ такъ называемыя произведенія искусства суть только проявленіе человѣческой дѣятельности, и вопросъ о нихъ въ будущемъ обществѣ не является отдѣльнымъ, самостоятельнымъ, а рѣшается, какъ и вопросъ о всякой человѣческой дѣятельности вообще, тѣмъ, что творчеству человѣка будетъ предоставлена самая полная свобода.

При помощи взаимнаго соглашенія и солидарности художники найдутъ возможность распространять свои произведенія, которыя будутъ дѣйствительно художественными, потому что процессъ творчества не будетъ стѣсненъ заботами о матеріальныхъ средствхъ, при какихъ работаютъ художники въ современномъ обществѣ.

Чтобы ни говорили дилетанты, писатель, художникъ, скульпторъ работаютъ не ради себя самихъ и не для того, чтобы самимъ только наслаждаться своими произведеніями и прятать ихъ отъ профановъ. Художественныя наслажденія и по существу своему, принадлежатъ къ категоріи альтруистическихъ, которыя только тогда вполнѣ удовлетворяются, когда въ нихъ принимаютъ участіе другіе; конечно, если художникъ убѣжденъ въ красотѣ своего произведенія, то ему нѣтъ дѣла до мнѣнія профановъ; тѣмъ не менѣе чужія похвалы доставляютъ ему удовольствіе. Писатель, издавая книгу, или ищетъ одобренія для проводимой имъ идеи, или пропагандируетъ ее; то же можно сказать о художникѣ или скульптурѣ,

когда они выставляютъ картину или статую, о композиторѣ, выступающемъ передъ публикою съ музыкальнымъ произведеніемъ, о драматургѣ, ставящемъ пьесу.

Въ современномъ обществѣ три четверти изъ числа тѣхъ, кто хотѣлъ бы служить искусству, не можетъ этого сдѣлать вслѣдствіе тяжелыхъ условій существованія. Человѣкъ, вынужденный 10 или 12 часовъ въ сутки тратить на добываніе средствъ къ пропитанію, не имѣетъ возможности отдаваться своимъ эстетическимъ стремленіямъ, и только очень небольшое число матеріально обезпеченныхъ можетъ культивировать ихъ. Остальнымъ, если тѣ крохи дарованія, какія были у нихъ, не атрофировались совершенно въ борьбѣ за существование, предоставляется любоваться произведеніями привиллегированныхъ счастливцевъ.

Въ будущемъ обществѣ количество времени, необходимое для удовлетворенія насущныхъ потребностей человѣка, сократится до минимума и будетъ служить какъ бы гимнастикой, благодаря которой будутъ развиваться его физическія силы.

Поэтому каждый человѣкъ сможетъ упражнять свои дарованія и таланты въ томъ направленіи, какое найдетъ нужнымъ, чтобы достигнуть идеалъ, къ которому стремится. Истинныя дарованія будутъ оцѣнены по достоинству, а самомнѣніе людей, воображающихъ только, что у нихъ есть талантъ, найдетъ себѣ удовлетвореніе безъ ущерба для другихъ; если работы ихъ окажутся неудачными, то виновниками будутъ только они сами. Между тѣмъ въ современномъ обществѣ такіе люди, если они богаты, часто пріобрѣтаютъ авторитетъ, вредный для другихъ.

Если наприм., композиторъ захочетъ познакомить публику со своими произведеніями, онъ долженъ будетъ среди окружающихъ найти исполнителей, готовыхъ ему помочь, и если окажется нужнымъ, онъ сдѣлается ихъ учителемъ, и такимъ образомъ его желаніе распространить свои произведенія заставитъ его быть полезнымъ другимъ, чтобы заручиться ихъ сотрудничествомъ. Если онъ захочетъ издать свои произведенія печатно, то окажется одно изъ двухъ: или потребность въ этомъ будетъ чувствоваться имъ однимъ, или его будутъ побуждать къ этому поклонники его таланта, въ какомъ случаѣ содѣйствіе послѣднихъ будетъ обезпечено, и къ изданію не встрѣтится никакихъ затрудненій.

Въ первомъ случаѣ затрудненій будетъ много, но не непреодолимыхъ. Худшее, что можетъ случиться, это то, что онъ будетъ вынужденъ, если не найдетъ никого, кто бы интересовался его произведеніями, сдѣлаться самому граверомъ и типографщикомъ.

Тогда он будетъ вынужденъ завести сношенія съ группой лицъ, производящихъ нужные ему предметы; долженъ будетъ

или стараться заинтересовать ихъ въ изданіи, или же быть полезнымъ имъ, чтобы получить отъ нихъ помощь. Во всякомъ случаѣ передъ нимъ откроется обширное поле дѣятельности: индивидуальной личности будетъ данъ просторъ, а не поставлена преграда, какую она встрѣтила бы въ современномъ обществѣ.

Человѣкъ не можетъ быть всестороннимъ и судить о чемъ либо здраво только тогда, когда обладаетъ познаніями въ разныхъ областяхъ, ибо человѣческія знанія, какъ и міровыя событія, связаны другъ с другомъ и вытекаютъ одно изъ другого.

Являясь по очереди то причинами, то слѣдствіями, сбытія становятся понятными только для того, кто умѣетъ ихъ сгруппировать, и не разсматриваетъ каждое въ отдѣльности.

Произведеніе искусства приближается къ совершенству, когда меньше всего даетъ матеріала для критики и переходитъ в шедевръ, когда оно безупречно. Такъ какъ всякое произведеніе искусства затрагиваетъ въ большей или меньшей степени каку-либо область міровыхъ явленій, то художникъ вынужденъ, чтобы быть правдивымъ, добросовѣстно изучить всю совокупность этихъ явленій для того, чтобы въ его произведеніе не вкралась какая-либо аномалія, могущая испортить цѣлое.

Какова бы ни была сила воображенія, каковы бы ни были терпѣніе и добросовѣстность художника, онъ изобразитъ хорошо только то, что хорошо знаетъ, и какъ бы онъ ни былъ вдохновленъ своимъ трудомъ, если его познанія ограничены, какъ это бываетъ вслѣдствіе современной системы образованія, произведеніе его отъ этого пострадаетъ; конечно, въ мелочахъ, но онѣ замѣтны тѣмъ, у кого есть спеціальныя познанія въ данной области, и когда общій уровень интеллектуальнаго развитія массы поднимется, то такіе недостатки сдѣлаются замѣтнѣе, если художникъ не будетъ стараться расширить кругъ своихъ познаній.

Уже въ настоящее время, въ современномъ обществѣ наблюдается это движеніе въ смыслѣ ассоціаціи родственныхъ другъ другу дарованій; мы говорили уже о разнаго рода музыкальныхъ обществахъ; пока они не поднимаются выше средняго уровня; но то, что возможно въ области низшаго искусства, возможно и для высшаго. Распространяются также ассоціации для театральныхъ представленій съ какимъ-либо опредѣленнымъ направленіемъ; изъ нихъ заслуживаютъ быть упомянутыми: «Le Theatre Libre» и «l'Oeuvre».

При современномъ строѣ такія ассоціации стѣснены денежнымъ вопросомъ и не могутъ еще освободиться отъ наличности іерархическаго духа. Вынужденные только же имѣть представителей капитала, сколько людей доброй воли, иниціаторы ихъ часто группируются, руководствуясь обстоятель-

ствами, а не сообразно однороднымъ дарованіямъ сочленовъ, но несмотря на всѣ отрицательныя условія, инициатива даетъ хорошіе результаты.

Въ будущемъ обществѣ денежный вопросъ будетъ устраненъ, и останется только искать людей доброй воли, и такъ какъ всѣ будутъ свободны, то и подборъ сдѣлается легче. Театральныя пьесы всегда будутъ писаться, и всегда найдутся желающіе ихъ исполнять; они будутъ сближаться между собою и ассоціировать свои дарованія въ этой сферѣ. Къ нимъ присоединятся и тѣ, кто можетъ оказать содѣйствіе: одинъ выписываніемъ декорацій, другой въ качествѣ режиссера, третій заготовкой костюмовъ и т. д.

Если бы каждый изъ зрителей по мѣрѣ силъ и возможности помогалъ исполненію пьесы, которую смотритъ, то получаемое имъ удовольствіе от этого стало бы больше. Конечно, найдутся докучливые субъекты, но отъ нихъ избавиться легче, чѣмъ найти денежную поддержку, какая необходима въ настоящее время.

То, что говорится здѣсь о театральныхъ представленіяхъ приложимо ко всякому другому интеллигентному развлеченію, и такимъ образомъ въ будущемъ обществѣ такія развлеченія, не только не будутъ запрещаться, но, напротивъ, сдѣлаются доступными для всѣхъ.

Въ настоящее время художникъ, если онъ не богатъ, то, за очень рѣдкими исключеніями врядъ ли выдвинется изъ толпы; творчеству онъ отдается только въ ущербъ душевному спокойствію и тѣлесному здоровью, и когда, наконецъ, его произведеніе увидитъ свѣтъ, то сколько уступокъ и сдѣлокъ съ своею совѣстью потребуется отъ него для того, чтобы онъ получилъ извѣстность!

Мнѣ возразятъ, что «трудности закаливают человѣка» и что «истинный талантъ всегда выбьется наружу». Замѣтимъ себѣ, что афоризмъ этотъ приходится всегда слышать отъ тѣхъ кто обладаетъ всѣмъ, что имъ нужно, и никогда не проявляетъ никакихъ талантовъ. Зато, если одному талантливому человѣку удается побороть всѣ трудности, то сколько ихъ гибнетъ въ нищетѣ, не говоря уже о томъ, что весьма часто и этотъ одинъ не избѣжалъ бы общей участи, если бы ему не помогли какія-нибудь случайныя постороннія обстоятельства, не зависящія отъ его таланта и воли. Правда, въ бѣдности человѣкъ закаливается, но если она крайняя, то убиваетъ, и сколько погибло отъ нея богато одаренныхъ людей, которые при благопріятныхъ условіяхъ могли бы развиться и стать первостепенными художниками! Никто не вернетъ художнику лучшихъ годовъ его жизни, отнятыхъ у него эксплоататорами!

Для художника сдѣлаться извѣстнымъ недостаточно; нужно еще, чтобы талантъ его цѣнился, и чтобы онъ могъ имъ существовать. Картина задумана: идея ея какъ будто трепещетъ въ головѣ художника, и руки простираются, чтобы обнять воплощеніе ея... но въ домѣ пусто, даетъ себя знать голодъ, и дѣти просятъ хлѣба; приходится работать на жизнь, а не отдаваться искусству; исполненіе откладывается на лучшія времена; нужно брать работу, какую предлагаетъ предприниматель; искусство превращается въ средство къ существованію, а тамъ настанетъ и день, когда окажется, что идея исчезла безвозратно, и художникъ превратился въ простого ремесленника.

Творчество въ наши дни достояніе очень незначительнаго числа счастливцевъ, обязанныхъ своимъ положеніемъ обстоятельствамъ, не имющимъ ничего общаго съ талантомъ. Только люди богатые могутъ отдаваться тому, что они называютъ «художественнымъ чутьемъ». Отдѣльные между ними дѣйствительно обладаютъ вкусомъ, но взятые въ массѣ, они — филистеры, невѣжественные и тупоумные, опасные своимъ богатствомъ, въ томъ отношеніи, что развращаютъ эстетическое чувство общества, ибо съ ихъ вкусами надо считаться, такъ какъ они одни имѣютъ возможность покупать художественныя произведенія. Въ настоящее время художникъ руководствуется не самостоятельными концепціями своей творческой силы, а требованіями тѣхъ, кто покупаетъ его произведенія, и вотъ почему современное искусство представляетъ собою ремесло, моду, эквилибристическое упражненіе.

Свободное искусство, какъ мы его понимаемъ, сдѣлаетъ художника единственнымъ его хозяиномъ. Онъ будетъ имѣть возможность весь отдаваться своему воображенію, всѣмъ капризамъ своей фантазіи и создавать свое произведеніе такимъ, какимъ онъ задумалъ, вкладывать въ него все свое вдохновеніе и весь энтузіазмъ. Тогда произведеніе будетъ воплощеніемъ идеи самаго художника, а не чужой, навязанной ему внѣшними ничего общаго съ нимъ не имѣющими обстоятельствами.

Конечно, рядомъ съ дѣйствительно художественными произведеніями образуется огромный завалъ безталантныхъ ничего не стоющихъ, но намъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Вѣдь въ наши дни любой богачъ отъ нечего дѣлать заполняетъ свои гостиныя плохими картинами и уродливыми статуями, пренебрегая настоящими художественными произведеніями. Люди, не обладающіе талантомъ, будутъ развѣ только что терять свое время, и если найдутъ почитателей, то тѣмъ лучше для нихъ, но вредить никому не будутъ.

Но какъ бы тамъ ни было, по мѣрѣ того, какъ съ усовершенствованіемъ орудій производства, съ распространеніемъ

научныхъ познанiй жить человѣку будетъ становиться легче, интеллектуальная и эстетическая сторона индивидуальной личности получатъ перевѣсъ надъ ея другими сторонами, и, какъ выразился X. — на этотъ разъ правильно — одинъ изъ декадентовъ: Искусство, высшее проявленiе индивидуализма, будетъ способствовать полному удовлетворенiю человѣка и его развитiю.

ГЛАВА XXV.

Традиція и обычай.

Итакъ, разсмотрѣвъ нѣкоторые виды проявленія человѣческой дѣятельности, мы пришли къ выводу, что со всѣхъ точекъ зрѣнія самая полная свобода есть вѣрнѣйшій залогъ совершеннаго мира и полной гармоніи.

Тѣ, кто всегда былъ подъ опекой и потому не можетъ отвлечься отъ современныхъ условій и воображаетъ, что человѣчество не можетъ жить безъ указки, навѣрно, скажутъ «общество погибнетъ, если не будетъ законовъ»! Какъ будто законъ былъ необходимъ для существованія общества, какъ будто не существуютъ еще агломераціи людей, обходясь безъ законовъ постольку, поскольку это допускаетъ ихъ степень развитія.

Законы сами по себѣ безсильны принудить людей исполнять предписанія и заставить уважать налагаемыя ими запрещенія.

Для того, чтобы быть дѣсйтвительными, законы должны поддерживаться принудительной силой. И сама эта сила — какъ мы видѣли — плохая поддержка, если нравы находятся въ противорѣчіи съ тѣмъ, что предписываетъ законъ.

Когда начинаютъ критиковать законы, это значитъ, что они уже теряютъ свою силу. Законы только тогда имѣютъ настоящую силу, когда они находятся въ полномъ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, что встрѣчается очень рѣдко.

Но самъ по себѣ законъ никогда ничего не устранялъ. Въ средніе вѣка воровство каралось висѣлицей или колесованіемъ; судебное слѣдствіе велось при помощи самыхъ ужасныхъ пытокъ; богохульникамъ жгли языкъ и губы, и колдуновъ сжигали на кострахъ. Но все это не мѣшало людямъ богохульствовать; невѣріе распространялось, общество того времени кишѣло колдунами и ворами.

Нынѣ перестали преслѣдовать богохульниковъ и сжигать колдуновъ. Довольствуются тѣмъ, что наказываютъ ихъ за мошеничество или за незаконную медицинскую практику,

согласно статьямъ закона, ими нарушаемымъ. Число ихъ уменьшилось съ того дня, когда ихъ оставили въ покоѣ, и теперь они не проявляютъ намѣреній ни ѣздить верхомъ на метлахъ, ни имѣть сношеній съ сатаной, хотя за это болѣе ихъ никто не вздумалъ бы преслѣдовать.

Что касается воровъ, то хотя наказанія и стали менѣе суровы, ихъ продолжаютъ преслѣдовать, если они не защищены своимъ общественнымъ положеніемъ или должностью, но мы не думаемъ, что ихъ число уменьшилось; здѣсь вопреки законамъ и общественному мнѣнію дѣйствуетъ еще одинъ факторъ: Соціальная организація и институтъ частной собственности, на которомъ она основана, вызываютъ воровство. Воровство есть продуктъ капиталистическаго режима и исчезнетъ только вмѣстѣ съ тѣмъ, что его порождаетъ.

Наоборотъ, если бы кто имѣлъ терпѣніе перерыть собраніе законовъ и указовъ, онъ нашелъ бы, что многіе изъ нихъ вышли изъ употребленія, такъ какъ нравы измѣнились, вслѣдствіе чего они сдѣлались излишними.

Что представляли изъ себя первые писанные законы, какъ не признанные и приведенные въ порядокъ нравы и обычаи. Еще до революціи во Франціи было право феодальное и право обычное. Послѣднее вытекало изъ обычаевъ, и каждая провинція въ очень многихъ случаяхъ управлялась по своимъ обычаямъ. Какъ только буржуазія окрѣпла, первымъ дѣломъ ея было завладѣть прерогативами Парламента, присвоить законодательную власть и издать свои законы и декреты, причемъ она заботилась только объ интересахъ своего класса, не обращая вниманія на мѣстные нравы и обычаи населенія, надъ которымъ ею чинились судъ и расправа. Затѣмъ явился Бонапартъ и продолжалъ дѣло Конвента; онъ смѣшалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими обрывками римскаго права то, что въ изданныхъ до него законахъ могло оправдать его самовластіе; и такимъ образомъ нами при помощи законовъ правятъ давно уже умершіе люди, причемъ каждое новое поколѣніе не упускало случая вносить въ законы еще свои ограниченія, вмѣсто того, чтобы просто всѣхъ ихъ уничтожить. Это только усложнило положеніе и все болѣе и болѣе запутывало насъ въ безвыходную сѣть декретовъ, законовъ и регламентовъ, губящихъ всякаго, кто въ нее попадаетъ.

Тамъ, гдѣ соціальными отношеніями управляютъ традиція и обычай, можно, конечно, говорить, что живые люди управляются мертвыми, но обычаи и нравы незамѣтно измѣняются, и каждая эпоха на старый обычай накладываетъ свой особый отпечатокъ. Все, что не написано, а только признано, но не навязано силою, измѣняется вмѣстѣ съ нравами.

Писанный законъ неподвиженъ; можно его исказить, истолковать такъ, какъ никогда не думали его понимать тѣ, кто его формулировалъ, но чѣмъ эластичнѣе законъ, тѣмъ онъ страшнѣе, ибо призванные его примѣнять получаютъ благодаря его растяжимости большія облегченія приспособить его сообразно своимъ интересамъ.

Вслѣдствіе этого происходитъ, что во время революцій тѣ, которые наканунѣ преслѣдовались существующимъ закономъ, могли на слѣдующій день при помощи того же закона, и того же состава судей карать своихъ вчерашнихъ преслѣдователей. Отъ этого происходитъ также то, что немногіе законы, оскорбляющіе общественное чувство, продолжаютъ управлять нашими дѣйствіями, ибо тѣмъ, кто находится у власти, выгодно увѣковѣчить предразсудки, выраженные въ этихъ законахъ.

Намъ возражаютъ, что въ странахъ, гдѣ царитъ обычай, каковы Корсика и восточная часть Алжира, личная месть дѣлаетъ жизнь во сто разъ болѣе трудной, чѣмъ тамъ, гдѣ примѣняется юридическое наказаніе; что человѣкъ въ этихъ странахъ нисколько не защищенъ отъ мщенія обиженной стороны, и убійство слѣдуетъ за убійствомъ, втягивая въ дѣло мщенія цѣлыя деревни и цѣлый рядъ поколѣній.

Но зато всѣ согласны, что въ этихъ странахъ развилось рыцарское исполненіе даннаго слова, чего лишена большая часть нашихъ якобы цивилизованныхъ странъ; съ другой стороны, необходимо признать, что лучшій законъ ничего не стоитъ, когда судья плохъ, и такъ какъ большая часть сторонниковъ власти признаетъ, что для того, чтобы законы правильно примѣнялись, слѣдовало бы ихъ передать въ руки безгрѣшныхъ ангеловъ, то отсюда легко вывести заключеніе.

Затѣмъ не нужно забывать, что мы не стремимся къ возвращенію назадъ и что общество измѣнится подъ вліяніемъ анархистической эволюціи. Возвратъ къ учрежденіямъ прошлаго, такимъ, какими они существовали, являлся бы регрессомъ. Мы же хотимъ примѣненія того, что полезно и можетъ облегчить эволюцію въ духѣ анархизма.

Между институтами, подерживаемыми властью въ ея интересахъ, мы указывали на бракъ, не упоминая о другихъ, каковыхъ много. Буржуазный строй, чтобы быть прочнымъ, долженъ былъ опереться на семью, такъ какъ при помощи ея можетъ продолжаться господство капитала; поэтому онъ связалъ семью тысячью законныхъ оковъ. Любовь, привязанность, союзъ по выбору и по взаимной склонности — все это

мелочи, выдуманныя мечтателями и до нихъ закону нѣтъ дѣла. Для буржуазіи существуетъ только одна семья — это семья юридическая, основанная на восходящихъ и нисходящихъ линіяхъ со строго проведенной іерархіей, связанная законными формами, и втиснутая въ законныя рамки, въ которой родственниками считаются только тѣ, кто признанъ закономъ, каковы бы ни были ихъ взаимныя чувства и отношенія.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія закона, двое супруговъ, взаимно ненавидящіе другъ друга въ теченіе всей жизни и разошедшіеся, чтобы не жить вмѣстѣ, всегда будутъ считаться составляющими законную семью, единственно дѣйствительную, если только они соединены мэромъ и забыли потребовать отъ другого чиновника, въ другомъ костюмѣ, чтобы онъ продѣлалъ надъ ними обратную церемонію развода; между тѣмъ, двое всегда жившихъ вмѣстѣ и искренно любившихъ другъ друга, будутъ только «сожитель и сожительница», по оффиціальной терминологіи, и ихъ семья не будетъ дѣйствительна, если они пренебрели нѣкоторыми законными формальностями.

Дѣти первой жены, если мужъ многочисленыхъ хлопотъ не добился развода, по закону считаются его единственными законными дѣтьми, тѣ же, которые произойдутъ отъ него внѣ брака, не будутъ для него ничѣмъ. Что касается послѣднихъ, то даже, еслибы ихъ положеніе было урегулировано впослѣдствіи, оно, по закону, считается второстепеннымъ. Оказывается, что въ этомъ вся прелесть нашего законодательства!

Но въ нравахъ происходитъ замѣтный прогрессъ! Незаконнорожденный не является болѣе паріемъ, какъ это было нѣкогда, и какъ думаютъ теперь ретрограды; «незаконныя» связи, какъ мы сказали, весьма распространены среди населенія большихъ городовъ, и, хотя иногда какой-нибудь добрый сосѣдъ вслѣдствіе склонности къ злословію и сплетнямъ начинаетъ судачить, но вездѣ онѣ признаются наравнѣ съ законными.

Иногда нѣкоторымъ удается даже добиться признанія со стороны администраціи. Одинъ законъ остается неподвижнымъ.

Итакъ, современный законъ, поскольку онъ не вдохновляется партійнымъ духомъ, имѣлъ когда-то временное raison d'etre, и есть въ сущности не что иное, какъ выраженіе обычая, притомъ ретроградное, ибо, становясь закономъ, онъ

дѣлается неподвижнымъ и отстаетъ отъ нравовъ, которые, сами по себѣ прогрессируя, измѣнялись.

Болѣе того, общественное мнѣніе неуклонно преслѣдовало всегда только то, что наносило дѣйствительный ущербъ обществу, причиняя вредъ одному изъ его членовъ; причемъ умѣло принимать въ соображеніе намѣренія и обстоятельства. Закономъ предусмотрѣны максимальныя и минимальныя кары, и колебанія его зависятъ больше отъ физіологической натуры тѣхъ, кто призванъ примѣнять законъ, чѣмъ отъ природы самаго преступленія. Наконецъ, развѣ не лучше средство морализировать людей — указывать имъ на то, что нарушеніе полезнаго правила носитъ въ себѣ самомъ наказаніе, ибо повредитъ имъ своими послѣдствіями? Развѣ это не будетъ такъ же нравственно и въ особенности такъ же дѣйствительно, какъ внушать человѣку, что если онъ нарушитъ законъ, то будетъ наказанъ, но, что ему ничего не будетъ, если онъ сумѣетъ скрыть свое преступленіе отъ власти?

Намъ возразятъ, что только страхъ наказанія можетъ принудить людей выполнять свой долгъ; — увы, это обычный привѣтъ сторонниковъ репрессій является ложнымъ аргументомъ. Наши учрежденія, во-первыхъ доказываютъ, что страхъ наказанія не устраняетъ преступленій, и, во-вторыхъ, мы видѣли, что традиція и обычай всесильны у народовъ, называемыхъ нами низшими. Неужели приходиться сознаться, что наша нравственность ниже ихъ?

Вотъ, что разсказываетъ Белло объ индѣйцахъ полярныхъ странъ по поводу складовъ съѣстныхъ припасовъ, устраиваемыхъ ими въ дни удачной охоты, въ расходованіи которыхъ они должны быть особенно экономны, такъ какъ часто сами терпятъ страшный голодъ.

«19 іюня... Г. Гебернъ сказалъ, что индѣйцы ему принесли мясо, къ которому они не притрогивались, хотя не ѣли уже трое сутокъ. Они устраиваютъ склады, въ которыхъ прячутъ часть своихъ запасовъ, чтобы волки не могли ихъ съѣсть. Если вы очень нуждаетесь, они не имѣютъ ничего противъ, чтобы вы взяли, сколько вамъ нужно, но не выбирая кусковъ; ибо, говорятъ они резонно, голодный человѣкъ безъ разобра беретъ то, что находитъ. Равнымъ образомъ считается преступленіемъ, если кто-нибудь не закроетъ кладовую». *)

Слѣдующій примѣръ находимъ у Вамбери, и насъ не могутъ обвинять въ томъ, что мы беремъ примѣры изъ жизни

*) I. K. Bellot, Journal d'un voyage aux mers polaires, стр. 19

идиллическихъ народовъ, такъ какъ здѣсь говорится о туркменахъ, единственное занятіе которыхъ составляетъ грабежъ.

«Туркмены, по моимъ свѣдѣніямъ, мало похожи на описываемыхъ Муравьевымъ, раздѣляются на девять племенъ, называемыхъ Хальк**о**, которые дѣляется на колѣна или **тэфы** а эти народы или **тиры**.

«Двойная связь: солидарность людей принадлежащихъ къ каждому роду, и родовъ, изъ которыхъ состоитъ каждое колѣно, образуетъ главный связующій элемент этого страннаго общества. Тотъ не туркменъ, кто не знаетъ съ самаго ранняго возраста къ какому роду и колѣну онъ принадлежитъ, и кто не гордится силой и численностью своего племени. Впрочемъ, въ немъ онъ находитъ всегда защиту отъ произвольнаго насилія со стороны членовъ другихъ родовъ; ибо все племя въ случаѣ обиды одного изъ своихъ сыновъ обязано требовать удовлетворенія» *). И далѣе:

«Кочевники, живущіе въ этой мѣстности, пришли толпою осмотрѣть караванъ; завязалось нѣчто въ родѣ торговли; я видѣлъ какъ заключались въ кредитъ довольно значительныя сдѣлки купли и продажи. Редакція долговыхъ обязательствъ и въ особенности ихъ транскрипція, конечно, были мнѣ объяснены. Меня удивило, что должникъ вмѣсто того, чтобы передать обязательство за своею подписью кредитору, оставляетъ его въ своемъ собственномъ карманѣ; и такъ впрочемъ дѣлается во всей странѣ. Кредиторъ, котораго я спросилъ относительно такого способа дѣйствій, совершенно обратнаго нашимъ обычаямъ, отвѣтилъ мнѣ просто: «Зачѣмъ мнѣ сохранять это письмо, и къ чему оно мнѣ? должникъ нуждается въ немъ, чтобы помнить срокъ платежа и сумму, которую онъ обязанъ мнѣ уплатить» **).

Такимъ то образомъ разбойники подаютъ намъ примѣръ честности и вѣрности данному слову. Но торговыя сношенія въ нашемъ современномъ обществѣ, какъ бы ни было оно испорчено, отчасти основаны на довѣріи и честности, и торговля не могла бы существовать ни одной минуты, если бы приходилось разсчитывать только на страхъ передъ закономъ.

Законъ наказываетъ и можетъ наказывать только тогда, когда извѣстенъ виновный въ преступленіи; но человѣкъ каждый разъ, когда онъ совершаетъ дурной поступокъ — считаетъ ли онъ самъ его таковымъ, или такъ его квалифици-

*) A. Vambery. Voyage d'un faux Derviche. edition abregee, стр. 38—39.
**) Ibid. стр. 91.

руетъ законъ—совершаетъ его только при увѣренности, что он не будетъ открытъ *), или тогда, когда польза, извлекаемая имъ щедро, вознаградитъ его за лишенія, сопряженныя съ наказаніемъ, которому онъ можетъ подвергнуться. Законъ безсиленъ предупредить преступленіе, когда причины, побуждающія къ нему человѣка, сильнѣе чувства страха.

Нѣкоторые утверждаютъ, что нужно усилить строгость законовъ. Мы только что видѣли, что въ средніе вѣка они были очень жестокими, но никого не устрашали. Наступаютъ, впрочемъ и такіе моменты, когда наказаніе непропорціонально преступленію, и самые жестокіе «каратели» принуждены согласиться смягчить законъ. Все это доказываетъ, что наказаніе не служитъ дѣйствительнымъ средствомъ.

Съ другой стороны, при существованіи законовъ люди лишены права чинить самосудъ, и потому тотъ, кто сумѣетъ скомбинировать свои дѣйствія такъ, чтобы при совершеніи преступленія не было свидѣтелей, остается ненаказаннымъ.

Кромѣ того, законъ всегда произволенъ, ибо чтобы судить, судья вынужденъ основываться на нѣкоторомъ среднемъ уровнѣ и пренебрегать подробностями, несмотря на то, что иногда именно онѣ характеризуютъ преступленіе. Болѣе того, законы издаются для защиты привиллегій какой-либо одной касты и ради удобства какого-либо правительства, и поэтому они постоянно нарушаются, такъ какъ нарушеніе ихъ не всегда вызываетъ презрѣніе со стороны общественнаго мнѣнія. Насилуя инициативу личности, уже этимъ законы толкаютъ людей на преступленіе.

Общество, основанное на антагонизмѣ интересовъ, какъ мы это видѣли, фатально ведет къ конфликтамъ между людьми. Инымъ должно быть общество, въ которомъ людямъ будетъ выгодно взаимно уважать другъ друга, и данное слово будетъ соблюдаться потому, что это полезно всѣмъ, а не потому, что несоблюденіе его повлечетъ за собою физическое наказаніе. Устранивъ вѣроломство въ дѣловыхъ сношеніяхъ, сдѣлайте такъ, чтобы тотъ, кто нарушилъ слово, былъ удаленъ изъ этихъ сношеній, и нравственность распространится; ибо человѣкъ пойметъ, что если онъ нанесетъ какой-либо ущерб другимъ, то это можетъ въ каждый моментъ отразиться на его дѣловыхъ сношеніяхъ, и этимъ каждый будетъ заинтересованъ помѣшать, когда увидитъ, что нарушается данное слово.

*) Разумѣется, мы говоримъ о предумышленныхъ поступкахъ, а не о поступкахъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ гнѣва, ибо законъ еще менѣе способенъ ихъ предупредить.

И чтобы ни говорили моралисты, въ настоящее время духъ солидарности и боязнь общественнаго мнѣнія гораздо больше мѣшаютъ людямъ грѣшить противъ такъ называемой морали, чѣмъ весь современный институтъ законовъ и наказаній.

Когда люди почувствуютъ себя солидарными, между ними установится новая мораль, которая будетъ нести въ себѣ самой свой источникъ и будетъ могущественнѣе и дѣйствительнѣе всѣхъ вашихъ репрессивныхъ законовъ. Когда солидарность скрѣпитъ всѣ соціальныя отношенія, и эти послѣднія будутъ складываться только вслѣдствіе сходныхъ стремленій, всякій человѣкъ, который захочетъ нанести вредъ другому члену общества, немедленно окажется осужденнымъ средою, ибо каждый будетъ понимать, что если онъ допуститъ совершеніе несправедливаго поступка, не разоблачивъ его, то этимъ откроетъ другимъ возможность вредить, отъ чего самъ можетъ пострадать впослѣдствіи. Обидчикъ, презираемый всѣми и отстраненный отъ сношеній съ людьми, чувствуя, что его жизнь стала невыносимой, будетъ болѣе наказанъ, чѣмъ если бы его заключили въ тюрьму, и страхъ такого отчужденія помѣшаетъ исполнить задуманное имъ несправедливое дѣло.

Преступленія исчезнутъ не вслѣдствіе наличности карательнаго института, но отъ лучшей соціальной организаціи, въ результатѣ воспитанія людей и эволюціи морали.

ГЛАВА XXVI.

Свобода съ точки зрѣнія науки.

Мы приходимъ къ концу нашей работу. Нами разсмотрѣны всѣ возраженія, которыя можно было предвидѣть, и мы пришли къ заключенію, что все, что мы знаемъ о человѣкѣ, вмѣсто того, чтобы разрушить нашъ идеалъ, скорѣе подкрѣпляетъ наши гипотезы о гармоніи и солидарности. И наука, сама наука, подкрѣпляетъ анархическія теоріи, показывая намъ что все въ природѣ движется по закону взаимнаго влеченія и слѣдовательно: свободно. Природа — обширное горнило, въ которомъ различныя тѣла измѣняются, пріобрѣтая ноывя свойства, причемъ измѣненія происходятъ безъ предвзятаго намѣренія, единственно въ силу свойствъ этихъ тѣлъ.

Въ природѣ, въ царствахъ животномъ, растительномъ и минеральномъ все связано другъ съ другомъ; правда, движеніе и развитіе однихъ тѣлъ управляются движеніями и развитіемъ другихъ; и слѣдовательно человѣкъ, въ извѣстной мѣрѣ, зависитъ отъ общества, въ которомъ онъ живетъ и развивается; но для буржуа и для сторонниковъ власти, всѣхъ родовъ, это общество заключается въ нѣкоторой организаціи, которая изображаетъ общество въ формѣ установленной власти, и велѣніямъ этой власти по ихъ теоріи должны подчинять люди свою дѣятельность. Эту теорію мы отвергаемъ и хотимъ доказать ея лживость.

Мы видѣли, что не человѣкъ долженъ подчиняться требованіямъ дурно организованнаго общества, но послѣднее должно сообразоваться и функціонировать такимъ образомъ, чтобы человѣкъ нашелъ въ немъ просторъ для своей личности, а не ограниченіе. Оно должно сообразовать свою организацію съ сношеніями людей между собой. Не оставаясь неподвижнымъ, оно должно слѣдовать колебаніямъ человѣческой эволюціи и всегда быть въ гармоніи съ измѣненіями, вносимыми временемъ и обстоятельствами.

Вѣрно также, что наука намъ доказываетъ, что все въ природѣ управляется незыблемыми законами, называемыми «естественными законами»; законами, требующими, чтобы всѣ

молекулы, имѣющія одинаковыя свойства, стремились другъ къ друугу и соединялись для образованія какого-либо минерала, растительнаго или животнаго организма, смотря по способу наростанія ихъ, по состоянію среды, въ которой происходитъ соединеніе, по числу и силѣ молекулъ каждаго рода, участвующаго въ соединеніи.

Кто создалъ эти законы? Для священника: сверхъестественное существо, называемое «Богомъ». Для ученаго — если ему удалось освободиться отъ всѣхъ предразсудковъ, вліявшихъ на его дѣтство и воспитаніе—эти законы являются результатомъ свойствъ, которыми одарены различныя вещества, составляющія вселенную, и пребываютъ въ самихъ этихъ свойствахъ.

Въ этомъ случаѣ законъ не управляетъ различными частями одного цѣлаго, но объясняетъ, что если явленія произошли въ томъ или другомъ смыслѣ, тѣмъ или другимъ способомъ, то потому, что вслѣдствіе свойствъ самихъ тѣлъ иначе не могло быть.

Соціальные законы не могутъ имѣть другой власти, чѣмъ естественные законы; они могутъ только объяснять отношенія между людьми, но не управлять ими. Понятые въ этомъ смыслѣ, они не нуждаются въ какой-либо принудительной власти. Константируя только совершившіеся факты, законы санкціонируются лишь тѣмъ, что неповиновеніе естественному закону само собою влечетъ за собой наказаніе. Знакомство съ ними должно напередъ указывать намъ результатъ всякаго нашего поступка по отношенію къ другимъ и учить насъ, найдемъ ли мы въ немъ пользу и наслажденіе, или раскаяніе и отвращеніе, не будетъ ли удовольствіе, получаемое нами отъ этого поступка сопровождаться еще большимъ неудовольствіемъ. Силы соціолога, слѣдовательно, должны быть направлены не на то, чтобы установить законы, приложимые при помощи силы ко всѣмъ безразлично, а на то, чтобы изучить слѣдствія нашихъ поступковъ и ихъ отношенія къ естественнымъ законамъ; его выводы научатъ человѣка тому, что выгодно для него и для всей расы. Соціологическіе законы не должны быть принудительными; они должны научить, но не принудить насъ; должны найти самую благопріятную среду, въ которой индивидуумъ сможетъ развиваться во всю ширь своей натуры.

Напримѣръ, въ химіи, когда хотятъ соединить два тѣла, развѣ воля химика производитъ то, что приведенныя въ соприкосновеніе тѣла соединяются! Нѣтъ, предварительно нуж-

но было изучить различныя свойства этихъ тѣлъ настолько, чтобы знать, что при опытахъ надъ извѣстными количествами, при извѣстныхъ условіяхъ, получается опредѣленный результатъ, — неизбѣжный каждый разъ, какъ только опыты происходятъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ; и если бы химикъ, чтобы получить искомый результатъ, хотѣлъ соединить тѣла, одаренныя различными свойствами, безъ надлежащихъ условій, то эти тѣла взаимно уничтожили бы другъ друга или разрушились бы; во всякомъ случаѣ результатъ былъ бы иной, чѣмъ тотъ, на который надѣялся химикъ. Воля послѣдняго, слѣдовательно, вліяетъ на результатъ только знаніемъ употребляемыхъ имъ веществъ; его могущество ограничено свойствами тѣлъ; вся его власть ограничивается подготовленіемъ для опыта надлежащихъ условій, и только.

Также всегда будетъ и относительно человѣческихъ обществъ; какъ только захотятъ ихъ организовать произвольно, не обращая вниманія на темпераменты, идеи, склонности людей, всегда получатъ ненормальное общество, которое черезъ короткое время превратится въ хаосъ, безпорядокъ и возмущеніе.

Роль анархистовъ въ соціологіи не можетъ быть иной, чѣмъ роль химика: ихъ дѣло подготовить среду, въ которой люди смогутъ свободно эволюціонировать; развить мозги людей такъ, чтобы довести ихъ до пониманія возможности полной свободы, возбудить въ нихъ волю ее завоевать.

Когда молекулы и клѣточки, составляющіе вселенную, могутъ свободно ассоціироваться, когда ничто не препятствуетъ ихъ эволюціи, происходитъ ихъ сочетаніе, результатомъ коего является законченное существо, дѣствительно жизнеспособное въ той средѣ, гдѣ оно родилось. Но если ассоціація не могла произойти свободно, если эволюція была задержана, и «автономія» различныхъ молекулъ нарушена, реузльтатомъ является такъ называемый уродъ, т.-е. существо, не пригодное для среды, гдѣ оно должно развиваться, не жизнеспособное; если оно можетъ, несмотря на свое уродство, продолжать существованіе, то влачитъ жалкую немощную жизнь, оставаясь всегда болѣзненнымъ и безобразнымъ. Таковы наши общества; болѣзненные элементы, которыми они наполнены, причиняютъ перевороты, постоянно ихъ потрясающіе.

Вотъ почему анархисты хотятъ здороваго общества, устроеннаго совершенно, хотятъ чтобы свобода личностей — этихъ молекулъ общества — была уважаема. Стремясь къ тому, чтобы всѣ люди, со сходными способностями, могли свободно

ассоціироваться, сообразно наклонностямъ каждаго, мы отвергаемъ всякую власть, долженствующую привести всѣхъ людей къ одной мѣркѣ, — хотя бы эта власть была и «научной».

Чтобы властвовать, люди должны были бы быть ангелами. Широкихъ умовъ, могущихъ вмѣстить всѣ человѣческія знанія, не существуетъ. Каково бы ни было наше уваженіе къ ученымъ, мы вынуждены признать, что самыя величайшія соціальныя несправедливости оставляютъ въ большинствѣ, равнодушными, если въ худшемъ случаѣ они ради милостей власть имущихъ не пользуются своими знаніями, чтобы попытаться оправдать ихъ беззаконія.

Равнымъ образомъ, достаточно прослѣдить научныя изслѣдованія, чтобы понять, что многіе среди ученыхъ отдаваясь изученію какой-либо отрасли человѣческаго знанія, раньше или позже превращаютъ ее въ свой «конекъ», который они сѣдлаютъ по всякому поводу и дѣлаютъ изъ него первопричину всѣхъ вещей, видя въ другихъ наукахъ только побочныя принадлежности своей спеціальной науки, если не безполезныя, то по крайней мѣрѣ весьма маловажныя.

Конечно, наука прекрасна, но при условіи, что она выполняетъ только свое назначеніе: константировать совершающіяся явленія, изучать слѣдствія, розыскивать причины, и формулировать данныя, но каждый долженъ оставаться свободнымъ усваивать ея открытія сообразно со своими способностями и степенью своего развитія.

Кромѣ того, развѣ не высокомѣрное желаніе управлять всѣмъ на «основаніи науки», тогда какъ еще столько не выясненныхъ вопросовъ ждетъ рѣшенія ученныхъ?

Не результатомъ ли прошлыхъ стремленій регламентировать ассоціацію интересовъ и дѣятельности индивидуумовъ является уродливое «современное общество»?

Нѣкоторые утверждаютъ, что чѣмъ болѣе развивается человѣкъ, и расширяются научныя знанія, тѣмъ болѣе индивидуумъ теряетъ свою самостоятельность. Употребленіе машинъ и разнообразныя двигательныя силы, представленныя въ распоряженіе человѣка наукой, принуждая его къ ассоціаціи съ другими, отнимаютъ, якобы, у него, соотвѣтственно, часть его самостоятельности, подчиняя его личную дѣятельность дѣятельности машинъ и сотоварищей. Утверждаютъ, что для того, чтобы найти общество, въ которомъ царила бы полная свобода личности, нужно возвратиться къ колыбели человѣчества,

или къ самымъ низшимъ изъ современныхъ расъ. Изъ этого можно заключить, что идеальнымъ обществомъ сторонниковъ власти было бы такое, въ которомъ человѣкъ не могъ бы даже отправлять естественныя надобности, не испросивъ на то разрѣшенія!

Чѣмъ болѣе разивается наука, тѣмъ свободнѣе становится человѣческая личность. Если въ современномъ обществѣ каждое научное открытіе, дѣйствительно, усиливаетъ зависимость рабочихъ отъ капиталистовъ, то это потому, что современныя учрежденія обращаютъ силы всѣхъ въ пользу нѣсколькихъ. Но въ будущемъ обществѣ, основанномъ на справедливости и равенствѣ, новыя открытія только увеличатъ свободу индивидуума.

Нужно дѣйствительно быть ослѣпленнымъ маніей власти, чтобы осмѣлиться утверждать, что нужно возвратиться къ колыбели общества или низшимъ рассамъ *), чтобы встрѣтить свободу личности. Развѣ человѣкъ былъ свободенъ, когда голый и беззащитный, обладая лишь зачаточнымъ интеллектомъ, былъ предоставленъ всѣмъ случайностямъ жизни и вынужденъ бороться противъ природы, которую онъ еще не научился понимать, вслѣдствіе чего сталъ боготворить ее во всѣхъ ея проявленіяхъ, причина коихъ ему была неизвѣстна? Былъ ли человѣкъ свободенъ, когда былъ вынужденъ розыскивать себѣ пищу и бороться за нее съ большими хищными животными, превосходящими его силой? Какую свободу могъ онъ проявить, если онъ былъ принужденъ вести постоянно суровую борьбу за существованіе? Современныя такъ называемыя низшія расы ясно доказываютъ, что, дѣйствительно, нѣтъ свободы тамъ, гдѣ человѣкъ принужденъ постоянно держать наготовѣ тѣ небольшія способности, которыми онъ владѣетъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворить свои матеріальныя нужды.

Мы, конечно, признаемъ, что великія открытія, какъ, напримѣръ, паръ и электричество, уничтожили границы отдѣлявшія нѣкогда общины и націи, давая свободу всеобщей солидарности; но изъ того, что рабочіе вынуждены соединять свои силы, чтобы побѣдить препятствія, чинимыя природой, не слѣдуетъ, что ихъ свобода стѣснена въ смыслѣ подчиненія кому-нибудь. — Такъ какъ общины и націи находятся нынѣ въ постоянныхъ сношеніяхъ, то всякая власть, направленная къ установленію таковыхъ сношеній и навязанная, чтобы соціализировать силы отдѣльныхъ людей и группъ, дѣлается все болѣе и болѣе вредной.

*) Низшимъ по степени развитія, но не по жизнеспособности ихъ

Если въ первыя времена человѣчества федерація изолированныхъ группъ и соціализація силъ происходили при помощи внѣшней власти, то теперь эта солидаризація происходитъ добровольно, не нарушая автономіи группъ, и именно благодаря пару и техническому прогрессу, установившимъ частыя и продолжительныя сношенія между людьми, которые узнали лучше другъ друга, когда оказались подчиненными власти этихъ новѣйшихъ изобрѣтеній.—Уменьшится ли отъ этого независимость отдѣльныхъ людей и группъ? Мы этого не думаемъ, потому что паръ, электричество и техника предоставятъ человѣку значительныя силы, позволяющія побѣдить разстояніе и время, увеличатъ его независимость, уменьшая количество времени, необходимаго на борьбу за существованіе—борьбу съ природой, надо это помнить — и дадутъ такимъ образомъ ему возможность тратить самую большую часть своего времени на трудъ, не изнурительный, въ обществѣ, основанномъ на солидарности и свободѣ.

Да, мы признаемъ и вовсеуслышаніе заявляемъ: научныя открытія все болѣе и болѣе ведут людей к ассоціаціи силъ и къ солидаризаціи интересовъ. И мы хотимъ разрушить современное общество, основанное на ихъ антагонизмѣ. Отсюда далеко до вывода о необходимости власти, и сторонники ея ошибаются, полагая, что когда-нибудь можно достичь солидарности интересовъ тѣхъ, кто приказываетъ, и тѣхъ, кто подчиняется.

Не обязано ли, дѣйствительно, человѣчество своим прогрессомъ тому духу неповиновенія и непокорности, который побуждаетъ людей устранять препятствія, вредящія его развитію; тому высшему духу, который его влекъ бороться противъ традицій и квіетизма и забираться въ самыя темныя области науки, чтобы раскрыть тайны природы и научиться владѣть ею? Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ сказать, какой степени развитія достигло бы нынѣ человѣчество, еслибы оно свободно эволюціонировало въ прошломъ? Извѣстно, что многія открытія которыми гордился XIX вѣкъ, были сдѣланы или предугаданы ранѣе, но ученые должны были держать ихъ въ тайнѣ и прекращать изслѣдованія, чтобы не быть сожженными за колдовство.

Если человѣческій мозгъ выдержалъ двойные тиски свѣтской и духовной власти, если прогрессъ совершался несмотря на гнетъ, отъ котораго человѣчество страдаетъ со времени, когда человѣкъ сталъ мыслящимъ существомъ, то это потому, что духъ неповиновенія былъ сильнѣе гнета.

Сторонники власти говорятъ, что они стремятся къ ней

лишь ради того, чтобы руководить эволюціей идей и человѣчества. Но развѣ они не видятъ, что желать принудить всѣхъ людей подчиниться одинаковому способу эволюціи — что неизбѣжно произойдетъ, если какая-либо власть возьмется ею руководить — значитъ остановить цивилизацію въ томъ положеніи, въ какомъ она пребываетъ въ настоящее время. Какіе были бы мы теперь, если бы среди невѣжественныхъ людей первыхъ временъ человѣчества нашлись «научные» умы, достаточно могучіе, чтобы направлять эволюцію людей сообразно съ тѣми знаніями, каковыми они владѣли въ ту эпоху?

Изъ этого не слѣдуетъ, что идеалъ анархистовъ заключается въ томъ, что дарвинисты въ соціологіи называютъ «борьбой за существованіе». Уничтоженіе болѣе слабыхъ видовъ видами болѣе сильными могло быть одной изъ формъ эволюціи въ прошломъ, но не теперь, когда человѣкъ сознательное существо, теперь, когда мы начинаемъ предусматривать и понимать законы, управляющіе человѣчествомъ, мы думаемъ, что эволюція должна принять другую форму.

Мы сказали, что такой формой служитъ солидаризація интересовъ и индивидуальныхъ силъ для достиженія лучшаго будущаго. Но мы убѣждены также, что солидаризація цѣлей и силъ можетъ произойти только отъ полной свободы индивидуумовъ. Получивъ свободу познавать другъ друга и соединять свои силы способомъ, лучше всего соотвѣтствующимъ ихъ способностямъ и стремленіямъ, люди не будутъ никого угнетать, ибо никто не будетъ угнетать ихъ. Въ наши дни человѣкъ достаточно развитъ, чтобы знать по опыту хорошую и дурную сторону поступка; слѣдовательно, въ обществѣ безъ власти группы или отдѣльные люди сбившіеся на дурную дорогу, видя рядомъ съ собой лучше организованныя группы, сумѣютъ покнуть дурную дорогу, и присоединиться къ той группѣ, которая имъ покажется лучшей.

Такъ какъ прогрессивное развитіе человѣчества будетъ освобождено отъ преградъ, мѣшавшихъ ему по настоящее время, то эволюція идей и индивидуумовъ будетъ мирной борьбой, въ которой каждый будетъ соперничать въ усердіи, чтобы производить лучше другихъ, и которая насъ приведетъ къ конечной цѣли: счастью отдѣльной личности среди всеобщаго благополучія.

Заключенiе.

Никакая доктрина не вызывала столько негодованiя и клеветническихъ обвиненiй со стороны всѣхъ политическихъ партiй, какъ анархизмъ. Испугавшись успѣховъ, дѣлаемыхъ идеей независимости въ ея новой формулировкѣ, всѣ тѣ, кто живетъ за счетъ эксплоатацiи — промышленной, капиталистической, политической, моральной и интеллектуальной, — всѣ они дружно соединились, чтобы сообща защищаться отъ новыхъ пришельцевъ, осмѣлившихся нарушить ихъ покой, выдвигая теорiи «ниспровергающiя все, что они условились уважать».

Анархическiя теорiи признали прирожденное право всякаго индивидуума возстать противъ того, что угнетаетъ; но представители буржуазiи не ждали первыхъ ударовъ: каторга и тюрьма обрушились на пропагандистовъ философской идеи. Максимумъ наказанiя падалъ на всякаго обвинявшагося въ томъ, что осмѣлился выразить, будто бы не все идетъ къ лучшему въ этой лучшей изъ буржуазныхъ республикъ, и что нужно поработать надъ измѣненiемъ соцiальнаго строя.

Насилiе вызываетъ насилiе, терроръ порождаетъ терроръ. Зная, что за статью или рѣчь караютъ такъ же, какъ и за дѣйствительно революцiонный актъ, нѣкоторые болѣе нетерпѣливые анархисты отказались спорить и рѣшили отплачивать той же монетой; тогда появились репрессивные законы, которыми правительства надѣялись убить анархистскую идею; событiя намъ когда- нибудь покажутъ, что нужно думать объ этомъ.

Но прежде чѣм издавать ретроградные законы, не будучи въ состоянiи опровергнуть теорiи, понимать которыя большинству мѣшала ихъ интеллектуальная слабость; чувствуя, что если новыя идеи привьются, наступитъ конецъ эксплоатацiи и привилегiй; угрожаемые ударомъ въ самое сердце, и не видя никакой возможности продолжать паразитизмъ при новомъ порядкѣ вещей, представители буржуазiи, чтобы убить

философскую мысль, помимо тюрьмы, прибѣгли къ своему любимому оружію: клеветѣ.

«Анархисты», кричатъ они на всѣ голоса (причемъ въ этой кампаніи имъ помогаютъ сторонники власти всѣхъ родовъ, имѣющіе намѣреніе работать въ пользу соціальной реформы) «анархисты не составляютъ партіи! У нихъ нѣтъ идей относительно будущей соціальной организаціи, у нихъ есть только вожделѣнія!» — Соціалисты, сторонники власти, прибавляютъ: «это провокаторы»! и всѣ вмѣстѣ кричат: они хотятъ вернуть насъ къ господству силы и первобытному состоянію!» И такъ какъ оскорбленія и клевета даютъ возможность обходиться безъ доказательствъ, то они создали въ газетахъ анархистамъ славу ненормальныхъ и безсмысленно-жестокихъ людей, и всѣ глупцы, черпающіе убѣжденія только изъ ихъ газетъ, приняли за истину ихъ лживые навѣты и смотрятъ на анархистовъ какъ на банду бѣшенныхъ людей, не знающихъ чего они хотятъ.

Мы не будемъ судить тѣхъ, кто дѣлалъ свое дѣло, и заплатилъ за заблужденіе, если таковое было, жизнью и свободой. Заслуживаютъ глубокаго уваженія тѣ, кто жертвуетъ жизнью за свои идеи. Но мы должны признать, что нѣкоторые неразумные поступки, нѣкоторыя неумѣстныя жестокости способствовали ускоренію вышеуказаннаго мнѣнія.

Смѣлость и безкорыстіе пострадавшихъ въ борьбѣ, изъ которыхъ многіе умерли въ каторгѣ или на эшафотѣ, заставляли тѣмъ не менѣе мыслящихъ людей изучать идеи, порождающія столько самопожертвованія, и только люди, удовлетворенные существующимъ строемъ, покрывали ихъ грязью.

Для этихъ сытыхъ людей всякій анархистъ существо злобное, завистливое, желающее хорошо жить, не работая. Имъ ли, пресытившимся, говорить намъ объ аппетитахъ и вожделѣніяхъ? Они присвоили себѣ всѣ радости жизни; они такъ пресытились ими, что чувствуютъ отвращеніе к всѣмъ естественнымъ наслажденіямъ и, дѣйствительно, не ощущаютъ къ нимъ никакого «аппетита»... Сытые, съ притупившимися чувствами, они дошли до того, что ищутъ наслажденій въ противуестественныхъ порокахъ, въ извращеніи природы... Бѣдные люди!

Анархисты письменно и устно пропагандируютъ свои идеалы и объясняютъ ихъ основанія. Мы надѣемся, что этой книгой вложили свой камешекъ въ стѣны зданія будущей мысли; что намъ за дѣло, если буржуа будутъ продолжать вопить, что у насъ отняли идеала?

Для нихъ анархисты, жертвующіе своимъ существованіемъ и свободой ради осуществленія соціальной организа-

ціи, которая дала бы просторъ эволюціи всѣхъ, — корыстные люди! Они корыстные! но, вѣдь, при характеризующемъ ихъ отсутствіи предразсудковъ они могли бы пробиться и занять хорошее положеніе въ современномъ обществѣ, во всѣ учрежденія коего открытъ доступъ честолюбію, жадности и всему чудовищному, вытекающему изъ ложнаго и порочнаго воспитанія, лишь бы тотъ, кто хочетъ выдвинуться, умѣлъ закрыть глаза и не видѣть тѣхъ, кого онъ опрокинетъ на своей дорогѣ; заткнуть уши, чтобы не слышать криковъ агоніи попавшихъ подъ его ноги во время его бѣшенной погони за добычей!

Этихъ корыстныхъ людей, анархистовъ, мы видѣли во всѣхъ процессахъ, которыми разсчитывали задушить партію; одни изъ нихъ — буржуа, порвавшіе связь съ своимъ классомъ и пожертвовавшіе прочнымъ положеніемъ; другіе, рабочіе, послѣ трудового дня, вмѣсто отдыха, шедшіе къ своимъ братьямъ по нищетѣ возвѣщать то лучшее будущее, которое они видѣли въ своихъ мечтахъ, и указывать имъ настоящихъ враговъ рабочаго класса, объяснять имъ истинныя причины ихъ нищеты.

Они корыстные люди! когда большинству изъ нихъ достаточно было согласиться признать современное общество и умѣть, гдѣ нужно, гнуть спину, чтобы стать въ ряды нашихъ нынѣшнихъ эксплоататоровъ.

Наконецъ, неужели корыстные люди всѣ рабочіе, которые, стремясь къ лучшему будущему и производя все: предметы богатства и наслажденія — сами нищенствуютъ все время своего существованія? Алчные и завистливые люди они, которые требуютъ своей доли изъ богатствъ имъ самимъ производимыхъ!

Но что же мы скажемъ о тѣхъ, которые насъ эксплоатируютъ? Ну, конечно. они не алчные. завистливые люди!

Послушаемъ ихъ послѣ весело проведенной ночи; они не станутъ будить дурныя страсти, намекая на какое-то невозможное будущее; нѣтъ, они проповѣдуютъ любовь къ семьѣ, ея удобства, почтеніе къ пріобрѣтеннымъ положеніямъ, нравственность, умѣренность и безкорыстіе; и все это въ перемежку съ икотой отъ обильнаго ужина, за которымъ каждымъ изъ нихъ проглочено состояніе нѣсколькихъ бѣдныхъ семействъ.

Они жадные люди? Вы плохо знаете ихъ! Если они согласились переполнять свои желудки, рискуя умереть отъ несваренія, то вы думаете, что это для личнаго удовольствія? Вовсе нѣтъ — это ради человѣчества.

Нужно пустить въ обращеніе деньги, добытыя ими въ потѣ лица торговлей и промышленностью отъ своихъ крѣпостныхъ, работающихъ въ полѣ, въ рудникахъ, на фабрикѣ и въ

конторѣ! Развѣ вы ихъ считаете эгоистами, способными накоплять и ничего не тратить? Радуйтесь, бѣдняки, истощенные, оборванные; дрожите на морозѣ и корчитесь отъ голода! Чтобы вамъ сдѣлать удовольствіе и доставить вамъ работу, ваши эксплоататоры ради васъ одѣваются въ щегольскія платья, укутываются въ шубы, бросаютъ золото на бездѣлушки, наслаждаются дорогими обѣдами; и вечеромъ, когда вы протягиваете на скверной кровати свои члены, измученные трудовымъ днемъ, они, выйдя отъ своихъ любовницъ — чаще всего вашихъ дочерей — или изъ клуба, гдѣ они проиграли цѣлое состояніе, идутъ домой нѣжить въ мягкой постели свой поврежденный излишествами остовъ и счастливо засыпаютъ. Они заслужили спокойный сонъ.... Они работали, чтобы васъ все болѣе и болѣе прикрѣпить къ землѣ, или фабрикѣ.

Мы знаем, конечно, что анархисты скажутъ этимъ буржуа: «лучше бы не эксплоатировать рабочихъ и предоставить имъ свободу тратить плоды своего труда, какъ имъ будетъ удобнѣе»; но вѣдь вы, анархисты, грабители; у васъ нѣтъ соціальнаго идеала; вы мечтаете о грабежѣ, убійствѣ и поджогѣ! Вами руководитъ только алчность!.. Просто, и не требуетъ доказательствъ.

Если всѣ партіи, въ поистинѣ трогательномъ единеніи, забыли взаимныя ссоры, чтобы вмѣстѣ преслѣдовать анархистовъ, то это потому, что принадлежа къ классу современныхъ эксплоататоровъ или намѣреваясь къ нему примкнуть, они считаютъ нужнымъ защитить то, изъ чего надѣятся когда-нибудь извлечь себѣ пользу. Хотя они и ссорятся изъ-за тарелки съ масломъ, но не хотятъ ее разбить; поэтому имъ нужно освободиться отъ тѣхъ, кто заграждаетъ имъ дорогу, доказывая рабочимъ, что они не должны соглашаться имѣть господъ.

Чтобы возмутить наивныхъ, удобнѣе всего изобразить тѣхъ, кто требуетъ прекращенія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, грабителями, голодными, бросающимися на чужое имущество, какъ на добычу.

Послушайте, какъ они жалѣютъ тѣхъ, «кто трудомъ и бережливостью обезпечилъ себѣ кусокъ хлѣба на старость»; они не находятъ выраженій, чтобы достойно восхвалить «мелкаго собственника или промышленника, трудъ и энергія которыхъ составляютъ силу націй!» И глупцы, осужденные умереть въ больницѣ, которымъ слѣдовало бы знать, что выраженіе: «капиталъ есть плодъ бережливости и труда» только обманъ, что рабочій скорѣе долженъ ждать въ будущемъ голодныхъ дней, чѣмъ денегъ, тѣмъ не менѣе боятся за безопасность своихъ... воображаемыхъ сбереженій!

Глупцы могутъ вѣрить, что анархисты жадны; но какъ могутъ сторонники власти обмануть людей, сознательныхъ, когда анархисты, вѣдь, постоянно говорятъ рабочимъ: «Земля, которой васъ лишили, и которую вы принуждены защищать, принадлежитъ вамъ, и никто не имѣетъ права ею владѣть и заставлять васъ работать на него; плоды земли принадлежатъ всѣмъ, и никто не имѣетъ права сберегать ихъ, когда другіе голодаютъ; всѣ должны ѣсть въ волю насколько это возможно на пиру природы, по количеству продуктовъ»; какъ можно надѣяться сумѣть представить анархистовъ, такъ, говорящихъ, корыстными людьми? Когда они стараются объяснить рабочимъ, что тѣ должны способствовать созданію общества, въ которомъ всѣ найдутъ удовлетвореніе своихъ физическихъ и интеллектуальныхъ потребностей и не будетъ уродливыхъ явленій, какъ въ современномъ, гдѣ полные силъ умираютъ отъ нищеты или ищутъ въ самоубійствѣ средства избѣгнуть мученій голода, въ то время, какъ рядомъ съ ними тратятся на безумныя празднества и баснословныя оргіи огромныя суммы, достаточныя для содержанія до конца жизни многихъ семействъ, неужели можно сравнивать ихъ съ грабителями?

Какъ могутъ быть анархисты названы честолюбивыми, когда ихъ пропаганда направлена, главнымъ образомъ, на то, чтобы объяснить людямъ, что нужно уничтожить всѣ положенія, позволяющія интриганамъ господствовать надъ массой; когда они твердятъ безпрестанно, что кто бы ни стоялъ у власти, таковая будетъ произвольна, потому что служитъ только подкрѣпленіемъ воли нѣсколькихъ, на чемъ бы они ее ни основали: на божественномъ ли правѣ, или на правѣ силы, или на правѣ большинства!

Все это ополчаетъ противъ анархистской идеи представителей буржуазіи и сторонниковъ власти; и они злобно негодуютъ, ибо идея эта учитъ рабочихъ самимъ вести свое дѣло, никому его не довѣряя, и никому не передавать принадлежащей имъ верховной власти, чтобы оставаться всегда свободными.

Всѣ, кто живетъ политической эксплоатаціей, почувствовали, что если идея эта распространится, то не останется мѣста ихъ вожделѣніямъ, и вся голодная стая въ погонѣ за мѣстами и почестями, и въ особенности за доходами, ворчитъ, оскаливая зубы; они чувствуютъ, что ихъ роль сыграна; будучи слишкомъ развращены, чтобы открыто присоединиться къ рабочимъ, они клевещутъ на всѣхъ, кто работаетъ въ пользу освобожденія человѣчества.

Клевещите, сколько вамъ угодно! ваши оскорбленія, и клевета не остановятъ движенія человѣчества! Да, человѣкъ

корыстенъ. Что же изъ этого? Значеніе этого слова — относительное. Да, мы хотимъ общества, въ которомъ каждый сможетъ удовлетворить въ полной мѣрѣ всѣ свои физическія и интеллектуальныя потребности; да, мы мечтаемъ объ обществѣ, въ которомъ всѣ матеріальныя и духовныя наслажденія не будутъ предназначены привиллегированному меньшинству, но будутъ предоставлены всѣмъ. Да, мы люди, и всѣ человѣческія потребности не чужды намъ, и мы не находимъ нужнымъ скрывать этого!

Но мы также жаждемъ справедливости и свободы и требуемъ общества, въ которомъ не было бы ни судей, ни правительства, ни паразитовъ, ибо изъ нихъ составляется чудовищный соціальный организмъ, угнетающій человѣчество за все время его существованія.

Что же касается упрека въ неимѣніи идеала, то заявленія анархистовъ въ газетахъ, брошюрахъ, собраніяхъ, судахъ, вездѣ, гдѣ можно было говорить публично, достаточно доказали ложность этого упрека. Въ этомъ трудѣ мы пытались выяснить нашъ идеалъ и привести доказательства, что иниціатива и свобода въ нормально устроенномъ обществѣ должны быть единственными двигателями человѣческой дѣятельности. Мы видѣли, что всѣ современныя учрежденія созданы единственно въ пользу особыхъ интересовъ одного класса, и ради защиты его отъ притязанія обездоленныхъ; что, нисколько не вытекая изъ «естественныхъ законовъ», эти учрежденія основаны на произволѣ и совершенно противны законамъ природы.

Затѣмъ мы видѣли, что наука и природа вмѣсто того, чтобы опровергнуть наши идеи, вопреки утвержденіямъ нашихъ противниковъ, присоединяются къ нашимъ требованіямъ полной свободы личности, какъ во всем мірѣ, такъ и въ средѣ себѣ подобныхъ людей. Пусть надъ этимъ поразмыслятъ рабочіе.

Клевро, 1894—95.
